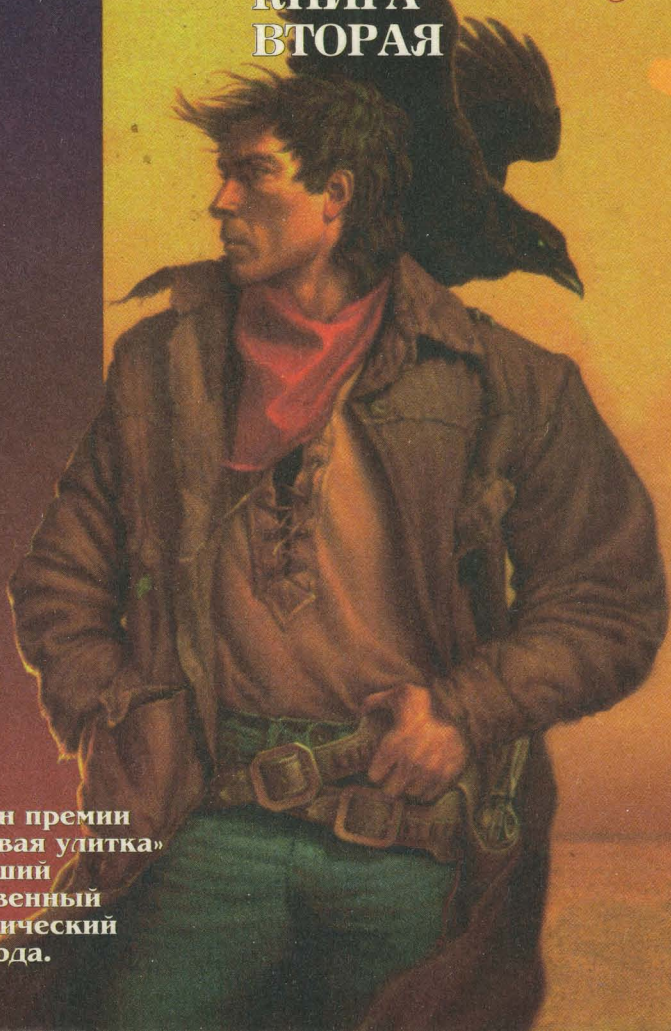

Андрей Лазарчук

Опоздавшие к лету

КНИГА
ВТОРАЯ

Удостоен премии
«Бронзовая улитка»
как лучший
отечественный
фантастический
роман года.

Мы лежим под одною землею,
Опоздавшие к лету,
Не успевшие к свету пробиться.

Токагава Ори

Андрей ЛАЗАРЧУК

Опоздавшие к лету

**КНИГА
ВТОРАЯ**

Санкт-Петербург
ИЗДАТЕЛЬСТВО "АЗБУКА"
Книжный клуб "Терра"
1996

На обложке использована картина Майкла Уилана

© Michael Whelan, 1977. All Rights Reserved

Иллюстрации Яны Ашмаиной

Оригинал-макет изготовлен издательством «Terra-Fantastica».
Издатели выражают благодарность литературному агентству
«Классика», Николаю Ютанову и Александру Корженевскому.

Все права защищены.

*Ни одна из частей настоящего издания и все издание в целом
не могут быть воспроизведены, сохранены на печатных формах
или любым другим способом обращены в иную форму хранения
информации: электронным, механическим, фотокопировальным
и другими, без предварительного согласования с издателями.*

© А. Лазарчук, 1996

© Я. Ашмаиной, иллюстрации, 1996

© С. Бережной, предисловие, 1996

© «Азбука» — «Терра», 1996

ISBN 5-7684-0146-6

СТОЯЩИЕ НА СТЕНАХ ВАВИЛОНА

Я искренне завидую читателям, которые, взяв в руки этот двухтомник, имеют теперь возможность прочитать подряд все части гиперромана «Опоздавшие к лету».

Сам я читал «Опоздавших...» на протяжении пяти лет — с 1990 года, когда в серии «Новая фантастика» вышла первая часть этой книги (туда вошли новеллы «Колдун», «Мост Ватерлоо» и «Аттракцион Лавьери»). Заключительная часть, «Солдаты Вавилона», была опубликована только в 1994 году.

Пожалуй (чуть не написал «бесспорно» — но это было бы слишком категорично), «Солдаты Вавилона» — самая сложная часть «Опоздавших...». Практически этот последний роман сводит воедино все сюжетные и смысловые линии предшествующих частей, замыкает их.

* * *

Поначалу кажется просто невозможным выбрать слово, на которое должно опереться в разговоре об этом романе.

Второе прочтение подарило мне понимание того, о чем следует писать в связи с «Солдатами Вавилона». Определилось эстетическое пространство. Оставалось найти в этом пространстве точку опоры — слово.

И только прочитав роман в третий раз, я нашел слово, с которого следовало начать. Смешно, но с этим словом я не был оригинален. Эту точку опоры нашли задолго до меня. Правда, в связи с совершенно другой книгой.

«В начале было Слово, и Слово было — Бог...»

Итак...

Лазарчук написал концентрированно философский роман. С треском рвутся, не выдерживая темпа повествования, или появляются намеченные — иногда ясно, иногда

пунктирно — в предшествующих частях сюжетные линии, умирают и оживают герои, возводятся и рушатся концепции, страшно и кроваво пересекаются пространства и миры... Лазарчук стремительно погружает читателя в пучины даже не извращенной — какой-то иной логики. Логика плывущих аксиом. Логика хаоса.

И вдруг читатель замечает, что все эти обрезки реальности начинают сплетаться в какую-то картину — размытую, мозаичную, полуразрушенную, искаленную, уродливую, — но определенно цельную.

Следующий шаг, которого требует от читателя этот роман, — найти его, романа, «точку сборки». Сложность заключается в том, что точку эту следует сознательно искать, более того — я совсем не уверен, что ее найдет каждый, кто за этот труд возьмется. Можно считать, что мне повезло: философская концепция, удобно расположившаяся в «точке сборки» романа, давно привлекала мое внимание, и, встретив знакомые понятия, я сопоставил их с тем, что знал — в том числе и о предшествующих работах Лазарчука.

И всё вдруг встало на свои места. И оказалось, что форма романа идеально соответствует его содержанию, и форма эта не уступает изяществом классическому сонету.

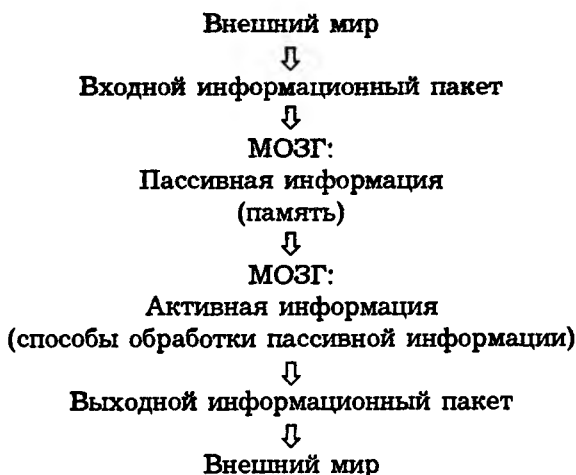
Теза. Антитеза. Синтез.

* * *

Отвлечемся от разговора о чистой литературе.

Представьте себе — в общих чертах, конечно, как работает человеческий мозг. Человек получает из внешнего (по отношению к мозгу) мира через органы чувств — зрение, слух, осязание, обоняние, вкусовое ощущение — огромное количество информации. Этот входной поток «сырой» информации мозг сортирует, оценивает, делает на ее основе какие-то выводы — то есть обрабатывает. И, в зависимости от результатов этой обработки, принимает решение — делать то, не делать этого. То есть возвращает результат обработки во внешний мир. Формирует поток выходной информации.

В этом контексте человеческий мозг — достаточно мощный (самый мощный из известных нам) инструмент обработки информации. Отвлечемся от материальной сущности мозга, представим его в виде абстрактной модели:

Назовем эту замкнутую информационную модель сознанием.

Самая существенная часть схемы — содержащаяся в мозге активная информация — алгоритмы и способы обработки входного потока, методика формирования новых алгоритмов такой обработки. Собственно, именно эта активная информация и определяет, с точки зрения теории информации, личность человека.

В рамках этой абстрактной схемы разница между мозгом человека и процессором компьютера чисто количественная. Поэтому вполне логично предположить, что с накоплением ресурса памяти и возможностей обработки информации (а стремительное развитие глобальных компьютерных сетей в наши дни уже реальность) техногенное сознание способно будет создать собственные способы воздействия на внешний мир — куда включаются, с точки зрения этого техногенного сознания, и сознания человеческие.

Так появляются кодоны — техногенные активные информпакеты, которые внедряются в сознание человека и перехватывают у него предварительную обработку входной информации. В результате мозг получает, возможно, совсем не ту информацию, которая воспринята зрением, слухом, осязанием... И человек начинает видеть, слышать, ощущать то, чего нет.

«...Где прямой свет ложился на пол, ковер был чист, но по сторонам от светлой полосы копошилось что-то темное, по колону и выше, похожее на плотную пену, и вдруг там, под пеной, что-то дернулось, пена прорвалась, на миг показалась костяная рука, судорожно сжалась и исчезла; и снова звук, будто рывком проволокли плотную тяжесть. Левее, у стены, стояла кровать Сида, и в кровати копошилась эта же пена, а за кроватью Ника увидела будто бы наклонившегося вперед человека, нет, не человека — что-то округлое, плотное, сжатое, похожее на боксерскую перчатку в человеческий рост, и в следующий миг то, что было там, распрямилось, и Ника поняла, что оно на нее смотрит... То, что там стояло, с тошнотворным чмоканьем выдвинулось из-за кровати и вдруг раскрылось, именно как перчатка, и из него выпал, тут же исчезнув в пене, крошечный скелетик...»

Видения, неотличимые от реальности, опрокидывающие и насилующие сознание... Как легко парализовать сознание человека — достаточно вывести то, что он видит и слышит, за пределы понимания (то есть за пределы возможностей корректной обработки внешней информации)...

Это первая посылка. Взаимоотношения человека с миром жестко завязаны на информационный обмен между ними — человеком и миром. Стоит блокировать этот обмен, и человек исчезнет для мира, а мир — для человека.

Нет, не совсем верно... Для человека исчезнет мир, в котором он жил раньше. Но на место исчезнувшего мира придет новый, который будет существовать только в сознании этого человека — но будет по-прежнему дан ему во всех мыслимых ощущениях и, следовательно, — будет для него безупречно реален...

Но если вброшенным в новую реальность оказывается не одно сознание, но несколько? Но если — все люди видят тот же кошмар, что и ты? Что тогда можно назвать реальностью? А если правы те, кто видит ближайшую перспективу в формировании Надсознания — результата объединения отдельных человеческих сознаний, — и отсечение информканалов пошло именно на уровне Надсознания?..

Но само Надсознание есть не что иное, как результат объединения накопленных человечеством ресурсов памяти

и способностей обработки информации. И, по аналогии, само Надсознание способно на формирование тех же кодонов — но уже антропогенных. И что есть антропогенный кодон, как не попытка сотворения нового мира? И не Богом ли этого нового мира будет сотворившее его Надсознание?

* * *

Человеческая этика противится насилию над сознанием. Порабощенное сознание должно быть освобождено, кодон-паразит должен быть убит, изгнан, человека необходимо вернуть в реальный мир — то есть в тот мир, который считает реальным эрмер — экзорцист, изгоняющий из сознания человека кодона-демона...

Эрмер не осознает, что он просто перебрасывает сознание человека из одной иллюзии в другую, меняет на входном информканале один фильтр на другой — и, возможно, не менее грязный... Да и существует ли вообще «чистый» фильтр? Не абстракция ли это, вроде «идеального газа»? А уж если представить, что может пойти по входному информканалу сознания, если фильтра не будет совсем... Впрочем, принципиальной разницы нет: хоть фильтрованная информация, хоть не фильтрованная, нулевой фильтр — тоже фильтр, отрицательный результат — тоже результат...

Для того чтобы изгнать дьявола, человек должен изучить его. Но, изучая врага, неизбежно начинаешь его понимать. Перед эрмером выстраивается вся цепочка: Сознание — Надсознание — Бог, творящий Новый мир... Бог, а не дьявол.

Такие заключения полностью лишают эрмерство этического фундамента. Как бороться с кодонами, если ты сам, возможно, существуешь в мире, буквально созданном кодоном более высокого уровня? Заняться богоборчеством?

Но кто бы ни был творец этой реальности, он сотворил мир, горящий в огне катастроф. Собственно, само существование мира — это и есть растянутая на миллионы лет катастрофа. Что такое Вселенная? Взрыв — коллапс, взрыв — коллапс... Что такое жизнь человеческая? Взрыв — коллапс... Один Апокалипсис наслаивается на другой, как масло на ломоть хлеба, и иного человеку — и

миру — просто не дано. В каком бы мире ты ни существовал, и какими бы ты ни тешился иллюзиями...

Так кто же ты, эрмер-спасатель, возвращающий души из ада иллюзий в не менее иллюзорный рай? Может, ты убийца миров, которые лучше того, что привычен тебе? Может, ты ученый, больше других знающий о том, как рождаются иллюзорные миры? Может, ты странник, блуждающий по этим мирам в поисках того самого, единственного... А может, ты противоборствуешь юному неопытному Богу, который творит новый мир?.. А может, ты — слуга и творец Апокалипсиса, как бы этот Апокалипсис ни назывался: Столкновение миров, Второе Пришествие, Великая Революция...

Как бы то ни было, какие бы катастрофы ни обрушивались на человека, главным для него остается «нравственный закон», социальная этика, собственный Бог каждого из нас. Каждый выбирает ее для себя сам, и, единожды избрав, да не впадет в ересь. Один из героев романа сочиняет гениальный апокриф о солдатах Вавилона. После того как Господь «смешал языки» строителей Вавилонской башни, к стенам города подступили враги. И, несмотря на то, что солдаты не понимали командиров, город выстоял, ибо каждый его защитник знал свое место на стене и свою «боевую задачу»...

Не понимая друг друга, они остались верны каждый своему Богу — и спасены были.

Пожалуй, это главный закон, которым человек может руководствоваться в плывущей реальности. У личности всегда есть этическая основа, которая не может быть пересмотрена из-за изменения внешних условий. Для кого-то — десять заповедей, для кого-то — понятие о долге, чести, для кого-то — память...

* * *

Они равновелики в этом романе: боги и люди, миры и мифы. Они одинаково значимы. Потому что все они составляют единую цепочку. Ту самую: Сознание — Надсознание — Бог — и Мир, в котором неизбежно появляется свое Сознание, — и все начинается сначала. От Отца к Сыну, от Сына — к Духу, — ничто не ново под этим небом.

И не только под этим...

* * *

Теперь несколько слов о том, почему, собственно, я назвал этот роман концентрированно философским.

По моему глубочайшему убеждению, Лазарчук построил роман на единственной, но всеобъемлющей идее — проблеме невзаимодействия человеческой этики с законами, управляющими мирозданием. Законы эти Лазарчук сводит к глобальному философскому принципу равнозначности материи и сознания, заменяя этим постулатом ортодоксальные попытки решения основного вопроса классической философии. Такой ход дает ему возможность совершенно по-новому взглянуть на роль информации в структуре мироздания: даже бог, с точки зрения автора, суть информационный пакет, порожденный обобщенным сознанием человечества. Такой бог практически несоотносим с современным пониманием этики, что и порождает конфликт между ним и человеком, для которого этика является одной из основ социального существования.

Роман, видимо, намеренно усложнен автором. Далеко не каждый читатель прорвется через безумную смесь сюжетных, метафорических, мировоззренческих, апокрифических фрагментов, через кровавые срезы множества реальностей, через пересекающиеся параллели судеб героев... Роман далеко не демократичен. Но Лазарчук, как мне кажется, заслужил, чтобы у него был свой собственный читатель, достаточно терпеливый, чтобы не раз и не два возвращаться к «Солдатам Вавилона»...

* * *

Разговоры о том, к какому течению в литературе принадлежит автор, как правило, неточны. Каждый автор — сам себе направление, если он ярко — или хотя бы неярко — индивидуален. Принадлежность к литературному направлению — это, если хотите, скорее вопрос литературной политики.

Когда до отечественной фантастики докатились слухи о зародившемся в начале 80-х годов американском «киберпанке», начались поиски аналогий этому движению на отечественных нивах. Были даже попытки обозвать «киберпанком» прозу Андрея Столярова — на основании того, что его литературный стиль по сложности не уступает манере лидера «киберпанков» Уильяма Гибсона. Однако критич-

ным для «киберпанка», как выяснилось несколько позже, является не столько стиль, сколько набор реалий: высокотехнологизированное будущее, описанное в мрачных антиутопических тонах, использование в сюжете «виртуальных реальностей» и прочих тогда еще нетрадиционных интерфейсов, сращивание организма человека с компьютером — иногда даже в особо извращенной форме.

Как ни странно, но использованная Лазарчуком идея кодонов — вполне «киберпанковская» по духу — никому из американских или английских авторов, насколько я знаю, в голову не приходила. Это не значит, что Лазарчук каким-то таинственным образом написал «киберпанк», — но свидетельствует о том, что направление, в котором Лазарчук работает, вполне способно охватить и достижения других современных литературных течений.

Сам же Лазарчук ассоциирует себя с направлением, которое с некоторых пор стало называться «турбореализм» и несколько болезненно воспринимать свое родство с фантастикой. Впрочем, от реалистической литературы оно, направление, также достаточно заметно отстранено — думается, читателям этой книги нет необходимости объяснять почему. Турбореализм как течение, помимо Лазарчука, составляют такие авторы, как Андрей Столяров, Виктор Пелевин, Андрей Саломатов, Эдуард Геворкян, в какой-то степени Михаил Веллер. Их прозу отличает верность принципу психологического реализма и полная свобода в формировании внешних (по отношению к психологии персонажей) реалий.

Турбореализм сформировался как направление, когда для авторов стало очевидным: традиционный инструментарий фантастики для них скорее помеха, нежели помощь. В установившейся в фантастике системе «иерархии ценностей» человек, его этика, социум, Вселенная и ее законы заняли свои места. В отечественной фантастике эта «иерархия ценностей» выглядит несколько иначе, чем в западной, но тем не менее она тоже существует. Эта иерархия, как правило, линейна: человек — социум — мир — Бог. Отступления от этой иерархии возможны — как возможны исключения любых правил, — но они лишь подчеркивают само существование этой иерархии.

Между тем для турбореализма эта иерархия явно устарела. С точки зрения писателей-турбореалистов, лич-

ность ценностно равнозначна социуму, Бог — миру и человеку. Это вовсе не значит, что турбореалисты — люди религиозные. Вовсе нет. Но именно как прагматики и рационалисты, они не могут не видеть, какую огромную роль играла религия в развитии человека и человеческого общества. Бог как Идея, «брошенная в массы», становится реальной силой, проявляющейся в социальных процессах. Бог как Творец мира выступает как антагонист личности, в этом мире живущей. Бог, понимаемый как опора социальной нравственности — этический эталон, мерило наших поступков. Все эти темы до сих пор затрагивались только в литературе религиозно-философской. Литература же художественная — фантастика в том числе — их не то чтобы чуждалась, но как бы не имела инструментария для работы с ними.

С появлением турбореализма такой инструмент появился. Сами турбореалисты, говоря о принципе равноценности для писателей Личности, Общества, Мира и Бога, называют этот принцип «метарелигией». Принцип этот дает авторам практически полную свободу выбора фантастического и реалистического инструментария: в романе Лазарчука используются совершенно на равных магия и компьютерные сети, в романе Геворкяна «Времена негодяев» маги строят машину времени, в «Послании к коринфянам» Столярова описано пришествие Сатаны в Россию, реальности Виктора Пелевина оборачиваются фантастически искаженными отражениями бройлерных комбинатов и устоявшихся лексических идиотизмов... И при всем при этом персонажи их произведений сохраняют предельную психологическую достоверность — и эта достоверность распространяется на всю книгу.

Реальности, которые описывают турбореалисты, всегда динамичны. Они или рождаются, или гибнут, или переживают один из крупных кризисов. Это связано с еще одним из принципов турбореализма. Согласно ему, существование человека — как личности и как члена социума — и существование реальности представляет из себя пребывание их в состоянии постоянной катастрофы. Рождение человека — мощное потрясение для него самого и окружающих его людей. Смерть человека — катастрофа. И все, что расположилось во времени между этими событиями, — жизнь — тоже растянутая во времени катастрофа. Человек привык

к этому и перестал замечать. Турбореалисты в этом случае выступают в роли ворона из баллады По: они постоянно напоминают читателям о *memento mori*. Это придает произведениям турбореалистов некоторую пессимистичность — но зато дает возможность вырвать читателя из повседневной рутины, дать ему новую точку зрения на мир, на реальность.

И не упускайте из виду, что, какие бы фантастические миры ни описывал Лазарчук, он всегда пишет о нашем мире. «Не спрашивай, по ком звонит колокол...»

Зеркало обречено отражать — как солдаты обречены стоять на стенах Вавилона.

Добрых вам отражений.

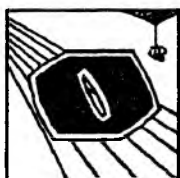
Сергей БЕРЕЖНОЙ

ЖЕСТЯНОЙ БОР

Отсутствующие редко бывают правы,
зато всегда остаются в живых.

Станислав Ежи Лец

ни вышли — Юсуф по-кошачьи скользнул за дверь, оглядываясь по сторонам, за ним тяжелым, но упругим шагом двинулся Присяжни, в дверях обернулся и подмигнул Андрису; дверь закрылась, замок щелкнул, загудел лифт... Андрис, хромая, — действие стиндола кончалось, боль просыпалась понемногу и начинала ворочаться — обошел комнату, поставил на место стулья, постоял у окна, открыл окно — сильный запах пыли и сама пыль между рамами, несколько дохлых сухих мух, маленький прошлогодний листочек непонятного дерева, — сходил в ванную, нашел тряпку, намочил ее, вернулся, вытер пыль, открыл наружную раму — с треском, с осыпающейся старой краской, — и в комнату потек горячий, пахнущий бетоном воздух этого исполинского двора-квартала-колодца, ворвались звуки: детские крики, велосипедные звонки, лай, скрип качелей, разговоры, музыка, что-то еще — звуковой Вавилон, и все это с током нагретого воздуха взлетает сюда, к шестнадцатому этажу, и распространяется здесь... не брюзжи, оборвал он себя, брюзжать некогда, некогда... но очень хочется. Чувство, что все ни к черту, что не получается, что началось скверно и сквернее кончится, — это чувство не оставляло его с самого первого дня, если первым считать тот, когда Хаппа позвонил ему домой и сказал, что хотел бы поговорить с глазу на глаз; сменив погоны на генеральские, Хаппа сменил и место жительства, из городской квартиры перебравшись в пригородный охраняемый поселок, — Андрис испытал острый приступ злости, когда

на своем выдавшем виды «фиате» стоял перед шлагбаумом и ждал, пока гладкие, как коты, охранники сверяются со списками приглашенных. Жена у Хенрика тоже была новая, кажется, уже четвертая по счету, молодая и красивая еврейка, это было в духе Хенрика — раздавать пощечины общественным вкусам; Андрис как-то раз видел ее издали и мельком, под ручку с гордо выступающим Хенриком; вблизи она была еще симпатичнее. Она посидела с ними несколько минут, потом прикатила столик с бокалами и бутылками и тихонечко исчезла. Помянули доктора, потом заговорили о деле. Дело было странным. Несколько дней назад Присяжни — он теперь начальник полиции в Платиборе — прислал доклад, прислал именно Хаппе, через голову своего непосредственного начальства и вообще против всех правил и обычаев, впрочем, это неважно — доклад, в котором собрал удивительные вещи. Без видимых причин за последние три месяца в Платиборе цены на наркотики упали в десять раз. Оптовые торговцы разорялись, некоторые сбежали, двое погибли: Гробокопатель то ли сам повесился, то ли помогли ему, а Цыганочку Берковец увезли в лес и убили, как убивают обычно несостоятельных должников: привязали к дереву и распорол живот. Мелкота, торговавшая в розницу, вела себя дико: средь бела дня приставала ко всем подряд, умоляя купить за бросовую цену вообще все: от травки до «стрипа»; ими, а также приезжими, желавшими затовариться на дармовщину, Присяжни набил всю тюрьму и стал делиться с соседями. Перестали покупать, в один голос говорили все арестованные. Присяжни проверил это и с другой стороны. Самые заядлые, самые конченные торчки завязали или почти завязали. По инерции они продолжали кучковаться, но кучки быстро и небескровно распадались. Отвратило — так отвечали, если приставали с расспросами. Отвратило — и все тут. Присяжни был в некоторой растерянности. Весь его опыт и вся его знаменитая интуиция подсказывали, что дыма без огня не бывает и что надо искать какой-то вытесняющий фактор. Но его собственные поиски не привели ни к чему. Просить помощи по линии КБН, комитета по борьбе с наркотиками, он не хотел.

во-первых, Заген, главный «кабан», не внушал доверия, во-вторых, случай был явно не их: не распространение, а самопроизвольное искоренение наркотиков в регионе. Очень показательно отреагировал департамент полиции: в ответ на рапорт Присяжни получил благодарность за выдающиеся успехи в борьбе с наркомафией. Тогда он и обратился к своему старому другу Хенрику Е. Хаппе, и Хенрик Е. с ходу заинтересовался этим делом, потому что чего-то подобного ожидал... Андрис, скрипя зубами, доковылял до кровати и лег. Стиндол можно принимать только раз в шесть часов. Надо было... впрочем, ладно. Час с четвертью мы продержимся.

Раньше так не болело, еще два месяца назад можно было считать себя человеком — если не переходить определенных границ. Потом — вдруг — началось... Днями было еще терпимо: глотай стиндол и продолжай заниматься своими делами, — а по ночам к боли прибавлялась сосущая смертная тоска, всю ночь он как будто умирал и никак не мог умереть, снотворные не брали, он засыпал только под утро и просыпался через два часа, весь мокрый, с тяжелой похмельной головой, измученный, как грешник в круте девятом... болел не только сустав, боль уходила вверх до лопаток, вниз — до самых кончиков пальцев; и больше всего было вставать, головка бедра превращалась в ржавого ежа с иглами длиною в метр... Сейчас он лежал и смотрел в потолок, и за белой завесой потолка проступали какие-то картины, а иногда просто возникал рисунок щелей и трещин в потолке его палаты в госпитале, когда он на время приходил в себя после перевязки и в оцепенении смотрел, как сплетаются и расходятся на потолке линии судеб разных людей, знакомых и незнакомых ему, и искал свою линию между ними, и не всегда находил... Хирург его, худой, с неподвижным лицом индейского вождя латиноамериканец, равнодушно и бережно копался каждый день в его внутренностях, мыл их, заливал какими-то жидкими мазями, растворами антибиотиков, чем-то еще; потом края разреза на животе сближали, Андриса обертывали простыней и простыню сшивали — до следующего дня; и так три месяца. Всего одна пуля... боже ты мой, сколько мучений... всего

одна... От неподвижности немело тело, надо было повернуться — в бедре тут же начинало искрить. Наконец час прошел, и можно, можно проглотить «осу» — полосатую черно-желтую капсулу стиндола. Еще десять минут ожидания — боль втянулась куда-то, спряталась, съежилась, притворилась, что ее нет и не было никогда...

Боль ушла, и вернулось чувство, что ошибка уже допущена, и осталось только понять, где же именно... или это просто дурное предчувствие? Впрочем, генерал и Присяжники как раз понимают толк в дурных предчувствиях. А что касается доктора — то доктор был в этой области гениален...

Однако занозу можно и поискать... Андрис сгреб со стола сплюснутые жестянки из-под пива — Присяжники имел привычку, выпив пиво, превращать баночку в аккуратную круглую лепешку, причем это ведь вам не немецкие или там японские баночки из алюминиевой фольги, а наши отечественные, из хорошей белой жести, — сплюсшивал их одним движением пальцев, только воздух пукал из-под ладони; вообще Присяжники, хоть и производил впечатление толстого увальня, был невероятно силен и быстр, и один раз Андрис сам видел, как он схватил за днище и перевернул «тойоту» — так взяли Рикса, а при нем — двести килограммов кокаина... Шел уже седьмой час, вот-вот должен был появиться напарник, проводник, часть легенды: «племянник-которому-грозит-исключение» — Тони Ольвик; интересно, это его настоящая фамилия? Ольвиков, конечно, много, особенно на севере, и интересоваться такими делами просто не положено, но все-таки: как подбирали — по фамилии или по деловым качествам? Ладно, проверим. В конце концов все, что мне от него нужно, это чтобы он был, чтобы мое присутствие было оправданно... лечение, конечно, тоже хорошая крыша, но — отнюдь не повод совать нос в молодежные проблемы... да, кстати, о лечении — Андрис дотянулся до телефона и набрал номер.

— Алло? — женский голос.

— Добрый вечер. Пожалуйста, если можно, доктора Хаммунсена.

— Перезвоните через полчаса, пожалуйста, доктор сейчас занят. Если нужно что-нибудь передать...

— Доктор назначил мне прием на сегодня на восемь часов вечера, и я хотел узнать...

— Ваше имя, пожалуйста.

— Андрис Б. Ольвик.

— Да, на сегодня, на восемь вечера. Доктор ждет вас. Приезжайте.

— Спасибо.

Хорошо у него поставлено, подумал Андрис. Месяц назад случайно встретились, доктор на сигаретной коробке что-то черкнул — и теперь ждет. Ох, везде бы так... Интересно, что у него произошло с Радулеску? Надо было спросить Присяжни — не догадался, а Присяжни вполне мог знать кой-какие подробности. Где-то задерживается напарник, уже половина седьмого. Вызвать такси? А какой же у меня здесь адрес? Адреса не знаю, вот те на. Присяжни карту оставлял, может быть, там отмечено... На карте ничего отмечено не было. Окна выходили во двор, так что ориентиров никаких. Ситуация. Если к семи этот Тони не появится, надо будет на свой страх и риск выходить из дому и добираться до «Паласа» самостоятельно. Где он? Ага, вот, не то чтобы в центре, но неподалеку. А где бы мог быть я — хотя бы примерно? Он стал вспоминать, как ехали с вокзала. Похоже, где-то тут. Город был как срез старого дерева: средневековый, почти не сохранившийся центр в излучине, широкое кольцо довоенной застройки, квадраты застройки послевоенной, огромный уродливый напор последних десяти лет — Университетский городок... Андрис поймал себя на слове «уродливый» и удивился: почему? Стареешь, каналья, сказал он себе. Надо же, уродливый... В самом городе было триста восемьдесят тысяч жителей, в Университетском городке одних студентов насчитывалось сто десять тысяч, и еще около ста тысяч преподавателей, научных работников, обслуживающего персонала и прочих, прочих... в том числе десятки торговцев наркотиками, неожиданно для себя прогоревших...

А вот, обнимая Университетский городок и вклиниваясь немного между ним и остальным городом, лежит

тот самый знаменитый Серебряный бор, Платибор, давший название городу... Андрис почувствовал вдруг, что где-то в глубине, там, откуда приходят предчувствия и догадки, что-то шевельнулось: с Платибором была связана какая-то странная некриминальная история, которую не афишировали. Так, сделал он отметочку в памяти: уточнить, что именно произошло... да, что-то с организацией зоны отдыха... и кто-то сказал, что бор отныне не Серебряный, а золотой...

Было без пяти семь, когда пришел напарник. Отпер дверь и вошел.

Напарник был что надо: среднего роста, нормального сложения с ничем не примечательной мордой, умеренно загорелый — короче, человек толпы. Одет: брюки хакки — милитарный стиль уже перестал бросаться в глаза, — серая футболка и велосипедная кепочка. На шее белая цепочка. Особых примет нет.

— Добрый вечер, — сказал напарник.

— Добрый вечер.

— Если вы ждете Карпентера, то его не будет сегодня.

— Тогда, с вашего позволения, я переночую.

Напарник усмехнулся и выудил из кошелька половинку двадцатидинаровой банкноты. Андрис достал другую половинку, приложил к той. Линия разрыва сошлась, а сумма цифр номера составила 47.

— Ну, здравствуй, племянник, — сказал Андрис и протянул руку.

— Здравствуйте, дядюшка, — улыбнулся племянник. Рука его оказалась сухой и жесткой. — Чем будем заниматься?

— Сегодня в программе единственный пункт: посещение доктора Хаммунсена в «Паласе».

— И во сколько мы там должны быть?

— В восемь.

Племянник прикинул что-то в уме, кивнул:

— Хорошо. Сейчас схожу за машиной.

— Может, проще такси?

— Нет. — Племянник помотал головой и усмехнулся чему-то. — Сложнее.

— И... э-э... Тони. Ты здесь давно?

— С первого курса. Третий год.
— Ольвик — твоя настоящая фамилия?
— Да, а что?
— Ничего. Так. Все нормально.
— Тогда я за машиной. Через двадцать минут спускайтесь вниз, я подъеду.

Жил доктор где-то в другом месте, в «Паласе» у него был оборудован кабинет. Постояльцы отеля имели какие-то льготы при лечении, а доктор платил за аренду помещения фантастические деньги: один динар в год. Кабинет располагался на первом этаже, в специально выгороженном холле. Над дверью была надпись: «Кабинет магнитного массажа».

— Вы молодец, Ольвик, — сказал доктор, рассматривая томограммы, которые Андрис сделал накануне в полицейском госпитале. — Все, кого я видел раньше с такими изменениями в суставе, не могли встать и гадил под себя... но и вы, как я понимаю, ходите на одном самолюбии... Ладно, давайте я вас еще руками посмотрю.

Андрис разделся и лег, подрагивая от холода, на кушетку. Доктор повернулся к нему и, издав громкий сосущий звук, двумя руками поглубже надвинул очки.

— Бо-ог ты мой! — сказал он, разглядывая живот Андриса — этот бело-сине-багровый панцирь из пересекающихся рубцов. — Никогда не видел ничего похожего... Где вы такой достали? Кавтаратан?

— Немного раньше и ближе, — сказал Андрис. — «Белая лига», слышали?

— Слышали, слышали... — пробормотал доктор. — Ага... ага... это значит, вот сюда, потом через вертлужную впадину и в брюшную полость, так? А из какого ж, позвольте узнать, оружия?

— «Браунинг-Лонг», — сказал Андрис. — И подрезанная пуля.

— Ну, это вполне rispetабельно, — сказал доктор. — Ладно, идемте вон туда.

Голого Андриса уложили на жесткий стол, укрыли простыней, доктор приставил к его бедру матово-серый

цилиндр, похожий на кобальтовую пушку, отошел к пульту и включил это устройство. Загудел трансформатор, а потом... Андрису показалось, что по больному месту ударили кувалдой, посыпались искры, он чуть не заорал, но не заорал: боль тут же съежилась, собралась там, в своем обычном месте, не растекаясь по телу. От цилиндра шли тупые, ватные, теплые удары, легко проходившие сквозь плоть... не удары даже, а волны, мягкие и ласковые, приподнимали его и опускали, меняли ритм, что-то напевая... Андрис не заметил, как исчезла боль. Казалось, он задремал и видит все это во сне. Только во сне могло быть такое блаженство. Подошел доктор, убрал цилиндр. Невесомый, Андрис спустил ноги со стола, встал — боли не было. Оделся. Боли не было. Доктор впереди него вышел в свой кабинет. Андрис быстро присел и встал. Боли не было. С ума можно сойти...

С ума сойти... Андрис не помнил, как прощался с доктором и как благодарил его, как и о чем договаривался на завтрашний день, и только уходя оглянулся: не забыл ли чего. Именно чувство потери чего-то неприятного, но привычного, притертого, родило вдруг неуверенность и не то чтобы страх, но оторопь. Он машинально, не воспринимая действительности, как бы на ощупь нашел машину Тони — ободранный и мятый «фольксваген», — сел, захлопнул дверцу, откинулся на спинку и вдруг в непонятном ступоре уставился перед собой. Тони о чем-то спрашивал — он слышал, но понять не мог. Чудеса. Чудеса... Да, такое облегчение действует как хорошая дубина, смог наконец подумать он.

Тони еще раз пристально посмотрел на него и тронул машину.

— Извини, племянник, — сказал Андрис. — Ты о чем-то спрашивал...

— Ничего, — сказал Тони. — Я уже все понял.

— Мы домой?

— Да.

— Скажи мне наш адрес... — сказал Андрис и вдруг зевнул, едва не вывихнув челюсть. — Слушай, мне никто... никто снотворного не мог...

В такт покачиваниям машины пейзаж за окном сливался в сине-серые пятна, и только поверху, над головой, шла неровная белая полоса. Потом и этого не стало.

Итак, господа, мы приступаем! Обратите внимание на этот странной формы сосуд из непрочного и подверженного неожиданным разбрызгиваниям материала, в который мы с вами сейчас начнем потихоньку сливать все, до чего дотянутся наши руки; говорят, в этот сосуд уже что-то наливали, и именно поэтому от него исходит шипение, как от мокрого чайника, поставленного на горячую конфорку. Там происходят забавные, но, к сожалению, невидимые нам с вами реакции, и только доливая и досыпая туда какие-то новые компоненты мы можем рассчитывать, что из этого сосуда, скажем, ползет так называемая «фараонова змея» — а может быть, вырастут прекрасные благоухающие розы — а может быть, сосуд разлетится вдребезги, как не раз бывало уже с такого рода сосудами в сходных обстоятельствах... Они, эти сосуды, чрезвычайно своенравны и особенно почему-то не любят, когда кто-то хочет повлиять на их работу. То есть это очень легко сделать, но тогда к желаемому результату вы получите что-то еще, потому что закон сохранения вещества пока еще никому не удалось нарушить — в отличие от множества других законов... причем совершенно неясно, будете ли вы радоваться той придаче, которая получится, либо же она сама быстро и жадно порадует вас...

Включилось радио, искатель прошелся по диапазонам, останавливаясь на пару секунд на каждой работающей станции, потом ему понравился симфоджаз, там он и остался. Потом раздались шлепки босых ног по линолеуму, приблизились, остановились, и молодой голос произнес:

— Дя-дюш-ка!

И с этим голосом вернулось ноющее ощущение уже сделанной и потому неоправимой ошибки.

Впрочем, что значит — неоправимой? Неоправимой может быть ошибка, ведущая к немедленной насильственной смерти игрока, — все остальное поправимо...

Вы уверены?

Пока — да.

Пока — что?

Пока меня не убедят в обратном.

Ну хорошо...

— Да, — сказал Андрис, и голос его был липкий. — Да, конечно.

Наконец он смог открыть глаза. Было светло, и на светлом фоне был темный провал двери, и в этом провале, небрежно опираясь на край его, стоял голый по пояс парень, напоминая своим видом о том, что время не ждет, лицо знакомое... Тони, вспомнил Андрис и вспомнил наконец все.

— Доброе утро, племянник, — сказал Андрис.

— Как интересно, — сказал племянник. — А мне мерещилось, что уже давно день.

— М-да? — Андрис поднес к глазам часы. Было без четверти два. — И правда, интересно. Мне еще не приходилось вот так начинать дело.

— Я тоже не думал, что увижу что-то подобное, — сказал племянник.

— Ты всегда такой ехидный? — спросил Андрис.

— Нет, только когда голодный.

— Ясно... — пробормотал Андрис, выдирая себя из кровати. Боли не было. — Ясно... следствию все ясно...

Следствию, подумал он. Чего захотел. Вряд ли по этому делу может быть следствие... так, конфиденциальное расследование для узкого круга лиц... частный детектив, вот ты кто на данный момент, хотя и прикрывает тебя крокодил самого крупного калибра... «крокодайла-магнум»... А вот если я действительно что-то сотворю — прикроет или нет?.. интересно бы попробовать... Он знал, что пробовать не будет.

— Ну, дядюшка? — за завтраком (бутерброды и чай) спросил его Тони. — Займемся ли делом?

— Ты меня хоть посвяти, — сказал Андрис. — А то я ведь решительно не знаю, чего ты тут успел без меня напроказить...

Тони было двадцать два года, до двадцати он служил в полиции города Эвихауэн — чтобы не идти в армию, — а потом поступил на юридический. В первых

числах сентября Присяжни вызвал Тони к себе и сказал, что, возможно, понадобится его участие в сложном расследовании. С подачи Присяжни Тони снял эту квартиру — якобы дядюшка дал денег — вот вы, дядюшка, и дали, спасибо! — а потом на него завели дело как на второстепенного участника одной большой валютной махинации. Деканат, разумеется, тут же затеял отчисление, придумывая всякую чушь вроде неуспеваемости, непосещаемости и чуть ли не аморального поведения, все это шито белыми нитками и потому, конечно, тянется вяло. Короче, дядюшке следует немедленно идти к декану и уламывать его, а не уломав, идти к ректору...

— Та-ак, — угрожающе сказал Андрис. — Ты, значит, развлекаешься тут с пестряшкой, а дядюшка должен тебя от дерьма отмывать?

— Конечно, — согласился Тони. — А разве дядюшки существуют для других целей? Я и не знал. Кстати, здесь не говорят «пестряшка». Здесь говорят «кан».

— Да? — заинтересовался Андрис. — А у нас «кан» — это монеты, золото.

— А здесь «кан» — валюта, а просто деньги — «фьюта». При этом не путайте: «фьютнуть» — это потратить, а «пофьютать» — это подзаработать.

— Запомню, — сказал Андрис. — Кстати, как у тебя с оценками?

— Чуть что — сразу оценки, — сморщился Тони. — Было нормально, но по приказу шерифа перенес пересдачу одного экзамена и теперь числюсь хвостистом.

— Шериф — это ты его хорошо назвал.

— Типаж, — сказал Тони.

— Он и есть такой — шериф.

— Вы его давно знаете?

— Лет пятнадцать. Я был следователем, он оперативником. Потом потерялись вроде, потом опять встретились. Так что — давно. Ладно. Он тебе говорил про наши проблемы?

— Да.

— Ну и?

— Да как сказать... Ходит тут одна легенда. Будто бы наши наркодеры потому так деморализованы, что

встретились с совершенно новым противником. Форс-мажор. Они даже не сопротивлялись.

— И кто же это? Пришельцы из космоса?

Тони потер мизинцем переносицу.

— В семерку, шеф. Не из космоса. Из будущего.

— Та-ак, — слегка обалдело протянул Андрис. — Подробности, пожалуйста.

— В общем... это я повторяю то, что слышал, так что не смейтесь... якобы наши наркотики нарушают генетический код, и там, в будущем, рождается много уродов. И вот они — не уроды, конечно, а нормальные — занялись искоренением наркотиков здесь, у нас. Заменяют наши обычные наркотики своим, который не разрушает код. Причем это очень хитрый наркотик: кто его применяет, сразу же забывает об этом. Не помнит — и все. Вот такие дела у нас творятся, шеф. Это, конечно, фольклор, но, мне кажется..

— Нормально, — сказал Андрис. — Первая безумная идея есть.

В деканате было столпотворение. Не понять, где студенты, где кто. Трижды Андрис пытался обратиться с вопросом к девочкам, напоминавшим секретарш, и трижды промахивался. Дверь с надписью «Декан факультета: Валентин П. Огест» была плотно закрыта и, судя по стоящей под ней полной бумаг корзине, сегодня еще не открывалась. Наконец Андрису повезло: девочка, с розоватым отливом блондинка, отперла один из столов и что-то положила в ящик. Ее-то Андрис и поймал за локоток.

— Здравствуйте, — преувеличенно вежливо сказал он, впрочем, крепко ее удерживая. — Скажите, когда будет Валентин? Второй день не могу его застать.

— Завтра в девять, а потом не знаю, — сказала девочка, энергично освобождаясь от захвата. — А вы по какому делу?

— По государственному, — сказал Андрис, — по какому же еще?

— Ну, приходите к девяти, — сказала девочка. — Он точно будет.

— А сегодня?

— Не будет его сегодня, — сказала она и наконец освободилась. — Не будет. Только завтра.

— Спасибо, — сказал Андрис, но она его уже не слышала: затерялась в толпе.

Тони ждал его снаружи.

— Ну и как? — поинтересовался он.

Андрис сложил большую фигу и показал ему. Тони развел руками: бывает, мол.

Они спустились по пандусу к скверу. Андрис спросил:

— Ну, племянник, что делать-то будем?

— Вы — шеф, — сказал Тони, — вы и командуйте.

— Предположим, — сказал Андрис, — нам бы сейчас захотелось нюхнуть кокаинчику? Дальше что?

— Дальше мы пошли бы вон по той аллее, — показал Тони, — и там бы нам предложили все на свете, в том числе и кокаин. Но нынче — не предложат. Так что не взыщите, шеф, но сегодня нам придется как-то перебиться без дуэта.

— Понятно, — сказал Андрис. — Ну а как вы, молодежь, проводите время? Мне, старому пердуну, хочется проинспектировать своего мальшпа.

— Рано еще, — сказал Тони. — Часов в восемь пойдем.

— Ладно, — сказал Андрис. — А до восьми?

— Только в библиотеку, — желчно сказал Тони.

— Это мысль, — сказал Андрис. — Пошли в библиотеку.

— А зачем?

— Не знаю.

Библиотека находилась в полуподвале: десять ступенек вниз, дальше — старинная дубовая дверь, и из-за двери тянет прохладой. Голубоватый легкий свет, столик, за столиком сидит девушка в серых очках и читает пестрый журнал. «Я не записан, можно пройти?» — «Пожалуйста, пожалуйста...» Тони показывает пластиковую карточку, девушка кивает. Зал каталога: полутемно, освещение только местное, вдоль стен десятка три дисплеев, никого нет. Подшивки газет... да, местных. Тони ведет его в маленький светлый зальчик, где стоят кресла и столики... вот и газеты. Тони роется в журналах, грудой лежащих на стеллаже. Тут тоже никого нет.

Итак, газеты. Две ежедневные и два еженедельника. Муниципальные: «Утренний курьер» и «Уик-энд», университетские: «Трибуна» и «Гаудеамус». Ну, поехали...

Собственно, в этом и заключалась его работа в последние годы: сопоставлять уголовную хронику с официальными полицейскими сводками. Общественность, а с нею и пресса очень странно реагировали на динамику преступности в своих регионах — переходя от паники к коллективному солипсизму и обратно; закономерности улавливались, но говорить о результатах было еще рано. Сейчас он работал сосредоточенно, стараясь усвоить все значимое из прочитанного и в то же время не задерживаться на частностях, — знал, что все запомнит, и дальше память сама начнет сортировать и раскладывать по полочкам факты, фактики, догадки, домыслы и комментарии. Кое-что проскальзывало в сознание, но не задерживалось там, чтобы не мешать. Доктор Хаммунсен, например... Та-ак... уникальная аппаратура... нигде в мире... ясно. Что же у него получилось с Радулеску? Или это неважно? Самое богатое свадебное платье... одних охранников пять штук, здорово... Так, что тут дальше? Надувной динозавр... ну, это ерунда... а, вот как. Интересно. Он вернулся к началу и перечитал заметку. Надувной динозавр — единственное, что осталось неповрежденным в парке аттракционов в «ночь ведьм»; грандиозный погром, ущерб составил четыре миллиона динаров. По сведениям полиции, принимали участие более двухсот человек. Никто не задержан, газета громко вопрошает: а почему? Отвечает заместитель начальника, уже в следующем номере: наряды полиции были стянуты к стадиону, где заканчивался матч между университетским «Гангусом» и столичным «Орионом», страсти были накалены, и достаточно малейшей искры... сигнал с места погрома пришел слишком поздно, и когда наряды были переброшены туда, толпа успела рассеяться, а полиция была вынуждена отказаться от преследования и задержания хулиганов и заняться спасением из огня людей и ценностей... Вопрос: если подобное повторится?.. Ответ: если повторится, мы будем на высоте. Всегда на страже мирного досуга мирных граждан.

Блестящий ответ. Где Виктор берет таких заместителей?..

Мимо прошла и села впереди девушка. По воздуху пролетел душистый шорох роскошной вороной гривы — волнистой, упруго и тяжело раскачивающейся не в такт ходьбе; от гривы и до пят шел плащ из поляроидной ткани, но походка угадывалась и под плащом. Рядом вздохнул Тони. Андрис покосился на него и нелогично подумал, что уголовную хронику пишут обычно самые неопытные репортеры и именно поэтому из нее можно почерпнуть самые значимые факты — для сопоставления с официальными сводками... потому что даже Присяжни при всем своем замечательном кругозоре и при всей чудовищной интуиции не может не отбрасывать то, что кажется ему малосущественным... Писали о молодежных бандах, причем в «Курьере» — с какими-то невнятными намеками на иностранное влияние. После большого погрома в парке случилось еще два, поменьше: разгромили и сожгли игротеку в городском саду, а днем позже в игровом зале при университетском вычислительном центре несколько человек принялись разбивать игровые терминалы; двоих сами студенты и сотрудники задержали и передали полиции. И еще кто-то, не установленный до сих пор, отбирал у школьников карманные электронные игры и ломал. В газете его обозвали маньяком. Странные мании случаются в этом городе, неуверенно подумал Андрис.

Главный санитарный врач заявлял, что слухи об изменении качества питьевой воды и о том, что это якобы приводит к падению рождаемости, необоснованны. Многочисленные эксперименты на животных...

А вот и доктор Хаммунсен дает интервью. Так... так... все замечательно... ага! Вопрос: правда ли, что вашим методом можно лечить вообще все, включая алкоголизм и наркоманию? Ответ: профессиональная этика не позволяет мне ответить на ваш вопрос. Bravo, доктор. Еще вопрос: когда же мы сможем?.. Ответ: многочисленные препоны... затягивание времени... надеюсь, что еще при моей жизни...

Девушка впереди встала и пошла обратно, к выходу из зальчика, и Андрис увидел ее лицо. Он вздрогнул:

лицо было ему знакомо. Он видел эту девушку, и не один раз — но где? Наверное, он слишком пристально смотрел на нее, потому что она, проходя мимо, недовольно отвернулась. Но он точно видел ее раньше! Память как бы забуксовала: девушке было лет двадцать, но за последние три-четыре года... нет, я бы не мог забыть. Что за черт? Может, в кино снималась?

— Ты не знаешь, кто это? — спросил он Тони.

— Нет, — сказал Тони. — Но очень хотел бы узнать.

— По окончании операции, — сказал Андريس.

— Есть, мон женераль, — сказал Тони.

Женераль, подумал Андريس. Кстати, о женеральях: кем бы, интересно, я ему сейчас показался? Мухой на стекле? Есть, говорят, такое гладкое стекло, что мухи на нем не удерживаются и падают — со страшно глупым видом. Вот как у меня сейчас. Не за что зацепиться. Хотя, с другой стороны, нормальные операции внедрения — а чем я еще занимаюсь? — длятся месяцами. Это у сверхасов внешнего и внутреннего шпионажа. Чего же требовать от бедных любителей?

Вот именно. На кой черт он послал именно меня? Не дилетанта, конечно, но.. на кой черт? Дело Горьковица, конечно, он упоминал его... но я до сих пор не знаю, как именно мне удалось допереть тогда до сути. Острый приступ гениальности, с кем не бывает... И даже то, что генерал опять на ножах со своим начальством, мало что объясняет... Эх, знать бы правду.

Знать бы правду, маленькую частную правду о том, что именно происходит в этом городе, — даже еще более частную: почему все наркоманы вдруг вылечились?.. как это у Мелвилла? «Но жгучую Истину могут выдерживать лишь исполинские саламандры: на что же тогда рассчитывать провинциалам?» Рассматривать тени саламандр и по конфигурации теней... Стоп. Наркоманы — вылечились. Вопрос к доктору: правда ли, что... когда задают вопрос в такой форме, значит, слухи об этом ходят. Ответ: профессиональная этика... можно было бы сказать короче: да. Это что же получается: доктор втихую вылечил весь город, чего никто и не заметил? А что: намагничивает, скажем, воду в резервуаре, все пьют и больше к наркотикам не притрагиваются... а побочный

эффект — падение рождаемости... Андрис посидел немного, глядя на подшивку газет. Да, это ничуть не хуже людей из будущего, подумал он. Даже изящнее — меньше допущений. А главное — доступно проверке. Прямо сегодня. Кстати, уже пора.

Андрис застегивал рубашку и собирался уже начать разговор, но доктор его опередил.

— Господин Ольвик, — сказал он, — вот я уже второй день смотрю на ваш живот и не знаю, удобно или нет задать вам один вопрос?

— Удобно, — сказал Андрис.

— Вы упомянули «Белую лигу». Как я понимаю, вы участвовали в борьбе с ней?

— Разумеется.

— Вы были в УНБ или в полиции?

— В полиции. Я был в тот момент начальником полиции, полицмейстером — так это тогда называлось.

— Понятно. Потом, разумеется, пенсия?..

— Да. И научная работа. Я работаю в криминометрическом центре.

— Но связи, как я понимаю, у вас должны сохраниться. Так вот: вы не порекомендуете мне хорошего частного детектива?

— Моя кандидатура вас устроит? — спросил Андрис. — Или там предполагается кросс по пересеченной местности?

— Я был бы вам очень признателен, если бы вы смогли помочь мне в моих затруднениях. Нет, кросса не должно быть, — слабо улыбнулся доктор. — Равно как и перестрелок.

— Я весь внимание, — сказал Андрис.

Дело доктора было просто и незатейливо — одно из тех простых и незатейливых дел, которые очень дорого стоят. Господин Ольвик почувствовал на себе всю прелесть метода, не так ли? В принципе все это очень просто, но сама технология метода очень сложна и тонка. Чрезвычайно тонка. Тот цилиндр, который у стола, — просто соленоид с концентратором поля. Восемнадцатый век. А вот — двадцатый. Последняя четверть. Лазерный проигрыватель, сорокаканальный. Специально модифи-

цированный, существует в одном экземпляре. Но самая суть — в этом, — доктор извлек из недр аппарата толстую, в палец толщиной, шестиугольную, тускло поблескивающую пластину размером с чайное блюдце, подал Андрису. Андрис принял пластину и чуть не уронил: в ней было килограмма два. Золото? Не совсем, сплав на основе золота, там осмий, иридий, индий... Доктор снова взял пластину в руки, и она раскрылась, как раковина. Внутри засияла радужной круглая дифракционная решетка. Понятно, сказал Андрис, это здесь записано то, что подается на соленоид? Совершенно верно. Так вот: запись чрезвычайно высокой точности, и снять с нее идентичную копию при нынешнем уровне копировальной техники невозможно. Но, видите ли... сняли. Доктор отпер небольшой, но очень хороший — фирма «Голанд» — сейф. В гнездах стояли такие же пластины: семь штук, сосчитал Андрис. Та, что в аппарате, сказал доктор, — это воздействие на хрящевую ткань. Единственный сохранившийся оригинал. Это — копии. Вот — воздействие на миокард, вот — на опухолевые клетки соединительной ткани, на опухолевые мышечной ткани, на нервную проводящую ткань, на нервную мозговую — программы регенерации; а это, так сказать, целевые... прицельные... на таламо-гипофизарную систему, коррекция всех гормональных нарушений, и на лимбическую — освобождение от химических зависимостей... От алкоголизма? От алкоголизма, от морфинизма, кокаинизма и всего остального, система сама адаптируется к конкретному нарушению. И вы это не используете?! Это нельзя использовать, сказал доктор. Это — нельзя.

Когда доктор Хаммунсен вдрызг разругался с Радулеску и ушел из института, он внес необходимую сумму — все свои деньги — и выкупил оборудование. Он имел на это полное право, поскольку приобрел патент на способ лечения и на инструментарий. Но вопреки решению суда, вообще вопреки всем и всяческим законам, Радулеску и его холуй не желали выдавать из институтского хранилища эти вот диски. Мотивировки были разные. Наконец, после протеста прокурора, доктор Хаммунсен смог забрать то, что принадлежало ему по праву.

Однако после проверки качества записи он установил, что диски подменены высококлассными копиями...

— Вот, пожалуйста. — Доктор погрузил диск в установку, пощелкал клавишами — из динамика с полужазы раздалась нервная, резкая музыка, от которой сами собой напряглись мышцы и захотелось оглянуться. — Это оригинал — хрящевая ткань.

На экранчике осциллографа плясала ломаная линия, лохматая, как шерстяная нить. Нажатием клавиши доктор остановил ее.

— Видите, сколько обертонов, — показал он. — И обратите внимание на форму спайков — тонкие и острые. А вот — копия.

Он поменял диски, опять включил. Мелодия была заунывной и тревожной. Линия на осциллографе на первый взгляд была такой же лохматой.

— Видите: обертоны приглажены, вот тут сливаются, основания спайков более широкие, вершины срезаны... — Из-за этой музыки голос доктора стал совершенно призрачный. Андрис присмотрелся. Все было так, как говорил доктор.

— То есть такую запись уже применять нельзя? — спросил Андрис.

— Нельзя.

— А делать новую?..

— Что вы в этом понимаете... — вздохнул доктор. — Я выложился весь. Это... я даже не знаю, с чем сравнить...

— Я понял, — сказал Андрис.

— Вы беретесь? — спросил доктор. — Я консультировался с юристом, мне нет смысла обращаться в суд или в полицию, потому что нет состава преступления, диски у меня, а доказать, что они поддельные, невозможно, не с чем сопоставить...

— Я берусь, — сказал Андрис. — Считайте, что уже взялся. Относительно того, кто это сделал, у вас сомнений нет?

— Нет, — сказал доктор. — Кто же еще?

— А зачем, как вы думаете?

— Радулеску — идиот, — сказал доктор грустно. — Он думает, что я хочу отнять у него кусок пирога. Его пирога. А мне вовсе не нужен его пирог...

— Сколько стоит один диск? — спросил Андрис.

— В смысле — металл? — Доктор нахмурился, вспоминая. — Восемнадцать тысяч, кажется, новыми. Где-то у меня все записано...

— Не обязательно точно. Примерно. В общем, около двадцати... — Андрис задумался. — А где вы их заказывали?

— Н-не знаю... — Доктор пожал плечами. — Заказывал институт, меня это тогда не интересовало...

— Ясно, — сказал Андрис.

— И вот еще что, — сказал доктор. — Конечно, самое лучшее — если вы сумеете найти те, настоящие диски и обменять их на эти. Но может статься так, что тех дисков уже нет... или они непоправимо повреждены... Тогда мне хотелось бы, чтобы вы узнали об этом абсолютно точно и как можно быстрее. Может быть... — Доктор замолчал.

— Все сначала? — подсказал Андрис.

— Да...

— Сделаю, — сказал Андрис.

Он вышел в холл, огляделся: Тони у сувенирного киоска беседовал с какой-то девочкой в униформе. Андрис помахал ему рукой — Тони увидел его и кивнул. Андрис пошел к выходу. Неподалеку от двери стояли кресла, там сидели люди — он не присматривался, кто. Вдруг его окликнули:

— Господин! Господин, остановитесь на секунду!

Из одного кресла выпорхнула девочка лет шестнадцати, беленькая, покрашенная, подошла к Андрису: — Извините, у вас... — и протянула руку к его голове. Он почувствовал прикосновение пальцев к волосам, потом какое-то усилие — и в руке у девочки оказался комочек твердого пластилина с приклеившимися волосками. — Мальчишки из трубочек плюются, — сказала она.

— Спасибо, — сказал Андрис.

— Ну что вы, — сказала она.

Девочка повернулась и села на свое место. Напротив нее сидела другая — постарше, коротко остриженная, в черной с золотом кожаной безрукавке, с черными в пол-лица губами и в черных очках.

Тони догнал его на тротуаре. Уже стемнело, зажглись фонари. Светились витрины. Людей было мало, зато много машин.

— Знакомую встретил, — сказал Тони.

— Ну и?

— Ее отчислили в прошлом году. Теперь тут.

— Давай поищем телефон. Мне не хочется разговаривать при посторонних.

Телефон нашелся на следующем перекрестке. Андريس набрал нужный номер, ему без гудка ответил механический голос: «Учреждение не работает. Просим позвонить завтра утром». Андريس подождал несколько секунд. Раздалось разноголосое гудение, как от множества автомобильных клаксонов. В это гудение он и сказал:

— Прошу проверить счета института биофизики за второй квартал и установить, на чьем балансе находятся семь предметов из драгоценных металлов стоимостью примерно двадцать тысяч динаров каждый. Чрезвычайно срочно. Август.

— Вот теперь можно и перекусить, — сказал он Тони. — А, племянник?

Племянник промолчал и стал смотреть перед собой.

— Между прочим, ее отчислили за наркотики, — сказал он через несколько минут. — Она кололась как нанятая. А теперь бросила.

— Так, — сказал Андريس.

— Завтра я веду ее в бассейн, — сказал Тони. — Инструкции будут?

— Ты знаешь, что ты молодец? — сказал Андريس.

— Не твердо, — сказал Тони.

— Да, а почему в бассейн?

— Не на танцы же мне ее вести...

Нормально, подумал Андريس. Кто бы мог подумать, что танцы чему-то уступят место? Ах, черт... без шума, без треска — само собой... Наверное, так и бывает всегда: главные предметы происходят тихо, беззвучно, а если пальба и дым — то это поверхностно и ненадолго... лет на сто, не больше...

— Уже начинают готовиться, — сказал Тони.

Они вышли на небольшую треугольную площадь. По коньку крыши и по фасаду здания напротив — старин-

ного, гордого, — подсвеченные сверху, сповали человеческие фигурки, маленькие и ловкие. В свете мощных ламп блестели металлические нити. Казалось, дом затягивают паутинной сетью.

— Три месяца осталось, — сказал Андрис. — Октябрь-ноябрь-декабрь... Страшно подумать.

— Правда? — спросил Тони. — А я ничего не чувствую.

— Я просто никогда не думал, что доживу, — сказал Андрис. — Как-то я не видел себя в двадцать первом веке. Далекое светлое будущее...

— Серьезно? Так и думали: далекое и светлое?

— Не знаю, — пожал плечами Андрис. — Может, и не думал. Просто я всегда был здесь, а оно — где-то там, далеко... Хотя, с другой стороны — чем тебе не светлое? Все сыты, одеты, читают что хотят, говорят что вздумается, ни тебе рвов, ни лагерей, ни погромов... Так или нет?

— Ну да, — сказал Тони. — Это то, чего нет. А что — есть?

— Вот ты о чем... Понимаешь, у нас была такая... м-м... насыщенная жизнь, что всем казалось, даже самым умным: достаточно ликвидировать злое...

— Но теперь вы так не думаете?

— Теперь я в этом сомневаюсь. А ты как думаешь?

— Я не столько думаю, сколько чувствую: что-то должно быть, а его нет. Какой-то вакуум образовался и так отчетливо в себя всасывает... сначала всякий мусор, пыль...

Андрис помолчал, подумал. Вакуум. Вакуум — это такая хитрая материя...

— А может быть, оно — то, что должно быть, — уже есть, — сказал он. — Только мы его не ощущаем. Не отрастили органов чувств. Ну, не видим же мы инфракрасный свет, например.

— Может быть, — сказал Тони. — Может быть и так... Кстати, мы пришли.

Обнесенное невысоким парашютом, в тротуаре темно овалное отверстие, и полукруглые светящиеся ступени вели вниз. По парашюту разноцветными глянцевыми шариками было выложено: «Клуб одиноких генералов».

— Что-то у вас всё в подвалах, — сказал Андрис. — Библиотека в подвале...

— А по-моему, удобно, — сказал Тони.

— Удобно... — проворчал Андрис. Подвалов он не любил: ему было двенадцать лет, когда какой-то бродяга заманил его в подвал и попытался изнасиловать. На шум прибежал сосед-полицейский. Чем черт не шутит, подумал Андрис, может, и повлияло это на решение — идти в полицию?.. Испугался он тогда до потери речи и не разговаривал несколько месяцев.

— Вы только не бойтесь и ничему не удивляйтесь, — сказал Тони. — Они тут ребята веселые...

Внизу было совершенно темно, только белая полоса под ногами вела вперед и за угол направо. Было как-то неловко ступать на пружинящее покрытие возле этой полосы: Андрис еще не успел настроиться на игру. Из-за поворота пахнуло горячим воздухом. Полоса кончилась, они остановились. Перед ними, шагах в четырех, лежала голова дракона. Уродливая, бугристая, с костяным гребнем, начинающимся от кончика носа. Выступающие верхние клыки впились в пол. Дракон медленно открывал глаза. Белки глаз были красные, с прожилками — как с большого похмелья. В зрачках плясали огни факелов. Андрис оглянулся: за спиной стояли два коренастых уродца с факелами и дубинами в руках. Сзади, из темноты, проступало еще что-то. Дракон прикрыл глаза, разинув пасть, высунул неожиданно толстый розовый язык и облизнулся, как кот. Негромко рыкнул, наклонил голову набок, раскрыл пасть как мог широко — стало видно черное ребристое небо и глубокое кольчатое горло, — надвинулся на Андриса и Тони и захлопнул пасть с костным лязгом и чавканьем. Снова наступила полная темнота, а потом впереди засветился голубым светом прямоугольник двери и возникло тихое пение. Мимо лица Андриса пролетел маленький, с воробья, ангел. Прямоугольник надвигался, и внезапно они оказались на цветочной лужайке. Позади кто-то звонко смеялся. Андрис оглянулся: козловогий фавн погнался за брызнувшими в разные стороны нимфочками, догнал одну, подхватил на руки и потащил в лес. Остальные, сгибаясь от смеха, вновь собирались в стайку. Вдруг одна увидела

Андриса и Тони, закричала радостно: «Мужчины, мужчины!» — и все нимфы, как подхваченные ветром, бросились к ним. Они бежали, толкая и обгоняя друг дружку, с голов их падали венки, волосы их развевались... они бежали все медленнее, уже не бежали, а плыли в воздухе, и Андрис с каким-то странным чувством — с сожалением? — смотрел на их стройные, загорелые, идеальные тела, на смеющиеся лица, на руки, вскинутые вверх...

— Господа, господа, отвлекитесь! — сказал кто-то сзади, Андрис оглянулся: там была стойка бара, на табуретках вокруг нее сидели разного возраста мужчины — только мужчины, — и бармен жонглировал шейкером. Это он и сказал. — Прошу. — Он выставил на стойку два высоких бокала, бросил лед и влил в бокалы — тонкой струйкой с большой высоты — светло-лимонную, чуть опалесцирующую жидкость. Пить надо было через соломинку. Розовую с черной линией. Андрис попробовал. Коктейль был крепкий и необыкновенно вкусный.

— Как это называется? — спросил он бармена.

— «Особый генеральский», — сказал бармен. — Но больше одного бокала не положено.

— Мне просто интересно, — сказал Андрис.

— Это пожалуйста, — сказал бармен.

Опять разлилось голубое сияние, немного погода раздался звонкий смех и визг, но от стойки изображения видно не было. У двери стояли трое ребят, одетых подчеркнуто одинаково: серые мешковатые свитера и серо-черные полосатые брюки. Ребята смотрели куда-то не отрываясь. Наверное, там, куда они смотрели, с криком «Мужчины! Мужчины!» бежали нимфочки.

Тони тронул его за рукав.

— Дядюшка, — шепнул он. — Как у вас с рукопашным боем?

— Нормально, — сказал Андрис. — А что?

— А то, что у этих — превосходно.

— Кто это?

— Кристальдовцы, — сказал Тони. — Слышали про таких?

— Слышал, — сказал Андрис и сообразил, кого ребята ему напомнили: да самого Эрнесто Кристальдо после второго своего процесса, когда он получил сенсационный срок: девятьсот девяносто девять лет каторжных работ; эта фотография обошла весь мир: в таких вот полосатых брюках и в сером свитере — он хохочет во всю глотку, а судья, разъяренный, орет ему что-то. У Кристальдо были все основания для смеха: через полгода ему устроили побег с каторги, а еще через три месяца танки повстанцев вошли в Ораль. С тех пор Эрнесто Кристальдо — бессменный президент Народной Республики Эльвер, страны с уникальным общественным устройством. И вот уже двадцать лет он не снимает военную форму...

Кристальдовцы сели у дальнего от Андриса конца стойки, что-то сказали подошедшему бармену; тот кивнул и налил им не «Особый генеральский», а чистый эльверский ром из черной кубической бутылки.

— И что же — часто рукопашные бывают? — спросил Андрис.

— Они же бешеные, — сказал Тони.

— А эльверские студенты у вас тут учатся?

— Конечно. Эти вокруг них и крутятся.

— Интересно... — протянул Андрис.

— Да не очень, — сказал Тони. — Эльверцы эти... Что они с девушками нашими делают — словами не передать. Наглые — а не пожалуешься... В позапрошлом году это было — пожаловались девочки. В деканат. Пристают, мол, не отобьешься. В общежитиях в комнаты вламываются... ну и все такое. Деканат возьми и сообщи в посольство. Через месяц студентов отозвали — а было их человек сто пятьдесят. Еще через месяц прислали новых. Разумеется, этих спрашивают: а где, мол, те? Отвечают: расстреляны как враги революции. Сто пятьдесят человек! Боже ты мой, что тут было потом... Одна из тех девчонок из окна выбросилась, простить себе не могла. А Ева — вот та, с которой я разговаривал, — стала колотиться. Так что те ребята, которых прислали, — они теперь как бы неподсудные. Что ни сделают — все с рук сходит. Они и пользуются... всюю... Иной раз морду набьем — и все.

— А эти, кристальдовцы?

— Сильно в гору пошли. Липнут к ним, особенно те, кто сразу после школы...

— Ну еще бы — такая реклама... Интересная история. Ладно. Как развлекаться будем? Тут кегельбан есть?

— Тут все есть. И кегельбан, и... все, в общем. Все есть.

Язык у Тони слегка заплетался, и слово «кегельбан» он выговорил в два приема.

Кристальдовцы встали и прошли в дверь, обрамленную аркой из красного кирпича — старого, в выбоинах от пуль.

— А там что? — показал Андрис им вслед.

— Автоматы, — сказал Тони. — Неинтересно. Нам в другую сторону.

Чертовски пьяный коктейль, подумал Андрис. Чертовски крепкий и чертовски пьяный. Шаг неверный и движения размашистые. Один бокал — как полбутылки коньяку... натошак, понял он. Не ел же сегодня. Бутербродики — это что, еда?

— А поесть тут дают? — спросил он Тони.

— А мы что — есть сюда пришли? — осведомился тот. — Мы пришли развлекаться. Хотя да, и есть тоже. Тогда — сюда.

— Лабиринт какой-то, — сказал Андрис.

— Это вообще черт-те что, а не заведение, — сказал Тони. — Но мне нравится. После полуночи вообще иногда такое устраивают — о!

— Как на входе?

— Еще смешнее. Тут и сядем. — Они сели за столик под капроновой пальмой, и к ним тут же подкатил робот-официант, похожий на оживший скелет кенгуру.

— Что желают господа? — фальцетом спросил он.

— Это ты, Проспер? — спросил Тони.

— А, Тони! Привет, — сказал робот. — Да, это я. Как дела?

— Вот, познакомься с дядюшкой.

— Здравствуйте, дядюшка! — сказал робот и помаhal четырехпалой рукой. Андрис поклонился.

— Ужин? — поинтересовался робот. — Или?.. — Он пошевелил пальцами возле шейных позвонков. Глазки его вспыхнули и погасли.

— Ужин, — сказал Тони. — Какого-нибудь мяса. Мы весь день не ели. И по кружке пива.

— Принято, — сказал робот, пискнул и, повернувшись на месте, укатил за кулисы.

— Забавная штучка, — сказал Андрис. — Радиоуправление?

— Частично, — сказал Тони. — Разговаривает, конечно, человек. У них вокруг кухни три зальчика, и на все три один живой официант. Сидит, командует этими скелетиками. Неплохо придумано, правда?

— А я, между прочим, видел Кристальдо, — сказал Андрис. — В позапрошлом году, в Алжире.

— Как это вас занесло в Алжир? — спросил Тони. — Да еще в позапрошлом году?

— Совсе не то, что ты думаешь, — сказал Андрис. — В позапрошлом году я занимался только наукой. В Алжире был конгресс. Но вот из-за того, о чем ты подумал, конгресс почти не состоялся. Мало кто приехал, ну и все остальное. И вот сидим мы в аэропорту, самолета, естественно, нет, и вдруг прилетает Кристальдо. На двух «меркуриях». На одном он сам, на другом охрана. Мне больше всего охрана понравилась. Ты не слышал про его охрану? Нет? Ни за что не догадаешься. Девушки-негритянки! Не знаю, в каком племени он их таких набрал: все под метр восемьдесят — метр девяносто, тонкие, ноги от подмышек, волосы шпалкой, в шортах и безрукавках, автоматы, гранаты — и красотища, и жуть. Сразу все оцепили, прочесали, нас согнали в одно крыло, держат — автоматы у бедра, глазами стригут — не шевельнешься. Кристальдо прошел — и как смыло всех, как и не было их тут. Быстро, четко... пантеры, ей-богу. Я больше на них смотрел, чем на него.

— Не сомневаюсь, — сказал Тони.

Подкатил робот. Там, где у настоящего кенгуру должна быть сумка, у него торчали веером три подноса с тарелками и судками. Он ловко и точно расставил все на столе, водрузил на середину две большие кружки

темного пива, сказал: «Приятного аппетита, Тони! Приятного аппетита, дядюшка!» — и укатил, помахивая салфеткой. И только тут Андрис почувствовал настоящий голод.

Шар с негромким рокотом прокатился, ни на сантиметр не отклоняясь от осевой, и врезался точно в вершину пирамиды. Кегли брызнули в разные стороны.

— Четко, — сказал за спиной Тони.

Андрис, не оборачиваясь и не отвлекаясь, взял вернувшийся шар. Пирамида выстроилась вновь. Он качнул несколько раз руку взад-вперед, рука должна была обрести самостоятельность и не слушать шепотков ненадежного рассудка. Шар опять пошел точно по осевой и снес все кегли. Дожидаясь, пока шар вернется и пока снова выстроится пирамида, Андрис рассматривал свои часы. Кажется, он впервые видел их. Третий шар отклонился на сантиметр, и одна из задних кеглей постояла, пошатываясь, но тоже упала.

— Класс, дядюшка, — сказал Тони.

— «Не-дрогнет-рука», — сказал Андрис с улыбкой. — Так меня когда-то звали.

Он подошел к витрине с сувенирами. Предстояло что-то выбрать. Тут были куклы, бутылочки с коньяком, радиоприемники. На самом верху висел охотничий нож в кожаных ножнах.

— Вот это, — показал на него Андрис.

— Это на пятьдесят очков, — сказал держатель кегельбана. — А у вас тридцать.

— Тогда еще два шара. — Андрис подал ему смятую трешку.

— Если вы недоберете хотя бы одно очко, — начал держатель, но Андрис прервал его:

— Знаю.

Он набрал все.

— Первый раз вижу такое, — сказал держатель. — Этот нож с позапрошлого года висит.

— Значит, меня ждал, — сказал Андрис. На лезвии был вытравлен фирменный знак: силуэт белки. Сталь была матовая, с глубоким синим отливом.

— Теперь мы при оружии, — сказал Андрис и сунул нож в узкий кармашек на бедре — специальный кармашек для ножа.

— Сопрут, — сказал Тони.

— Кто — генералы?

— О, это такие пройдохи...

Было без десяти двенадцать, когда заиграла музыка и бархатный голос пригласил всех желающих спуститься на второй уровень в круглый зал, где начинается работу голотеатр.

— Ну как? — спросил Андрис. — Развлечемся?

— А для чего мы сюда еще пришли? — удивился Тони. — Голо — бывает очень интересно.

Это, положим, Андрис знал и без него.

На второй, еще более низкий уровень вела спиральная лестница. Только теперь Андрис понял, что за помещение занимал клуб: старое, военных времен бомбоубежище. Неплохо устроились господа одинокие генералы, неплохо... Он вдруг увидел все это — вокруг — так, как оно было изначально: некрашенные стены, деревянные скамейки, железная лестница, ведущая еще ниже — в машинный зал: генератор, воздушные и водяные насосы, фильтры... желтоватый полумрак, шорохи, сдавленное дыхание, глухие удары — далеко, ближе, еще ближе... В центре круглого зала стояло сооружение, похожее на большой низкий стол с десятком ножек, и по краю стола симметрично лежали, отражая огни, зеркальные полусферы размером с солдатскую каску. Вокруг сооружения в несколько концентрических кругов стояли маленькие кофейные столики и легкие кресла. Многие столики были уже заняты, и между ними сновали роботы-официанты.

— Вот здесь и сядем, — сказал Андрис, останавливаясь возле одного из свободных столиков. — Хорошо будет видно?

— Нормально, — сказал Тони. — Тут плохих мест нет.

Они взяли кофе. Зал был уже почти полон.

Ударил гонг.

— Полночь, господа!!! — Густой реверберирующий бас опустился сверху, накрыл, как пушистая сеть. На-

верняка к голосу были добавлены какие-то дополнительные звуковые эффекты, потому что Андрис почувствовал, как по хребту прошла тугая волна — если бы там росла шерсть, она встала бы дыбом. Тони заерзал — видно было, что ему хочется оглянуться. — *Полночь — час духов!!!*

На границе слышимости возникла музыка. Музыка была под стать голосу — от нее внутри, где-то за грудиной, натягивалась и начинала гудеть, как провода под ветром, холодная струна. Но с нарастанием громкости музыки холод исчезал и наконец сменился теплом — тепло родилось в лице, в кистях рук и в коленях, быстро растеклось по телу, и теперь каждая мышца тихонько вибрировала в такт музыке. В такт музыке вибрировал свет. Вдруг, оборвавшись медным ударом, музыка погасла. Свет остался — он просто собрался в один столб, в самой середине зала. Из темноты в столб света шагнул человек, затянутый в черное трико.

— Господа! — сказал он. — Мы рады приветствовать вас сегодня здесь, в нашем театре. Устраивайтесь поудобнее и готовьте ваши души к чудесам. Сегодня для вас работают Марина Сомерс и Дан Ниниан! Поприветствуем их!

Рядом с ним возникли две такие же черные фигуры — мужчина и женщина. Мужчина был незнаком, а женщину Андрис узнал сразу: это была та красавица из библиотеки — и еще откуда-то из памяти... на миг показалось, что вспомнил — нет, показалось. Марина Сомерс. Совершенно незнакомое имя. Никогда не слышал.

Но ведь видел же где-то...

Трое на эстрадке помахали зрителям, поклонились и отступили в темноту. Свет растекался по потолку, клубясь, как дым. Потом медленно померк. Стало темно. В темноте происходило какое-то легкое перемещение. Замерцали лиловатым светом полусферы. Откуда-то сверху стал спускаться ломкий звенящий звук — растянутый надолго звон тонкого хрустального бокала. Там, в вышине, — никакого потолка уже не было — колыхалась поверхность воды, гибкое живое зеркало, ни на миг не прекращая игры с солнцем — ломая и расщепляя его

лучи, заставляя их так и этак прошивать зеленоватую толщу и теряться в глубине ее; а вокруг громоздились кораллы, обросшие медленными водорослями, и проплывали стайками, сверкая, как искры, маленькие рыбы. Потом все сдвинулось и поплыло, и показался глубокий темный провал, у которого не было дна и края, — вода потемнела и сгустилась, как оно и должно быть в бездне. Но там, в провале, зацепившись за что-то, висел древний галион, весь в черных лохмотьях, и что-то медленно и мощно двигалось возле него или вокруг него. Потом галион стал приближаться — чувство погружения было таким настоящим, что у Андриса заломило в ушах. На марсовой площадке стоял скелет, вытянув вперед руку. Еще один скелет висел, покачиваясь, на рее, жутко скалился. Скелет, стоящий за штурвалом, был в красном шерстяном колпаке, а позади него четыре скелета играли в кости. Движения их были медленны и плавны — как движения увлекаемых водой водорослей. Внизу, на палубе, скелеты прогуливались под ручку или стояли в задумчивости, облокотясь на фальшборт. Потом крышка люка, ведущего в артиллерийскую палубу, стала медленно открываться.

Боковым зрением Андрис уловил какое-то постороннее движение, и что-то мелькнуло, быстро и резко, сквозь паруса и надстройки. Вспышка — белая, звездчатая — ослепила его. Звука он не услышал, просто ударило в лицо и насквозь. Ему показалось, что он сразу вскочил на ноги. Вокруг горело. Кричали — он слышал крики не ушами, как-то иначе. К голове будто приложили подушки — к ушам, к лицу. Разгоралось все ярче, уже что-то можно было видеть, хотя в глазах еще метались желтые пятна. Горел термит — белое бенгальское пламя с искрами, — и занимались от него дерево, пластмасса, краска, ткань. Термитная граната, понял Андрис, кто-то бросил гранату — слабый взрывной заряд и полсотни термитных шариков. Надо было что-то делать. Тони поднимался сам, озираясь и еще не понимая ничего. Дышать было уже нечем. «Наверх! — прокричал ему в ухо Андрис. — Наверх!» На винтовой лестнице было убийство. Андрис вдруг вспомнил, что видел еще одну дверь — заметил, когда вошел, но не обратил

особого внимания. «Туда!» — Он показал рукой направление. Тони понял. Надо было обойти эстрадку. Путаясь в опрокинутых креслах, они пробирались к выходу. Термит погас, догорел, в дымном пламени пожара все казалось багровым. Дышать было нечем, от дыма не было спасения. Тони падал от кашля. Под эстрадой кто-то лежал. Андрис наклонился, схватил, поднял — это была та самая девушка. Волосы были те же. Лицо скрывала странная толстая маска, на руках были перчатки до локтей — толстые, рубчатые. Тони открыл дверь, и Андрис с девушкой на руках вбежал туда — в коридор? — непонятно, слишком темно. Тони шел впереди, нащупывая путь. Андрис шел следом. Тони остановился. В лицо тянуло холодным затхлым воздухом. «Дверь», — сказал он и закашлялся. Андрис опустил девушку на пол, пошарил руками перед собой. Это была железная дверь лифта, она была приоткрыта, дальше шла пустота. Сетка ограждения шахты подергивалась — кто-то, цепляясь за нее, лез вверх. Андрис, придерживаясь за край дверного проема, просунул в шахту и пошарил перед собой. Рука наткнулась на натянутый трос. Лифт был еще ниже, под ним. Сколько тут вообще этажей?.. Сверху доносилось пыхтение и позвякивание сетки. Андрис вцепился в трос, полез вверх. Хорошо хоть, проволоочки не торчат... Тот, кто лез перед ним, что-то услышал, замер. Замер и Андрис. Потом раздался выстрел. Пуля прошла мимо — тот стрелял прямо вниз, под себя, думал, что лезут тоже по сетке. Вспышка выстрела была на полметра выше Андриса. Он подтянулся еще раз, ногой оплел трос и попытался достать того, кто стрелял. Под пальцами скользнула одежда, и вцепиться удалось только в лодыжки. Тот брыкнулся, но Андрис не отпустил, наоборот — оторвал ногу от сетки, схватился за сетку сам — так, чтобы тот не смог сразу найти опору; тот, наверное, снова потянулся за пистолетом, и Андрис рванул его за вторую ногу — чтобы не упасть, тот вцепился в сетку и уронил пистолет. Пистолет ударил Андриса по голове и улетел вниз. Они боролись, вися на сетке, как обезьяны. Андрис пропустил удар коленом в грудь, чуть не упал, противник рванулся вверх и выиграл полметра, опять ударил коленом, теперь в голову,

но промазал, удар прошел по касательной. Тогда Андрис, из последних сил удерживая эту бьющую ногу, отпустил сетку, выхватил нож и полоснул своего противника по ахиллу. Противник вскрикнул и повис на руках. Андрис подтянулся, приставил нож к его груди и приказал: «Вниз!» Он слышал дыхание, запаленное, полное боли и страха.

В коридорчике перед шахтой оказалось неожиданно много людей — десять-двенадцать. Дверь была сорвана с петель, и в треугольном узком просвете корчилось пламя. Из шахты лифта шел холодный, сырой, затхлый воздух каких-то подземелий. Андрис повалился на пол — ноги не держали. Тони требовал ремень или подтяжки — ему суетливо передавали. Кристальдовца — это был кристальдовец — хотели бить, но Тони не позволил. В голосе его зазвучали полицейские нотки, это подействовало. Он связал кристальдовцу руки, хотел связать ноги — тот заорал. Рана обильно кровоточила. Икру перетянули жгутом. «Зачем, сука, зачем?» — кричал ему Тони. «Ренегаты, кусты, онанисты вонючие», — отвечал тот. Неизвестно, что происходило наверху, был слышен только рев пламени и треск. Наконец Андрис смог сесть. Дрожь еще не прошла, но тело слушалось. Девушка лежала рядом с ним. Он стащил с нее маску, наклонился. Она дышала. Перчатки были хитро застегнуты, он повозился, стаскивая их. Пульс был — вполне приличный. Потом она открыла глаза. «О боже, — простонала она. — Что же это?..» — «Тихо, тихо, тихо, — сказал Андрис, положив ей ладонь на лоб. — Все в порядке».

Горело еще час. Потом еще час нельзя было выйти из-за жара и дыма. Ток воздуха из шахты постепенно слабел — тяга падала. Если горело и наверху, то теперь или догорело, или погасили. Снова стало темно, по углам что-то дотлеvalo. На всех, кто спасался в коридорчике, оказалось четыре зажигалки и три неполных коробка спичек. Дверь была из негорючего силиковуда, но фленка двери — повезло — просто деревянная, и там, где дверь ее прикрывала, она не сгорела. Андрис отщепнул ножом несколько лучин, сложил пучком, свя-

зал — факел был готов. С ним пошли еще двое: пожилой, но крепкий мужчина с офицерскими замашками и хриплоголосый парень. Пол вспенился, нога погружалась по щиколотку в горячую хрустящую губку. Все сгорело дотла, до металлических каркасов; с потолка свисали уродливые, похожие на перевернутые сморчки сталактиты: пластмасса светильников тоже вспенилась. Возле лестницы, ведущей вверх, лежали четыре обгорелых трупа — все скорчившиеся, как боксеры в глухой защите. Еще два лежали на лестнице. Там, куда выходила лестница, тоже было темно и душно, еще душнее, чем внизу. Андрис помнил, что в это помещение с лестницей ведут снаружи широкие двери, но сейчас их не было: на их месте стояла глухая бетонная плита. Он поколотил ее рукояткой ножа, поозирался — хриплый парень уже тащил откуда-то что-то тяжелое, бесформенное, спекшееся. Это был сгоревший робот-официант. Втроем его подняли, раскачали — в нем было килограммов шестьдесят весу — и стали бить бетонную стену. Через минуту с той стороны ответили. Еще через минуту раздался визг и скрежет — бурили бетон. Сверло показалось из стены, исчезло, оставив после себя отверстие, в которое можно было просунуть руку. «Эй, вы там что — живые?» — спросил кто-то с той стороны. «Живые, — сказал Андрис. — Нас тут человек пятнадцать». — «Эту штуку невозможно поднять, — сказали оттуда. — Надо будет высверливать дыру. Работа часа на два. Потерпите?» — «Давайте воду и фонари, — сказал Андрис. — Да, и бинтов». — «У вас раненые?» — «Один». С той стороны закричали, чтобы скорее несли воду в бутылках и перевязочные пакеты. Передали несколько фонарей. Стали передавать воду — фруктовую и минеральную. Андрис выпил одну бутылку, не почувствовав вкуса. Остальные бутылки рассовал по карманам, за пазуху — и, подсвечивая себе фонарем, стал спускаться. Напарники пока остались — принимать груз. На лестнице встретились еще двое — поднимались наверх, светя зажигалкой. «Помочь?» — спросили его. «Не обязательно, — сказал Андрис. — Скоро нас вытащат». Они все же пошли наверх. Оставшиеся в коридорчике сидели тихо, кто-то спал. Воде обрадо-

вались, пили жадно. Андрис перевязал кристальдовца, напоил его. Кристальдовца лихорадило. В беспощадном свете фонаря он стал маленьким и жалким. Пацанчик, лет семнадцать. Дурак дураком. Но — «шесть холодных на борт принял». Пожизненное заключение, «экспресс». Тюрьма строго режима Хок-Гобуж на острове Земля Таисии, далеко за полярным крутом. Андрис был там дважды по делам Центра. Средняя продолжительность жизни заключенного составляла шесть лет. Администрация не вмешивалась в порядки, установленные самими заключенными. Общество Хок-Гобужа было интересно настолько, что Андрис попытался организовать комплексную этнографическую экспедицию — изучать его изнутри; он носился с проектом, пока не понял, что поддержки ему не будет: слишком нежелательны стали бы материалы экспедиции для идеологов «нового пути». Обо всем этом Андрис поговорил с Хапшой, и Хапна дал ему почитать огромную, на пятьсот страниц, работу некоего Е. Файнгара, озаглавленную: «Новый неолит, или Бремя летних отпусков». Работа понравилась Андрису, но оказалось, что Е. Файнгар уже умер. Отсидев пять лет в обычном лагере, он не просто сумел адаптироваться, но и проанализировать жизнь заключенных с точки зрения и этнографии, и социологии. Среди прочего он проводил и богато иллюстрировал мысль примерно следующую: общественные отношения в лагере соскальзывают далеко в прошлое, к родоплеменному строю — примеры, примеры, примеры обычаев и отношений в лагере и обычаев и отношений каких-нибудь эскимосов или никому не известных папуасских племен — видно было, что Е. Файнгар знает предмет великолепно, — поэтому, чтобы уравновеситься с окружающим миром и иметь с ним контакты (а такое равновесие, понятно, имеется), в системе отношений в лагере должны также присутствовать элементы, пришедшие из будущего — далекого и не очень. Сюда он относил абсолютную, не зависящую ни от чего гарантированность продовольственного и вещественного минимума, крышу над головой — и постоянную, непреодолимую, неизбежную погруженность в «поле общей ментальности» и, как следствие, насильственную социализацию и политизацию

каждого индивидуума... Пытаясь разглядеть в отдалении прекрасные черты будущего, писал он, мы обычно не смотрим себе под ноги и потому вляпываемся в это будущее по самые ноздри и долго не можем понять, чем так пахнет; однако рано или поздно приноживаемся и перестаем обращать внимание. Искать проявления будущего, писал он дальше, надо там, где наиболее сильны рецидивы прошлого: именно так защищается настоящее, пытаясь сохранить себя в неизменности. Принято почему-то считать, что будущее должно быть прекрасно, и это его главный отличительный признак. Абсурд: прекрасным может быть только нечто хорошо известное; будущее всегда пугающе безобразно. Став настоящим, оно приобретает некоторые привлекательные черты — в нем уже можно жить. Став прошлым, делается прекрасным и вызывает ностальгию, поскольку впереди маячит что-то новое, неизвестное и угрожающее. Нормальные люди, замечает Е. Файнгар, предпочитают не всматриваться в реальное будущее; они просто по-детски неумело пытаются изобразить рай, покинутый их прародителями...

Андрису хотелось что-то подобное сказать кристальдовцу, но он никак не мог найти простую и конечную форму того, над чем думал давно и много. Он ничего не сказал, поставил фонарь так, чтобы луч рассеивался на потолке, и сел рядом с девушкой.

— Скоро выйдем, — сказал он. — Как вы себя чувствуете?

— Спасибо, — сказала она. Голос ее был напряженный — видимо, приходилось терпеть боль. — Мне сказали, что это вы меня вынесли. Спасибо.

— Чисто рефлекторно, — сказал Андрис.

— У вас здоровые рефлексы, — сказала девушка.

— Да уж, — усмехнулся Андрис. — Здоровые...

— Здоровые. Другие рефлекторно дернулись к лестнице.

— Это и есть здоровый рефлекс — дернуться к лестнице.

— Не рефлекс, инстинкт.

— Ну инстинкт... — Андрис помолчал. — Скажите, где я мог вас видеть?

- Это тоже рефлекс?
- То есть?
- Задавать женщинам этот вопрос?
- Нет, обычно я знакомлюсь по-другому.
- Выносите из огня?
- Например.
- Замечательно.
- Я говорю чистую правду: я где-то вас видел, но никак не могу вспомнить.
- Знаете, я совершенно не могу сосредоточиться...
- Не надо.
- Меня раз фотографировали для журнала.
- Какого?
- «Информатика и информатроника». В позапрошлом году. С вот такой улыбицей. На обложке.
- Нет. Не видел этого журнала.
- Оно и понятно.
- Почему?
- Специалисты никогда не ходят на голо.
- Дурной тон?
- Что-то вроде. Раздражает.
- Раздражает... Тони, сколько времени?
- Без пяти три, — сказал Тони. Голос его был усталый. Кристальдовец спал, привалившись к стене. Или был в обмороке.
- Скоро до нас доберутся, — сказал Андрис.
- Да, — сказала девушка.
- Вы тут постоянно работаете?
- Да это не работа. Хотя — платят же... Иногда, вечерами. У них приличная арматура. Была. Ну да ничего, купят еще. Подождите, где-то же должна быть моя маска? — Она приподнялась и стала осматриваться.

Андрис подал ей маску и перчатки. На маске изнутри было множество желтых блестящих точек. Расположенные неравномерно, они образовывали портрет странного, искаженного не то болью, не то гневом лица. Подобные микросенсорные маски, снимающие биотоки с мимических мышц и активных точек лица, Андрис видел и раньше — ими пользовались операторы систем противоракетной обороны. Но датчиков на тех масках было гораздо меньше.

— Сколько же здесь контактов? — спросил он.

— Восемьсот пятнадцать. И по сто пятьдесят в перчатках.

— Богато, — сказал Андريس. — А, извините, где вы вообще работаете?

— В институте биофизики.

— У... э-э... Радулеску?

— В какой-то мере. А что?

— Просто так.

— Забавно — когда говорят о нашем институте, обязательно вспоминают дедушку. Он что, так широко известен?

— Выходит, так.

— Жалко. Получается, что вы судите о нас по одному диноцефалу.

— Диноцефалу?

— Были такие — еще до ящеров.

— Я вообще о вас не сужу. Я про вас ничего не знаю, как я могу судить?

— Про Радулеску же вы откуда-то знаете?

— Про Радулеску я тоже ничего не знаю. Фамилию только слышал, и все.

Далекие, приглушенные толщей бетона завывания бура прекратились, потом грохнуло — упало что-то тяжелое.

— Ну вот, — сказал Андريس. — Можно и выходить.

Декан был моложав и делал вид, что куда-то спешит. Андريس же, наоборот, тянул резину и страшно жалел, что старик Ломброзо сейчас не здесь: декан являл собой тип рафинированного жулика. Такой просто не мог не брать. Рука Андриса непроизвольно тянулась к бумажнику. Наконец сошлись на том, что деканат пока не будет давать ход делу — по крайней мере до окончания следствия. Намек Андриса на то, что в случае благоприятного исхода благодарность родственников обормота Тони будет безмерной, декан воспринял очень сдержанно. То ли намек был недостаточно прозрачен, то ли представления декана о безмерности расходились с общепринятыми.

— Ну вот, — сказал Андريس обормоту Тони, который дремал на скамейке в сквере. — Можешь идти на лек-

ции. Пока что я тебя отстоял. А то, может, еще и в полицию сбегая — пусть дело прекращают?

— И так прекратят, — сказал Тони. — У них на меня никакой компры нет. Не хочу я на лекции. Я спать хочу.

— Ничего себе — спать! — возмутился Андрис. — Спать знаешь когда будем?.. — Он хотел сказать, когда именно они будут спать, но передумал. — Давай-ка найдем какой-нибудь уединенный телефон.

— Телефон... — пробормотал Тони. — А, телефон. Телефон есть.

— Опять где-нибудь в подвале?

— Нет, — Тони помотал головой, стряхивая с себя остатки сна. — Наоборот.

Они обошли учебный корпус и направились к зданию общежития: двум шестнадцатизэтажным бапням, соединенным перемигками-галереями: между четвертыми и десятými этажами. Двухэтажный цоколь здания был весь из стекла. Все это было бы даже красиво, если бы красоту не портила не то незавершенность, не то запущенность: потеки на стенах, грязь, трещины в стекле, кое-где стекло не было вовсе. Возле парадного в ряд стояли мусорные баки. В лифте воняло. На панелях чем-то красным было написано: «Оставь одежду, всяк сюда входящий». Ниже: «Нельзя так жить, люди!» Крик души. Под вентиляционной решеткой висел приклеенный намертво плакат: портрет Кристалдо в две краски и лозунг: «Народ всегда прав!» Кто-то пытался плакат отскоблить — не получилось.

На десятом этаже Тони постучал в дверь с надписью: «Телецентр». «Кто?» — спросили из-за двери. «Это я, Ольвик», — сказал Тони. Ему открыли. В комнатке было не повернуться — аппаратура и груды журналов. Тут же была дверь в другую, смежную комнату, светлую и более просторную. Там стояла телекамера. Парень сказал: «Хорошо, что ты пришел. Покарауль, я скоро приду. Никого не пускай». Тони запер за ним дверь. Андрис нашел телефон, снял трубку. Аппарат был старого типа, и он повозился, прилаживая декодер к наушнику. Потом набрал нужный номер, дождался гудения, сказал: «Август. Информацию» — и стал ждать. Через минуту декодер заговорил искусственным голосом.

С институтом все было просто. На балансе лаборатории волновой и акустической транслокации числилось семь предметов из драгоценных металлов стоимостью двадцать одна тысяча триста пятнадцать динаров каждый; предметы именовались «информационными носителями ЭЛТОР». Согласно правилам, установленным для хранения такого рода предметов, они содержались в бронированном сейфе, установленном в специально оборудованном и охраняемом помещении. Предметы приняты на баланс четвертого марта сего года. Распоряжение об оплате подписано лично директором института, действительным членом Академии, профессором Василе А. Радулеску. Точка. Далее: из допроса Штефана Рацека, девятнадцати лет, уроженца города Скрей, члена ультралевой группировки «Рука Эльвера», студента филологического факультета, стало ясно, что диверсия, совершенная им, имела целью уничтожить гнездо разврата и пресечь социальную деградацию граждан; центральный комитет «Руки Эльвера» постановил считать все компьютерные игры, в которых осуществляется обратная связь по типу В и С, атрибутикой социального онанизма, предназначенной для отвлечения граждан от актуальных проблем современности и ведущей к резкому снижению их социальной активности. Решение о диверсии принято им самостоятельно. Точка. Конец сообщения.

Н-да... А между прочим, выражение «социальный онанизм» уже проскакивало где-то; ну да, сам Кристальдо запустил его в оборот, произнося речь то ли в ООН, то ли в «Ассамблее Юг—Запад» — но речь тогда шла о наркотиках. Точно, точно. Эльвер объявил себя зоной, свободной от наркотиков, — и, похоже, действительно ею стал. По крайней мере, Хаппа утверждает, что так оно и есть. Методы у них, правда... но опять же: зачем иметь много денег в стране, где их нельзя потратить? В стране, где вообще нельзя иметь неучтенные деньги? Где вообще нельзя иметь ничего неучтенного? Все равны перед цифрой... Никогда не пойму, почему это так привлекает нынешнюю молодежь... хотя только ли нынешнюю? Вся история рода людского — история бегства от свободы. Из царства свободы — в царство осознанной

необходимости. Не просто осознанной — обожествленной. Кстати, ты и сам такой — вспомни. Хотя... Кстати, тот же Е. Файнгар писал, что, пока молодежь отбрасывает от себя ценности отцов, общество движется в прежнем направлении — закон реактивного движения; опасения должны возникать, когда она их почему-то не отбрасывает...

— Знаете, дядюшка, — сказал Тони, — мне кажется, что вам надо поговорить с Рене.

— С этим вот парнем?

— Да. Он здесь все знает куда лучше, чем я. Это же нервный центр. Алеф. Кроме того, он большая умница.

— Значит, поговорим. Ты нас познакомишь?

— Конечно. Вы же видите — из меня получился очень относительный Вергилий.

— Отнюдь. Все было вполне мило.

— Неужели вы не хотите спать?

— Очень хочу. Я ведь почти два месяца совсем не мог спать.

— Почему?

— Болело.

— А, верно, я уже и забыл... Давайте подождем Рене, поговорим с ним... я тут подремлю чуть-чуть...

Тони уткнулся в скрещенные на столе руки и обмяк.

Зря я ввязался, с вернувшейся тоской подумал Андрис. Прежнее чувство — что все ни к черту — вернулось и ныло теперь где-то пониже кадыка. Говорят, там находится душа. Отсюда — закадычный друг. За-кадычный. За-душевный. Воспоминания о Петцере отболели, а сейчас вот опять захотелось, чтобы он побыл немного здесь, рядом. Такие друзья бывают только раз. И вот... Он долго не мог простить Хаппе доктора. Потом притупилось. Доктор, подумал он, еще не понимая, что к чему. В голове будто мигнула сигнальная лампочка. Тут доктор и там доктор...

Петцер говорил, что... они сидели тогда втроем: он, Андрис и Хенрик, Хенрик приволок несколько бутылок настоящего рейнвейна, и доктор, как обычно бывало, пустился в рассуждения — и вырулил на тему борьбы с наркотиками. Тогда только что организовался КБН, и

Заген раздавал направо и налево обещания покончить с безобразием... Все чушь, сказал, морщась, Лео, потому что никто не знает причин явления, которое этот гипертроф собрался искоренять. Кроме тебя, конечно? — поддел Хенрик. Да, сказал доктор. Кроме меня. Только мне, как обычно, никто не верит. Все мы: авгуры, оракулы и кассандры — существа с трагической судьбой, потому что никто не хочет знать, как все будет на самом деле, а хочет только, чтобы его успокоили и сказали, что все будет оч-чень здорово. Ну а все-таки? — спросил Хенрик. Как там насчет причин? Насчет причин так: когда-то, очень давно, один из многочисленных видов обезьян взял да и потерял контакт с природой. О причинах можно догадаться: скажем, произошло резкое изменение условий жизни, какая-то климатическая катастрофа. Все естественные программы функционирования вошли в противоречие с инстинктом самосохранения и отключились. Теперь любой поступок, прежде естественный, инстинктивный, требовал от обезьяны предварительного моделирования его. Сумма этих идеальных моделей реальных явлений и составила то, что можно назвать человеческим интеллектом. Обезьяны, а теперь уже — люди, рождающиеся и вырастающие в поле общего интеллекта, заражаются им. Он сразу, мгновенно, блокирует программы естественного поведения. Отсюда у каждого человека в отдельности и у всего вида в целом возникает и поддерживается отчуждение от природы. Но программы эти, пусть и заблокированные, продолжают существовать, потому что идут непосредственно от генов, — и это вызывает внутренний разлад, дискомфорт, стремление что-то сделать, чтобы преодолеть отчуждение. Наиболее распространенным способом преодоления такого отчуждения является создание предметов второй природы — предметов, явлений, вещей, над которыми человек властен, которые он может постичь, которые принадлежат ему. Вся вторая природа — это, если хотите, мост, который человек в панике громоздит из подручных материалов, чтобы вернуться в лоно матери-природы... Не всем хватает творческой работы — а именно творчество, созидание позволяет чувствовать, что отчужде-

ние преодолевается, — не все имеют одинаковую тягу к преодолению... люди разные, кому-то достаточно изобразить бабочку, кому-то нужно штурмовать небо... короче, постоянно идут поиски обходных путей. Обычно это либо химия, либо так называемые массовые психозы. Химия бывает двух родов: позволяющая нашим внутренним образам занять место реального мира — притом их пластичность сохраняется или даже усиливается, возникает иллюзия слияния с миром, то есть иллюзия преодоления отчуждения — это так называемые галлюциногены; и разного рода суррогаты химических агентов положительных эмоций — здесь мы получаем результат, не решая задачи. И массовые психозы, буйные и тихие... буйные заметнее: ловля ведьм, вурдалаков, шпионов... но тихих больше. Тихие — это восприятие внешнего мира согласно внутренним установкам. Чем больше расхождение между внутренней картиной мира и внешним миром, тем больше работы интеллекту по преодолению этого расхождения, то есть — по преодолению отчуждения; тем большее удовлетворение получается в результате. Вот вам физиологическая подоплека тоталитаризма. Ну, не только, возразил Хенрик. А террор? То есть игра на инстинкте самосохранения. Террором заставляют поверить в государственный миф, сказал Лео. Поверить истово, вопреки всему. И вот когда эта вера войдет в общую ментальность, когда с ней начнут рождаться на свет — тогда и заработает тот механизм, и все начнут ловить кайф от того, что не будут замечать, что действительность не такая, какой должна быть согласно мифу. А самое смешное начинается, когда по каким-то причинам миф начинает распадаться... Точно, сказал Хенрик, это ты прав. Но тогда что же получается: выбор-то не богат? Или тоталитаризм, или наркотики, или всеобщее творчество на всеобщее благо? Четвертого не дано? Видимо, да, сказал Лео. Четвертого не дано. Хотя нет, вру. Дано четвертое. Что именно? — спросил Хенрик. Достижение цели, сказал Лео. Истинное слияние с природой. Да? И как же ты это представляешь? — спросил Хенрик. Никак, сказал Лео. Совершенно вне моих способностей и возможностей...

Весело у тебя получается, сказал через минуту Хенрик, глядя куда-то вдаль поверх бокала. Так весело, что... Не польстить тщился, сказал Лео, а порадеть о благах духовных. Или ты не рад? Рад, сказал Хенрик, как же мне теперь не радоваться... Он открыл еще одну, последнюю бутылку, молча налил себе, молча поднял и молча выпил. И тогда доктор сказал интересную вещь. Он сказал: разум — паразит нашего мозга. Он живет на площади, предназначенной не для него. Потому все так и получается. А для кого же эта площадь? — спросил Андрис. Поживем — увидим, сказал доктор. Я думаю — увидим...

Андрис поднял голову, прислушался. Нет, показалось. Тони спал. Парень, которого они ждали, все не возвращался. Андрис прошелся по комнатам, полистал журналы. Все журналы были музыкальные. Моральным уродом Андрис себя не считал и равнодушие к музыке полагал естественным. Его пытались переубедить, и неоднократно — особенно женщины. Но... На подоконнике лежал магнитофончик, горкой — кассеты. Хотел включить, но не стал — неудобно без хозяина. Город был как на ладони. Вон там — «Палас», а вот, очевидно, вокзал. Да, вокзал. Слева синеватой грядой подступал, втискивался между кварталами Серебряный бор. Воздух был исключительно прозрачен. Осень. Скоро начнут желтеть деревья. В столице уже желтеют...

Но боже ты мой — до чего надоело носить маски! Уже за пятьдесят — и какую же огромную часть жизни занял этот странный, жестокий, непристойный карнавал... жалко, жалко, жалко... Никуда не денешься. Доктор говаривал по подобным поводам: такова структура момента. ТСМ. ТСМ — и приходится жить какой-то прозрачной, схематичной жизнью. ТСМ... Надо было смотреть тогда, в девяносто втором, — в какую-нибудь Швейцарию... стать швейцарцем... и причина была, и поводов — по самые уши... и возможность прекрасная... Проклятый Шерхан. ТСМ.

Щелкнул замок, и вошел тот парень. Рене.

— Извините, задержался... — начал он, увидел спящего Тони и осекся, но Тони уже проснулся, подскочил и стал тереть глаза.

— Нормально, Рене, — сказал он. — Я так... слегка.

— Интересные новости, че, — сказал Рене. Андриса он будто не замечал. Таковы были теперь правила хорошего тона. — Ты знаешь, наверное, что факультет естественных наук выделил два миллиона новыми на помощь семейным и детным? Знаешь, да? Так вот: не будет двух миллионов. Передумали.

— Как? — удивился Тони. — Большой Совет проголосовал.

— Совет проголосовал, а деканат сказал: фиг вам. Деньги делись.

— Плохо дело. То есть со всех сторон плохо.

— Буду делать передачу. Разъяснять и успокаивать. Беда в том, что деканат как-то уж очень подозрительно крутит хвостом.

— А ректор?

— Ну ты же знаешь: я вас не, вы меня не.

— Ловко у него выходит... Слушай, Рене: ты Еву Йенсен помнишь?

— Конечно.

— Я ее вчера видел. Так вот: она полностью завязала. Тебе не кажется, что происходит нечто странное?

— Мне кажется... — Рене сел на стул верхом, скрестил руки на спинке, посмотрел на Андриса, на Тони; Тони ему кивнул: можно, мол. — Еще как кажется. Не далее как вчера обсуждали эту тему.

— Придумали что-нибудь?

— Оригинального — ничего. Все сходятся на том, что кто-то что-то добавляет в питьевую воду. Помнишь работы Кристоффа по сверхразведениям?

— Я же юрист.

— Тьфу, черт, все время путаю, кто есть кто. Конечно, ты юрист. Кристофф показал, что некоторые вещества сохраняют способность воздействовать на живые ткани при концентрациях меньших, чем молекула на литр. Ему тогда чуть было не отвалили нобелевку. Но почему-то не отвалили.

— Я думал, ты что-то знаешь.

— Я знаю только, что кристальдовцы второй год облизываются на систему водоснабжения.

— А что они имеют против компьютерных игр?

— То же, что и против наркотиков: отвлекают молодёжь от революции.

— Игротеки громят не только кристальдовцы.

— Ну не все кристальдовцы признаются, что они кристальдовцы. У них есть, говорят, и тайная организация.

— Все равно не сходится.

— Может быть, че, может быть. Меня сейчас эти два миллиона волнуют больше, чем все игротеки мира. Очень нехороший прецедент — и очень нехорошие настроения в народе. Может быть большая буза.

— Да, это...

— Кстати, о бузе. Сегодня откатники опять идут в «жестянку». Приглашаются все желающие. Где-то около моста все будет происходить.

— Что такое «жестянка»? — спросил Андрис. — И кто такие откатники?

— «Жестянка», или Жестяной бор, — сказал Рене, — это то, что раньше называлось Серебряным бором. До позапозапрошлого года, когда там порезвился фонд Махольского. А откатники — это такие чудные ребята, которые считают, что надо время от времени отдыхать от цивилизации. Разряжаться. Устраивают всякие коллективные действия. Были тут гаитянские студенты, вулдуизму научили. Вот они и... пока, без особой уголовщины.

— Рене, — сказал Андрис, — может быть, я надоел вам со своими вопросами... но это не вполне праздное любопытство. Если можно, то поподробнее насчет Жестяного бора.

— На сколько подробнее? — осведомился Рене деловито. — Могу на пять минут, могу на час.

— То есть вы основательно в курсе дела. Давайте начнем с пятнадцати минут.

Рене слегка откинулся на своем стуле, подумал, потом начал:

— После того как пустили поезда по скоростной трассе «Север—Юг», урочище Серебряный бор стало популярной зоной отдыха жителей столицы. Согласитесь, час езды — и вы попадаете в один из живописнейших уголков страны, — это привлекало многих. Уже

через год после начала эксплуатации урочища в таком качестве экологическая обстановка резко ухудшилась. В выходные дни плотность отдыхающих в некоторых местах бора доходила до ста человек на гектар, что раз в восемь больше оптимума. Антропогенное воздействие было значительным. Перед властями встал выбор: либо резко ограничить поток отдыхающих, либо распределять их как-то более равномерно по территории урочища, либо пойти на заведомое истощение биоценоза, как это и произошло в лесах зеленой зоны столицы... И тут фонд Махольского предложил провести крупномасштабный эксперимент по повышению сопротивляемости биоценоза антропогенному воздействию. Была разработана система управления биоценозом: периферические датчики поставляли на процессоры информацию о состоянии всех видов растительности, процессоры, объединенные в сеть, давали команды на полив, подкормку, лечение — и так далее. Систему развернули на площади в семьсот гектаров. Фонду она обошлась в двадцать семь с половиной миллионов фунтов стерлингов. Предполагалось, что облагороженные биоценозы будут иметь сопротивляемость на порядок большую, чем необлагороженные. Эксперимент продолжается по сей день, хотя первый, главный и никем не ожидавшийся результат был получен уже на следующий год: посещаемость урочища уменьшилась примерно в двести раз и стала значительно меньше той, что была до прокладки трассы. Не то что из столицы — жители Платибора и студенты почти полностью перестали бывать там. Почему-то там стало очень неприятно находиться. Объясняют это исчезновением птиц — в облагороженных районах нет вредителей, птицы там не селятся, стоит тишина, а у человека в подсознании: если замолкли птицы в лесу, значит, опасность... Так или нет — сказать трудно. Но по себе знаю: вдруг становится жутко. Среди дня, внезапно. Причем я, кажется, человек не слишком впечатлительный. Это общая часть. Приступаем к техническим подробностям...

Андриес не стал прерывать его. Он слушал, не особо вникая в суть, — знал, что все нужное задержится в памяти. Задержится, подгонится одно к другому... Ему трудно было на следственной работе: там все формали-

зовано и требует постоянного перевода мыслительных процессов, которые совершаются сами собой, на язык официальных документов. Хотя всего-то и надо: набрать как можно больше информации и ждать, когда сложится картина. Не торопиться. Не гнать гусей. Не выхватывать рыбку из котелка...

Но что-то жуткое, завтрашнее было в бору, процветающем по воле человека, но не для человека. Какое-то новоявленное, новомасштабное чудовище Франкенштейна... Не нагнетай, сказал он себе. Не так все жестко — вон собираются там сегодня ночью и намерены веселиться... ну, не веселиться — расслабляться, так будет вернее...

— А как вы думаете, Рене, — неожиданно для себя сказал он, — нет ли связи между Жестяным бором и тотальным отказом от наркотиков?

Рене замолчал и ошарашенно посмотрел на него.

— Связи? — переспросил он. — Какая тут может быть связь?

— Не знаю, — сказал Андрис. — Просто и то и другое — явления уникальные и очень локализованные.

— Ну, таких-то уникальных и локализованных явлений можно назвать еще много.

— Например? — Андрис наклонил голову.

— Например... например... — Рене поморгал. Потом нахмурился и посмотрел на Андриса уже как-то иначе — не так, как до сих пор.

— Не будет примеров? — поинтересовался Андрис.

— Подождите, подождите... — пробормотал Рене. — Не так сразу. Во-первых, несовпадение по времени... и потом — механизм?..

— Несовпадение — ерунда, эффект может быть кумулятивным. — Андрис чувствовал, что его понесло. — А что касается механизма — да какой угодно! Такая масса растительности — пожалуйста: изменение электрической емкости, колебания ее — проверял кто-нибудь? Изменение зарядов? Тепловое излучение, ультрафиолетовое излучение, инфразвук? Всякие летучие вещества, фитонциды, например...

— Феромоны... — прошептал Рене; глаза его стали круглыми, он смотрел на Андриса, как Вальтасар на

стену. — Так он и гнал нас феромонами... мне и в голову... никому в голову...

Андрис чувствовал, как собирается кожа на спине. Он знал, что такое феромоны — слово было сказано, и сразу стало понятно, что именно то слово...

— Что с вами? — шепотом спросил Тони.

— А? — Андрис повернулся к нему. Лицо Тони было напряжено, как у человека, который опасается неприятного розыгрыша.

— Я говорю — вы как будто змею увидали.

— Да, че, — сказал Рене. — Именно змею. Знаешь, что такое феромоны? Это такие летучие вещества, которые влияют на поведение. Раньше считалось, что феромоны бывают только у насекомых...

— Ну и?..

— Оказалось, что люди ничем не хуже насекомых.

— Понятно... — протянул Тони. — Да, это многое объяснило бы...

— Этим многое и объясняется, — сказал Андрис. — Феномен толпы, например.

— Да, — сказал Тони. — Я о том же.

— Надо поговорить с ребятами, — сказал Рене.

— Есть с кем? — спросил Андрис.

— Вы хотите?

— Очень.

— Тогда дня через два-три — вот прокачаем историю с миллионками... И Марину можно будет пригласить...

— А что за Марина?

— Интересная дама. Из института Радулеску — работает там на программном муляже мозга. Умница. Недавно «круглый стол» проводили — «Экология и нравственность», — о, как она нашего Сатируса гоняла! Есть у нас такой Сатирос, большой поборник нравственности, его студентки Сатирусом прозвали. Пух и перья.

— Э-э... — Андрис нахмурился, вспоминая. — Сомерс?

— Да. Она по мужу — Сомерс. Только он от нее сбежал. Вообще он, конечно, сукин сын. Пустил слух, что она — дочь мутанта.

— Так, — сказал Андрис. Все встало на места. Он вспомнил. — Вспомнил. Где я ее видел. То есть не ее.

— Так вы уже знакомы? — спросил Рене.

— О! — сказал Тони. — Более чем. Дядюшка ночью вынес ее из огня.

— Из какого огня?

— Из самого натурального. Ты еще не слышал про пожар в «Клубе Одиноких Генералов»?

— Так вы там были? — закричал Рене. — А чего же вы молчите? Что там было? Правда, что бомба?

— Правда, — сказал Андрис. — Граната с термитными шариками. Семь человек сгорело, в том числе и бомбист. — Всех, кто был возле лифта, просили говорить именно так. Андрис не слишком верил в действенность подобных методов, но просьбу, конечно, уважил.

— И кто же? Полосатики?

— Это кристальдовцев так зовете?

— Их самых.

— Похоже, что да. По крайней мере, они там были.

— Гады, что делают... Семь человек, говорите?

— Шесть — и бомбист.

— Все равно семь... Ах, черт. — Рене потер лицо. — Как-то даже не верится, что у нас — такое...

— Ну почему, — сказал Андрис. — Мы — страна с давними террористическими традициями.

— Да, — сказал Рене. — Конечно. Но это всегда было где-то не у нас — на юге, на западе... У нас было спокойно... на уровне рядовой уголовщины. Бомбы не взрывали.

— Бомбы, — сказал Андрис. — Бомбы — еще не всё...

Бомбы действительно были только цветочками.

..Согласно теории Хаппы — монография «Сублимация демократии», год издания тысяча девятьсот девяносто восьмой, тираж сто тридцать экземпляров, «для служебного пользования», — терроризм в нашей стране давно утратил свою начальную философию возмездия, превратившись постепенно в рядовую фазу развития любого общественного движения в условиях социальной или политической пассивности большинства населения. Посылка эта формулировалась в прологе, а дальше шла исключительно интересная глава, в которой подробно, шаг за шагом, прослеживался путь Кронта и Миксона от попыток отстоять права парламентской оппозиции до организации диверсий на железных доро-

гах; притом особо подчеркивалась роль парламентского большинства, серией последовательных противоречивых законов буквально заставивших оппозицию взяться за оружие; приводились слова Кронта, сказанные на суде: честный абсолютизм гораздо лучше влияющей жопой конституции — по крайней мере нет чувства, что тебе поминутно наставляют рога. Семь десятилетий, прошедших с тех пор и до окончания войны — период конституционной монархии, — были, по сути, периодом отработки метода. Любая партия или общественное движение, пытаясь добиться популярности в массах и завоевать если не большинство, то хотя бы значительное число мест в парламенте, натывались на надежную жесткую блокировку — причем в полном соответствии с законом — своей агитационно-пропагандистской деятельности; одновременно в слоях населения, поддерживающих это движение, начинались репрессии — разумеется, под иными предлогами. Рано или поздно формировалась группа наиболее активных деятелей, которые переходили к террористической деятельности — как правило, нацеленной против монарха, крупных сановников и наиболее одиозных работников репрессивных учреждений. Стереотип развития событий соблюдался с таким постоянством, что даже пацифисты, набравшие немалую силу в конце двадцатых годов, в середине тридцатых перешли к диверсиям на военных объектах; их, разумеется, тут же всех перевешали. После войны, с отречением последнего императора и провозглашением республики, ситуация изменилась незначительно: двухпартийный блок — либеральной и конституционной партий, — изо всех сил стремившийся к сохранению статус-кво, не мог препятствовать образованию новых партий, но всеми возможными методами не допускал роста их влияния — вплоть до большого террора семидесятых—восьмидесятых годов. Партийные активисты, видя, как отправляются в лагеря их соратники, брались за оружие — что давало повод властям для усиления репрессий. Кроме того, существование терроризма вызывало у населения неприятие политической деятельности вообще, поскольку иных проявлений этой деятельности население просто не знало. Активисты же, сталкиваясь

с пассивностью и даже враждебностью масс, почти сразу переходили к насильственным методам, считая — и не без оснований — все прочие методы недейственными. Замыкался — и к началу девяностых годов замкнулся — порочный круг. Либерализация режима привела только к взрыву терроризма всего спектра: от ультра-левого до махрово-правого. События девяносто шестого года, когда страна несколько дней находилась на грани установления военной диктатуры, — прямое следствие этого... Хаппа воздерживался пока от развернутых комментариев, переходя к анализу действий конкретных группировок. В них он насчитывал обычно четыре стадии: демонстрационных акций — ими группировка заявляла о своем существовании; как правило, это были бесцельные диверсии, совершаемые там, где их было проще всего совершить. Затем шли собственно целевые акции — характер их зависел от специфики группировки и ее политических целей; поскольку именно на этих направлениях охранные мероприятия были наиболее значительны, акции редко удавались; о достижении же каких-либо стратегических целей не могло идти и речи. Ломаясь на неудачах, группировка неизбежно распадалась на несколько частей, и между ними нередко начинались вооруженные конфликты. Иногда эта стадия растягивалась на несколько лет — так, например, правое и левое крыло «Группы О» занимались взаимоуничтожением с семьдесят второго по девяносто шестой год. Наконец, последняя стадия, исход-стадия, конкретные проявления которой были самые разнообразные и практически непредсказуемые. Чаще всего группировка незаметно для себя перестает существовать, рассасывается. Иногда — реже — от политических акций переходит к банальной уголовщине. Случается, что оставшиеся после «вендетты» террористы совершают ряд особо жестоких и бессмысленных акций — так, семеро членов недоразгромленного «Движения Девятого августа» — неомонархисты — вошли, вооруженные автоматами и гранатами, в крупнейший в столице универсам и учинили там бойню. Что, кстати, и послужило поводом для офицерского мятежа девяносто шестого года. Наконец, были случаи, когда те или иные группировки или только их

руководство — тогда рядовые боевики действуют в неведении — попадают под влияние какой-либо государственной структуры и «работают» в ее интересах; Хаппа не уточнял, какие именно группировки и под чье влияние попадали, но Андрис знал, что речь идет о «Белой лиге», которой покровительствовала армейская контрразведка, и «ВВВ» — группе «истребителей террористов», действовавшей в семидесятых годах против «Внутреннего фронта», «Полудня» и «Часа Ч»; в эту группу входил и молодой Хенрик Е. Хаппа...

В выводах Хаппа открытым текстом писал: ситуация останется неразрешимой, пока будет насильственно сдерживаться политическая активность народа. Поскольку это — насильственное сдерживание — вошло в традицию и, более того, стало групповым инстинктом правящих партий, то мирного выхода из тупика он, Хаппа, не видит. Продолжение такой политики приведет либо к гражданской войне, либо к реставрации диктатуры; отход от нее — к немедленному росту терроризма. В рамках существующей системы невозможно предложить народу весь спектр политической деятельности, научить его заниматься политикой «по-европейски»; но и в случае правого ли, левого ли переворота первоочередной задачей нового правительства станет укрепление властных структур, то есть продолжение, по сути, нынешней политики, пусть и под иными лозунгами. То, что насаждалось, унавоживалось и взращивалось сто двадцать лет, вряд ли может быть выкорчевано таким простым методом, как смена власти...

— Бомбы — это еще цветочки, — повторил Андрис. Господи, устало подумал он, ведь действительно так.

Телефон доктора Хаммунсена был занят. Рене втолковывал Тони про феромоны и про отличие их от микророзпахов. Андрис продолжал накручивать телефонный диск. Ему быстро надоело, да и рука устала. Отвык, каналья, подумал он. У Сартра, кажется: в аду грешников заставляют заниматься привычной работой, но — примитивными орудиями... Наконец он дозвонился. Голос доктора, после того как Андрис назвал, стал напряженно-тонкий: «Да... и... что?..» Андрис сказал, что дозна-

ние проведено, осталось совершить изъятие предметов. Поэтому надо встретиться. «Какие проблемы, приезжайте!» Андрис поинтересовался, нет ли поблизости от доктора нотариальной конторы. Контора была не то чтобы поблизости, но в пределах досягаемости.

— Тони, вперед, — сказал Андрис.

— И куда же?

— Где улица Парковая, знаешь?

— Знаю. Полчаса ходьбы.

— А ехать?

— Минут сорок. Через центр с пересадкой.

— Удобно.

— Еще бы.

Андрис попрощался с Рене за руку. Рене предложил:

— Мы будем делать скоро передачу «Шаг за грань» — о разных интересных явлениях, в том числе, вероятно, и о «жестянке». Вашу идею стоит обсудить. Хотите?

— Почему же нет? — Андрис пожал плечами. — Когда?

— Думаю, скоро. Телефон ваш я записал, так что...

— Тогда — до встречи.

— До встречи.

Тони повел Андриса через пустырь, мимо какой-то дикой стройки, а потом они вдруг попали в совершенно чудный старый райончик, где мостовые были мощены булыжником и невидимо дребезжал трамвай, а вторые и последующие этажи серых надежных домов прятались в роскошных кронах вековых вязов. Над перекрестком впереди висел светофор, и выглядел он здесь нелепо, как в лесу, на лужайке. Какое-то пространство вне времени — точно так же все выглядело до войны, и вскоре после нее, когда смыли со стен плакаты патристического содержания, и в любой год с тех пор и по сегодняшний день, и завтра все будет то же, и послезавтра... Это продолжалось до перекрестка — там, на перекрестке, время врзалось в тишину и забвение, потому что справа открылся вид на трехуровневую транспортную развязку с мельтешением цветов и форм, а слева, совсем рядом, возникли многоэтажные корпуса университетских зданий; сверху же лег сытый баритонный рев

идущего на посадку «Скайраннера». Они миновали перекресток, но среди старых домов и вязов их настигали брызги времени: из открытого окна вываливался рваный ритм «Поцелуя в строю»: «...и если не можешь тянуть носок — стой и смотри, как тянут другие — козлы! О-о, козлы!!!» На другой стороне улицы было маленькое кафе, и позади стойки светился цветной экран. Буфетчик в белой куртке сидел по эту сторону стойки на высоком табурете и тянул что-то через соломинку. Больше в кафе никого не было.

— Вот — Парковая, — сказал Тони на следующем перекрестке.

— А где же парк? — спросил Андрис.

— Был когда-то.

— Понятно...

Дом доктора отыскиали без труда, поднялись, позвонили. Открыли сразу: неопределенных лет женщина, бесцветная, как моль, бесцветным голосом сказала: «Да, доктор ждет вас», провела в комнату, усадила. Доктор появился через минуту, поправляя галстук. «Так-так, — сказал он. — Чем обрадуете?» Андрис сказал, чем. А теперь, продолжал он, надо сделать так, чтобы я получил формальное право представлять ваши интересы. Оформим поручение и заверим у нотариуса. И еще: вы ошиблись относительно того, что преступления против вас не совершено или что оно недоказуемо. Ваши права защищены патентом, и препятствовать вам в осуществлении этих прав — значит совершать преступление, предусмотренное статьей четыреста девяностой, пункт третий, Гражданского кодекса. Можете подавать в суд, требовать компенсацию. В исходе процесса нет сомнений. «Мне не хотелось бы этого делать, — сказал доктор. — Долго и трудно объяснять, но я хотел бы покончить с этим делом в частном порядке». Хорошо, согласился Андрис. Но угрожать ему передачей дела в суд я могу? «Да, — нерешительно сказал доктор. — Да, только... Да». На том и порешим, сказал Андрис. Идемте к нотариусу.

У нотариуса они пробыли полчаса. В результате Андрис положил в бумажник бланк, на котором значилось следующее: «Бернард Б. Хаммунсен поручает Андрису Т. Ольвику представлять свои интересы в деле обеспе-

чения прав на охраняемую патентом деятельность: Андрис Т. Ольвик является единоличным и полномочным представителем Бернарда Б. Хаммунсена во всех инстанциях, а также в суде. Поручение дано на срок со второго октября двухтысячного года по первое декабря двухтысячного года. Подпись. Подпись. Печать. Подпись нотариуса, заверяющая печать. Печать, заверяющая подпись нотариуса. Дата. Время». Все.

Попрощавшись с доктором — до вечера, — Андрис нацелился идти в полицейское управление, но тут Тони начал зевать и всячески намекать на то, что вечером у него важное деловое свидание, которое может оказать решающее влияние на весь ход операции, и надо бы вздремнуть, чтобы быть в форме; довод железный, тем более что до полицейского управления отсюда можно легко и непринужденно доехать на автобусе — шесть остановок...

— На откатников пойдете? — спросил Тони, уже повернувшийся, чтобы уходить.

— Наверное, — сказал Андрис. — Посмотрим, как дела будут.

— Обязательно сходите, — сказал Тони. — Такого нигде больше не увидите.

— Ну, мало ли чего я не увижу, — возразил Андрис. — Я вот всю жизнь мечтал на жирафа взглянуть — не получается пока.

— Это куда смешнее жирафа, — сказал Тони.

— Постараюсь сходить, — сказал Андрис. — Где увидимся?

— У меня ключ, — сказал Тони.

— Ладно, — сказал Андрис. — Ни пуха.

Тони пошел по тротуару, и Андрис с какой-то неясной тревогой стал смотреть ему в спину... обернется, подумал он, — все будет хорошо. Тони обернулся и слабо махнул рукой. Ну вот, подумал Андрис. Все действительно будет хорошо.

У двери с надписью «Профессор Василе А. Радулеску, ДЧАН» Андрис остановился, одернул пиджак и сделал попытку поправить несуществующий галстук. В приемной навстречу ему из-за стола всплыло и развер-

нулось воздушно-бело-розовое создание, вызывающее какие-то ароматные кондитерские ассоциации. Впрочем, зубки у создания были акулы: оно так вцепилось в Андриса, кто он и откуда, что ему пришлось поднапрячься, чтобы не уронить маску. В конце концов выяснилось: профессор сейчас занят, у него люди, и принять господина Ольвика он сможет не раньше чем через час.

— Хорошо, — согласился Андрис. — А не подскажите вы мне, где бы я мог найти госпожу Сомерс?

— В подвале, — сказала создание. — Или в двести шестнадцатой, там они тоже иногда бывают.

В подвале, простонал про себя Андрис. Это рок. Он выходил из кабинета, когда в него кто-то врезался. Это как раз и была летящая куда-то госпожа Сомерс.

— Здравствуйте, — сказал Андрис.

— О боже, — сказала она. — Спаситель. Извините, ради бога. Я — страшно срочно... Здравствуйте. Ох... — Она пробежала руками по халату, ощупывая карманы. — Вы не торопитесь?

— Нет. — Андрис невольно улыбнулся.

— Тогда спускайтесь в двести шестнадцатую, я через десять минут... — и умчалась.

Двести шестнадцатая — угловая с окнами в две стены — сияла легкостью и пустотой. Было в ней что-то от больничного холла. Белые занавески и пластиковые стулья — зверски неудобные. Стил «стерил». Не в стиле был только букет белых хризантем в черной вазе. На одном из стульев сидел молодой — лет двадцати пяти — человек в кремовом костюме и листал журнал.

— Вы к Марине? — спросил он Андриса.

— Да, — кивнул Андрис.

— Тогда придется подождать. Она сказала, что скоро придет.

Лицо молодого человека было не то странное, не то знакомое. Всматриваться было неудобно, не всматриваться — трудно.

— Что у вас сегодня за беготня по коридорам? — спросил Андрис для того, чтобы иметь легальную возможность задержаться взглядом на его лице.

— Не у нас, — сказал молодой человек. — Я тут посетитель. По интеркому объявили, чтобы все, кто име-

ет отношение к чему-то там, я не понял, собрались в демонстрационном зале.

— А я думал, это у них стиль работы, — сказал Андريس. Он понял, что в лице молодого человека привлекло внимание: у него не было бровей. Отекшие веки...

— Это не вы выступаете вместе с Мариной? — спросил Андريس.

— Да, я, — сказал молодой человек. — А вы?

— Был вчера в том подвале.

— Но!.. Просто какое-то безумие...

Безумие, подумал Андريس. Сукин ты сын, сам-то ты полез наверх... не в числе первых, правда, — вон, морда обгорела... Ладно. Могло быть хуже.

— Могло быть хуже, — сказал он вслух.

— Этим можно утешаться? — спросил молодой человек.

— А почему нет? Вас как зовут?

— Меня? Дан. Вообще-то — полностью — Даниил. Но все зовут Дан. Я привык. А что?

— Ничего. Меня — Андريس.

— Да, конечно... знаете — я проснулся — не могу поверить, что все это было. Лицо горит... а поверить не могу. Прибежал к Марине, а она смеется. Представляете?

— Она и там хорошо держалась.

— Она вообще ничего не боится. Ничего абсолютно. Я не представляю, как это может быть.

— Ну, так, наверное, не бывает — чтобы ничего.

— Я вам клянусь! Говорят, у нее отец был мутантом.

— И что?

— Потому она ничего не боится.

— А вы?

— Что — я?

— Боитесь?

— Наверное. Как без этого?

— Да, конечно...

— Хотел предложить ей новый ангажемент — сказала, что будет ждать, когда восстановят ту арматуру. Не понимаю.

— Может быть, хочет передохнуть?

— Ну что вы. От этого не отдыхают. Вы же не отдыхаете от дыхания.

— А это — действительно как дыхание?

— Как дыхание. Как вино. Нет, как вода. Вода тоже пьянит. Как бег. Кто умеет это делать — никогда не сможет остановиться.

— Заманчиво. А как можно узнать, есть способность или нет?

— У вас уже нет. Ни у кого нет, кто старше тридцати. В смысле, кто не успел начать до тридцати. Мимика беднеет, да и воображение уже не то. Отвердевает. Лучше всего начинать выявлять способности с детства — лет с двух, с трех...

— А зачем?

— Как зачем? Это же такое счастье...

Он улыбнулся — улыбнулся сам себе, — и Андريس стало неловко, что он видел эту улыбку.

Звонко распахнулась дверь, и влетела Марина — подхваченная ветром... распахнулась дверь — и вплыла Марина, медленно и плавно... распахнулась дверь... дверь распахивалась, и Марина входила, влетала, вступала в свои владения — бесконечно, как повтор кадра... Андريس мотнул головой, чтобы побороть наваждение, — Марина стояла перед ним, весело улыбаясь:

— Господа! Только что пришло сообщение: в Принстоне подтверждены наши опыты — все без исключения! — по... впрочем, вы все равно ни черта не поймете... впрочем, я сама ни черта не понимаю — по крайней мере, не понимаю, во что это выльется. Что-то очень большое...

— А все-таки? — спросил Андريس.

— Ну... подтверждено, что гравитационное поле живых тканей всегда модулировано... то есть... Вот что — давайте пить шампанское. Берегла для другого случая, но уж больно хорош повод. Не каждый день... Кто умеет открывать? — Она вскочила на стул, достала со шкафа газетный сверток, разворошила его — там оказалась светлая бутылка с бело-зеленой этикеткой и зеленоватой фольгой на пробке. — Тебе не дам, — сказала Марина Дану, — я помню, как ты разливал у Важики...

— Давайте я, — сказал Андрис. — У меня есть кой-какой опыт.

Он принял из рук Марины бутылку, еще раз взглянул на этикетку — на год урожая.

— Ого! — уважительно сказал он.

— А как же, — скромно сказала Марина. — Иначе нельзя. Иначе получается профанация.

Она принесла три мерных стакана. Андрис аккуратно ослабил закрутку, стравил газ, расплескал драгоценную жидкость по плебейской химической посуде. Впрочем, гроздь пузырьков мгновенно придали ей патрицианский вид...

— За успех! — сказала Марина. — Хотя нет: за успехи!

— За успехи, — согласился Андрис.

Такого шампанского он не пил сто лет. Где только люди берут? Положим, я знаю, где брал Лео. Я знаю, где берет генерал — хотя генерал предпочитает рейнвейн. Но всего прочего я не знаю... Разбурчался, сказал он себе. Пей уж... дегустатор...

И тут зазвонил телефон. Марина взяла трубку:

— Да? Вас. — Она передала трубку Андрису.

— Господин Ольвик? — сказала в трубке создание из приемной профессора Радулеску. — Господин директор освобожден и готов вас принять.

— Вы будете здесь еще через полчаса? — спросил Андрис Марину.

— И даже через час.

— Тогда я не прощаюсь. — Он допил то, что еще оставалось в стакане, поставил стакан на стол и вышел. Предстояло не самое приятное дело: уличать джентльмена в краже бумажника...

Профессора Радулеску Андрис не видел даже на фотографиях, однако удивился, когда оказалось, что профессор совсем не такой, каким он его представлял. То есть Андрис если и ожидал чего-то, то совсем не того, что увидел. Еще недавно профессор был красив. Еще сохранялись какие-то атрибуты этой красоты: пышная шевелюра «а-ля Эйнштейн», аккуратно подстриженная бородка, широко, не по-стариковски разведенные плечи... и все равно это уже не звучало, потому что между

детальями лежала пустота, и голос профессора прозвучал тихо, прошелестел, как сухие листья:

— Слушаю вас.

Андрис, ощущая неловкость и непонятную тревогу, начал:

— Я представляю интересы доктора Хаммунсена...

— А-а... — сказал профессор, и Андрис не уловил интонации: то ли разочарование, то ли безразличие.

— Вот поручение, заверенное нотариально, — продолжал Андрис, — а вот сведения, которые я получил — пока неофициально — в городском полицейском управлении... — Не выпуская из рук, он показал профессору распечатку, где значилось «информационные носители ЭЛТОР» и прочие сведения. — После того как доктор Хаммунсен выкупил оборудование института, все права на использование метода перешли к нему и охраняются Законом о патентовладении. Возможно, вы не знаете, что, согласно этому закону, а также статье четырехста девяностой...

— Простите, вы о чем? — перебил его профессор. — Как я понимаю, Хаммунсен возражает против копирования? Но как раз на это мы имеем полное право: работа производилась в рамках институтской программы исследований и на оборудовании института... кстати, не одним Хаммунсеном... Лечебной работы мы не ведем, а запретить исследовательскую он не вправе.

— Нет, он возражает не против копирования, а против того, что ему отдали копии, а оригиналы остались здесь.

— Да что вы? — Профессор поднял глаза и встретился взглядом с Андрисом, и Андрис опять не уловил, что в этом взгляде мелькнуло. Насмешка? — Это просто недоразумение. Он мог бы и сам сказать... если бы захотел. Не посылать парламентаря. Да... Ну что же, если его не устраивает, надо произвести обмен. Вы не могли бы это обеспечить — раз уж взялись представлять его интересы? Спецмашину, охрану... Это ведь немалые ценности — треть миллиона... суммарно. Завтра у нас суббота... Все равно, даже если меня не будет, все организует Ядвига. Я введу ее в курс дела. Договорились?

— Да. Спасибо, профессор. Значит, завтра, — Андريس прикинул время, — часов в одиннадцать?

— Хорошо. Вы, как я понимаю, из его пациентов?

— Да.

— Помогает?

— Да.

— Ну что же... удачи вам.

Андريس в некоторой растерянности вышел из кабинета. И пока он шел по коридору, и спускался на второй этаж, и шел дальше, к двести шестнадцатой, — в нем крепло и крепло убеждение, что он только что разговаривал со смертельно уставшим и очень несчастным человеком...

— Я ведь так и не познакомилась с ним по-настоящему, — сказала Марина. — Не узнала как следует. Мы виделись раз десять. Два раза — летом, на каникулах — отдыхали на море... ну и еще... иногда... Раз десять. Мне было трудно воспринимать его как отца... вы же понимаете. Я была упрямым ребенком. Вот... а потом — мне как раз исполнилось пятнадцать, и все было хорошо, и тут мне позвонили и сказали... и все. У вас нет сигареты?

— Куплю. — Андريس встал.

— Не надо. Я, знаете, бросила... не надо. Смотрите, уже темнеет.

— Стало рано темнеть.

— Я маму до сих пор... все время забываю, что ее нет. Потом — вспомню...

— Тех так и не нашли?

— Кто тогда кого искал? Это же ужас что было...

— Да, я помню.

— А вы долго были знакомы?

— С Мартом — месяца полтора... Венета приехала позже. А потом началась кутерьма, меня ранило — и все. Нас с Венетой вывезли оттуда одним вертолетом, но я этого уже не помню...

— Кутерьма, — сказала Марина. — Пожалуй, кутерьма — единственно стабильное, что есть в нашей жизни. Скажите, вот вы... — она поискала слово, — старше меня... ну, не смейтесь, я вовсе не хотела сказать:

старик, — но ведь старше, правда? Так вот: у вас не возникало ощущения, что все вокруг — это уже как-то по инерции, это механизм... без стрелок, без маятника — одна пружина и шестеренки... даже не так: что все это — только иллюзия действия, движения, а за ним пустота, ничего нет, все, что должно было случиться, уже случилось, и теперь надо как-то отработать... сбросить пар... опять не так: не жизнь, муляж жизни, в ней нет содержания, философии... такое вот... такой вот карнавал; говоришь: маска, я тебя знаю, снимаешь маску — а под ней ничего нет...

Да, подумал Андريس. У него бывало такое... почти такое: например, странное ощущение бездомности — несмотря на то, что у него прекрасная квартира — прекрасная, постоянная и очень удобная для проживания ячейка в громадном сорокаэтажном улье... и почему-то сразу на непонятную бездомность наложилось особое ощущение столицы — огромного, темного, мусорного, по-дурному шумного и страшно скучного города... возвращаться и глотать его пыль?..

— По инерции, без цели и как бы в ожидании чего-то, — сказал он. — Да, пожалуй, есть. Только, мне кажется, жизнь сама по себе — изначально — не имеет ни цели, ни смысла.

— Я не о том, — с тоской сказала Марина. — Без цели и смысла — одно. Это понятно и нестрашно. А живой, движущийся муляж жизни... человек, румяный, веселый, разговорчивый, он ест, пьет, смеется, работает, любит, страдает, если ему порезать руку, то потечет кровь... но если порезать глубже, то там ничего нет... под кожей — ничего нет... причем он сам этого не знает. Его что-то двигает изнутри — не мышцы. Он чем-то думает — не мозгом... и вот этим не-мозгом он думает, что он — как все... а может быть, что уже все — как он. И совершенно непонятно, для чего вся бутафория. Вот что страшно. Вы не смотрели «Последняя осень»?

— Нет.

— Идет везде — такая красивая дешёвочка. И там есть очень неплохая сцена: осень, осенний парк, гуляют люди — и вдруг из людей начинают вылетать жуткие твари, и пустые оболочки людей падают на землю, и те,

из кого еще не вылетели, страшно пугаются, что-то пытаются делать, мечутся — а на самом деле все они уже заражены, все это в них, все это выело их изнутри — и мечутся вместо людей эти самые твари... но до самой последней секунды человек не знает, что он давно уже не человек, и ведет себя как человек — такая мимикрия...

— То есть вы считаете, что мы не общество, а просто ведем себя как общество?

— Примерно так... да...

Андрис поскреб подбородок.

— Да, — сказал он. — Круто взяли. Круто. Но на чем-то же это должно основываться?

— Очень трудно обосновывать ощущения, — сказала Марина. — Хотя я могу попробовать.

— Я бы очень хотел послушать. Может, еще по кофе?

— Да. А после этой ночи... Хорошо, что завтра суббота.

— Хорошо, — сказал Андрис. Он помахал рукой официантке, показал на чашки: еще два. — А ваш директор — он и по субботам работает?

— И по субботам, и по воскресеньям. Он у нас человек старого закала.

Принесли кофе. Марина в несколько глотков выпила весь, вздохнула, нахмурилась.

— Может, вы устали? — спросил Андрис. — Потом договорим?

— Нет, — сказала Марина. — Устала, но хочется попробовать сформулировать... я ведь все в себе таскаю, никому не рассказываю. Так что на вас я отрабатываю ход мысли.

— Польщен, — сказал Андрис. — Да, хотел спросить: вот эта муляжность жизни — она характерна только для нас или для всего человечества?

Марина помолчала.

— Не знаю, — сказала она. — Я ведь почти нигде не была, только в Китае, и то недолго. Но информация стекается... Думаю, для всего человечества. Но в разных странах — в разной степени и в разных формах.

— И в более передовых?..

— Нет-нет, тут совершенно иной критерий. Техника ни при чем. Техника и так называемые общественные отношения. Это не более чем индикатор. Сейчас я попытаюсь сформулировать главное... нет, лучше начну с самого начала.

— Ну, давайте, — сказал Андрис с улыбкой.

— Вы слышали, наверное, что все люди — родственники, максимум в девятом колене. Что все знакомы друг с другом максимум через посредников. И прочее в том же духе. Обмен информацией между людьми идет чрезвычайно интенсивный. И все человечество составляет информационную систему из пяти миллиардов ячеек... миллиард — младенцы и идиоты... и у нас нет никаких оснований считать, что эта система не обладает интеллектом. То есть своим собственным нечеловеческим интеллектом. Причем очень может быть, что она обладает им давно. Раньше, вероятно, он был очень медленным, сейчас — быстрее, но все равно — с человеческим интеллектом у него слишком разная, если можно так выразиться, длина волны. Они друг друга не воспринимают...

— «Коллективное бессознательное» — не то же самое?

— Нет, конечно. «Коллективное бессознательное» — то, что возникает в обществе при воздействии на него сверхинтеллекта. Так вот — главной задачей сверхинтеллекта... наверное, лучше сказать: заботой... главной его заботой является выживание в условиях меняющегося мира. А мир меняется, причем очень сильно, под влиянием обычной, повседневной человеческой деятельности. Надо полагать, что сверхинтеллект способен к прогнозированию и понимает, что если дело пойдет так и дальше, то через пять-десять-сто лет на планете прекратится вообще всяческая жизнь. Так? И он принимает решение: привести деятельность человечества в соответствие с интересами всей биосферы. Причем, заметьте, сверхинтеллект не связан какими-либо моральными ограничениями человеческого образца. Он вполне может пойти на сокращение численности населения, на высвобождение каких-то пространств, особо пострадавших от технического варварства... ну как, скажем, ре-

пивший похудеть человек не думает о печальной судьбе клеток жировой ткани...

— То есть, вы считаете, новая война неизбежна?

— Ни в коем случае не война. Современная война — смерть всей биосферы, ему этого не нужно, он опасается, может быть, еще больше, чем мы... наоборот — он ведь печется о благе человечества...

— Что же тогда?

— Самосохранение. Падение рождаемости, внезапный рост травматизма, преступности, новые болезни... что-нибудь еще. А главное — появление так называемых — я их так называю — летальных идей. Такие идеи, которые овладевают массами, становятся движущей силой истории и приводят в результате к резкому сокращению численности населения — или хотя бы к замедлению роста этой самой численности. В нашем веке такие идеи были — на выбор. Идея расового превосходства — ей цена миллионов тридцать пять. Идеи — по-разному назывались: социализма, коммунизма — короче, конструктивного переустройства общества. Им цена — миллионов сто пятьдесят, если не все двести. И вот сейчас — странное затишье. Идеи вроде бы нет, но все готово к ее появлению. Как перед стартом...

— Может быть, Эльвер?

— Нет, конечно. Это модификация старого... хотя и забавная, конечно. Конечно... в том смысле, что нового ничего не дает... чуть собачья. Вот я и говорю — такое чувство, что идея новая уже существует, но я ее не вижу. Идея-невидимка. Может такое быть? Может...

— Как вам, наверное, тяжело жить, — сказал Андрис.

— Мне? Нет. Вот со мной тяжело жить — да. Все, кто пытался, говорили потом до отвращения одинаковую фразу... да бог с ними. Кстати, о Боге — вас никогда не интересовал этот феномен?

— Феномен Бога?

— Да. Меня он занимает. Вы торопитесь куда-то? — спросила она, увидев, что Андрис украдкой взглянул на часы: была четверть восьмого.

— Не то чтобы сильно тороплюсь, — сказал Андрис, — но в восемь мне надо быть в «Паласе».

— Вы случайно не лечитесь у Хаммунсена? — спросила Марина.

— Лечусь, а что?

— Давайте тогда пройдемся. Мне с вами по дороге, и времени у нас примерно столько, сколько надо. И поговорим о божественном.

— Давайте, — согласился Андрис. Он поманил официантку, расплатился, разменял двадцатку и вслед за Мариной вышел из кафе. Стало чуть прохладнее. Над головами шелестели листья.

— Не замерзнете? — спросил он Марину. — Зябко.

— Издеваетесь, — засмеялась Марина. — У меня даже пальто нет, всю зиму хожу в плаще.

— Зачем?

— Просто так. Ну, хотите о божественном?

— Хочу.

— Вам никогда не казалось странным, что идея бога-творца возникла абсолютно у всех народов, причем практически в одной форме? Ведь, если вдуматься, идея бога должна быть — то есть что значит: должна? она есть, — совершенно гениальной идеей. И придумать бога ни с того ни с сего, скажем, от избытка фантазии или свободного времени — просто невозможно. Помните, как учили в школе: мол, человек видел молнию или извержение вулкана, страшно пугался и со страху приходил к мысли, что существуют некие высшие силы. К мысли об электричестве он почему-то не приходил, хотя это, по-моему, много проще... Если я возьму вас под руку, вы не обидитесь? Так вот: мне представляется, возникновение идеи бога — даже не идеи, даже не ощущения — предощущения бога, возникновение предощущения прямо связано с возникновением абстрактного мышления. Ведь что такое абстрактное мышление? Если в современных терминах — программная модель окружающего мира. И вот когда здесь, под косточкой, — она постукала себе по лбу, — оформляется и действует — и успешно действует — программная модель, отражение реального мира — то следующим отражением будет: если я здесь, в своей голове, могу изменять этот мир так, как я хочу, то, следовательно, кто-то другой — вне этого мира — может изменять его так, как он хочет...

И дальше уже в готовое уравнение добавляется — подставляется — необходимый член... до сих пор подставляется, и все время возникают новые претенденты на... на эту роль.

— Я, кажется, понял, к чему вы клоните, — сказал Андрис. — Раз человечество в целом готовится понемногу к тому, чтобы начать крупно изменять мир, то оно метит на роль реального бога? Весьма...

— Тривиально? Тривиально, но я вовсе не о том. На роль реального бога метит не человечество, а сверхразум, который, если помните, не считает человека разумным существом. Точно так же, как деятельность человечества он, может быть, ставит на одну доску с прочими стихийными бедствиями. И вот, мне кажется, должно скоро начаться: сверхразум станет перестраивать и перенацеливать человечество, приводить его в равновесие с планетой... помните Апокалипсис: отделено было сто сорок четыре тысячи праведников из двенадцати колен Израилевых — те, кто войдет в Новый Иерусалим, остальным же — озеро, горящее огнем и серой? Победитель получает все... И вот мне мерещится, что скоро нас всех — до последнего — вот так же выстроят в ряд и — голых — будут судить по «написанному в книгах», и никто не будет знать, что там написано и за что возвеличивают, а за что унижают, потому что будет не суд, а отбор. И там тоже был отбор, и Иоанн понял это, но не поверил себе... Будет какой-то признак, по которому из сотни отберется один, достойный войти не просто в Царство Божие — в состав Бога Единого...

— Вам бы с Петцером поговорить, — сказал Андрис. — Как бы вы хорошо друг друга поняли...

— Ну, познакомьте нас. Или сложно?

— Очень сложно. Его убили пять лет назад.

Оба помолчали. Они шли по бульвару, старому, уютному, ступая не по асфальту, а по кирпичной крошке, и Марина нагнулась и подняла с земли красный кленовый лист.

— Смерть от рака считается подарком судьбы, — сказала она, вглядываясь в лист, как в зеркало. — Кто-то недавно скавал: естественной смертью в нашей стране

стала смерть насильственная. Никого это не удивляет. Многих ужасает, но не удивляет никого. Вот что странно...

— А почему должно удивлять? — спросил Андрис.

— Потому что в животном мире насильственная смерть тоже является естественной. Наиболее естественной.

— Ну и?..

— Не знаю... Это как раз из тех предчувствий, которые еще не перешли в слова.

— Марина, — спросил неожиданно для себя Андрис, — как вы думаете, почему все так не любят Жестяной бор?

— За то, что он жестяной. Люди вообще очень ревниво относятся к машинному интеллекту, подозревая в нем соперника. Ревниво и боязливо. Особенно к непривычным его формам... и к формам, не дающим моментального отчета. Сразу начинают мерещиться тайны, заговоры, чертовщина... Это феномен не бора, а феномен людей, находящихся в бору. Они так напряжены, настрожены, так накручивают друг друга — какой там одых... ждут — сознательно, бессознательно, — что вот-вот начнется нечто страшное, лохматое, темное... — Она засмеялась. — А оно не происходит. Полная фрустрация. И больше сюда ни ногой. А ребятишки местные бегают, и взрослые, которые попроще, тоже ходят. Грибов там, по границе окультуренной зоны, — невероятное количество. В окультуренной зоне грибов нет, грибы ведь паразиты, бор с ними борется, оттеснил на границу... А чем вас бор заинтересовал?

Андрис подумал: сказать, не сказать? А почему бы и нет, собственно? В гробу я видел эти конспирашки...

— В вашем городе происходят уникальные события: наркоманы отказываются от наркотиков. Ну, в порядке бреда я и предположил: нет ли здесь связи? Жестяной бор — уникальная биосистема, возможно, что возникает какое-то влияние...

— Интересно, — сказала Марина. — Я про такой отказ ничего не слышала. Не верится что-то. Может быть, выдумки?

— Абсолютно точно. Ручаюсь.

— Тогда, конечно, странно. Но я бы, скажем, связала все не с бором, а с вашим доктором Хаммунсенем. Он уже пытался в прошлом году лечить от зависимостей, но у него вышли... м-м... шероховатости.

— Да? И что же именно случилось?

— У нас было два программиста, одного я не помню, а второй по фамилии, кажется, Станев — они сидели на таблетках, не кололись, но решили, значит, принести себя в жертву науке — пришли к нему... Он их вылечил — таблетки они видеть не могли больше, но работать... способности пропали. Пропало умение работать в резонансе с машиной. Тут нужен особый настрой... трудно объяснить. Суметь полностью отпустить себя на свободу... и в то же время позволить машине делать с собой то, что она хочет, служить ей... не знаю... придалком, партнером?.. Нужна какая-то совершенно необыкновенная внутренняя пластичность. Как в голо: когда работаешь одна, то чисто сознательно, волевыми усилиями изменяешь изображение. Чем сильнее сконцентрируешься, тем лучше получается. А когда с партнером — наоборот, нужно полностью расслабиться и позволить изображению жить по своей логике, по своим законам. Получается так, что изображение использует тебя для того, чтобы изменяться, чтобы существовать. А особенно интересно, когда партнеров больше двух — трое, пятеро... Но уже не для посторонних глаз — вся подкорка выплескивается. Страшно. Примерно так же с машиной: для работы с маленькой нужно уметь сконцентрироваться, для работы с большой — расслабиться, позволить машине использовать себя. Вот эта-то способность у ребят и пропала. И — потеряли профессию. Шума не было, но... пошуршало.

— А где они сейчас, не знаете?

— Не знаю. Был слух, что Станев... Любомир? Кажется, Любомир... так вот, он примкнул к кристальдовцам и чуть ли не самый главный у них. Но это слух. А вот, пожалуйста, — мой дом.

Дом был приятный: старинный, четырехэтажный, стоящий особняком в глубине квартала, с садиком и детской площадкой перед парадными и с башенкой на крыше.

— Мои окна — как раз под башенкой, — сказала Марина. — Телефон я вам свой дала.. Я подумаю над вашей идеей. А «Палас» — в ту сторону, минут пять ходьбы. За угол повернете и увидите его. Ну, до свидания.

Она протянула Андрису руку, Андрис пожал ее, потом вдруг наклонился, неловко кпонул губами запястье, повернулся и быстро пошел прочь — будто его толкали в спину..

На мосту — старом, каменном, с имперскими орлами на медальонах — стояло человек двести. Смотрели вниз. На берегу реки горели костры, очень много костров, и двигались люди. Все они были странно одеты или не одеты вовсе, на шее у каждого висел обруч синхроплейера, а уши были закрыты наушниками. Они двигались в ритме того, что слышали, — но как будто каждый отдельно. Ни на что не похоже. Возможно, изредка по трансляции передавались команды, потому что происходили какие-то перестроения, переходы.. это нельзя было назвать танцем, даже если бы музыку можно было слышать и совмещать с тем, что видишь.. скорее — коллективные занятия какой-то восточной гимнастикой. Сколько их там, внизу? Тысячи три. Рядом с Андрисом, чуть потеснив его, протиснулась к перилам парочка — под стать тем, внизу: парень в кителе и кожаном переднике, босой и бритоголовый, девушка — в офицерских бриджах с фигурными вырезами на ягодицах и ярко светящейся жилетке-фигаро на голое тело, оба с плеерами на шее и в наушниках, потом девушка что-то шепнула парню, он не понял, снял наушники, она тоже сняла, стали шептаться; Андрис слышал теперь ту музыку, под которую двигалось действо: заунывную, нервную, с глубокими низкими, в медленном ритме, ударами — так должен звучать барабан величиной с дом. Темп постепенно ускорялся — или казалось? — и как-то незаметно вокруг костров образовались многослойные концентрические хороводы, а потом внутрь, к кострам, стали выходить — по одному, по двое, по трое, что-то делали непонятное и возвращались в хороводы — все в молчании, в шорохе множества ног по песку, в том белом

шуме, который неизбежно производит движущаяся масса людей. И потому крик где-то вдали, в темноте, резанул, как нож.

Совершенно не видно, что там происходит. Страшно кричала женщина, потом — несколько женщин. Потом вдали взметнулся столб искр. И — судорога пробежала по толпе. Все смешалось. В свете костров несколько секунд были видны застывшие тела. Кто-то в кого-то вцепился; дрались неумело и страшно. Разбегались, срывая наушники. В криках не было ничего человеческого. Кого-то бросили в костер — искры и пламя. Кто-то пытался плыть — его топили. Несколько полицейских патрулей-троек ввинтилось в толпу, стреляя вверх. От них отпрянули, потом навалились и смяли. По мосту бежали в ужасе — совсем голые или в каких-то папуасских юбках, в бусах, в шкурах, разрисованные краской. Из толпы взлетело, переламяваясь, тело — и рухнуло вниз, — над ним тут же сомкнулись. Не понять было, кто с кем дерется — каждый с каждым? Это было безумие. Костры уже ничего не освещали. Стоял визг и вой. Дрались уже на мосту. Кого-то сбросили вниз. Парочка около Андриса тихо паниковала. Бегите, сказал им Андрис. Бегите! Они смотрели на него бараньими глазами. Бегите, мать вашу!!! Они повернулись и побежали — медленно, с трудом, все время оглядываясь. Под мостом шевелилась тугая пена. Дрались совсем рядом. Потом над головами возникли лиловые сполохи мигалок. Вой толпы перекрыли сирены. Много сирен. Тяжелые машины съезжали, кренясь, на пляж. Ударили струи воды. Рядом с Андрисом тормознул полицейский «фиат», сержант — один — вывалился из него, держа в охатке дюжину гранатометов. Помогай, закричал он Андрису, Андрис принял у него несколько гранатометов, и они вдвоем стали стрелять вниз и вдаль, никуда специально не целясь. Гранаты лопались со звуком мокрых шлепков. Это был одорин, «скунсовый газ». Какой-то детина в шкуре взлетел на спину полицейскому, обхватил шею руками, стал душировать. Андрис ударил его каблуком в лоб, тот опрокинулся навзничь. Чем-то высадили заднее стекло в «фиате». Полицейский, вцепившись себе в кадык, озирался, злобно щерясь. И вдруг как-то сразу все кончилось.

Бессильно — испуская дух — замолкла последняя сирена. Мигалки вспыхивали не в такт, но это стало уже привычно глазу. Внизу рокотали на холостом ходу моторы водометов; все прочие звуки пропали. Полицейский, продолжая потирать горло, сел на высокий бордюр пешеходной дорожки. Детины, который его душил, уже не было — смылся незаметно. Андрис, чувствуя, что ноги вот-вот перестанут держать, сел рядом с полицейским.

— Закурить не будет? — спросил полицейский хрипло.

— Бросил, — сказал Андрис.

— Некстати, — сказал полицейский. — Ну и вмазал ты! Где так научился?

— Да мы с тобой, можно сказать, коллеги. Я только — бывший. По ранению.

— А-а. То-то я смотрю, ты с вонючками как с собственным хвостом обращаешься. Вон шеф идет.

По мосту размашисто шагал Присяжни. Он был в гражданском — видимо, не успел переодеться. От множества фар и прожекторов резало глаза. Андрис посмотрел вниз. На песке валялись в беспорядке шевелящиеся и неподвижные тела, отбрасывая множественные резкие тени. Острые лучи шарили по опушке леса, глубоко проникая между тонкими стволами. Присяжни подошел, полицейский встал и собрался рапортовать.

— Не надо, Роман, — сказал Присяжни. — Вижу.

— Опять ночь не спать? — спросил Андрис.

Присяжни посмотрел вниз и только сейчас увидел его.

— Не город, а хрен знает что... — сказал он.

— Из-за чего все? — спросил Андрис.

— Так мне уже и доложили, — раздраженно сказал Присяжни. — Будем делать психиатрическую экспертизу. Некоторые до сих пор не в себе. А которые в себе, те ни черта не помнят. Похоже, распылили там что-то.

— О господи, — сказал Андрис. — Это-то еще зачем?

— Развлекаются так. У нас тут, видишь, кто как может, тот так и развлекается. Одни под музыку яйцами трясут... — Он оборвал себя. — Ладно. Я пошел вниз.

Поезжай домой, я тебе утром позвоню. Роман, доведи его.

— Хорошо, шеф, — сказал полицейский.

— Да, Виктор, — сказал Андрис. — Мне завтра понадобится броневик и ствола два-три в охрану. Дашь?

— Днем?

— Днем.

— Да. Для этих, как их там?..

— Именно.

— Хорошо. В общем, утром договоримся, когда и куда. Пока. Я пошел.

— Пока, Виктор.

— Поехали? — спросил полицейский. Он был доволен, что уезжает отсюда.

— Да, — сказал Андрис. — Поехали.

Он сел рядом с ним и назвал адрес.

Казалось, ночь никогда не кончится. Андрис вставал, ходил по комнатам, опять ложился, ворочался — постель была горячая и душная, — вскакивал, прижимался лбом к стеклу, открывал окно и по пояс высывался в ночь, в прохладу и сырость — не помогало. Иногда он проваливался в судорожный полубег-полусон; он мчался по каким-то узким проходам, дворам, коридорам, становилось все уже, уже, уже — он вздрагивал и просыпался. Все еще была ночь. Уже серело за окном, когда он вдруг уснул по-настоящему. Его несло течением, и было совсем легко, легко и прохладно. Песчаный берег был рядом, на берегу стоял огромный розовый лев и провожал его рассеянным взглядом. Потом мягкой волной его вынесло на голый остров, он встал и побрел, идти было так же легко, как и плыть. На острове лежали выбеленные солнцем и ветром ободранные стволы деревьев. Между стволами тут и там ходили люди, но это его не касалось. Люди здесь ходили голые, он посмотрел на себя и увидел, что он тоже голый. Теперь надо было найти вход в пещеру. Вход напоминал спуск в подземный переход, и Андрис, помешкав, стал медленно спускаться по светящимся щербатым ступеням. Дальше его вела светящаяся полоса под ногами. В конце полосы

лежал скелет Минотавра. Кто-то очень давно спускался сюда и убил его. Андрис потоптался у скелета. Все теряло смысл. Почему-то очень не хотелось поворачиваться к скелету спиной. Вдруг зазвонил телефон. Телефон стоял на светящейся полосе. Андрис шагнул назад и присел, не теряя скелет из виду, — и понял, почувствовал, что тот наблюдает за ним чем-то, притаившимся глубоко в пустоте глазниц. Андрис шарил рукой, но телефон будто испарился. Вдруг рядом оказалась Марина. Она тоже была голая, и, хоть это здесь ничего не значило, Андрис стал смотреть на нее. Она подала ему трубку и улыбнулась — улыбка была ужасная — как из бумажного пепла, тут же рассыпалась и опала, и под улыбкой не оказалось ничего; в трубке слышалось многоголосое гудение, будто ехала колонна машин с включенными клаксонами — хоронили шофера? — и вдруг из этого гудения голос генерала сказал: «Уже ничего не изменишь...» Скелет стал приподниматься, опираясь конечностями о землю, но Марина взяла в руки магнитофон — длинный, красный, напоминающий увеличенную телефонную трубку, — включила его и резко усилила звук. Это была та же самая мелодия, что и на мосту: нервная, заунывная, как гудение ветра в проводах, пробиваемая насквозь долгими гудящими ударами огромного барабана — и с каждым ударом скелет рассыпался, и косточки его и осколки костей ползали, судорожно и торопливо лезли в какие-то норы, зарывались в песок. У Марины опять было ее лицо, но с непонятным чужим выражением. «Потанцуем?» — спросила она. «Сейчас ведь не танцуют», — сказал Андрис. «Под эту музыку можно», — сказала Марина, подошла к нему и положила свободную руку ему на плечо. Он обнял ее за талию и за плечи, и они медленно закружились в танце. Он невыносимо остро чувствовал ее тело. «Как называется танец?» — спросил он и задохнулся. «Последний вальс», — сказала она странным голосом, откинула голову и посмотрела на него. У нее опять было чужое лицо: в черных очках и с черными губами. «Почему последний?» — спросил Андрис. «Потому что после него уже ничего не будет». Становилось жарко. Что-то сгорало внутри. «Хочешь?» — спросила она. Опять зазвонил

нил телефон. «Не бери, — сказала она, — нельзя же все сразу...»

Андрис посмотрел на часы: была уже половина девятого. Будильник стоял на восемь. Не уснул. Он схватил трубку. Присяжни. Андрес слушал, что он говорит, и медленно выплывал из сна. Сегодня ночью директор института биофизики, действительный член Академии и прочее, и прочее... профессор Василе Радулеску покончил с собой, приняв смертельную дозу альверона...

— Не мельтеши, — сказал Андрес, и Присяжни послушно и поспешно сел на круглый мягкий стул, сел боком, опираясь мокрой подмышкой о спинку, и свободной рукой взял со стола банку пива.

— Будешь? — предложил он Андрису. — Еще холодное.

— Тебя выпрут когда-нибудь, — сказал Андрес. — За пьянку на рабочем месте.

— Не выпрут, — сказал Присяжни. — Все знают, что я пью пиво каждый день. И целый день. Сам полицей-президент знает. Если бы не пил, давно бы концы отдал. Какой-нибудь инфаркт — и ага. А так — пропотеешь, и все.

— О вчерашнем что-нибудь узнал?

— Нет, — сказал Присяжни. — Как в тумане. Передали материалы на расширенную научную экспертизу. Недели две ждать, не меньше. А то и все три. Ни хрена не понимаю я во всем в этом...

— М-да... Слушай, Виктор, а никак нельзя узнать, может быть, Радулеску звонил кому-нибудь в тот вечер... или ему звонили?

— Как проверишь — блоки памяти сняты... гарантия прав граждан, черт бы их подрал... этих граждан... — Присяжни длинно зевнул. — Вообще ничего не известно: жена утром пришла, а он уже остывает. В постельке, раздетый и даже помытый: душ принял и отравился. Там на месте был Бурдман, я ему верю — он цепкий, как бульдог, — так вот, никаких признаков стороннего вмешательства. Все — сам.

— Да я не о том, — сказал Андрес. — Конечно, сам...

— О боже! — сказал доктор Хаммунсен на том конце провода, и Андрис вдруг очень отчетливо представил себе его лицо: растерянное, бледное, с остановившимися глазами за толстыми стеклами очков. — Господи, да как же?..

— Доктор, — сказал Андрис, — мне надо бы увидеться с вами. Желательно сейчас.

— Да, — сказал доктор. — Да, конечно. Вы же были у меня дома, знаете, как добираться...

— Знаю, — сказал Андрис и повесил трубку.

Таксист попался разговорчивый.

— Слышали, что вчера было? У откатников? Нет? Соседка моя там была, она каждый раз к ним ходит, так она рассказывает: сначала все, как раньше, танцуют, вот-вот ворожба начнется, вдруг — помрачение какое-то, ничего, говорит, не помню, очнулась на мосту, потоптанная вся — пробежали по ней, как все равно стадо какое.. еле домой добралась. Человек, говорит, двадцать насмерть задавили, а может, и больше — а уж по больницам сколько развезли, так никто и не считал. Мол, наркодеры там были и что-то распылили такое, что все драться друг с другом начали. Что же творится? Прижали их полосатики, так они теперь таким манером действовать стали? У меня дочка в восьмом классе, я этих полосатых задаром вожу, что они с нечистью справляться стали... а теперь? Сегодня — откатников, а дальше — что, всех? Если они такое могут, так уж лучше по-старому. Тут уж не просто страшно делается, а хоть и не живи вовсе.. я не знаю.. и, главное, дети? Как с детьми-то? У вас есть дети?

— Был сын, — сказал Андрис.

— Извините, — сказал шофер.

— Ничего, — сказал Андрис. — Это было давно.

Это было давно — обледенелое шоссе — и нет ничего, и ничего с тех пор не получалось, и оставалась только работа, работа, работа — будь она проклята, работа...

— А полосатых, стало быть, любите? — спросил Андрис.

— Что значит — люблю? — Шофер скосил на него глаза — быстро и подозрительно. — Нет, конечно. Ерун-

дой занимаются, ерунду предлагают... Но вот за то, что наркодеров прижали, — я им в ножки готов поклониться. Говорю же — задаром вожу. Дочка у меня в восьмом классе... да. Как тут благодарен не будешь? Не по-людски было бы. А вы их что — не любите?

— Не знаю, — сказал Андрис. — Я вообще нездешний. Мальчишество, наверное.

— Вот-вот, — сказал шофер. — Именно что мальчишество. Нам в такие игры играть не пришлось, вот и завидно. Так, нет?

— Да, конечно, — рассеянно сказал Андрис.

Что-то опять ворочалось в голове, и над было срочно поговорить с доктором. И поговорить с Мариной. И — куда пропал Тони? Впрочем, с Тони было более или менее ясно: древнейший метод сбора информации мог потребовать и гораздо большего времени...

— Доктор, — сказал Андрис. — А нельзя то же самое, но попроще? На пальцах. Я хочу представить все наглядно.

Доктор с сомнением пожевал губами.

— Я и так просто.. — начал он и замолчал.

— Давайте наоборот, — предложил Андрис. — Я буду вам объяснять, что я понял. Хорошо? А вы будете меня поправлять.

— Н-ну, попробуем, — с сомнением сказал доктор.

— Значит, так: вы знаете, куда надо приставить соленоиды, чтобы магнитное поле проходило через эти самые ядра... белый шар, да?.. ах, бледный... значит, через бледный шар. Далее: поле модулируется и так влияет на ядра, что они перестают пропускать те импульсы, которые идут из подкорки в кору и которые заставляют человека принимать наркотик. Так?

— В общих чертах.

— Мне и надо в общих. А что будет, если то же самое воздействие придется не на бледный шар, а на какие-нибудь соседние ядра? Там ведь, вы говорите, все очень плотно упаковано?

— Не знаю. Именно это я и хотел исследовать на программном муляже, но... вы же знаете...

— Предположим, что я абсолютно ничего не знаю.

— Видите ли, если бы мои предположения подтвердились, то это означало бы конец целому направлению исследований, которые вел сам Радулеску и его ученики. Поэтому им было нужно как можно дольше задержать меня на подготовительных этапах — чтобы ученики успели... опериться. Да... То есть так ученики, конечно, рассуждали. Радулеску — человек порядочный, но не гибкий. Я думаю, ему просто нашептали, навели туман... он был убежден, что я подгоняю результаты... и вообще...

— Понятно, — сказал Андрис. — А что будет, если взять не ваши соленоиды, не специальные, с концентрацией поля, а простые катушки?

— Ну что я могу вам сказать? То же самое: надо исследовать.

— А попробуйте пофантазировать. Вы же знаете, какими свойствами обладают окружающие ядра... Пусть будет не абсолютно точно, пусть примерно. Эффект будет?

— Наверное. Да, будет смазанный эффект, и будет множество побочных эффектов... даже не представляю, каких именно.

— Хорошо. А если использовать не оригинальную запись, а перепереписать?

— Не будет закрепления эффекта. Понадобится постоянная подпитка, подкачка... будет своего рода новый наркотик. Чем несовершеннее запись...

— А вы знаете, почему я вас об этом спрашиваю? — сказал Андрис.

— Нет, — с испугом сказал доктор. — Нет, не знаю.

— Дело в том, что в вашем городе практически полностью искоренена наркомания. Даже не искоренена — она исчезла сама собой...

— Боже мой... — Доктор вдруг закрыл лицо руками. — Боже мой... Боже мой...

Андрис шел позади всех и думал, что больше всего это похоже на сцену из самого пошлого полицейского боевика: по полуосвещенному коридору быстрым шагом идут полицейские — в форме и в штатском, — а перед ними мелким бесом катится тот, кто их ведет... Впрочем, не совсем так: заместитель директора по хозяйству гос-

подин Раппопорт, многословный и суетливый, действительно катился по неимоверно длинному полутемному коридору — горела только каждая пятая лампочка — впереди всех, но не потому, что ему не терпелось достичь цели, а потому, что на пятки ему наступал Присяжни, который очень не любил, когда ему говорят «каждый коп», а именно так бормотал господин Раппопорт, когда его поднимали с постели — в двенадцатом-то часу дня! Рядом с Присяжни топал ногами незнакомый усатый сержант, за их спинами держался помощник прокурора города, за ним рядышком шагали в ногу похожие, как братья, полицейский следователь и следователь прокуратуры... дважды приходилось останавливаться перед решетками, перегораживающими коридор, и ждать, когда на посту охраны примут сигнал, запросят и проверят пароль — и только после этого откроют проход. Сейфы вмонтированы в стену коридора — длинная цепь серо-стальных прямоугольников с цифровыми пультами, над каждой дверью — глазок телекамеры. Сейф номер девять. Все останавливаются. Лучше, чем в банке, с уважением говорит Присяжни, и господин Раппопорт мгновенно приобретает преувеличенную благородную вальяжность. Поддернув манжеты, он начинает устанавливать комбинацию цифр, производя в уме необходимые вычисления — у сейфа скользящий код. Проходит минуты две, все молчат, только сержант громко сопит. Готово, говорит господин Раппопорт. Дверца бесшумно открывается. Аки душа младенца, говорит Присяжни и всем корпусом разворачивается к господину Раппопорту...

— Надеюсь, ты не принимаешь меня за полного идиота? — Присяжни повертел в руках картонную упаковку с надписью «Платиборское светлое», заглянул в дырку — пусто; вздохнул, встал, подошел к холодильнику, открыл и закрыл дверцу; вернулся за стол. Был уже четвертый час дня. — Я не хуже тебя понимаю, что он тут ни при чем. Но он-то не должен понимать, что я понимаю. Он должен меня бояться, а боятся, как правило, дураков, особенно дураков, облеченных властью. Нда... Вот я его и припутнул, и он поверил, представь... и

дал информацию... и хотел бы я знать, что нам с этой информацией теперь делать...

Да, информация была, что называется, чуть теплая. Если из потрясающего многословия господина Раппопорта выделить сухой остаток, то получается вот что: во-первых, директор регулярно, по крайней мере раз в неделю, посещал режимный сектор и отпирал сейф. Во-вторых, директор, человек, как известно, семейный, имел малолетнюю любовницу, которая вертела им, как хотела. И есть основания полагать, что эта самая любовница то ли вчера, то ли чуть раньше дала директору отставку. Наконец, работа с исчезнувшими носителями ЭЛТОР должна была начаться еще месяц назад — согласно подписанному директором плану; но потом директором же она была перенесена на более позднее время, а неделю назад — вообще отложена до особого распоряжения. Что касается имени и прочих координат любовницы, то господин Раппопорт этого не знал. А кто может знать? Возможно, секретарша, шофер... Пока никого из них не нашли — не было дома. Уик-энд...

— Да, — сказал Андрис, — да-а... А что мы будем делать с информацией по нашей узловой теме?

— Уже есть информация? — криво усмехнулся Присяжни.

— По крайней мере, есть пара логически непротиворечивых гипотез, — сказал Андрис. — И что самое смешное — обе нас ни к чему не обязывают. Очень может быть, мы будем знать, что происходит, и не будем иметь ни малейшего представления, что нам с этим делать...

— А я вообще не знаю, что делать, — сказал Присяжни. — Тебе хорошо, ты там с цифирками балуешься. Слушай, ведь все меняется так, что головы повернуть не успеваешь... думать — разучился... Не могу я думать по-новому, а по-старому — бесполезно... большая часть моего опыта уже ни к чему, понимаешь? — я не могу на него опереться, хуже того — он уже начинает мешать... я чувствую себя каким-то динозавром...

— Диноцефалом, — вставил Андрис.

— ...три четверти моего опыта сегодня уже не нужны, а та четверть, которая осталась, годится на то, чтобы

достигать четверть того, что происходит, — потому остальное я вижу, слышу, знаю, что это существует... но я этого не понимаю... Дожил. Я уже не говорю, что законы устарели — до дыр. Я — устарел. До дыр. До дыр, понимаешь? Моральный износ сто пятьдесят процентов...

— А мне нравится, что все так круто меняется, — сказал Андрис. — Помнишь, что было, когда ничего не менялось? Хотя...

— Именно что «хотя», — сказал Присяжни. — Логика нет в переменах. Мне так кажется, — он опять потянулся к картонке, потряс ее и с досадой швырнул в угол, — несколько лет назад произошло что-то такое, чего мы не заметили, или заметили, но не узнали... короче, что-то лопнуло, оборвалось, и... даже не в том дело, что тормоза пропали, хотя и это тоже... что-то появилось в мире, чего мои глаза не видят, но — нюхом чую: серой запахло...

— Серой... — проворчал Андрис. Видеть Присяжни в таком состоянии приходилось не часто. Что же, вполне может быть, и серой... вполне может быть... — Как наш бомбист себя чувствует?

— Что ему делается — лежит... Лихо ты его.

— Да уж... Показания?

— Заперся. Только то, что на горячем допросе. Измором придется брать. Его сейчас на наркотиках держат — для расслабления. А там посмотрим...

Он говорил что-то еще, но Андрис вдруг отключился. Для подтверждения версии, что все происходящее — чьи-то (кристальдовцев?) злоупотребления методом доктора Хаммунсена, оставалось последнее: убедиться, что записи «мелодии» пользуются популярностью... даже меньше: что именно доктор сочинил то, что Андрис слышал на мосту... и если так... сейчас без четверти четыре, доктор уже должен быть в кабинете...

— Алло? — спросил доктор.

— Доктор, опять я, — сказал Андрис.

— Нашли? — задохнувшись, спросил доктор.

— Нет, — сказал Андрис. — Нет еще. Найдем. Тут — другое... Я хочу попросить вас вот о чем: не могли бы вы сейчас воспроизвести противонаркотическую запись?

— По телефону? — удивился доктор.

— По телефону.

— Но... впрочем, ладно. Сейчас.

Шаги, металл — замок? — опять шаги, шуршание, непонятные звуки... мелодия; шуршание — доктор взял со стола трубку, — мелодия зазвучала громче и отчетливее. Да, та самая — тревожная, с глубокими, пробивающими стены, ударами огромного барабана... та самая, звучавшая на мосту из плееров шептавшейся парочки, та самая, под которую шло действие откатников...

— Спасибо, доктор! — крикнул Андрис в трубку. — Достаточно!

Шорох — и тишина. Потом — голос доктора:

— Господин Ольвик... видите ли... я не хотел говорить, но, понимаете... если вам поможет?

— Слушаю, — сказал Андрис.

— Дело в том, что у Радулеску была любовница, совсем девочка... лет шестнадцать. Я видел ее сегодня в компании молодых людей...

— Вы знаете, как ее зовут?

— Да, Сандра Шиманович. Живет на улице Загородной, семь, квартира тоже семь. Или жила... это он снял ей...

— Понятно. Спасибо, доктор. А откуда?..

— Дело в том, что она ушла к Радулеску от меня, — сказал доктор и повесил трубку.

Так, подумал Андрис. Проклятые наркоманы... была какая-то мысль, и я ее забыл... кому-то позвонить?..

— Запиши, — сказал он Присяжни. — Сандра Шиманович, Загородная, семь — семь. Та самая любовница Радулеску.

— Дай сюда телефон, — сказал Присяжни.

— Сейчас, — сказал Андрис и набрал номер Марины. Марина была дома.

— Здравствуйте, — сказала Марина. — Не вы звонили мне полчаса назад?

— Нет, — сказал Андрис. — Могу я вас увидеть сегодня?

— Да, конечно. Хоть сейчас.

— Это по делу.

— Не сомневаюсь. Кстати, я поразмышляла над вашей идеей...

- Где встретимся?
- Приезжайте домой. Никуда не хочу идти.
- Через десять минут выхожу.
- Я сделаю кофе.

Андрис дал отбой и подвинул телефон Присяжни. Тот свирепо взглянул на Андриса и принялся тыкать толстым пальцем в кнопки, что-то ворча под нос.

— Жорж! — заорал он. — Жорж, ты? Очень быстро: полный контроль над Сандрой Шиманович, Загородная, семь — семь. Это по делу Радулеску — передай Бурдману. Дальше — группу Курта отправь в отель «Палас», в холл — возможно покушение на сейф. Пусть захватят противогазы, там болтался «Смуглый Джек». Дальше: курсантов к шести часам собрать в городском управлении, сержантов и офицеров, которые по домам, — тоже туда. До кого сможешь дотянуться. Дальше: после семи всех полосатых, которые будут болтаться в городе, — задерживать. Под самыми идиотскими предложениями. Да, Жорж, да! На три часа, все по закону. И созвонись с дежурным прокурором, нам может понадобится пролонгация задержания. Пока все. Через сорок минут встречайте меня у почтамта. Если не появлюсь, все руководство переходит к Бурдману. Я сказал: к Бурдману! Никаких Петерсонов! Все. Работай.

— Чего ты? — спросил Андрис.

— А... — с отвращением махнул рукой Присяжни. — Сегодня похороны тех шести... Ну и — сам понимаешь... — А чего ты забыл на почтамте?

— Вот, кроме тебя у меня других забот нет, — сказал Присяжни.

— Отчего же, — сказал Андрис.

— Там все очень деликатно, — сказал Присяжни. — Надо одному. Ты мне не помощник.

— Рискуешь, — сказал Андрис.

— Да, наверное, — согласился Присяжни. Вдруг его взорвало: — Шесть покойников, шесть! И что — все на одном обоссанце? Вот тебе! — Он сделал непристойный жест. — Они у меня раскроются... задержаются и раскроются...

— Рискуешь, — повторил Андрис.

— А ля гер ком а ля гер, — сказал Присяжни. — Что делать... В общем, ищи меня, если понадобится, в управлении. Пока. Успехов, — сказал он со странным выражением и странно усмехнулся — не усмешка, а болезненная гримаса, — хотел, кажется, еще что-то сказать, но передумал, повернулся и быстро ушел.

Андрис с минуту сидел неподвижно. Все было правильно — но как-то не так... не так, как надо... Вновь, как надоевшая мелодия, вернулось чувство уже совершившейся неудачи, поражения... черт побери, подумал Андрис, ну что со мной такое? Давай так: я прав, и кристалльдовцы действительно решили превратить Платибор в маленький Эльвер, в зону, свободную от наркотиков... подложили Хаммунсену девочку Сандру, что-то не получилось, Сандра перебралась к Радулеску, выманила у него записи, переписала их, и стали потом записи тиражировать и распространять... Хаммунсен говорит, что это дает легкий наркотический эффект, так что успех новой музыке был обеспечен... Все? Точка? А — дальше-то что? Получим, допустим, подтверждение деталей... ну и что? Ничего не понимаю. Ладно. Все доступно проверке, доступно исследованиям... Начнем, пожалуй.

Он вынул из кармана записку Тони: «Дядюшка, все нормально, много интересного. Встретимся в девять вечера в „Балагане“, см. схему (кроки нескольких кварталов, стрелка от квадрата „Палас“ к кружку „Балаган“), если почему-то не приду, ждите звонка утром. Тони», — перечитал, поморщился. Проверил рукой щетину, не понравилось — быстро побрился. Посмотрел на себя в зеркало — внимательно и пристрастно, — подумал: странно все... — и, засекретив замок, стал быстро спускаться по лестнице.

Косые полосы цвета остывающего металла лежали на потолке и, ломаясь, перетекали на стену. Завтра будет ветер, сказала Марина, не оборачиваясь. Она стояла на коленях спиной к нему и смотрела в окно, приподняв край жалюзи. Такая заря... Волосы ее горели в пролетающем свете, и тонкая огненная черта, рисуя контур щеки, шеи и плеча, делила лилово-розовое зо-

ревое небо за окном — и темно-гибкую, вкрадчивую глубину ее тела. Где мы, молча спросил Андрис, и по комнате, как пойманная пуля, заметалось рикошетом: где мы? — где мы? — где мы? — где мы... Ни о чем нельзя было спрашивать — чтобы не рухнули стены. Внизу, и вверху, и по сторонам была нестрашная теплая пустота, и посреди пустоты висел крошечный бумажный кубик, и в окно кубика светило заходящее солнце, и ничего не было вокруг — ничего — не было — ничего... С шелестом, будто падают листья, Марина скользнула к нему — грудь и щека — тихо, тихо, никого нет, никого в мире больше нет, мы одни, нас занесло куда-то, и мы одни, одни — глаза на пол-лица, темные, как восторг и смерть, и тонкие сухие пальцы: слышишь? Прикосновение к щеке, к губам: ты слышишь? Да, это я — миллион лет назад. Огонь и вода, земля и воздух, и вновь огонь — текучий, гибкий, живой, — никого нет больше, это как жажда, понимаешь, да, конечно, да, милый, как жажда — здесь, и здесь, и здесь — ты? — да, это я, всегда только я, всегда — и нет ничего, темно, темно, темно — о боже, о боже, о боже, какая ты красивая — какая? — красивая, это немыслимо — никогда, никогда — как падают листья, и темно крутом, и тесно, и в жути и в сладости подступающего безумия — ты? — да... — безумия, когда не знаешь, кто есть кто, и где, и чье это сердце... поцелуй меня, простонала она, о-о...

..всплывало, поднималось, странно забытое, покрытое патиной... сколько оттенков у сумерек!.. будто со дна, как утонувший город, как морское чудовище, выступало, распрямлялось, обретало цвета и формы, звуки и голоса... и никогда не жившие люди ходили по улицам, и где-то далеко звенели трамваи, которыми никто не ездил... звенели...

— Нас нет, — сказала Марина. — Это телефон, но нас нет.

— Нас нет, — повторил Андрис и не узнал своего голоса. — Как пусто...

— Да, — сказала Марина. — Даже страшно, как пусто... как бывает... Ох. — Она закрыла глаза. — Эта женщина совсем потеряла голову... такое говорить... — Она

уткнулась в плечо Андрису. Он погладил ее по волосам. Рука была не его — то ли слишком легкая, то ли неподъемно тяжелая. — Что ты теперь будешь думать обо мне?

— Что ты самая лучшая женщина в мире.

— Господи ты боже ты мой, — сказала Марина очень серьезно, — что же ты с нами делаешь, старый ты негодяй?

— Я тебя люблю, — сказал Андрис.

— Я больше не смогу без тебя, — сказала Марина очень серьезно. — Тебе придется что-то делать.

— Не такая большая проблема, — сказал Андрис.

— Не знаю, — сказала Марина. — Я так боюсь... это слишком хорошо, чтобы быть долго...

Последняя «скорая» отъехала, визжа сиреной, а полицейские «фиаты» и спецназовский броневилок еще стояли, хотя все было кончено. На первом этаже отеля не осталось ни одного стекла, и светились тусклые аварийные лампочки. Машина террористов догорала напротив входа, вся изрешеченная, почти уничтоженная пулеметными очередями с броневика. Спецназ подоспел вовремя — хотя откуда он вообще взялся? Днем их в городе еще не было... Ладно, не ваша забота. Демаркационная линия между правами федеральной и муниципальной полиций была размыта, а потому всегда служила источником конфликтов, и спрашивать Присяжники о спецназе — значит тыкать пальцем в воспаленную рану. Надо будет — скажет сам. Андрис уже выяснил, что все пятеро нападавших убиты, взять не удалось никого, и что убито двое полицейских, а троих увезли в госпиталь, и что среди неделиквентов убитых и тяжелораненых нет, но девятнадцать человек все же госпитализированы с различного рода травмами — в том числе и доктор Хаммунсен, получивший ранения осколками стекла в голову. Сейф не поврежден...

Андрис постоял еще, глядя на все это безобразие, потом протолкался сквозь неплотную кучку зевак и пошел, вспоминая нарисованный маршрут, туда, где его ждал Тони.

Слово «БАЛАГАН» Андрис увидел издали — да и мудро было не увидеть. Оно сияло всеми цветами над воротами в длинном, ажурного чугуна заборе. За забором был парк. От ворот шла аллея со скамейками и фонтанами, и в конце аллеи стоял светящийся изнутри асимметричный гребенчатый купол, напоминающий то ли раковину, то ли полураспустившийся бутон исполинского цветка. За вход брали десять динаров. Ненормально много. Очень хотелось пить. В воздухе роились одуряющие запахи: цветов — поздних, красных, истошных — и взрытой земли. Было прохладно, но душно. Андрис внезапно озяб. Справа стоял полосатый навес, под навесом продавали пиво. Он взял две кружки и сел за низенький стол. До назначенного срока было еще десять минут. Стоило очень крепко подумать.

Что произошло бы, не подоспей спецназ? У кристалльдовцев оказалось бы два комплекта дисков, то есть оба комплекта... Зачем им оба? Их цель, как они декларируют, — искоренение наркомании во всем мире. Не основная цель, но одна из. Дабы молодежь не отвлекалась от борьбы. Значит, если быть логичным, они должны были бы носить доктора на руках и создавать все условия для его работы. Но — кабинет разгромлен, доктор ранен. До нападения было все логично, а теперь... кстати, а как Присяжни вычислил, что должны напасть — и именно сегодня? Хороший вопрос, мы его зададим... Наиболее вероятно: кто-то — наркодеры? — пытался сработать под кристалльдовцев. Натянули полосатые штаны... Может быть. Так, еще? Какое-то дробление внутри самих кристалльдовцев... допустим. Еще? Провокация. Кто мог устроить провокацию, в смысле: кому надо? Полиция? М-м... почему бы нет? Им на руку. ОБТ? Генерал предупредил бы... хотя... хотя... были прецеденты. Так. Ведомство Загена? Вот этим — на фиг не нужно. Армия? Скажем, научная разведка — ведомство с самыми неожиданными интересами... фонд Махольского, вспомнил он. То, что армейская научная разведка держала руку на пульсе фонда, — установленный факт. Держит ли сейчас? Кто знает... Допустим — хотя бы потому, что от армии ждать подлостей следует просто по определению. Ну и что дальше? А все. Похоже, что даже точное

знание — кто и зачем — мне ничего не дало бы. Тем более что в условиях, когда конспирация переслоена провокациями, получить его просто невозможно. Ладно. Опустим.

«Рука Эльвера», они же кристальдовцы, они же полосатые... Весьма типичная полулегальная полуполитическая полупартия. По структуре напоминает комету: компактное невидимое ядро — и разреженная, обширная, ничего толком ни о ядре, ни о действительных целях и задачах организации не знающая «атмосфера». В данном конкретном случае: провозглашают целью счастье всего человечества — через построение так называемого «ротативного социализма». Говорят, это весьма забавно: каждый год каждый житель Эльвера по графику, составленному специальными уполномоченными правительства, меняет место жительства — и, как следствие, род занятий и вообще образ жизни. Обременительно, зато исключительно справедливо. Возмущаться нечем. Никого не убивают, никаких лагерей... все в меру счастливы. М-да... Вернемся на нашу землю. Методы действия кристальдовцев разнообразны: от уличной агитации до, как мы знаем, прямых терактов. Несколько хороших, неопровержимых доказательств того, что террористическая деятельность осуществляется по заданию руководства, — и Верховный суд может объявить организацию вне закона со всеми вытекающими отсюда последствиями. Опять небольшая городская гражданская война, каких уже множество было... от нескольких часов до многих лет длительностью... Самое сложное здесь — добыть эти самые доказательства. Андрис участвовал в одном таком процессе как эксперт — по делу так называемых «Бригад спасения». Адвокаты построили защиту на том, что под именем «Бригад» действовали обычные молодежные банды и что настоящие «Бригады» не имеют ни малейшего отношения к взрывам на предприятиях, трубопроводах и высоковольтных линиях. Первый процесс закончился безрезультатно, и только через год, когда «бригадиры» передрались между собой, в распоряжение ОБТ попали необходимые документы. Надо полагать, что нечто подобное происходит здесь и сейчас — только в какой стадии находится? Впрочем, лад-

но, не мое дело. Мое — выяснить, кто занимается изготовлением записей... и каковы последствия применения расширенного метода доктора Хаммунсена — именно это сильно беспокоило самого доктора. Ну и — сверх программы — возможные ответные действия наркродов. Все? Все. Для одного человека — вполне достаточно...

Андрис допил пиво и потихоньку пошел к павильону. Из-под купола доносились глуховатые спрессованные звуки, и, подойдя ближе, он понял, что это взрывы смеха. До входа осталось шагов десять, когда откуда-то из тьмы навстречу ему шагнула девочка.

— Вы господин Ольвик? — сдавленным голосом спросила она, и Андрис не сразу догадался, что к чему, и только когда она зябко передернулась, сообразил, что она просто замерзла. — Господин Андрис Ольвик?

— Да, — сказал Андрис.

— А как зовут вашего племянника?

— Тони.

— Вот, вам. — Она протянула ему записку.

— Вы замерзли, — сказал Андрис. — Пойдемте внутрь.

— Нет, — сказала она.

В записке было: «Дядюшка! Дело плохо. Идите с ней, она вас приведет. Тони».

— Мне приказано идти с вами, — сказал Андрис.

— Да, — сказала она. — Пойдемте.

— Наденьте мой пиджак, — сказал Андрис.

— Спасибо, — сказала девушка. Она накинула пиджак на плечи. — Можно я возьму вас под руку?

— Можно, — сказал Андрис.

Она взяла его под руку, прижалась — ее била мелкая дрожь.

— Не так, — сказал Андрис. Он застегнул на ней пиджак, обнял ее правой рукой за талию, велел: — Ведите.

Она повела — вокруг купола, в темноту. Позади купола тоже была аллея, не такая широкая и парадная, как перед ним, — черный ход. На выходе стоял турникет, пропускавший только в одну сторону.

— Нам далеко? — спросил Андрис.

— Нет, — сказала девушка. — Два квартала.

— А что с Тони?

— Его избили.

— Сильно?

— Сильно. Вы не можете посмотреть — за нами не следят?

— Могу, — сказал Андрис. — Не следят.

— Вы же не смотрели.

— Смотреть надо так, чтобы никто не замечал, — сказал Андрис. — Ну а следить — так, чтобы невозможно было заметить.

— Вы можете быть уверены, что не следят?

— Если следят — то издалека, через оптику. Это невозможно засечь.

— А вы умеете уходить из-под слежки?

— Да.

— Тогда давайте так и сделаем.

— Я не знаю этот район.

— Сделайте хоть что-нибудь.

— Куда нам надо попасть?

— В том квартале — видите освещенные витрины? Это магазин, а нам в следующий дом.

— Ладно, — сказал Андрис.

Они резко свернули за угол, зашли во двор, постояли несколько минут, прижавшись к стене. Никто их не искал. Пересекли двор, вышли на другую улицу, перебежали ее и скрылись в темном парадном. Через щель в двери Андрис смотрел наружу. Проехал полицейский патруль. Хвоста не было.

— Хвоста нет, — сказал он. — Выходим?

— Тут есть черный ход, — сказала девушка.

Они вышли через черный ход и стали пробираться дворами к нужному дому. Это заняло минут двадцать. Наконец они нырнули в подъезд. В подъезде было полу-темно и пахло кошками.

— Третий этаж, — сказала девушка.

Лестница со второго этажа на площадку между вторым и третьим и сама площадка были забиты подростками. Тишина стояла страшная, даже дыхания не слышалось. У многих — не у всех — на головах были наушники. Девушка шла впереди, осторожно выбирая

место, куда поставить ногу. Андрис ощутил вдруг себя как в перекрестье десятка прицелов — хотя никто на него не смотрел, смотрели куда угодно, только не на него. Девушка открыла замок, впустила Андриса, скользнула следом и со вдохом облегчения заперла дверь. Потом включила свет.

Квартира была из дешевых: крохотная прихожая и комната, которая все сразу — и спальня, и гостиная, и кухня. На матрасе, брошенном на пол, лежал голый по пояс черный человек. Лицо его было огромное, перекошенное, губы вывернуты.

— Это вы, дядюшка? — прохрипел он, приоткрывая заплывший глаз. На Андриса уставился широкий зрачок, окруженный кроваво-красной вспухшей склерой. — Хорошо, что... — Он задохнулся.

— Надо в больницу, — сказал Андрис.

— Его там найдут, — сказала девушка. — Найдут и убьют.

Андрис сидел на полу и слушал прерывающийся рассказ Тони. Верхний свет выключили. Девушка — Ева, вспомнил Андрис, — поставила на пол ночник. Такой свет не мешал Тони. Сама Ева села по-турецки напротив Андриса и время от времени вскакивала и бежала, чтобы показать что-нибудь или принести. Около Андриса лежали теперь синхроплейер «Урбан», несколько кассет с записью «плот-мюзик» — так это называлось — и динамические головные телефоны высшего класса «Сержант»; родные пьезоэлектрические телефоны «Урбана» для «плот-мюзик» не годились. До вчерашнего дня — пока Тони не принялся ее расспрашивать — она не связывала свое увлечение «плот-мюзик» с тем, что ей удалось наконец сорваться с иглы. Первые записи «плот-мюзик» появились, насколько она помнит, в марте, а к лету это было уже повальное увлечение — в общем-то, ничем не отличающееся от подобных повальных увлечений «Ситуацией» или, чуть раньше, «Рен-Корн-Пи». Все точно так же ходили в синхрах, и, как только включаешь, — «Рен-Корн-Пи», «Рен-Корн-Пи»... Андрис включил и выключил «Урбан» — в наушниках звучала противонаркотическая

мелодия доктора Хаммунсена; подростки на лестнице торчали от «плот-мюзик». Да, сказала Ева, какой-то кайф появляется... странный очень, не такой, как от наркотиков, и не такой, как от музыки... непонятно, нельзя объяснить... сравнить не с чем. Кассеты с записями «плот-мюзик» продавались в студенческих лавочках, и при продаже объясняли, что переписывать не надо, может быть плохо; она несколько раз слушала именно перезаписанные кассеты — действительно, возникало неприятное возбуждение, беспокойство, как будто выпили слишком много кофе... сердцебиение, даже какой-то страх... Но — она точно знает — большинство пользуется именно переперезаписями, просто из экономии... и ничего, не жалуются. Привыкли. Тони сегодня прошел по лавочкам, и в каждой ему продали по кассете, объяснили то же, что и Еве когда-то: и про головные телефоны, и про нежелательность перезаписи. Но, наверное, он вел себя неосторожно, потому что, когда он вышел из пятой лавочки, к нему подошли и попросили на пару слов. Он был уверен в себе, приглашавших было всего двое, но его ударили сзади, а потом принялись обрабатывать лежащего. Теперь их было четверо. Правда, били трое, четвертый только присутствовал при этом. Именно его Тони узнал. Любомир Станев, один из лидеров кристальдовцев. Кажется, сознания Тони не терял, хотя какое-то помрачение наступило. Кажется, их кто-то спугнул. Ева нашла его вечером — она сама не знала, каким наитием ее занесло в проход между гаражами. Раньше там собирались торчки — наверное, поэтому...

Да, говорил Андريس, да, все совпадает, старина Тони, мы с тобой раскопали дело, оказалось не столь сложно, ожидали-то чего-то страшного, непонятного, потому и Присяжни винтом ходил, и теперь осталось совсем ничего, но это я буду делать сам, а тебя мы все-таки положим в больницу, убивать тебя не станут, потому что хотели бы убить — убили бы там... не убили — это же что-то значит? Или нет?..

«Скорая» увезла Тони, и Ева уехала с ним, и врач, неопределенного возраста человек, потер виски: что же такое делается сегодня? Присяжни очень коротко ска-

зал, что охрана Тони будет обеспечена, и отключился — Андрис слышал, как в Управлении надрываются телефоны. Никакого транспорта не было, и он пошел пешком и шел долго. Улицы были пусты. Потом ему удалось остановить такси. Страшная драка была сейчас, сказал таксист. Ужас, что с молодыми происходит. Насмерть, насмерть... И чем дальше... Андрис молчал. В темном скверике стояла толпа, и несколько парней бросились наперерез машине, пытаясь остановить, — водитель газанул и проскочил мимо них. В центре города стали попадаться полицейские патрули. Два раза на перекрестках их останавливали спецназовцы: заглядывали в салон, в багажник и пропускали, не говоря ни слова. Что-то случится сегодня, сказал шофер. Вся душа ноет... Да, сказал Андрис. Что-то должно случиться.

Таксист высадил его на углу квартала и унесся так, будто за ним черти гнались. Андрис направился к арке, через которую попадали во двор. Потом остановился. В доме светились почти все окна. На улице не было ни одного человека. Он еще раз, не веря себе, огляделся по сторонам. Ни одного. По дороге с ревом пронесся, светя пустыми окнами, автобус. Всё. Фонари давали яркий свет того оттенка, который нельзя назвать ни оранжевым, ни розовым. Деревья в этом свете казались бронзовыми. В глухой, ватной тишине со звуком медленной капли падали листья. Андрис стоял и смотрел. Каждый лист падал отдельно. Падение каждого листа все еще было событием. Ночью или завтра днем начнется листопад, и звуки падения сменятся общим шорохом. Листья еще не знают. Пока падение каждого листа — событие. Великолепные бронзовые листья. Ни один не похож на другой. А через неделю — холодный косой дождь, слякоть, и только самые цепкие, серые, истрепанные ветром, будут зачем-то хвататься за ветки, которым они больше не нужны...

Он поднялся на этаж, отпер дверь и вошел. Присутствие посторонних он учуял — в прямом смысле. У него всегда было очень острое обоняние. Дергаться нельзя, к запаху тел примешан запах оружия. Оставалась секунда, чтобы решить, как себя вести, — долгая секун-

да, пока он нашаривал выключатель, а потом оборачивался, делая вид, что все, что он сейчас увидит, — для него полнейшая неожиданность... имело смысл сыграть партию, не провоцируя партнеров на поспешные действия...

Их было трое. В униформе: серые свитера, полосатые брюки; шапочки-маски на головах; пистолеты у двоих, третий держит руки в карманах.

— Без глупостей, — сказал тот, с руками в карманах. — Лицом к стене, руки за голову.

Андрис повернулся к стене и дал себя обыскать. Полосатый покрутил в пальцах нож, хмыкнул и сунул себе в карман. Потом подтолкнул в спину:

— Иди.

— Руки можно опустить? — спросил Андрис.

— Вот еще.

Андриса поставили посреди комнаты. Тот, который держал руки в карманах, сел на диван напротив него, положил ногу на ногу и сказал:

— Мы знаем, кто вы. Можете не запирайтесь и не строить из себя овечку. Нам нужна информация, и вы нам ее дадите. Всю. А чтобы у вас не возникло иллюзий... — Он замолчал, вынул наконец руки из карманов и стал набирать телефонный номер; в карманах у него ничего не было. — Да, он здесь. Давайте. Возьмите трубку, — сказал он Андрису.

Андрис взял.

— Это я, — сказала Марина. Ее было слышно неимоверно четко. Дыхание — быстрое, нервное. — Это я, ты слышишь?

— Да, слышу, — сказал Андрис.

— Они меня захватили и держат, — сказала Марина. Она старалась говорить ровно, и у нее почти получалось. — Я не знаю, чего они хотят. Я не... — Она замолчала. В трубке раздался шорох, треск, потом другой, тоже женский, голос сказал: — Хватит.

Андрис опустил трубку на рычаги.

— Ну и?... — начал он.

— Объяснять с подробностями? — прищурился полосатый.

— Что вам нужно?

— Не валять дурака. Это все, что нам нужно.

— Спрашивайте — буду отвечать.

— Судя по нападению на «Палас», вы уже в курсе дела, — сказал полосатый. — Что вы намерены были предпринять еще?

— Ничего, — сказал Андрис. — Следовало бы сначала обдумать ситуацию. Все оказалось несколько неожиданным...

Сознание почти отключилось. Андрис физически чувствовал, как мозг с невероятной скоростью перебирает варианты ответов и поведения. Не имело смысла как-то контролировать это — все шло на интуиции и голой технике, в страшном цейтноте.

— За последнюю неделю в город было заброшено три транспорта кокаина. Где они?

— Не было ни одного, — сказал Андрис. — Пустышки. Имитационная операция.

Под маской не было видно — но Андрису показалось, что допрашивающий его полосатый удовлетворенно улыбнулся.

— Понятно. Теперь — фамилии ваших людей в полиции и муниципалитете.

— Наших — в каком смысле?

— Во всех.

— В полиции — следователь Бурдман. Начальник полиции — на коротком поводке. В муниципалитете — по кличке «Футболист», фамилии не знаю.

— Что за поводок у начальника?

— Не знаю. Думаю, что-то из его бурного прошлого.

— Ну а еще кто? Что, больше никого нет?

— Наверняка есть. Но я не знаю.

— В университете?

— Пан и Мексиканец. В администрации. Фамилий не знаю.

— Как же вы с ними встречаетесь?

— Я с ними не встречаюсь. Они мне не нужны.

— А если понадобятся?

— Набираю номер, говорю пароль...

— Номер и пароль.

— Один-три-три-два-семь-ноль. Ответит автомат: «Учреждение не работает». Ждите. Начнется гудение. В

это гудение скажете: «Реджифьер девяносто один». И дальше — что вам нужно.

— Попробуем, — сказал полосатый. — Но — смотрите... — Он набрал номер и стал ждать. Гудение было громким — стоя в трех шагах от аппарата, Андрис слышал его. — «Реджифьер девяносто один». Срочная связь с Мексиканцем.

— Кладите трубку, — сказал Андрис. — Они позвонят через пять минут.

В Реджифьере в девяносто первом году Присяжни был захвачен сепаратистами и просидел в старом бомбоубежище три недели, прежде чем его нашли и отбили.

Полосатый нажал на рычаг и тут же позвонил еще.

— Серж, — сказал он, — засеки адрес номера один-три-три-два-семь-ноль — и отправь туда Мэг с ее девочками. Да, всех. Но без холодных! — повысил он голос. — Только живыми. Понял? Валей.

Он говорил и смотрел на Андриса. Андрис облизнул губы. На самом деле ничего страшного не происходило. Телефон был зарегистрирован в подставном помещении. Найти же его, отслеживая канал во время разговора, было невозможно — программа защиты это предусматривала и давала адрес того же самого подставного помещения. Дальнейшее было делом техники...

— Ну ладно, — начал было полосатый, но тут раздался звонок. Полосатый выслушал, сказал: «Спасибо, не надо» — и положил трубку. Засунул руку под маску, потер лицо. — Мексиканца нет в городе, — сказал он. — Будет послезавтра. Ну-ну...

— Можно мне сесть? — спросил Андрис.

— Сядьте, — сказал полосатый брезгливо.

Один из тех, что стояли за спиной Андриса, взял стул и поставил посредине комнаты. Андрис сел. Вдруг заболела голова. Устал, подумал он. Чего же я так устал?.. Интересно, почему они считают меня наркодером? Не вижу причин. Да еще так уверенно считают... Марина, подумал он. Как же быть с Мариной? Это вдруг прорвалось и хлынуло — стало по-настоящему страшно. Мгновенная паника, и уже в следующую секунду он взял себя в руки, но на лице, наверное, что-то отразилось — полосатый довольно прищурился.

— Жить хочешь, — сказал он. — Жи-ить хочешь, гад. И хочешь жить хорошо-о... А ты видел, как умирают от ломки? Да видел, наверное... Или засадив себе сверх-дозу? Видел, видел. Все ты видел. Но сам — упаси боже. Никогда. А? Верно ведь?

— Верно, — сказал Андрис. — Никогда.

— Ты все понимал... Знаешь, что мы с тобой сделаем? Мы вас посадим вместе и начнем колоть. У меня есть «стрип» — двести ампул. И мы их потратим на вас. А потом «стрип» кончится — а вы будете сидеть в подвале... и все. Это будет справедливо. Воды мы вам дадим... И если выживете — то дадим послушать «плот-мюзик». Если выживете... согласен? Справедливо? Отвечай! Справедливо?

— Ее-то за что?

— Справедливо?

— Меня — да. Но она-то ни при чем!

— А кто из тех, кого вы убили, — при чем? А? Кто?

— А вы хотите, значит...

— Я хочу, чтобы ты все почувствовал — что чувствовал, например, я. Или вот он. Ладно. Если ты поработаешь на нас, то ее мы от этого избавим. Понял?

— Да. Что надо сделать?

— Выступишь по телевидению. Расскажешь всем, что вы сделали с откатниками — и зачем. Что вы там распыляли? «Кентавр»?

— Вот чего мы не делали, так не делали. Это кто-то другой.

— Перестань, — с отвращением процедил полосатый. — Тебя видели на мосту.

— Ну и что?

— Перестань.

— Самое смешное, — сказал Андрис, — что это действительно не мы.

— А кто же тогда?

— А вы считаете, что в игре нет других игроков?

— Кому это надо?

— А нам зачем?

— А кто?

— Давайте думать.

Несколько секунд полосатый молча смотрел на него.

— Чушь, — сказал наконец он. — Никому, кроме наркодоров...

Андрис молча пожал плечами.

Полосатый хотел, видимо, что-то еще спросить, но передумал, махнул рукой и сказал:

— Ладно, пошли. А то тебя Хобот ждет не дождется. Прямо слюнями исходит. Ты уж постарайся его не раздражать, он впечатлительный... потом ночами спать не будет...

Андриса повели — «Без фокусов!» — сначала к лифту, потом к выходу — и на выходе их взяли. Бритоголовые мальчики в спецназовском сером беззвучно спланировали сверху — с козырька над дверью или с нижних балконов? — и хватило секунды, чтобы оба с пистолетами были обезоружены и скручены, а тот, который допрашивал Андриса, обхватил руками живот и засеменил боком — и лег — все это молча, с каким-то растянутым маслянистым клацаньем: с таким примерно звуком срабатывает замысловатая автоматика оружейных затворов. Нельзя было терять темп. Андрис подхватил с асфальта свой нож и бросился сверху на лежащего:

— Адрес!

Тот длинно простонал что-то нечленораздельное. Глаза его были белые от боли. Андрис приставил нож к горлу, нажал слегка, чтобы дать почувствовать острие.

— Адрес! Где ее держат? Ну?

Кристалдовец молчал. Тело его напряглось — он изо всех сил сопротивлялся смертному ужасу. Не скажет!

— Адрес! Яйца отрежу! — Двинул его коленом между ног, сунул туда же руку с ножом. Почувствовал, как тело кристалдовца опало, расслабилось — лопнуло что-то внутри, и дикая, животная паника плоти: беззвучно, в ультразвуке, визжа, он полз вбок, ворочался под Андрисом, наконец просипел: «Семнадцатое общежитие... в подвале... где бывшая душевая... Да уберите же этого пидора!!!» — А за пидора отдельно! — рявкнул Андрис, рывком поднял парня на ноги и дал ему в челюсть. Кристалдовец крутнулся на сто восемьдесят, приседая, и лег мордой вниз, раскинув руки. «Ты ж его убил!» — сказал кто-то. — Убьешь такого, — приходя в себя, ска-

зал Андрис. — Обоссался, сволочь... — Стряхнул с руки мочу, потом наклонился и обтер о свитер кристальдовца руку и нож. — Спасибо, ребята, — сказал он, вспоминая. — Куда вы сейчас?

Управление напоминало вокзал в разгар эвакуации. Никто ничего не знал. Присяжники были где-то в городе. Весь первый этаж был забит задержанными кристальдовцами и прочей молодежью — несколько сот чрезвычайно возмущенных ребят и девушек орали, свистели, скандировали лозунги — впереводку, безостановочно. Вспыхивали драки — между собой. Атмосфера была накалена до последнего предела. Офицер спецназа, к которому сунулся было Андрис, покрутил пальцем у виска:

— Ты что, идиот? Это же восстание! Там черт знает что творится! Баррикады! Вас же на кусочки — чиркнуть не успеете...

Это было так. Это было именно так... Но нельзя же... Андрис скрутил себя. Ребята-спецназовцы, с которыми он ехал, сидя на корточках и придерживаясь за спинки сидений в их тесном броневишке, коротенько рассказали: на похоронах было тысяч тридцать, потом начался крик, и пошли бить студентов — не все, но половина пошла... А в студгородке — баррикады, и началось... пожары, пальба — все на свете...

Помятые, потные, красные полицейские впихивали за барьер все новых и новых задержанных. Их встречали ревом: «Слава Кристальдо! Слава Кристальдо! Народ всегда прав!!!» Вдруг Андрису показалось, что мелькнуло знакомое лицо. Задержанных уже проволок мимо него. Он оглянулся — и поймал встречный взгляд, мгновение, лицо тут же пропало, затылки, затылки, поднятые руки... Он вспомнил: та девочка из холла «Паласа», которая: «Извините, у вас...» — вытащила у него из волос пластилиновый шарик. Ах, черт, какой был взгляд: холодный, тяжелый, она меня узнала, подумал Андрис, с чего бы? Непонятно... Да ведь и вторую, которая там была, сидела напротив нее, вся в черной коже, тоже проволок сейчас — конечно... но что все это значит? Почему она меня узнала — в такой толпе и в такой

момент? Такой взгляд... такими взглядами не разбрасываются. Маленькая ведьма. Андрис понимал, что это засядет в нем, как заноза, — надолго. Но — почему, черт побери? Нет ответа. Опять нет ответа...

— Юсуф! — Андрис бросился навстречу знакомому офицеру. Юсуф был в форме: поджарый, черный, спокойный — единственно спокойный хотя бы с виду офицер в здании.

— А, вы, — Юсуф остановился. — Шеф велел вам передать, чтобы вы оставались здесь до конца операции.

— Нет, — сказал Андрис. — Мне надо в студгородок. Как можно быстрее.

— Невозможно, — сказал Юсуф. — Чисто технически. Баррикады.

— А вертолет? — спросил Андрис. Вертолеты дорожной полиции стояли прямо во дворе Управления.

— В студгородок — куда именно? — спросил Юсуф.

— Семнадцатое общежитие, — сказал Андрис. — Там заложник.

— Я никого не могу послать, — сказал Юсуф. — У меня нет ни единого человека.

— Не надо, — сказал Андрис. — Мне ствол — и все.

— Своего нет?

— Нет.

— Пойдемте.

Они вышли наружу. Было страшно светло — фонари и множество фар. Резало глаза. Рядом с главным входом была еще одна дверь, обрешеченная, с окошком в решетке.

— Стив, это Эсен-бей, открой, — сказал Юсуф в микрофон.

Дверь медленно открылась, загорелась тусклая лампочка. За дверью, шагах в пяти, была еще одна — стальная, как от сейфа, и тоже с окошечком. Из окошечка торчал ребристый ствол пулемета.

— Выдай мне еще один ствол, — сказал Юсуф невидимому Стиву. — Какой вам? — обернулся он к Андрису.

— «Смит-Вессон — сорок четыре», — сказал Андрис.

Из окошечка рукояткой вперед просунулся револьвер. Андрис взял оружие, наплечную кобуру, патроны.

— Расписаться? — спросил он.

— Не надо, — сказал Юсуф. — Я сам. Потом.

— Спасибо, — сказал Андрис.

— Пойдемте к летчикам, — сказал Юсуф.

Они обошли здание и через проходную вошли во двор. Заходились в лае собаки. Андрис на ходу подгонял кобуру. Три вертолета стояли на площадке, винт одного еще медленно вращался. Летчики сидели на корточках около него и курили.

— Хевель, — позвал Юсуф, и один из летчиков, маленький, коротконогий и длиннорукий, похожий на обезьяну, обернулся и шагнул навстречу, пряча горящую сигарету в карман кожанки.

— Здесь Хевель, — сказал он глухо.

— Что там? — спросил Юсуф.

— Как было, — сказал Хевель. — Полные улицы. Все на улицах.

— Пожары?

— Больших нет. Несколько горящих машин, и в парке какие-то постройки горят.

— Понятно. Дай-ка карту... вот, видишь — семнадцатое общежитие. Надо туда забросить человека.

— Только забросить? — спросил Хевель.

— А? — Юсуф посмотрел на Андриса.

— Да, — сказал Андрис. — Дальше я сам.

— На крышу, — предложил Хевель. — Больше нелегко — деревья везде, столбы...

— На крышу — то, что надо, — сказал Андрис.

— Тогда полетели, — сказал Хевель.

— Только незаметно, — сказал Юсуф. — Без огня, без фар...

— Еще советы будут? — ошетинился летчик.

— Ладно, не обижайся, — сказал Юсуф. — Удачи, ребята...

Андрис осторожно, на ощупь, спускался по лестнице. Особых перепадов температур тут не было, инфракрасные очки особой четкости не давали, и он не снимал их только из предосторожности — вдруг где-то кто-то за-

таился в темноте. Весь студгородок был обесточен, оказывается, еще с полуночи, и сверху это выглядело очень эффектно: черные острова кварталов, между которыми текут огненные реки. Хевель был ас: он высадил Андриса на крышу общежития с первого захода, пройдя над ней впритирку, — Андрис шагнул с лыжи, пробежал несколько шагов и остановился; невидимый вертолет, обдав его ветром, уходил куда-то вбок и вверх — Андрис напряженно прислушивался, но так и не смог определить направление звука — странное эхо... Теперь Андрис спускался вниз по темной лестнице, считая этажи: третий... второй... первый... Ниже лестница не вела, вход в подвал был где-то в другом месте. Андрис постоял, осматриваясь. Прямо перед ним был маленький холл, пустая застекленная будка вахтера и наискосок — тамбур входной двери. Потом сверху донеслись шаги. Шли двое, мужчины, шли уверенно и быстро. Стараясь не шуметь, Андрис отступил в правый коридор, нащупал дверную нишу, вжался в нее. На лестнице появились отблески света. Донеслись обрывки разговора: «...не совсем то, я тебе клянусь...» — «...с Мэгги и раньше было, у нее мозгов...» — «...а эти орлы? Отрапортовали — и до утра?...» — «...не пробиться через все, тем более с таким грузом...» — «...ох, Люб, мне бы твое спокойствие...» — Андрис весь обратился в слух, но больше ничего не услышал, двое прошли мимо него и пересекли холл — Андрис думал, что к выходу, но нет: зазвенели ключи, он выглянул — отпирали дверь, расположенную симметрично входной двери в другом углу холла, — понятно, понятно... да, шаги по лестнице — вниз — гулко... он скользнул следом — из-за приоткрытой двери несло холодом и сыростью.

Подвал...

Он взвел курок револьвера и стал спускаться. Как всегда в таких случаях, откуда-то взялась кошачья ловкость и обращенность в слух. Лестница кончилась, дальше был низкий дверной проем и пустота. Ярko светились проходящие под потолком трубы. Два силуэта с не очень яркими пятнами огня в руках стояли, склонившись над чем-то; звякало железо. Еще замок, понял Андрис. Открыли. Клубящийся свет за дверью. Андрис снял очки.

Черно, и только прямоугольник двери выделяется — за ним движутся блеклые световые пятна. Шаги. Опять железо — скрип, визг — решетка?

Да, решетка. Как во сне: подумал о решетке и тут же оказался возле нее. Ноги — сами... Так. Дальше, как наверху: коридоры налево и направо. Шаги — направо. Направо... Андрис протиснулся в узкую щель — разгильдяи, оставили щель — если бы закрыли совсем, было бы худо, — хорошо, что разгильдяи, хорошо... Они опять зазвенели ключами, куда-то входили, бубнили неразборчиво голоса... потом что-то сказала Марина. Он не слышал, что она сказала, но голос узнал — сердце бухнуло и заворочалось болезненно, не давая вздохнуть. Он простоял минуту или две, давая себе передышку. Потом пошел на голоса.

Они стояли перед ней, держа ее в перекрестье лучей фонариков, и что-то говорили, а она что-то отвечала, но Андрис не понимал ни слова, настолько это было неважно... надо было брать обоих... надо... как? Было бы светло — глядящее в глаза дуло «магнума» парализует лучше, чем газ «Ви-экс». В темноте этот номер не проходит. Кроме того, не исключено, что у ребят фонарики-«глушилки». Даже при солнечном свете разрядная вспышка такого фонарика в лицо обездвиживает секунд на десять... Рука Андриса вдруг сама собой протянулась к висящему в проушине замку. Старинный замок весом чуть меньше килограмма. Еще не до конца понимая, что он собирается делать, Андрис тихо вынул замок из проушины, взвесил в руке и не слишком сильно, чтобы не убить, запустил им в затылок того парня, что стоял справа. Промахнуться он не мог и увидел: один световой конус качнулся и скользнул вниз, растекаясь треугольным пятном на полу, — сам Андрис в прыжке достал второго парня, оглушил рукояткой револьвера и, не удержавшись на ногах, растянулся на полу рядом с ним.

Не бойся, громко сказал он, это я. Своего голоса он не услышал — как и ответа Марины. Не терять темпа! Он дал Марине фонарик — свети! — и увидел, что руки ее скованы. Парней он положил рядом лицом вниз и связал их же ремнями, связал жестоко: правую руку с

левой ногой, загнутой назад. Один из парней застонал, заворочался; второй только напрягся — молча. Потом он обшарил их. У обоих были пистолеты с запасными обоймами — карманные браунинги калибра шесть с половиной. Были записные книжки, кошельки — это Андрис забрал. У одного была связка ключей, у другого — универсальная автомобильная отмычка. В связке Андрис нашел ключик от наручников, снял их с Марины — она сказала что-то, он не понял, — наручники были с цепью, для сковывания попарно. В углу от пола до потолка проходила какая-то труба. Он подволок парней к трубе, просунул цепочку под нее и защелкнул браслеты на левом запястье каждого. Вот теперь можно было перевести дух.

— Ты не испугалась? — Он присел рядом с Мариной.

— Я говорю: ты опять меня спасаешь, — сказала она, и голос ее был странный.

— Да.

— Бедный ты мой, — сказала она. — Бедный, бедный...

— Почему?

— Пойдем отсюда.

— Дать тебе пистолет?

— Нет, не надо.

— Они не били тебя?

— Били? — Она помолчала. — Нет. Нет, не били.

Пойдем.

— Сейчас. Который из них Станев?

— Вот этот.

Андрис подошел к нему и наклонился. Парень зажмурился от режущего света.

— Слушай меня внимательно, — сказал Андрис. — Я не тот, за кого вы меня принимаете. Я криминометрист. Здесь у вас происходят странные вещи. Мне хотелось бы поговорить с тобой. Не сейчас — сейчас я уйду. Если тебя арестуют... это понятно. Если не арестуют — попробуй меня найти. Телефон ты знаешь. Я вам не враг, пойми. И вас, и меня кто-то использует в своей игре. Ну, договорились?

— Что с моими ребятами? — спросил парень.

— Взяты. Старший оказался идиотом.

Парень скрипнул зубами. Потом попросил, мотнув головой:

— Развяжите. Все равно ведь... — Он позвенел цепью.

— Да, конечно, — сказал Андрис.

Он разрезал ремни — одному и второму. Потом искал замок, опять взвесил на руке, чему-то усмехнулся, закрыл тугую тяжелую дверь — бывшая душевая, вспомнил он, ну и двери у них в душевых! — вставил замок в проушины, нашел ключ, запер... вдруг затряслись руки, связка ключей выпала и, звеня, стала медленно падать вниз, вниз, вниз... потом стало светло и жарко — Марина тормозила его: что с тобой, что? — слабость, тепло и слабость... он оторвал наконец лоб от холодного бетона стены, провел рукой по лицу, лицо было мокрое, липкое, — глубоко вдохнул — больно в груди — еще вдохнул, выдохнул...

— Ничего, — сказал он. — Уже прошло. Старый стал, вот что. Марина, — позвал он. — Ты звонила — откуда?

— Вон там, в конце коридора, — показала она. — Но?..

— Обязательно, — сказал Андрис.

Проходя мимо решетки, Андрис запер ее — на всякий случай. Пока было тихо...

Эта дверь была посерьезнее: обитая железом и с врезным магнитным замком. И-да... питание замка, конечно, могло быть автономным, Андрис вставил ключ в прорезь... могло, но не оказалось. Ладно, с внезапной злостью подумал он. Как вы со мной, так и я с вами...

— Отойди подальше и зажми уши, — сказал он Марине.

Он положил фонарик лучом к двери, сел на корточки, привалившись спиной к стене, прицелился в замок и выстрелил. По ушам, как доской... Постанывая от боли и адского звона, Андрис подошел к двери — в дыру, где раньше был замок, можно было просунуть футбольный мяч. Он потянул дверь на себя — открылась. Помещение было просторным и битком набитым самой разной электроникой. Разбираться, какие разрушения причинены пулей и кусками замка, он не стал. Немалые, наверное,

разрушения. Так, где тут телефон? Очень мило — не работает. Конечно, этого и следовало ожидать, Присяж-ни понимает толк в массовых беспорядках... в эфире, наверное, на всех бытовых диапазонах вой и скрежет... ладно. Обидно, конечно... Будем выбираться сами. Как забрались, так и выбираться будем... Он уже выходил, когда увидел на столе груды магнитофонных кассет. Под столом стоял маленький сейф. Отпираемый ключом... вот этим ключом...

Стоящие на ребре тускло поблескивающие шести-гранники. Так... пять... шесть штук. А где седьмой? А, вот он, в аппарате. Совсем не такой аппарат, как у Хаммунсена; какая, к черту, разница? Куда бы положить? Возле стола стояла спортивная сумка. Андрис открыл ее и стал вынимать пластиковые мешочки, наполненные чем-то вязким... и запах такой знакомый?.. «Смутный Джек», пластиковая взрывчатка двойного действия: продукты взрыва смертельно ядовиты. По Токийской конвенции повсеместно запрещена к производству как химоружие. А вот террористы наши где-то достают, и свеженькую... ладно, это еще копать и копать... Он не стал выгружать все: авось пригодится. В обращении «Смутный Джек» был безопаснее тротила, для инициации требовались детонаторы. Он уложил диски между мешочками, бросил сверху оба браунинга, взвесил сумку на руке. Ремень должен выдержать...

— Уходим, — сказал он Марине.

Под утро ветер немного стих и пошел дождь — неровный, злой, резкий. Капли били в стекло, как мелкие камушки, бросаемые пригоршнями. Марина спала, отвернувшись к стене. Изредка она говорила что-то, неразборчиво и жалобно, и старалась натянуть на голову короткое одеяльце. Старик, бормоча себе под нос, выходил и входил, подбрасывал дрова в печку, кормил собаку, потом ушел надолго, должно быть, в обход; вернулся, когда уже начался дождь. Кряхтя, долго снимал брезентовый дождевик, снял, встряхнул, повесил у печки — сушить. Сел напротив Андриса.

— Так и сидишь? — спросил он сочувственно. — Не спится?

Андрис покачал головой. Вздвигаясь, он не проходила и — он знал себя — еще не скоро пройдет. Особенно эта погоня на мотоциклах — ночью, сквозь лес... кто гнался, почему? Хватились, что он увел чужой мотоцикл? Или?.. Погоню он заметил уже за городом, свернул в лес, они тоже свернули — и, понимая, что просто так ему не оторваться, остановился, погасил огни и выстрелил из «магнума» в ствол довольно толстой сосны как раз перед фарами преследователей. Сосна рухнула с шумом прямо под колеса — они остановились, тоже погасили всё и долго так стояли — Андрис вслушивался изо всех сил, но ветер шумел в кронах, — потом развернулись и уехали... Больше часа Андрис гнал наугад — просто как можно дальше от того места; потом вырулил наконец на шоссе, сориентировался по указателям и подъехал к городу с противоположной от студгородка стороны — и тут кончился бензин...

— Ладно, — сказал старик, — сейчас мы кипяточку соорудим, чайку попьем, погреемся как следует...

— Да, — сказал Андрис. — Хорошо бы. Погреться бы — это хорошо бы.

— Чего бы покрепче — так ведь нет, жалость такая. Только вот кипяточек и есть.

— Кипяточек... кипяточек — это то, что надо.

Старик ножом поддел и сдвинул в сторону чугунный круг, прикрывающий отверстие в печной плите. Показались быстрые языки пламени. На огонь старик поставил черный помятый чайник.

— Пишут, самое полезное — пить чай, вскипяченный на дровах, — сказал он, снова присаживаясь за стол. — Потом идет — на древесном угле, потом — на каменном, потом — на газе, а уж потом — на электрическом токе. Так что народ все навыворот делает. Да, не только с чаем... А мы сейчас — по науке...

— Отец, — спросил Андрис, — как звать-то вас? Не спросил до сих пор, извините.

— Петером звать, — сказал старик. — Так и зовите: Петер. Я люблю.

— Хорошо, — сказал Андрис. — А меня — Андрис.

— Вот и познакомились, — сказал старик. — А это дочка ваша?

— Нет, — сказал Андрис и помедлил. — Жена.

— Молоденькая, — уважительно произнес старик. — А моя-то даже постарше меня была. Во-от... — Он хотел сказать, наверное, что-то еще, но не сказал, только вздохнул глубоко.

За окном неуверенно светлело, и сквозь брызги на стекле можно было видеть голые, воздетые к небу ветви деревьев и в сумраке между стволами — кресты, кресты, кресты, простые и восьмиконечные, низкие оградки могил и дальше — нечеткие, размытые дождем фигурки людей, с зонтами и без зонтов, идущих к церкви. Ночью Андрис помог старику таскать дрова, чтобы протопить там печи. Он впервые был в православной церкви — надо сказать, и в католических-то храмах он был за свою жизнь раз десять, не больше. В глубине души он был убежден, что если Бог и есть, то общаться с ним следует один на один, вдали от посторонних, даже доброжелательных, глаз. Гулкость и полутьма, светлячки горящих лампад, забытые запахи и странное чувство: будто струи воздуха мягко, но настойчиво ощупывают лицо, — только усилили его тревогу, ему захотелось выйти скорее наружу — и вдруг на выходе он перехватил чей-то взгляд. На него смотрела икона. Богородица с младенцем-Христом на руках. Это он разглядел позже — младенца и икону в целом, — а в первый миг он видел только глаза, до безумия знакомые и полные такой печали и отчаяния, что он задохнулся. Стоял перед иконой и не знал, что ему делать. Не мог перекреститься — было бы фальшиво. И не мог уйти просто так. Богородица смотрела ему в глаза — сделай хоть что-нибудь... тогда он выпрямился, бросил руки по швам, по-офицерски отдал честь коротким поклоном, повернулся налево кругом и вышел, не оглядываясь. И только несколько минут спустя, когда холодный воздух, как наштабь, проник до самого затылка, просветляя голову и подтягивая мышцы, он понял — вспомнил — и остановился: у Богородицы на иконе были глаза Марины.

— Может быть, еще попробуете позвонить? — предложил старик.

— Нет смысла, — сказал Андрис. — Все равно сейчас туда поеду.

Ночью старик отпер ему какое-то служебное помещение в церкви, там был телефон. Но все известные Андрису номера в Управлении были заняты, а телефон для оперативной связи вел себя странно, и Андрис решил не рисковать.

— Понятно, понятно, — закивал головой старик. — Что же все-таки происходит в городе? Не знаете или не скажете?

— Да... не то чтобы совсем не знаю, а уверенности нет. Смешалось все — леваки, наркомафия, еще кто-то... каша, в общем. Совершеннейшая каша.

— Каша с мясом, — проворчал старик. — Я понимаю — война была... Хотя — вру. Чего я там понимаю.

— Э-э... Петер, — позвал Андрис. — Могу я вас попросить об одолжении?

— Попробуйте, — сказал старик.

— Вот эту мою сумку вы не могли бы спрятать получше? Так, чтобы никакая собака не нашла?

— Вас хотят искать с собаками? — удивился старик.

— Ну, в крайнем случае...

— Хотите добрый совет? — спросил старик.

— Хочу.

— Не оставляйте у меня ничего. — Он нахмурился вдруг и засопел. — Недоброе это дело. Я не за себя боюсь, не подумайте — что мне, семьдесят восемь уже... Видно, судьбу я прогневил в свое время — не уберег... в общем, очень важное я не уберег, прошляпил... И вот с тех пор — приходит кто-нибудь, просит спрятать или просто на сохранение отдает — и всё... и не приходит... и не своей смертью. Вроде как меченый я. И не догадывался — до последнего случая, тогда уж и от самого вот на столечко прошло... как уцелел, не понимаю...

— Да, — сказал Андрис, — на таких условиях отдавать не стоит. Спасибо, что предупредили.

— Вскипело, — сказал старик. — Сейчас мы...

Он снял с полки большой глиняный чайник, насыпал туда горсть заварки и залил кипятком.

— Марина, — позвал Андрис. — Просыпайся.

— Я не сплю, — сказала Марина. — Я вас слушаю. Дождь?

— Дождь.

- Значит, и собаки нас не найдут...
- Верно. Давай, ты здесь останешься? Петер, вы ее приютите?
- Какой может быть разговор...
- Нет-нет. Я пойду с тобой. Если ты пойдешь, то и я пойду. И вообще... А по дороге я расскажу тебе одну вещь, которую узнала вчера. И всё.
- Неизвестно, что в городе.
- Это неважно.
- Что с тобой?
- Я расскажу. Будем идти, и я расскажу.
- Вы пейте, — сказал старик, — вы пейте...
- Скажите, — Марина обернулась к нему, — а то, что вам отдавали на сохранение, — оно так у вас и?..
- Да, — сказал старик.

Между деревьями видны были дома предместья: красные двух- и трехэтажные коттеджи. Упавшие листья еще не потеряли упругости, и капли дождя выбивали на них костяную дробь. Марина стояла, закинув руку за голову и опершись локтем о ствол березы. Волосы ее были мокрые. Широкий рукав брезентового дождевика старика Петера задрался выше локтя, и вода, наверное, стекала внутрь... «У вас будет хороший повод вернуться сюда», — сказал он, заставляя Марину надеть дождевик. Хороший повод, подумал Андрис, и слова закружились: хороший повод, хороший повод... Пусто, пусто, пусто. Надо же так...

— Марина, — сказал он вслух. — А может быть, они тебя обманули?

— Нет, — сказала она, не оборачиваясь. — Все совпадает.

Все совпадает — все совпа... все действительно совпадает: у него взяли волосы, и уже через несколько часов там знали, какой именно из стандартных феромонных «коктейлей» будет для него наиболее привлекательным; у нее волосы брали раньше, и не один раз, и Дан ею попользовался всласть — пока она ему не надоела; но об этом она узнала только вчера, когда они решили поиздеваться над ней; а тогда она, конечно, думала, что все это обычно, естественно, и не подозре-

вала ни о чем, и рассказала Дану о своем чудесном спасении, и Дан узнал в спасителе того человека, которого надо было взять под контроль, и они живо переиграли: вместо претендентки из их рядов они решили использовать ее, и, когда они пили шампанское, Дан их «обвенчал» — так это называлось; но потом им пришлось ждать целые сутки, пока не случилось всего, что должно было случиться, — без этого эффект неполный и могло сорваться... они рассчитывали, что смогут теперь вертеть им, как собака хвостом, — как, скажем, вертели профессором Радулеску... да, подумал Андрис, тут они просчитались, тут у них передозировочка вышла, не подумали они, что воспламененный старый пень начнет прошибать стены... Марина, хотел сказать он, наплевать нам на них, что изменилось? — но изменилось все, и он это понимал... Марина, я полюбил тебя еще до... — А я тебя?.. Все, все изменилось и стало холодным и чужим, когда где-то глубоко, в самом тайном и запретном, покопались ловкие грязные пальцы — душа залапана, подумал он, и это было самым точным — ощущение грязи, испакощенности там, где этого просто не могло быть...

— Пойдем дальше, — сказал Андрис.

Марина не ответила, молча оттолкнулась от березы и по тропе пошла в сторону домов. Тропа была узкая, и Андрис не мог ее обогнать, чтобы заглянуть в лицо.

Все машины проверяли, перед шлагбаумом выстроилась очередь — часа на два. Водитель «фольксвагена» вполголоса, но отчетливо ругался, что не стоило рисковать головой и машиной из-за вонючей полусотни. Ждать больше было невозможно, и Андрис выбрался под дождь, сцепил руки на затылке и пошел к посту. «В машину! — заорал ему офицер. — Немедленно в машину!» Андрис продолжал идти, хотя на него уставились три автоматных ствола. Он остановился в шагах трех от офицера — совершенно осатаневшего спецназовского капитана — и, не опуская рук, сказал:

— Меня зовут Андрис Ольвик. Сообщите обо мне начальнику полиции.

— Шеко! — позвал капитан; из-за его спины выступил капрал с рацией на поясе. — Запроси про него.

Капрал забормотал в микрофон позывные, ему ответили. Капрал сообщил, что на пост шестьдесят четыре вышел некто, называющий себя Андрисом Ольвиком, и потребовал доложить о себе начальнику полиции. Ждите, сказала рация. Через минуту раздался сигнал вызова.

— Да, — сказал капрал. — Да. — Он посмотрел на Андриса, очевидно сравнивая его с теми приметами, которые ему сообщили. — Да. Возьмите микрофон, — сказал он Андрису.

— Это ты, что ли? — совсем рядом и почти без помех спросил Присяжни. — Ну-ка, скажи пароль!

— Реджифьер девяносто один, — сказал Андрис.

— Соображаешь! — сказал Присяжни и коротко хохотнул. — Всегда умный был. Но за эту ночьку я тебя еще вздую.

— Как в городе?

— Получшело. Потом расскажу. Ты на чем?

— Нанял машину.

— Ну, приезжай, тут есть о чем поговорить. Да, у тебя-то получилось?

— Получилось. Все нормально.

— Давай, жду. Передай микрофон начальнику поста.

— Да, слушай: там в подвале этого самого семнадцатого общежития заперты двое, один из них — Любомир Станев.

— Знаем уже, — сказал Присяжни. — Мы тоже не зря в школу ходили. Он сейчас у Бурдмана в кабинете сидит — беседует, понимаешь...

— Взяли, значит?

— А то как же! Ладно, отключайся. Все потом.

— Вас, — сказал Андрис капитану и подал ему микрофон.

Убитых и раненых выносили из огня, бросали прямо на асфальт и бежали за теми, кто еще оставался в здании, — зная, что вынести всех все равно не успеют. Пожар разгорался, верхние этажи были отрезаны. Кто-то бросался из окон, кого-то успели снять по лестницам пожарных машин. Отрезан был подвал — взрывом перекосило и намертво заклинило стальную дверь. Из-за

двери неся вой. Началась беспорядочная пальба — в огне рвались патроны; потом рвануло еще, и дверь арсенальной камеры выбило метров на сорок — как раз на лежащих, дробя и калеча... Присяжники, с иссеченным лицом, весь в крови, своей и чужой, руководил эвакуацией, пока не упал — его отнесли чуть в сторону и стали перевязывать. Через несколько минут он умер. Перед воротами во внутренний двор Управления зиял провал, и из него с ракетным ревом рвался в небо огненный столб. Время от времени порывом ветра его наклоняло над площадью, и тогда становилось нечем дышать и волосы скручивались от жара. Несмотря на такой мощный отток, часть газа из магистрали поступала в здание, пожар разгорался, наконец огонь потек из дверей. Все было кончено. Андрис остановился. Все стояли и смотрели на семиэтажную башню, пылающую, как деревянный ящик. Все было кончено.

Можно уходить...

Земля качалась, как наплавной мост. Там, где Андрис оставил Марину, газовали, пытаясь развернуться, две пожарные машины. Всплеснулась тревога, но тут же улеглась: знакомый «фольксваген», двумя колесами на тротуаре, стоял кварталом дальше. Андрис не чувствовал, что идет: земля сама прокручивалась ему навстречу. Пришлось вытянуть руки и упереться в машину, чтобы остановиться. У водителя было землисто-серое лицо. Марина сидела неподвижно, сунув руки в рукава дождевика. Андрис сел рядом с ней и захлопнул дверцу.

— Я никуда не поеду, — с истерическими нотками в голосе заговорил водитель, — я никуда вас не повезу, выходите из машины... можете забрать...

— Помолчите, — сказал Андрис.

— Он уже хотел меня высадить, — сказала Марина. Она развела руки — в правой был браунинг.

— Понятно, — сказал Андрис. Он надел кобуру, пиджак. — Ты молодец, — сказал он Марине. Та промолчала.

— Все равно не повезу, — сказал водитель. — На куски режьте...

— Сказал — помолчите. — Андрис еле сдержался, чтобы не заорать.

— Смотри, — сказала Марина. — Он машет рукой.

К ним, страшно торопясь, плелся черный человек в лохмотьях, и только когда он приблизился вплотную, Андрис узнал Юсуфа. Андрис выбрался из машины и встал, опираясь локтем о ее крышу.

— Ты жив, — сказал он Юсуфу. — Садись, отдохни.

— Нет, — сказал Юсуф. — Там раненый. Хочет видеть тебя. Его зовут Глеб Синицкий.

Глеба Синицкого Андрис знал — это был один из самых доверенных помощников Хаппы. И то, что он здесь...

— Марина, — сказал Андрис. — Пойдем со мной.

Марина не ответила. Она сидела в странно напряженной позе, зажав ладони между колен и чуть покачиваясь вперед-назад. Андрис тронул ее за плечо — она вздрогнула и посмотрела на него.

— Нет, — сказала она. — Нет, больше... самое последнее... — Она судорожно вздохнула. — Нет. Я пойду домой. Мне уже безопасно — я никому не нужна. Я пойду.

— Марина, — беспомощно начал Андрис, она его прервала.

— Ничего, — сказала она. — Это пройдет. Это очень обидно, но это пройдет. Не думай... Да! Дай-ка мне ту запись, я попробую поработать с ней.

Голос ее был жестким и упрямым, и у рта обозначились твердые мужские складки.

— Какую запись? — не сразу понял Андрис. — А, эту... — Он вынул из сумки диск с ярлычком: «Хим. зависимости» и одну магнитофонную кассету, протянул их Марине, потом вдруг передумал и сунул диск обратно в сумку. Марина молча взяла кассету. Их руки соприкоснулись, и на лице Марины возникла на мгновение — тут же подавленная — гримаса брезгливости. Андрис застегнул молнию сумки.

— Да, — сказал он, — как же ты пойдешь? Патрули везде.

Марина пожала плечами. Потом вдруг вспомнила, вынула из кармана браунинг и подала Андрису.

— Чуть не унесла, — усмехнулась она.

— Мадам, — сказал Юсуф, — через час-полтора мы развернем временный лагерь — где-то поблизости. Если можете, побудьте где-нибудь рядом.

— Хорошо, — сказала Марина. — Я побуду где-нибудь здесь.

— Меня зовут Юсуф Эсен-бей, запомните. Эсен-бей.

— Хорошо, — сказала Марина, — я запомню.

— Несколько дней будет особое положение...

— Спасибо, — сказала Марина. — Не заботьтесь обо мне.

Глеба узнать было невозможно: красное, в пузырях и клочьях отставшей кожи лицо его лоснилось от мази, а подбородок подпирали марлевый валик толщиной в руку. Андрис опустился на колени рядом с носилками. Он уже знал, что произошло с Глебом: чем-то тяжелым его ударило в основание шеи и раздробило позвонки. У него были шансы выжить, но шевельнуть рукой или ногой он не сможет никогда.

— Глеб, — позвал Андрис. — Глеб, ты меня слышишь?

Глеб шевельнул бумажно-белыми губами — пена в уголках рта, — потом лицо его свело судорожной гримасой, и распахнулись глаза. Глаза были отдельно от всего. Глеб опять шевельнул губами, и теперь Андрис расслышал:

— Прости.

— Ты о чем? — спросил Андрис.

— Прости. Прости. Я не знал, что будет так грязно. Прости.

— Да что случилось?

— В кармане, — сказал Глеб.

Одет он был в серую охотничью куртку, и нагрудные карманы ее были сложны и объемисты, как портфели. Из одного Андрис выудил плоский карманный «Корвет», из другого дискет-блок.

— Это? — спросил Андрис.

— Это, — сказал Глеб. — Пароль — «Вэйлэйер». «Вэй-лэй-ер», запомни. Ты все узнаешь. Сам решишь, что с этим делать. Не знаю. И прости, я не сразу понял, что к чему. Только... недавно... — Он вдруг замолчал, глаза закатились, рот приоткрылся. Андрис схватил его за руку — пульс был.

— Надо что-то делать, — сказал Андрис. — Надо же с ним что-то делать...

— Его уже смотрел врач, — сказал Юсуф. — Его перевязали. Пойдем.

— Но... — Андрис знал, что все бесполезно.

— Три тысячи раненых, — сказал Юсуф. — В городе. За ночь. И две больницы. Военный госпиталь развернется только вечером.

— Я понимаю, — сказал Андрис.

Все было так, как он предполагал, да и все остальные тоже предполагали, просто стоило убедиться. Трубы отопления когда-то — когда? — перерезали и заварили, и потом к одной из них через компрессор подвели газ из магистрали, а второй компрессор качал воздух. Все обгорело и оплавилось, но понять можно. Пустых кислородных баллонов, как было в Стингли, не оказалось, впрочем, о том, что кислород не использовали, можно судить и по мощности взрыва; в том же Стингли, где в систему отопления закачали кислородно-пропановую смесь, в доме выломало кирпичные стены — под окнами, там, где радиаторы... Здесь просто разлет осколков и последующий пожар. Впрочем, и без пожара бы... Андрис полез обратно: баллончика маски хватало на пять минут, да и жарко было чудовищно.

Его обступили, помогли снять комбинезон. От комбинезона валил пар. Кто-то протянул открытую банку пива. Андрис проглотил пиво — по лицу тут же потек пот. Он автоматически смахнул пот, потом увидел свою руку — черную, как угольная лопата.

— Ну? — спросил Юсуф.

— Как мы и думали, — сказал Андрис. — Два компрессора: газ и воздух. Все сгорело к чертовой матери. Воды по колено. Кипяток. Думал, сварюсь.

— Отдохни, — сказал Юсуф. — Ты уже, по-моему...

— Нормально, — сказал Андрис. — Пока еще нормально.

Он принял у Юсуфа свою сумку и чуть не уронил ее. В сумке было несколько тонн веса.

Управление теперь походило на лагерь скваттеров. По периметру стояли тяжелые грузовики и автобусы, а внутри — где на столах, где просто на земле, путаясь в проводах, — перебирали какие-то папки, бумаги, кар-

точки; после взрыва за несколько минут, оказавшихся в его распоряжении, Юсуф сбросил всю память полицейского компьютера в городскую сеть, и теперь весь состав его отдела с помощью маленьких «СТБ» собирал ее по частям. Андрис забрался в кабину одного из грузовиков. В кабине пахло синтетической обивкой. Он лег на сиденье — оно было длинное, почти в его рост, вытянулся и застонал. Было начало третьего.

Никогда раньше он не попадал в подобные ситуации и теперь не знал, как себя вести. Все было каким-то ненастоящим, запредельным, заоценочным. По ту сторону добра и зла, усмехнулся он про себя. Зато все понятно. Он приподнял голову, посмотрел на полицейский муравейник. Понятно. Ну и что? Что мне делать с этим пониманием? Лео... Лео бы сказал. Что-нибудь очень жесткое. Андрис вспомнил, как месяца за два до гибели Лео предложил Хаппе проект быстрого пополнения государственного бюджета. Организуй отдел, который бы занимался киднэппингом, сказал он. Если поставить дело на широкую ногу... на прочную государственную основу... Хаппа тогда обиделся и как-то неуклюже огрызнулся. Ай да Лео, Кассандер ты наш раздолбанный и мрачный, вот так померешь и знать не будешь, предсказал ты или подсказал...

Он почувствовал, что засыпает, что не в силах противиться этому, — заснул и проснулся через секунду как от удара.

Горело лицо, и глаза разъедало светом.

Все вокруг было как раньше, ничто не успело измениться — но он видел все по-другому.

— Меня не интересуют мотивы, — перебил Андрис доктора. — Я не веду уголовного расследования. То, что вы скажете, ни при каких обстоятельствах не будет использовано против вас. Поэтому, пожалуйста, на сей раз — правду. Когда именно вы поняли, что имеются побочные эффекты?

— У противонаркотической записи? — уточнил доктор. С перевязанным лбом и без очков он напоминал почему-то старого зайца.

— Да.

— Год назад, — сказал доктор. — Я подвел итог серии клинических испытаний. Двенадцать добровольцев. Три девушки и девять молодых людей. Все наркоманы со стажем...

— Ну и?..

— У всех двенадцати наблюдался полный, подчеркиваю — полный отказ от наркотиков уже после третьего-пятого сеанса. Я провел им два курса по десять сеансов — для закрепления эффекта. Месячный интервал. И вот... к концу года в живых осталось двое. То есть... четыре самоубийства, две дорожные аварии, два молодых человека убиты в драках, еще один совершил преступление и при задержании сопротивлялся... и еще одна девушка пропала без вести. Понимаете?

— Но вы решили продолжать?

— Н-не совсем... нет, не совсем. Я ограничил число сеансов — пятью. Перестал проводить повторный курс, если не было рецидива. Рецидивов было всего три — за все время. Ну и... разбирался, что к чему... В общем, мне удалось выяснить, что центр... вообще, «центр» — это неправильно, я говорю — узел... так вот, узел, отвечающий за эмоциональный ответ на химические факторы, переплетен — вот так, как две гребенки — с узлом, регулирующим забывание. Не забывание в долговременной памяти, там иной механизм, а — в момент перехода из оперативной памяти в долговременную. Вы же знаете, что дети до трех лет не забывают практически ничего. Они страшно быстро учатся. Этот узел у них неразвит. Потом он активизируется. Годом к пятнадцати он работает на полную мощность. То есть не на полную — на оптимальную. Так правильно. Он блокирует примерно четыре пятых информации. Ну, понятно, зачем все это... Так вот: обрабатывая узел химзависимостей, мы одновременно обрабатываем и узел забывания. Они активизируются...

— Активизируются?

— Да, возникает так называемое застойное возбуждение. Долго объяснять, но так надо, поверьте.

— Верю. А центра агрессивности там поблизости нет?

— Вот вы о чем... Нет, он в другом месте. Но, видите ли, при длительной нагрузке на узел забывания происходит перевозбуждение узла химзависимостей... мозг

принимает попытки вспомнить что-то за наркотическую абстиненцию...

— То есть — ты пытаешься чему-то научиться, что-то запомнить, не получается — и в отчаянье?.. — спросил Андрис.

— Примерно так.

— Но это же нормальная реакция.

— Да, но... возведенная в степень. И — каждый раз...

— И сколько же человек... прошло через это?

— Двадцать девять. Слушайте, — повысил голос доктор, — все они были наркоманы, многие — на последней стадии, им оставалось жить всего ничего...

— Вы не помните такого — Любомира Станева? Конец прошлого года. Глотал какие-то таблетки.

— Помню.

— После вашего лечения он не смог работать.

— Кем он работал?

— Программистом.

— Тогда я еще не знал, что к чему.

— А когда узнали, решили помешать Радулеску провести исследования?

— Не совсем так... но допустим.

— Ничего. И так все понятно.

— Что вам может быть понятно...

— Действительно.

— Наркоманы. Люди, принципиально потерянные для общества. Они редко доживают до тридцати. А... что еще можно...

— Не волнуйтесь так.

— Знаете, совершенно не ваша забота — волнуюсь я или не волнуюсь.

— Последнее: к вам обращались с предложениями продать метод?

— Не один раз.

— А особо настойчивые предложения были?

— Все были особо настойчивые.

— Последнее по времени: кто и когда?

— Неделью назад. Фонд Махольского в лице очаровательной блондинки...

— Фонд Махольского? — Андрис приподнялся. — Че-орт!

— А в чем, собственно?

— Да как сказать... У «ФМ» достаточно грязная репутация.

— Но я им тоже отказал.

— Боюсь, что это роли уже не играет.

— Подождите, дорогой Ольвик. Что-то я вас не пойму... Я что-то неправильно сделал?

— Да. Все — неправильно. Начиная с момента, когда продолжали обещать исцеление от наркомании, зная уже о побочных эффектах.

— Я никому ничего не обещал!

— Обещали, я сам читал. Вы раздавали обещания, зная, что их нельзя выполнить. Вы противились проверке ваших результатов — чтобы не погас ваш ореол. Вы из-за этого ушли из института. Вы не предупредили Радулеску, кто такая Сандра Шиманович...

— Я узнал слишком поздно — все уже состоялось.

— Ну и, наконец, вы решили воспользоваться положением, в которое попал Радулеску, чтобы объяснить, почему вы не выполняете обещаний.

— Но я действительно не могу работать с копиями!

— Доктор, не держите меня за идиота. Копирование производилось на аппаратуре «ЭЛТОР» с точностью до двенадцатой девятки. Ваша воспроизводящая аппаратура дает точность до девятой девятки. Она просто не в состоянии заметить разницу между оригиналом и копией.

— Дайте мне воды, — сказал доктор. — Вон, в графине...

Андрис подал ему стакан воды. Доктор вытряхнул из пенала две зеленые капсулы, сунул в рот, нервно запил. Откинулся на подушку. На лбу его проступил пот.

— Да, — сказал он. — Все так. Я вам... врал. Да.

— Что грозит тем, кто применяет вашу запись с помощью плеера и головных телефонов?

— Не знаю. Честное слово, не знаю. Надо проверить на муляже.

— Кто мог бы провести такую проверку?

— Попробуйте связаться с Марком Линдерманом. Крупный нейрофизиолог, консультант...

— Я знаю его. Он бывал в нашем центре. А — ближе, здесь, в городе? В университете?

— Я и говорю — Линдерман. У него загородный дом — километров двадцать от города.

— Телефон?

— Сорок семь — сорок семь — сорок семь. Очень легко...

— Да.

— Послушайте, Ольвик... Андрис... Вы мне так ничего не объяснили... но даже не это главное. Что мне делать — теперь? Я не... я боюсь...

— Я бы на вашем месте уничтожил запись. От вас не отвяжутся, пока она есть.

— Да кто? Ради бога — кто?

— Считайте: наркодеры — раз, леваки — два, научная разведка, она же фонд Махольского...

Доктор поднял ладонь, слабо защищаясь, оттораживаясь:

— Всё-всё-всё... Боже, боже — зачем всё? За что?

— Вы никого никогда не трогали — и вдруг?..

— Но я действительно никого не трогал! Я лечил людей, я лечил... а, да что там говорить...

— Один диск в вашем сейфе в «Паласе». Под охраной. Второй — у меня. Решайте. Уничтожить?

— Не знаю... Наверное, да. Да. Уничтожить. И что бы я вам потом ни говорил...

— Код сейфа?

— День недели, помноженный на позавчерашнее число. Пароль «Эрмитаж 792».

— Хорошо. Выздоровливайте. Кстати, то, что мы прервали курс?..

— Еще с неделю ничего не будете чувствовать.

— Потом можно будет возобновить?

— Да, конечно...

— Хорошо. Заберите вот это, — и Андрис стал вынимать из сумки золотые шестиугольные пластины. Доктор смотрел на него со странным выражением.

— Я думал, вы их реквизируете, — сказал он.

— Сами разберетесь, — сказал Андрис. — Где оригинал, где копия, где ваше, где не ваше... Все — сами.

— Спасибо вам, — сказал доктор.

— Ну что вы, — сказал Андрис. — Одно удовольствие — работать такие номера...

«Это ты». — «Да, Хенрик, я». — «Я знал, что ты позвонишь». — «Не сомневаюсь». — «В чем?» — «В том, что ты знал, что я позвоню». — «Ну так я тебя слушаю». — «Глеб умирает. Он уже без сознания. Врач говорит, что он протянет еще сутки или двое, но в сознание больше не придет». — «Да, я уже в курсе». — «Ты в курсе... Зачем все это?» Андрис даже остановился. Взять Хенрика за галстук и спросить: «А зачем все это?» И можно даже не брать за галстук, а просто спросить... и послушать, что он скажет в ответ... а он скажет, я не сомневаюсь, и через полчаса я буду верить, что у него не было другого выхода, и у меня не было другого выхода, и у страны не было... Сукин ты сын, подумал Андрис, нет, я все понимаю, но не до такой же степени... или до такой? Или все так плохо, что ему не до сантиментов? Он ухватился за мысль: что все так плохо, — и стал раскручивать ее, прекрасно зная, что делает это только ради того, чтобы чуть притушить обиду...

План «Парнас» — и спецподразделение с тем же названием — начали свое существование два с половиной года назад, когда УНБ, негласно проверяя деятельность КБН, наткнулось на интересную закономерность: операции КБН против транспортантов и торговцев наркотиками всегда приводили только к росту цен и, как следствие, к росту преступности в регионе операции; количество же наркотиков на рынке, несколько уменьшившись вначале, затем резко увеличивалось и зачастую даже превосходило первоначальное. Число лиц, принимающих наркотики, уменьшалось не более чем на одну четверть — только за счет иррегуляров, — зато доходы наркомафии вырастали в пять-десять раз. Тогда УНБ, пользуясь своей неограниченной властью в округе Кавтаратан, удалило оттуда подразделения КБН и через подставных лиц выбросило на рынок большое количество наркотиков, ранее конфискованных у контрабандистов. Цены резко упали, число наркоманов увеличилось на десять-пятнадцать процентов, число иррегуляров — на шестьдесят процентов, зато уровень преступности, характерной для наркоманов, сократился в шесть раз. Неожиданно для всех поехали вниз показатели смертности среди самих наркоманов: случаи передозировки

почти исчезли, абстинентных синдромов не стало совсем. Проведенная научная экспертиза подтвердила напрашивающийся вывод: процент лиц, склонных к приобретению химических зависимостей, есть величина относительно постоянная, и принимать меры к снижению процента практически бессмысленно. Усилия следует направлять на то, чтобы ущерб обществу от наличия в нем этих лиц был минимальным. Конечной целью проекта «Парнас» было установление порядка, при котором каждый зарегистрированный наркоман мог, проходя регулярные медицинские осмотры, получать необходимую дозу за очень умеренную плату. У государства появлялся еще один канал пополнения бюджета, отпадала необходимость содержать армию агентов КБН, резко снижалась преступность... Поскольку общественное мнение в стране, а тем более за рубежом оставалось достаточно консервативным, проект «Парнас» предусматривал поначалу создание подпольной, хорошо законспирированной альтернативной сети торговли наркотиками — специально для того, чтобы сбивать цены, вытеснять традиционные мафиозные структуры и в конечном счете полностью завоевать рынок. Чтобы иметь достаточное количество наркотиков, руководство проекта «Парнас» вошло в контакт с «Подразделением Асаф» эльверской секретной службы; «ПА» занималось тем, что пресекало — очень жестоко — распространение наркомании в самом Эльвере (за хранение минимальных количеств наркотиков или сырья для них расстреливали без суда), и посредничало в поставках наркотиков, в основном кокаина, в Европу и Америку. Ходили слухи, что на территории Эльвера существуют государственные плантации коки, на которых работают заключенные. Пользуясь отношениями партнерства с УНБ, эльверская секретная служба очень быстро создала сеть легальных и полулегальных проэльверских левацких молодежных организаций, служащих прикрытием для профессиональной разведывательно-террористической агентуры. Ситуация начала выходить из-под контроля очень скоро, хотя, казалось бы, обе стороны были заинтересованы в стабильном сотрудничестве. И потому загадочный феномен, возникший вдруг в Платиборе, так заинтересо-

вал Хенрика Е. Хаппу, начальника отдела по борьбе с терроризмом и по совместительству шефа проекта «Парнас»...

Впереди был очередной пост: два броневишка, козлы с колючей проволокой, пулеметные гнезда из мешков с песком, — и Андрис, заранее вынув из нагрудного кармана пропуск — «Повсюду, с правом ношения оружия», — сцепил руки на затылке и стал приближаться к настороженно всматривающимся в него спецназовцам. Те стояли спокойно — может быть, еще ничего не знали.

...А интересно, знал Хаппа, что к чему? Мог знать — все слишком уж на поверхности... слишком уж? Да — бери любого торчка, поговори с ним по-хорошему... Может быть, забыли, как это — по-хорошему разговаривать? Может быть... Наверное, знал. И даже Присяжни, наверное, знал. Он вообще знал куда больше, чем хотел показать, — но что-то такое иногда проскакивало... А ведь совершенно все равно, знали они или нет. Никакой разницы. Главное, что я теперь знаю все. И знаю, зачем я здесь. Подсадная утка по кличке Андрис...

Узнав о том, что приезжает эмиссар какой-то там международной ассоциации торговцев наркотиками, кристальдовцы развили такую бурную деятельность, что засечь ее не составило никакого труда. Были установлены динамическая и информационная структуры «Руки Эльвера», выявлено номинальное и фактическое руководство, документально доказана организованная террористическая деятельность... Для Верховного суда достаточно, и не просто достаточно, а с избытком: доказательства связей с иностранными спецслужбами предъявлены, конечно, не будут... спецслужбы разберутся сами между собой.

А то, что пропустили такой удар, — так это только нокдаун... нам это трын-трава... Хаппа отряхнет прах со своих ног и пойдет дальше... сколько их там сгорело? Несколько сот...

А дальше?

А что дальше — мы будем знать через шесть часов, когда Марина и доктор Линдерман... доктор выехал сразу, как только Андрис назвал имя Хаммунсена, — давно, ой давно я до него добираюсь, говорил он, натягивая

потертую кожаную куртку, где там ваша машина, эта? — о-о, никогда не ездил на броневиках... Во дворе госпиталя раненые лежали на носилках ровными рядами, над ними соорудили какие-то навесы, дождь не попадал, но ветер, ветер... Андрис прошел мимо — как сквозь строй. Все, кто мог смотреть, смотрели на него. Тони лежал на четвертом этаже; этаж охранялся полицейским постом — два пожилых, черных от усталости сержанта с автоматами подпирали собой дверь — даже в самый острый момент Присяжни, а потом сменивший его подполковник федеральной полиции Пратт не снимали пост — хотя теперь это не имело, наверное, никакого смысла. В палате на четверых лежало тринадцать человек, пробраться между койками было почти невозможно. Повязка на голове Тони пропиталась кровью — хирург сказал, что так надо, пусть оттекает, не пугайтесь. Глаза были открыты. Когда Андрис попал в поле его зрения, он сморщил лицо в улыбке.

— Привет, — сказал Андрис. — Молчи. Говорить буду я.

— Х-х-х... — выжал из себя Тони. — У-ить-са...

— Увидеться? — переспросил Андрис. Тони согласен мигнул. — С ней? — Тони опять мигнул. — Очень сложно. В городе особое положение, проход только по пропускам. Дня через два — можно будет устроить. Хорошо?

Тони молчал, глядя в потолок. Потом чуть качнул головой.

— Если ты опасаясь за себя, — сказал Андрис, — то зря. С тобой все в порядке. Через неделю сможешь ходить. Может оказаться так, что я уеду, не дождусь твоей выписки — вот тут записаны все мои координаты, приезжай. Очевидно, тебе понадобится дополнительное лечение, я устрою. Жить будешь у меня. Сообщить твоим родителям, что ты прооперирован? Нет? Сам сообщишь? Хорошо. Что тебе еще сказать? Кажется, мы с тобой оказались правы... в основном вопросе. Вот и все. Ладно, поправляйся. Я пойду.

Он похлопал Тони по плечу, встал и пошел к выходу. Ничего нельзя сделать, сказал он себе. Ты же понимаешь — ничего. Даже нельзя остаться здесь, при нем...

Дремучие инстинкты: хочется, чтобы все было здорово, и тогда можно будет лечь на горячее сиденье грузовика или на груды палых листьев — и лежать, вдыхая запах свежести и тлена — такая смесь... Хочется, чтобы все было хорошо, даже если все плохо и, вероятно, будет еще хуже... Цугцванг, подумал он. Но очень хочется выиграть. Или хотя бы — вничью. Вничью — с судьбой...

Час назад столичное телевидение внезапно прервало передачи. Через несколько минут на волнах радио началось завывание глушащих станций. Телефонная связь отключилась.

А десять минут спустя над городом прошло звено боевых вертолетов.

— Все это весьма тривиально, дорогой мой Ольвик, — сказал Линдерман, пожевывая заушник очков. — Притом учтите, что это фрагментик большого явления. Для того чтобы цыпленок вылупился, скорлупа должна разлететься вдребезги. Так вот это — одна из трещинок...

— Скорлупа — это мы? — спросил Андрис.

— Именно. Мы — скорлупа. Нас видно, мы ощущаем, по нам можно судить о форме предмета, его консистенции, цвете... Так вот, я о другом. Человек вообще гораздо сложнее и тоньше, чем он может себе позволить. Я имею в виду тело. Наши глаза воспринимают отдельные кванты света. Ухо способно воспринимать и инфразвук, и ультразвук. Нос, рецепторы носа ничуть не уступают собачьим. И так далее. Мы сами излучаем свет, радиоволны, имеем магнитное поле, электрическое, звучим во всех диапазонах — я уже молчу о сумасшедшем букете запахов. Да, мы все это не воспринимаем — сознанием, корковым концом анализатора. Но за подсознание я не поручусь. Возьмем самое грубое — феномен толпы. Люди в толпе звереют. Почему? Звуки и запахи. Сознание отключается, активизируются программы подражания. Или, скажем...

Открылась и закрылась дверь наверху, по лестнице застучали каблуки. Андрис потянул из кобуры револьвер. Впрочем, походка была знакомая — Юсуф.

— Это я, — сказал Юсуф из-за угла.

— Слышу, — сказал Андрис. — Заходи. Ну что?

Юсуф подошел, сел на свободный стул. Вздохнул, посмотрел на Андриса, на Линдермана, на Марину. Марина сидела спиной к ним, не оборачиваясь, но видно было, что она слушает.

— Кто-то побился на коротких волнах, — сказал Юсуф. — В столице уличные бои, артиллерийская стрельба, центр блокирован танками, на президентский дворец пикируют самолеты... Судя по всему — военный мятеж.

— Что спецназовцы? — спросил Андрис.

— Приказов сверху не поступало. Пратт приказал им взять под контроль аэропорт... но мне кажется, все бессмысленно.

— Конечно — против танков...

— Я сняла третий уровень, — сказала Марина.

— Да-да-да. — Линдерман встал, шагнул к ней; остановился, повернулся. — Господа... господа офицеры, как вы полагаете... военные, если придут к власти?.. Впрочем, что это я... — Он махнул рукой, отвернулся и наклонился к экрану. Марина что-то вполголоса сказала ему, и он так же вполголоса ответил.

— А что в городе? — спросил Андрис. — Студенты?

— Шок, — сказал Юсуф. — Это же ужас, что... Пришли — помогали выносить из подвала... там не горело почти, доступ воздуха маленький, только через вентиляцию, а когда рвануло, вся вентиляция к хренам собачьим... Они там, в подвале, почти все целенькие — мальчики, девочки. Задохнулись. Выносили их... двести шестьдесят семь... хороший подвал был, вместительный... А на первом этаже сгорели — сгорели все в пепел. Лучше, чем в крематории. А с третьего этажа начиная — только наружные стены остались; перекрытия, перегородки, лестницы — все в золу. Вот так. Хорошо нам было — с мальчиками и девочками воевать. Весело. А как появились настоящие... смешно, ей-богу.

Смешно, согласился Андрис. Противный, скользкий внутренний смех — как от слабости или от щекотки. Или от прикосновения чего-то холодного... Он вдруг почувствовал, что не может представить завтрашний вечер. Завтра не будет, провоцируя себя, подумал он. Никакого ответа. Как перед ватной стеной...

— Да, забыл, — сказал Юсуф и полез в карман. — Держи вот... на всякий случай.

Он протянул Андрису удостоверение личности. Эдвард Ковальский, год рождения тысяча девятьсот сорок девятый, место проживания... фотография, печать...

— Спасибо, — сказал Андрис.

— Всё в картотеке, так что бояться нечего. Можешь еще усы сбрить. И вот — тоже...

Марина Ковальская, год рождения тысяча девятьсот семьдесят шестой...

— Ты нас что — поженил? — удивился Андрис.

— А что мне оставалось делать? В памяти была лакуна как раз для супружеской пары. Вот я и подобрал... Живете вы в отеле «Германик», в номере одиннадцатом, уже неделю. Вот карточка гостя...

— А настоящие Ковальские?

— Уехали вчера. Только они не Ковальские... впрочем, неважно.

Махинации с гостиничными компьютерами были стопроцентно проходимы: персонал подсознательно так полагался на электронную память, что переставал запоминать постояльцев. Вполне объяснимый психологический феномен, которым, случалось, пользовались умелые люди. Вот как Юсуф, например...

Вернулся Линдерман, сел.

— Все это довольно интересно, — сказал он. — Подождем немного, она снимет еще один слой... Да, господа офицеры, я не договорил тогда — если, конечно, вам не скучно? Нет? Тогда, с вашего позволения, я продолжу...

Андрис чувствовал, что плывет. Усталость накопилась такая, что справляться с ней было уже невозможно. Высокий голос Линдермана врезался куда-то под темя и вызывал нервную дрожь: хотелось заорать и запустить в Линдермана пепельницей. Андрис прикрыл глаза. Все это было важно. На веках изнутри, как на киноэкране, возникали и гасли яркие линии, пятна, слова, символы чего-то, недоступного пониманию... Если взять произвольную группу — скажем, человек сто — новорожденных и проследить их судьбу, мы увидим, что семьдесят будут иметь склонность к лидерству, пять-семь процентов станут генерировать идеи, и часть этих идей будет

подхвачена лидерами и внедрена в сознание семидесяти процентов исполнителей, так мы их назовем; и останется у нас двенадцать-пятнадцать процентов таких странных, вроде бы ни к чему не пригодных индивидуумов. К лидерству их не тянет, быть исполнителями им скучно, генерировать идеи они не в состоянии. Вот с такой группой я и занимался, говорил Линдерман, и Андрис мучительно напрягался, стараясь вспомнить, что по этому поводу говорил когда-то Лео, и не мог — застилало память, и надо было, не отвлекаясь, слушать Линдермана, чтобы не упустить что-то важное, важнейшее... У всех у них мощнейший творческий потенциал, говорил Линдерман, но он не может себя реализовать — потому ли, что нет спроса на этот род творчества, или, может быть, у них не было возможности развить его, вывести на поверхность... они очень несчастные люди, потому что счастья им получить неоткуда... Из них-то и формируется армия наркоманов: ад, который царит в их душах, они пытаются залить, засыпать суррогатами бытия... и никто из них не спасется, потому что иными путями не сможет вернуть себе те сложные эмоции, которые дает наркотик... потому что естественный путь получения этих эмоций для них закрыт... Они — действительно отбросы общества: общество отбросило их, потому что имело избыток материала для формирования своей интеллектуальной и духовной элиты. Избыточность вообще характерна для живой природы, вы же знаете... и вот они расплачиваются за то, что нам их таланты сегодня не нужны... они — стружка, опилки... то лишнее, что надо убрать, чтобы получить нужное изделие... и если бы требовалось изделие другой формы, были бы сколоты другие куски... но все равно были бы сколоты и обращены в пыль... В пыль, согласился Андрис, что же мы за сволочи такие... Никто не виноват, сказал Линдерман, мы еще не созрели как общество, если не можем реагировать на иное, непохожее, — иначе как ненавистью, неприязнью... мы еще не перегорели, мы еще принимаем жизнь слишком всерьез...

Марина опять позвала его, и Андрис, кажется, провалился куда-то — было падение и мелькание перед глазами, и включился он только в середину разговора:

Линдерман что-то ему объяснял, а он, видимо, отвечал и, видимо, в такт...

— ...этот старый осел не учел, — горячился Линдерман. — Вот, пожалуйста: зона интерференции проходит — вот — пересекая лимб, четверохолмие, мост, доходит до продолговатого мозга... самая черная подкорка...

— Конкретно можно? — спросил Андрис.

— Попробуем. Так... про нарастание забывания Хаммунсен вам хорошо объяснил, про эмоциональные девиации — тоже... это возникает при самом идеальном применении метода, так сказать, органический порок. А вот что возникает, если применять упрощенную методику — то, что делает большинство, как там: «плот-мюзик»? Вот вам «плот-мюзик»: снижение самой оперативной памяти, способностей к анализу, увеличение времени поиска необходимой информации, то есть снижение скорости мышления... вообще активизация подкорки, поскольку контроль коры ослабевает... если использовать четвертую-пятую копии записи, то скачком растет агрессивность... далее — то, о чем я говорил: субсенсорные раздражители начинают очень значимо влиять на поведение, кора уже не обеспечивает контроль...

— То есть формируется практически новая личность: неспособная к обучению, тупая, агрессивная и с непредсказуемым поведением — особенно в толпе?

— Да, — сказал Линдерман. — Именно так. Как я понимаю, то, что мы исследуем, разошлось уже широко?

— Да, — сказал Андрис. — По прикидкам — обработано тысяч шестьдесят-восемьдесят.

— Боже ты мой, — прошептал Линдерман. — И ведь... не остановить, не...

— Это выдохнется постепенно, — сказал Андрис. — Оригиналы записей я уничтожил.

— Хуже чумы, — сказал Линдерман. — Хуже чумы...

— Они не могли больше общаться с компьютерами — и разбивали их, — глухо сказал Юсуф. — Рано или поздно они не смогут общаться друг с другом...

— Может быть, до этого не дойдет, — сказал Линдерман. — Может быть, действительно выдохнется...

— Какая-нибудь очень плохая копия — десятая, двадцатая?.. — пробормотал Юсуф.

— Я делаю, — сказала Марина. — Именно двадцатую.

Странно, подумал Андрис, ведь обвал, все рушится и вот-вот накроет — а эти четверо сидят и решают задачку, на которую им бы надо плюнуть и спастись, спастись... Он вздрогнул и открыл глаза.

Все как-то странно изменилось, хотя Марина по-прежнему сидела за пультом, позади нее стоял Линдерман, а Юсуф как сидел, так и сидел верхом на стуле, опираясь подбородком на кулаки. Лицо его показалось Андрису страшным: обтянутые оливковой кожей тонкие кости, черные глазницы, в которых нет глаз, черные, прилипшие ко лбу волосы — мелкие капли пота...

— Юсуф, — позвал он. — Что с тобой?

— Что? — Юсуф повернулся к Андрису, и наваждение пропало: лицо как лицо, а что глаза впали и вокруг чернота, так это от крошечной усталости...

— Ты как-то...

— Взрыв вспомнил, — сказал Юсуф.

— Да. Это, конечно...

— Если бы ты пришел на две минуты раньше...

— Именно. Что было, кстати, вполне вероятно.

— У тебя не бывало ощущения, что сходишь с ума?

— Бывало. И не так уж редко.

— Я ведь, собственно, не полицейский. Я всегда занимался информатикой.

— Я знаю.

— Поэтому мне часто мерещится разное...

— Ты меня подозреваешь?

— И это тоже. Нет, я знаю, что — чушь.

— Вполне в рамках.

— Я хочу ее спросить...

— Марину?

— Да.

— О чем?

— Сейчас они закончат...

— Собственно, уже все, — сказал Марина, оборачиваясь. — Спрашивайте.

— Скажите, что вы знаете об «эльфийских играх»?

— Кажется, какой-то цирковой номер. А что?

— Нет, цирковой — это Икарийские игры.

— Тогда не знаю.
— Но ведь вы — «эльф».
— Впервые слышу.
— Пожалуйста, не надо так... Мы с вами в одинаково невыгодных условиях...

— Я поняла. Не знала, что так называется.
— Странно, что не знали.
— Может быть. Красиво.
— Тогда, если не трудно..
— А вот это никого не касается... — У Марины внезапно сел голос. Она кашлянула и повторила с хрипотцой: — Никого не касается.

— Не уверен, — сказал Юсуф. — Видите — все так переплелось. Самое личное может оказаться важным... жизненно важным... для всех. Для всех, понимаете?

— Подождите, Юсуф, — сказал Андрис. — Что все это значит?

— Когда я делал документы, — сказал Юсуф, — я наткнулся... все перемешалось, поэтому поисковая программа собирала вообще все, что было как-то связано — в данном случае с фамилией Сомерс... и наткнулась на некий список из тридцати восьми имен, где фамилия Сомерс имелаась... список так называемых «эльфов». Потом я нашел все остальное. «Эльфийские игры», Андрис, когда вот эти тридцать восемь — все они молодые, от пятнадцати до двадцати пяти лет — дважды в неделю собираются в Жестяном бору, ночью, и устраивают... э-э...

— Оргию, — подсказала Марина.

— Оргию, — согласился Юсуф. — На это не стоило бы обращать внимание, если бы именно в эти часы активность управляющего комплекса Жестяного бора не превышала повседневную в сто — сто пятьдесят раз. Дважды, исчерпав операционный резерв, комплекс подключался к городской сети... что с вами?

Марина медленно встала и так же медленно начала валиться назад — и упала бы, если бы Линдерман не подхватил ее.

— То есть подозрения у вас стали появляться уже давно... — пробормотал Линдерман, глядя куда-то мимо Марины — в пространство.

— Не подозрения, — поправила его Марина. Голос ее звучал ровно и бесцветно. — Это была ирония, черный юмор... страшная сказка, может быть... Видите ли, игры, — поклон и полуулыбка в сторону Юсуфа, — давали очень сильный эмоциональный заряд, и требовалось как-то снизить все это... отстоять себя. Очень трудно объяснить...

— Что вы, это как раз понятно, — сказал Линдерман. — Как раз очень по-человечески.

— Если по аналогии с голотеатром — ну, не парным, он все-таки просто зрелище, — а когда партнеров много... я несколько раз участвовала в квинтетах, говорят, делали и больше, но это опасно, слишком большая нагрузка на психику... так вот, по аналогии с голо я создала концепцию «эльфийских игр». То есть черную концепцию... контрконцепцию... Допустим, в том же голоквинтете ты как-то можешь сознательно воздействовать на изображение только в первые секунды — дальше от тебя уже ничего не зависит, изображение тебя использует... высасывает из тебя то, что ему нужно... именно высасывает — оно может быть безобразным, прекрасным, омерзительным, — но оно всегда нечеловеческое — изображение... ни один человек — сам — никогда... И тем не менее ты всегда помнишь, что это только изображение, игра лазерных лучей, проходящих через кювету с жидкими кристаллами... А в бору — сильнее... все происходит внутри тебя, но — ярко, мощно, реальнее самой реальности... если бы могла существовать такая реальность... то есть она существует, но ее невозможно охватить вот так сразу всю — охватить... и главное — она пластична, ее можно творить. Непрерывный творческий экстаз. Именно творческий.

Марина замолчала. Никто не нарушал тишины. Смотреть на Марину было страшно — она постарела лет на двадцать. Линдерман протирал свои очки, Юсуф смотрел в пол. Андрис не чувствовал себя. Надо было пошевелиться, чтобы ощутить свое тело, сказать что-то, чтобы проверить мысли — нельзя было делать ни то, ни другое...

— Концепция же состоит в том, — новым голосом, голосом лектора, продолжала Марина, — что мы,

«эльфы», — опять полуусмешка, — составляем с управляющим комплексом бора некий коллективный разум, синтетический интеллект, киборг, преследующий свои корыстные цели: с одной стороны, расширение своей территории, с другой — отбор из массы людей своих, «эльфов». То есть тоже количественный рост. Каждый «эльф» выполняет роли — поочередно — процессора во время «игр» и эффектора — в остальное время, среди людей. Эффектором является также зеленая масса бора — воздействие может быть электромагнитное, химическое... про подключение к городской компьютерной сети я почему-то не подумала, хотя это на поверхности... Этот киборг — система высочайшей степени сложности, и действия его проконтролировать невозможно... ни проконтролировать, ни предсказать... идентификация их возможна только постфактум...

Линдерман потер подбородок, медленно начал:

— Марина, скажите, пожалуйста, за последний год число «эльфов»...

— Да, — сказала Марина. — Я не помню точно, но раньше был устойчивый рост. А за последний год — только один человек. И один человек выбыл. Исчез. Месяца два назад.

— Кто? — спросил Юсуф.

— Инга Асарис.

— Да, — сказал Юсуф. — Без вести. До сих пор.

— Значит, вы считаете, что вот это?.. — Линдерман взял кассету «плот-мюзик», помахал ею, — как бы сказать... инициировано...

— Да. Видимо, почувствовав, что больше из этой булки изюму не выковырнуть, киборг решил раздобыть новую булку. Огромное количество студентов перестанет успевать, будет отчислено... диплом Платиборского университета ценится высоко, вакансии станут заполняться студентами провинциальных университетов...

— А не может быть такого, что вот эта штука, — Линдерман опять помахал кассетой, — убивает в человеке не только способность к обучению, но и способности «эльфа»?

— Нет, — сказала Марина. — Ни один «эльф» не может этого слушать. Больше одного раза — уже пытка.

— А все остальное?..

— Вторичные эффекты. Вторичные, третичные, четвертичные... Не влияющие на основной результат.

— Н-да... — Линдерман опять принялся протирать очки. — Замысловато. Черт его знает... главное — не проверишь... вы же не согласитесь на введение электродов?

— Надо подумать, — сказала Марина. — Все довольно неожиданно. Ты придумываешь чудовище — просто так, пощекотать себе нервы, — и вдруг оказывается, что оно тебя уже жрет... неприятно, согласитесь.

Андрис вдруг вспомнил Присяжни. Моральный износ сто пятьдесят процентов, подумал он. Мир меняется так, что перестаешь понимать... И — Лео. Будущее всегда чудовищно, говорил он. Становясь настоящим, оно обретает привлекательные черты...

— Почему — чудовище? — спросил он. — Просто будущее...

— В том-то и беда, — сказала Марина. — Взять несчастных откатников...

— Вы думаете — это вы? В смысле — он... киборг?

— Конечно. Ненарочно, просто резонанс... а может быть, и раздражали — отмахнулся...

Все замолчали. Юсуф молча подошел к компьютеру, ввел дискетку, стал ждать. Компьютер попискивал. Линдерман надел очки, тоже встал, прошелся по комнате. Потом вернулся, спросил:

— Марина, извините, но, может быть... Когда вы собираетесь в следующий раз?

— Сегодня, — сказала Марина. Посмотрела на часы: — Через три часа. Скоро надо выходить.

— А вы никогда не пробовали — не пойти?

— Пробовала, — сказала она со странным выражением. — Больше не пытаюсь. Даже думать об этом... — Она провела рукой по лицу. — Нет.

— Тогда, если вы позволите... — Линдерман потерял себя за ухо, — вы же понимаете, практика — критерий истины... — он выглядел очень смущенным.

— Только не требуйте от меня согласия, — сказала Марина.

— Извините, — сказал Линдерман. — Я все понимаю.

— Не надо, — нервно сказала Марина. — Ради всего святого...

Андрис подошел к Юсуфу. Юсуф обернулся.

— Хотел посмотреть, что в аэропорту. Но такая защита — не пробраться.

— Возьми. — Андрис отдал Юсуфу «Корвет» и дискеты. — Спрячь, что ли... не знаю. Разберешься. Пароль я ввел новый. «Ольвик». Запомнишь, надеюсь?

— А ты?

— Пойду с ними.

— Думаешь, что-то можно?..

— Нет. Не думаю. Пойду просто так. Не знаю зачем.

— Аллах вам судья, — сказал Юсуф мрачно. Вдруг его перекосило: — Как же все... гнусно, гнусно, гнусно! Я как в паутине, как... — Он хватал ртом воздух — как рыба.

И вдруг Андрис почувствовал, что ему страшно хочется ногтями скрести лицо, горло, руки, отдирая что-то налипшее, нечистое, едкое, — он еле сдержался и только провел ладонями по лицу. Пот. Просто пот...

Линдермана он потерял в первые же секунды — и не скоро вспомнил о нем, сопротивляясь тому, что выталкивало, гнало, давило и скручивало его... труднее всего было, когда он, преодолев секундное оцепенение от неожиданности, попытался сопротивляться: вцепился в тонкие стволы орешин и решил не поддаваться ничему... Он продержался недолго: накатывающий волнами чудовищный смрад парализовал дыхание, и тошнотная слабость растворила ноги — на миг он ощутил себя висющим над черной бездной, и руки судорожно сжались на пульсирующих стволах, и тут же из стволов полезли шипы, прорастая сквозь ладони, не слишком больно, но мучительно страшно, — и руки вдруг стали растягиваться, как резиновые, сильнее, сильнее — и он понял, что сейчас, сейчас — камнем из рогатки — туда... в мерцающий сиреневый свет... ужаснее этого не было ничего — упасть в свет... рухнуть в него, и, проламывая... с тихим шорохом... кто-то кричал на одной ноте: а-а-а-а... и справа, и слева было черно, и только впереди свет, и в этом свете, не касаясь травы, скользили, преломляясь, сире-

невые тонкие тела, сплетались и исчезали, исчезали... Он разжал руки — и тут же лес потек мимо него — туда, к свету, и свет стал удаляться, удаляться, пока не исчез... Потом он лежал, перевалившись через поваленное дерево, и мучительно пытался из себя что-то извергнуть — ничего не было в желудке, и только боль... непонятное, ничем не объяснимое омерзение — из каких-то древнейших запасов памяти... Он пытался взять себя в руки — и выскальзывал, дрожа и выстаннывая: «Не хочу... не хочу... не хочу...»

Он пришел в себя сразу и на всю глубину. Холод. Снаружи и внутри — холод. То, что нужно. Он лежал неизвестно где и уже несколько минут прислушивался к нарастающему — еще непонятному — гудению. Приподнялся, сел. Как множество самолетов... нет, это из детства, теперь у самолетов совсем не такой звук... но — моторы, точно, моторы. При свете звезд ничего не было видно, только за спиной угадывался — и то не глазами, всем лицом — лес, стена леса, темная, глухая, — да над городом, высоко, висело желтоватое пятно отраженного света — звезды просвечивали сквозь него, чуть ослабленные этим мутным городским светом, а здесь, над головой, над лесом, они холодно и неподвижно светили, оттеняя темноту у земли. А потом в непроглядную темноту скользнули острые быстрые блики, Андрис оглянулся: голубоватое зарево возникло над близким горизонтом, и из-за края земли всплывали и повисали, покачиваясь, яркие огненные шары — слитный рев моторов усилился скачком, в нем пробивались металлические нотки — Андрис встал, отряхнул колени... Вспомнилась карта: да, где-то здесь шла дорога, и танки пошли по ней, — но очень захотелось отступить назад, под защиту леса... Он остался стоять.

Танков было только два, они прошли мимо и остановились, не глуша двигателей. За ними шли колесные машины, не понять, какие именно: пыль и выхлоп, подсвеченные фарами идущих сзади, создавали световую завесу — машины шли в клубах белого пламени. Трудно было сказать, сколько их. Много. Не меньше полусотни. Потом в небо взвились ракеты — «люстры», — стало светло. Машины тут же стали расползаться в обе сто-

роны от дороги. Это были установки залпового огня «Вулкан». Их было не меньше полка, и они выходили на огневые позиции.

Фронт огня был развернут к Жестяному бору. Никакой другой цели в том направлении не было.

Без пятнадцати четыре. Стоя на коленях, Андрис продолжал лепить ко дну кузова — пригоршню за пригоршней — «Смутный Джек», стараясь не слишком приминать там, где под слоем взрывчатки держалась свернутая плотным комком рубашка. Сплошная любительщина, подумал он, все на соплях... а главное — нет настоящего детонатора. Он подумывал о том, как бы напасть на часового, взять гранату... Часовые ходили по трое. Безнадежно. От резкого запаха «Джека» его мутило. Наконец он опустошил последний пакет, вытер руки. Без десяти. Взял патрон, зажал зубами пулю и стал раскачивать. Больно. Давай, давай, сказал он себе, зубы тебе больше не пригодятся. Готово. Отсыпал часть пороха, отщипнул кусочек взрывчатки, стал разминать порох со взрывчаткой. Набил гильзу этой смесью. Взял револьвер за ствол и постарался вогнать гильзу в дуло. Вошла — на несколько миллиметров. Ладно — он лег на спину, упер дно гильзы в кожух дифференциала и стал давить, давить что есть силы... Вошла до половины. Надо всю. Он отдохнул — до счета «три» — и повторил попытку. От напряжения в глазах поплыли яркие пятна. Так. Готово. Без трех минут... Зачем все это? Боже мой, что я делаю? — бросилось в голову. Сердце заколотилось. «После четырех мы расходимся, — сказала Марина. — Все кончается, и мы расходимся...» В пять ее там не будет. А военные любят: «Четыре ноль-ноль... шесть ноль-ноль». В кузове полторы сотни снарядов — три залпа одной установки. И мой кумулятивный заряд с тряпичным сердечником... пора. Руки были чужие, но Андрис смог вставить ствол «магнума» в пласт заряда, взвел курок. Давай! Все тело свело от немыслимого напряжения, наконец он смог найти свои руки, пальцы, сжать... Медленно-медленно вспухала белая звезда, медленно-медленно...

Единственное, под потолком, окошко было забито досками, и через щели тек сероватый свет. Непонятно, какое время дня. Часов не было ни у кого. Вторая половина, это точно, громко сказал кто-то, есть хочется — есть-то нам дадут? Разевай рот, сказал еще кто-то. Андрис слышал плохо: шумело в голове, правое ухо было намертво заткнуто, в левое звуки проникали как сквозь вату. Руки до локтей обмотаны бинтами, на кистях — толстые ватные прокладки, и все равно кровь просачивается. Страшно мозжит, все силы приходится напрягать, чтобы не начать подвывать. Стреляют, сказал Рене. Первым, кого Андрис увидел, открыв глаза, был Рене. Где-то далеко... Временами Андрису тоже казалось, что доносятся звуки стрельбы — как отдаленный гром. Значит, еще не все кончено, сказал он вслух. Еще не все... В камере было человек пятьдесят, почти все в домашнем, кто-то в пижаме. Места хватало только на то, чтобы сидеть, тесно прижавшись друг к другу. Лишь для нескольких сильно избитых или раненых — для Андриса в том числе — расчистили пятачок посередине, там они и лежали — плечом к плечу, усмехнулся Андрис, нервный смех иногда начинал пробираться наружу. Время от времени дверь приоткрывалась, внутрь впахивали кого-то еще. На оправку не выводили, в углу стояли ведра. Девушки — в камере было несколько девушек, похоже, студенток — мучились страшно. Потом дверь открылась широко, просунулся кто-то в военном и отрывисто выкрикнул что-то. Вас, сказал Рене Андрису и закричал: он не может идти, у него нога перебита! О черт, пробормотал Андрис и попытался приподняться, опираясь на локти. Штанину ему Рене распорол, потому что иначе терпеть было невозможно — так расперло колено. Когда били, прикладом или сапогом раздробили надколенник. Временный опять что-то прокаркал, Андрис никак не мог настроиться на его голос: ни черта не понятно. Обопритесь на меня, сказал Рене, чего-то им запонадобилось... С ворчанием им расчистили путь. Рене оказался крепким парнем — андрисовские девяносто килограммов он выдержал не дрогнув. Шаг... еще шаг... Приспособились: вдвоем на трех ногах. Ступенька... Еще дверь... наружу. Совсем наружу. Под открытое небо.

Не тюрьма — кирпичная постройка для каких-то хозяйственных целей. И дом... школа? Точно, школа. Вот сволочи. Куда идти? А по этой лестнице мы не залезем... нет, залезли. Хорошо. Хорошо. Всё. Пришли.

Кабинет географии: карты, карты, карты, глобус... Глобус крутит человек в кожаной курточке, а за столом сидит краснолицый, налитой генерал-майор. Человек в курточке оборачивается, секунду рассматривает Андри-са. Узкое смуглое лицо — как у туарега, чуть светлее, — и неожиданно голубые глаза. Возраст — между тридцатью пятью и шестьюдесятью — можно сказать, без возраста.

— Садитесь, господин Ольвик, — сказал «туарег»; голос у него оказался низкий, с хрипотцой.

Андрис осторожно, стараясь не задеть ни обо что кистями и коленом, втиснулся на сиденье первой парты. Никогда в жизни не сидел на первой парте, подумал он. И вот — надо же...

— А вы подождите там, — «туарег» махнул рукой Рене и конвоиру. — Понадобится.

— Ну что, — сказал генерал-майор, — нашел своего?.. — Он добавил еще что-то, но Андрис не расслышал. И ответ «туарега» не расслышал тоже.

Тут же «туарег» обернулся к Андрису и о чем-то спросил — по крайней мере выражение лица было явно вопросительное.

— Господа, — сказал Андрис. — Я плохо слышу. Говорите, пожалуйста, громче.

— Вас зовут Андрис Бертран Ольвик? — громче спросил «туарег», подойдя на несколько шагов. Вблизи его возраст определился отчетливее: порядка пятидесяти.

— Да, — сказал Андрис.

— Вы заведуете лабораторией в криминометрическом центре?

— Да.

— Чего не бывает в жизни... Только по чистой случайности мы с вами не оказались на одной службе. Меня зовут Йохим Меестерс, я представляю научную разведку вооруженных сил. Я знаю, что вы в достаточно коротких отношениях с Хаппой — что не мешало ему

использовать вас... не самым лучшим образом, мне кажется. Хаппу можно понять — он торопился. Ладно, это к делу не относится. Как я догадываюсь, вы весьма глубоко проникли в проблему Жестяного бора. Так?

— Наверное, — сказал Андрис.

— Кто такие «эльфы» и их роль — для вас не секрет?

— Мне трудно судить — никакой проверки...

— У вас не было времени. У вас вообще на все было три дня. И за три дня вы успели... Нам понадобился месяц. Господин Ольвик, я не хочу тянуть кота за хвост. Нам нужны такие люди. Причем учтите — мы очень ценим таких людей. Вы представить себе не можете, как мы их ценим.

— Спасибо, — сказал Андрис. — Но я не хочу.

— Видите ли, — сказал Меестерс, — у вас очень жесткие рамки выбора: или я немедленно забираю вас отсюда и мы летим в Сирх, или я лечу один, а вас... Переворот не удался — не морщись, Юстас... не удался — ну, продержитесь вы еще два дня, ну пять — ну и что? Вас убьют, Андрис. Они убьют всех — просто потому, что им скучно будет там, — он ткнул пальцем вверх, — без врагов...

— Удар по Жестяному бору был нанесен? — спросил Андрис.

— Да, — сказал Меестерс со странной усмешечкой. — Два полка «Вулканов» — шесть боекомплектов. Там ничего не осталось. Лунный ландшафт.

— Во сколько?

— В четыре ноль-ноль. Мы, видите ли, тоже знаем, что «эльфы» начинали разлетаться в половине пятого.

— Вы — знали...

— Мы только начали узнавать. Пришлось торопиться — по разным причинам. Вы что-нибудь смыслите в информатике?

— Ничего.

— Метод маркировки пакетов — вам ни о чем не говорит?

— Ни о чем.

— На ситуацию с бором мы вышли случайно. Нет времени расписывать, как все происходило, хотя это

смешнее любого детектива. Короче, обнаружилось, что управляющий комплекс бора — система почти примитивная — вдруг занялся сбором самой неожиданной информации, причем он не только вторгнулся в чужую память, но и орудовал там как-то странно, необычно. Мы применили метод маркировки и обнаружили, что прошедшие через бор информационные пакеты очень активно распространяются по всему миру... Вы не слышали про компьютерную чуму? Вот что-то вроде, но не чума... с чем бы сравнить? Допустим, из библиотеки кто-то крадет книги, а потом возвращает их на место, но с пометками на полях — что-то вроде. Причем, что означают пометки, никто не знает. Это было бы просто забавно, но вскоре обнаружилось, что у операторов, работающих с наиболее пострадавшими программами, резко упало цветоощущение, у некоторых оно вообще исчезло, но зато все стали прекрасно видеть в темноте — как кошки, — и необыкновенно обострилось обоняние — так, что дурели от запахов, работать не могли... И это не все. Вы же знаете, что живых дикторов на телевидении уже нет — синтез-изображения. Все они оказались с этими самыми пометками. Какой результат — неизвестно, не проверяли — узнали три дня назад. И — «эльфы»... Вы же понимаете — все работало не один год, и какое влияние успело оказать — никто не знает. И реагировать надо было срочно... срочно и решительно. Поэтому — так.

Андрис молчал. Все это почти не касалось его. Марина убита. И остальные. И многие будут убиты еще. Лунный ландшафт.

— Скажите, Меестерс, — сказал Андрис, — предположим, вас каким-то чудом забросило в ледниковый период: мороз, мамонты... Вы бы выжили? То есть — вы захотели бы выжить?

Меестерс, прищурясь, посмотрел на него.

— Круто, — сказал он. — Но вы что — всерьез считаете, что это осколок будущего?

— Да, — сказал Андрис.

— А я вот — нет. По крайней мере я не хочу такого будущего.

— Оно не интересуется — хотим мы его или нет.

— Я тоже думаю, что прогрессу плевать на людей. И особенно ему плевать именно на тех, которые творят этот самый прогресс. Даже не так: он их пожирает. Как Хронос... Я думаю, что у людей достаточно разума и сил, чтобы построить будущее именно для себя. Для людей. Не для монстров и не для... — он не нашел слова. — Для людей.

— Но люди не строят будущее, — возразил Андрис. — Они просто живут. Как кораллы. Кораллы ведь не прилагают усилий для постройки рифа.

— Но люди-то не кораллы!

— Но и сооружается не риф.

— Извините, Андрис, — сказал Меестерс. — Давайте доспорим в другой раз. У нас почти не осталось времени. Вертолет...

— Значит, каждый останется при своем мнении, — сказал Андрис. — Жаль — я хотел переубедить вас.

— Но почему?!

— Можно, я не буду объяснять?

Лунный ландшафт, опять подумал он. Тебе не понять, «туарег».

— Вас расстреляют, — сказал Меестерс. — Мы практически окружены... как говорится: «войсками, сохранившими верность законному правительству...» А с вашими ранами даже не убежать.

— Я все понимаю, — сказал Андрис. — Просто... мне не хочется.

— Знаете, что сказал один сапер, когда вы хотели... то есть, конечно, уже после того — когда вас взяли? Что если бы вы догадались облепить ствол взрывчаткой, а потом упереть его в какое-нибудь железо, то «Джек» сдетонировал бы. А так — просто выдавило гильзу...

— А я уже догадался, — сказал Андрис. — У меня было время подумать над ошибками...

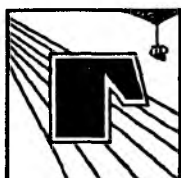
Это был гаражный бокс, но почему-то без крыши. Не успели навести, что ли? Посреди бокса, как и положено, зияла смотровая яма. Андриса и Рене отвели к дальней стенке бокса. У ворот, привалившись спинами к подъемнику, сидели и курили шестеро солдат. Эй, офицер, крикнул Андрис, парня-то за что? Не надо, сказал Рене.

Он был бледен, губы серые. Офицер не обернулся. Потом в дверь по одному протолкнули еще семерых. Четверо шли сами, одного парня вели, поддерживая с двух сторон. Все семеро были в кристальдовском серо-полосатом. Встреча, сказал один из них Рене. И тебя тоже... Любомир, позвал Андрис. Тот, который не мог идти, поднял голову. А, вы, равнодушно сказал он. Солдаты встали, выстроились в шеренгу. Офицер встал сбоку. Поднял руку. Слава Кристальдо! — тонким голосом крикнул кто-то рядом. Офицер опустил руку, выглянул в дверь — кажется, его позвали. Втолкнули еще двоих — мужчину и женщину. Мужчина голый по пояс, женщина — в его, видимо, рубашке. Зябко обнимая себя руками и вздрагивая, она встала рядом с Андрисом. Мужчина полуприкрыл ее собой. Не надо, сказала она, так хуже. Он отодвинулся, привалился к стене. Офицер опять поднял руку. Солдаты передернули затворы. Рене, вцепившись в плечо Андриса, судорожно вздохнул. Ничего, сказал Андрис, ничего. Все мы немножко бессмертны...

СОЛДАТЫ ВАВИЛОНА

1. НИКА

орели леса, и в маревом безветрии отстоявшийся дым сплывал в долину, в город, растекался по улицам, въедаясь в стены, одежду и лица. Днем небо обращалось в раскаленный алюминиевый колпак, на котором неясным бликом обозначало себя солнце. Кроваво-черные закаты пугали. По ночам наступало изнеможение — не от жары, а от несбывшегося ожидания прохлады. На рассвете происходила слабая подвижка воздуха, но тем все и кончалось. Соседи говорили о нашествии крыс, но Ника пока ничего такого не видела — кроме одной полувареной крысы, однажды переползшей ей дорогу. Ника вскрикнула от отвращения и хотела чем-нибудь в нее запустить, но ничего подходящего не было — а крыса остановилась, посмотрела через плечо на Нику долгим запоминающим взглядом и скрылась в дикой траве давно не стриженного газона. Несколько дней Ника не могла отделаться от гадкого привкуса этой встречи, но потом все стерлось. Иногда с наступлением темноты начинали выть собаки, все окрестные собаки, хором и вперебой, и тогда Сид просыпался и плакал, и не оставалось ничего другого, как брать его на руки и включать кондиционер. Она носила Сида и напевала ему на ухо: «А по морю, морю хмурому корабли плывут черемные, Хельга-конунга кораблики, к граду-то Константинополю...» Грегори придет и будет ее ругать, и будет прав, потому что сквозь воркование кондиционера доносятся позвякивания, будто проваливается монета, и на счетчике арендной платы меняется цифра — а Сид должен засыпать без посторонней по-

мощи, без всяких телячьих нежностей, потому что только так воспитывается настоящий мужчина... это так, это правильно, но как же можно не взять ребенка на руки, когда по всему поселку воют, и воют, и воют собаки, и тебе самой жутко, и надо стать чьей-то защитой, чтобы побороть эту жуть? Она обволакивала Сиду собой, и наконец он засыпал, а она еще долго ходила по комнате с ним на руках, оберегая от всех и всяческих напастей. Потом, конечно, засыпала и она.

Снилось ей только небо.

Слабые и прозрачные руки ловят восходящие струи и легко опираются о них, заставляя тело, которого как бы и нет, лениво скользить косо вверх, поворачивать, описывая пологую спираль и подставляя нежному солнцу то один, то другой бок. Восходящие струи невидимы, но руки сами чувствуют их и тянутся к ним; переход со струи на струю вызывает покачивание и легкий озноб. Земля глубоко внизу, раздавленные силой тяжести кварталы, голубовато-серая зелень городских больших деревьев, широкая полоса красного песка и красно-коричневая извитая лента реки, и где-то далеко — край моря... все похоже на утонувший город, видимый сквозь невыносимо прозрачную воду. И обязательно, рано или поздно, подступает: воздух из опоры превращается в пустоту, и — миг острого ужаса...

Липкая жара изводила. Ника принимала душ раз по пять в сутки — как только позволял Сид. Но тепловатая жидкость, текущая из труб, ни по температуре, ни по вкусу не напоминала воду. Это было так же тоскливо, как вой по ночам.

Дважды в день, утром и вечером, она выносила Сиду на лужайку перед домом и пускала поползать по травке в тени выгоревшего полотняного навеса. Несмотря на запрет, она поливала траву, и санитарный инспектор Бенефициус знал это, но старался не замечать и не реагировал на нашептывания старухи Мальстрем. Бенефициус, сорокалетний лысоватый толстый сердечник, был давно и безнадежно влюблен в Нику. Никто, кроме них двоих, об этом не знал. Иногда он подходил, когда Ника пасла Сиду, и рассказывал что-нибудь: что эпидемия среди крыс, как наконец выяснилось, не перекинется на

людей, и то, что воду для ребенка следует сначала заморозить, а потом использовать только верх ледышки, и то, что в будущем году, может быть, откроют береговую линию, и тогда можно будет если не купаться, так хоть лежать вблизи воды, а это уже много значит... Он смотрел на Нику строгими глазами, и соседи думали, что он выговаривает ей за лужайку, а Ника в ответ кивала и виновато улыбалась, и казалось, что она обещает никогда-никогда... Изредка, раза два в неделю, звонил Грегори и, экономя, торопился быстро-быстро сказать все, и лицо его от этого делалось напряженное и чужое. Обычно он звонил с заправочных станций, последний раз — откуда-то из пустыни, за спиной его были серые, сточенные ветром песчаные холмы и серые жесткие кусты без листьев. Он сказал, что получил очень выгодный фрахт с премией за скорость и что теперь уж точно вернется домой, потому что устал и соскучился. Ждать его надо было со дня на день. Впрочем, бывало, что на полдороги он урывал еще один выгодный фрахт... Денег все равно хватало только-только.

Бенефициуса звали Лотом. Лот Бенефициус. Он очень смущался, когда называл свое имя.

Ника почувствовала приближение — непонятно как, но почувствовала. Сид, голенький, спал под марлевым пологом и крутился во сне. По раме показывали «Коктейль», и Ника, нацепив на ухо ракушку, ждала, что дадут хотя бы фрагменты из вчерашней демонстрации мод, — она всю неделю хотела ее посмотреть, но Сид проснулся и раскапризничался, пришлось бросить все и укачивать, и петь, и носить на руках, успокаивая. Он никак не хотел возвращаться в кроватку, отбивался, плакал и только через час устал, сдался и уснул, обиженный на всех. И вот сейчас Ника вполуха слушала музыку и петушиный голос конферансье Карлоса, отпускающего бессмысленные шутки, — и вдруг встала и шагнула к двери, еще не понимая, кто ее позвал. Постояв и ничего не увидев, она сунула ракушку в карман шортов и вышла из дому. Все вокруг было черным или желтым. Куда-то заторопилось сердце. Ника дошла до калитки и остановилась. К угнетающей духоте добавился странный внут-

ренный жар. Через несколько минут из-за поворота пустынной улицы появилась черно-желтая морда «чудовища» — солнце плавилось в ветровом стекле — и возник его низкий рык, знакомый, родной, свой; — Ника вытянулась в струнку и неподвижно ждала, когда этот дредноут приблизится, запыхтит, сбрасывая обороты, отдуется сжатым воздухом тормозов и намертво станет, горячий, обратив к ней слепой профиль кабины, и с той стороны хлопнет дверца, и возникнут шаги — два, три, четыре шага, — и Грегори, лохматый, клетчатый, широкий, весь в облаках сложных машинных запахов Грегори возникнет из-за... Нику подбросило в воздух — и, пока она летела, рот Грегори все шире и шире растягивался в улыбке, а руки раскидывались крестом, посадочным знаком «Т», а из распахнувшейся рубашки перла буйная растительность, и в эту-то растительность мягко приземлилась Ника, обхватив руками и коленями все, что можно было обхватить, — и целуя беспрестанно эту жесткую, колючую и ненаглядную морду...

— Ну-ну-ну, — довольно заворчал Грегори, подхватывая Нику своими лапищами. — Я пыльный, я соленый... — Не отпуская Нику, он легко зашагал к дому. — Сейчас мне кое-кто ванну соорудит, бельишко свежее даст...

— Что, только бельишко?..

— Да ну что ты, если бы только бельишко, и базару бы не было, я же кобелина, ничего не поделаешь...

— Кобелина, небось девок полная кабина была... там, за поворотом только и высадил, знаю я, что на дорогах делается...

— Ничего ты не знаешь и не представляешь даже, у тебя устарелые сведения, едешь вот так ночью, фарами светишь — а через каждые сто метров по девке, представляешь, девки, девки, девки, и, что характерно, все стоят раком, ничего себе, а?

— Какие ужасы ты рассказываешь. — Ника потерялась носом об его плечо. — Пусти, я ванну... — Они были уже в доме.

Она отрегулировала воду, тридцать градусов, как он любит, — бросила в воду таблетку фитона и слепо смотрела, как тугая струя взбивает зеленоватую пену. Ды-

шалось ртом, и, как от щекотки, подбирался и втягивался живот, и Ника присела рядом с ванной, прижалась к ней боком...

Вошел Грегори в трусах, Ника засмеялась и крепко зажмурилась — он до сих пор стеснялся раздеваться при ней. Потом раздался громкий плеск и фыркание. Ника открыла глаза: Грегори стирал ладонью пену с лица.

— Черт те что, — сказал он. — Как из огнетушителя... Да, слушай, а чем это таким странным в коридоре пахнет?

— Не знаю, — сказала Ника. — Не чувствую.

— Вроде как чесноком — и чем-то еще.

— Ничего там нет.

— Ну, показалось. Сидди давно спит?

— Больше часа.

— Надо потопрапливаться... — Грегори стал быстро тереть себя мочалкой. — Задерни занавеску, я под душем ополоснусь. Все, завтра приварю к «чудовищу» ванну и бак для воды — невыносимо...

Ника перепорхнула в спальню, расстелила чистую простыню, вернулась к двери, встала, прислонясь к косяку. Ежась, провела рукой по плечу, груди, животу, бедру. Все на месте? — ехидно спросила сама у себя. На месте... Похотливая кошка... А хотя бы? Почему-то медленно и тяжело стала открываться дверь ванной. Открылась. Закутанный с головой в простыню, вышел Грегори. У него была странная, какая-то одеревенелая походка. Люди так не ходят. Он приближался, и Ника чувствовала, как ее охватывает настоящий страх. Потом простыня соскользнула с головы. Лицо Грегори было синевато-белым, и наискось шла, вскипая кровью, рубленая рана... Он сделал еще шаг, и Ника, теряя себя, опрокинулась и полетела в глубокую звенящую темноту...

Она сидела на подоконнике, обхватив руками колени. Ей было уже почти хорошо. Почти хорошо... Она усмехнулась. Лучше сказать: почти не больно. Почти спокойно... И очень досадно. Прошли все чувства. Как всего этого жаль: ожидания, радости, желания — всего. Ни-

чего не осталось. Рубец. Обидно... За окном с наступлением сумерек летали бессмысленными кругами какие-то новые мухи: медленные и крупные, как шершни, но безвредные. Раньше их не было. Впрочем, раньше многого не было... За спиной возникли мягкие шаги: Грегори опять шел извиняться. Ника обернулась. Грегори был голый по пояс, в каких-то немыслимых шароварах и красном тюрбане. В руках он держал блюдо с персиками.

— Зернышко... — с придыханием начал он; на этот раз голос был приторно-нежным. — Зернышко мое родное, ну прости ты дурака.

— Дурак и есть, — сказала Ника. — Господи, какой ты дурак! Я ведь не за это сержусь... — Она сама не могла понять, за что сердится. За пропавшее настроение? Не совсем, что-то еще... На миг ей показалось, что она сама — уже из последних сил — расковыривает обиду. — Я ведь и не сержусь даже, не то слово... а, да что с тобой говорить...

— Не говори, госпожа! — ослом взревел Грегори. — Не надо слов, пусть все нам скажет музыка!

Он махнул рукой в сторону рамы, экран осветился, из глубины его поплыли цветные шары, которые, лопаясь, издавали ксилофонные звуки. Это был, наверное, какой-то новый тоник, он привез, он знает, что она это любит и коллекционирует, — но вот сейчас, сию минуту, это оказалось поперек всего.

— Выключи, — сказала Ника.

Грегори сделал ладонью движение, будто протирал стекло, и экран погас.

— Тебя не развеселить, наверное, — сказал Грегори.

— Так — нет, — сказала Ника. — Знаешь что? ты постереги пока Сиду, а я прогуляюсь... проветрюсь.

— Пешком? — спросил Грегори.

— Да. Впрочем, нет: если ты позволишь, я возьму мотороллер.

— Возьми. Все так глупо получилось...

— Ладно, — сказала Ника. — Я проветрюсь, и все пройдет. Ты же не хотел, я понимаю.

— Я думал, ты... Нет, я просто дурак и не думал ни о чем.

— Где эта гадость? Дай, я выброшу.

— Я уже сунул ее в измельчитель.
— Ты ей отомстил?
— Да. Стер в порошок.
— Туда ей и дорога. Какая же сволочь придумала это делать?

— Да вот... нашлись. Ладно, ты приезжай скорей.
— Проветрюсь и приеду. Ты жди.

Крошечный мотороллер был закреплен на кузове «чудовища» — как шляпка на борту лайнера. Ника шепнула пароль в замок и махнула рукой: вниз. Зашуршала лебедка. И что это я собралась делать, мельком подумала, удивляясь себе, Ника. Мотороллер опустился к ее ногам. Ладно, все равно. Сиденье почти горячее... Она тронула пальцем глазок ключа. Загорелись контрольные лампочки, приборный экранчик, фара. Ника мягко послала мотороллер вперед. Дорога была пуста. Можно погасить фару. Светло. Все еще светло. Мотор работал беззвучно, только легкая вибрация ощущалась подошвами. У поворота на Загородное шоссе ее обогнал белый «ниссан». Сидящий за рулем толстяк послал ей воздушный поцелуй. Ника отвернулась. Грегори говорил, что все такие микроавтобусы забрала себе служба эрмеров. Наверное, это тоже эрмеры. «Ниссан» свернул налево, поэтому Ника поехала направо — к центру.

До самого переезда дорога была скучная: пустырь направо и налево, справа пустырь кончался полутемными громадами корпусов авиазавода, а слева тянулась, и тянулась, и тянулась черная полоса стены, и за стеной все тоже было черное, и лишь иногда на фоне сиреневато светящегося неба возникали невразумительные силуэты.

Наконец Ника нырнула в гудящий туннель — поверху, похоже, шел тяжелый состав — и вынырнула совсем в другом месте, среди домов и огней. Здесь было оживленное движение и множество людей на тротуарах — и, естественно, множество желающих перебежать улицу не там, где положено, — поэтому приходилось держать ухо востро и не зевать по сторонам. Потом Нике надоело ехать в общем потоке, и она свернула в показавшийся уютным переулочек. Впрочем, ничего уютного и интересного в переулке не оказалось, зато он вывел ее в совершенно незнакомое место: к солидного размера пруду с

островом посередине. На острове росло большое дерево. Удивляясь, что никогда не была в таком приятном месте, Ника объехала пруд кругом и решила, что пора возвращаться, — но, очевидно, попала не в тот переулок. Здесь были старые двухэтажные домики, собранные в маленькие и очень зеленые кварталчики, и под колесами вдруг оказался не асфальт, а каменная мостовая. Понимая, что окончательно заблудилась, Ника решила развернуться и поискать дорогу назад от пруда, как вдруг увидела знакомую машину. Белый «рейнметалл» с красным крестиком под ветровым стеклом и до сих пор не покрашенным левым крылом стоял двумя колесами на тротуаре у подъезда. Сама не зная зачем, Ника остановила мотороллер, обошла машину и поднялась на крыльцо. Четыре кнопки звонков, все разные, и возле одной — медная табличка: «Д-р медицины Л.Л.Бенефициус». Странно, подумала Ника, доктор медицины — а работает санитарным инспектором. Впрочем, кого сейчас этим можно удивить? Она коснулась пальцами таблички. Табличка оказалась неожиданно холодной. Задержав руку и чувствуя, как эта прохлада проникает в пальцы, Ника подумала: а что будет, если позвонить?.. — но мысль эта оказалась сухой, пустой и никчемной. Что-то новое, большое и пока совершенно непонятное переполняло ее. Бездумно неся это в себе, Ника спустилась — три ступеньки, — вновь обогнула машину — «рейнметалл» показался ей чудовищно громадным, — оседлала мотороллер и позволила ему везти себя. Минуты через две он вывез ее к ослепительно блестящему «Золотому Веку» — целому кварталу ресторанов, ночных магазинов и клубов, кинотеатров, театров, голо, а также прочих «ристалищ и развлекалиц», как говаривал Грегори. Раньше они нередко совершали рейды по здешним подвальчикам и этажам. Раньше, до Сиды, и пока Грегори мог выступать со своим номером, зарабатывая втрое против нынешнего... Здесь было светлее, чем днем. Рекламы, фонари и витрины. У полупустого уличного кафе Ника затормозила. Остро захотелось чего-нибудь сладкого. В кармане лежали смятая десятка, трехдинаровая монета из черного с золотыми точками пластика и несколько стареньких никелей. Она взяла бутылку «Трок-

то» и три пирожных. «Трокто» рекламировали повсюду: полезен в любых количествах! Дышите желудком! Молодейте! По вкусу напиток походил на микстуру от кашля, которой Нику поили в детстве. Пирожные казались большими, но исчезли мгновенно. Выходя на тротуар, Ника заметила ночную галантерейную лавочку. На прилавке лежало все, что можно отнести к галантерее, в том числе и ночной, и кое-что сверх того: например, очень похожий на настоящий игрушечный револьверчик. Сколько это стоит? — спросила Ника продавца, смуглого мальчика. Для вас — даром! — воскликнул продавец. Всего пятнадцать динаров! У меня только десять, огорчилась Ника. Ну, если вы добавите улыбку... Ника охотно улыбнулась. А вы не торгуете этими страшными масками? — спросила вдруг она. Нет, сказал мальчик, я ими не торгую, я их боюсь. Спасибо, сказала Ника. А можно я вас за это поцелую? О-о-о!.. — Мальчик был наверху блаженства. Дело в том, сказала Ника, что я их тоже боюсь. Очень-очень боюсь. Они еще поулыбались друг другу, пока Ника пыталась засунуть револьвер в карман шорт. Карман был слишком узкий и тесный. Наконец это получилось. Вот теперь можно возвращаться, подумалось ей. Ну я его напугаю, я его так напугаю...

Сид вдруг заплакал — громко, навзрыд.

— О Господи, — сказала Ника.

— Не обращай внимания, — сказал Грегори. — Поорет и успокоится.

— Он собак боится, — сказала Ника.

— Я тоже не люблю, когда воют, — сказал Грегори. — Но должен же он привыкать.

Сид уже не плакал — кричал.

— Нет, — Ника села. — Как он кричит. Нельзя же так.

— Будем бегать к нему — он привыкнет и будет реветь постоянно. Пусть выплачется один раз.

Минуты две они пытались не обращать внимания на крик.

— Сколько же у него сил... — пробормотал Грегори. Похоже, ему становилось не по себе.

— Я схожу посмотрю, — сказала Ника. — Вдруг что-нибудь...

Крик перешел в какой-то хрип.

— Я сам, — сказал Грегори. Он натянул трусы и шагнул к двери. — Я ему покажу... — и Ника поняла, что Грегори испуган.

На каком-то немыслимом звуке хрип оборвался, и слышны были только удаляющиеся шаги Грегори, скрипнула дверь... Ника, замерев, прислушивалась. Ничего. Ни звука. Как долго... Она вскочила, стала искать халат. Халата не было, под руку ей попались шорты, она натянула их, ни майки, ни рубашки — плевать... Свет в коридоре горел, и дверь в детскую полуоткрыта. Ника вдруг вспомнила об игрушечном револьверчике, вытащила его и маленькими шажками приблизилась к двери. Вообще у Грегори может хватить ума пугнуть ее сейчас из-за угла... Грег! — позвала она. Молчание. Нет — короткий звук, будто проволокли что-то тяжелое. Ника заглянула в дверь.

Света из коридора в комнату попадало достаточно, чтобы увидеть все — и ничего не понять. Где прямой свет ложился на пол, ковер был чист, но по сторонам от светлой полосы копошилось что-то темное, по колено и выше, похожее на плотную пену, и вдруг там, под пеной, что-то дернулось, пена прорвалась, на миг показалась костяная рука, судорожно сжалась и исчезла; и снова звук, будто рывком проволокли плотную тяжесть. Левее, у стены, стояла кровать Сиды, и в кровати копошилась эта же пена, а за кроватью Ника увидела будто бы наклонившегося вперед человека, нет, не человека — что-то округлое, плотное, сжатое, похожее на боксерскую перчатку в человеческий рост, и в следующий миг то, что там было, распрямилось, и Ника поняла, что оно на нее смотрит. Она стояла, оцепенев, не в силах ни шевельнуться, ни крикнуть, потому что крикни она или шевельнись — смерть, нет, что-то еще более страшное и более неотвратимое... То, что там стояло, с тошнотворным чмоканьем выдвинулось из-за кровати и вдруг раскрылось, именно как перчатка, и из него выпал, тут же исчезнув в пене, крошечный скелетик. Ника отшатнулась, и потому метнувшиеся в нее раскручивающиеся спирали ее не достали: одна почти задела лицо, а другая ударила в револьверчик и с нечеловеческой силой рва-

нула его на себя. Хрустнули пальцы. Ника попятилась, не в силах повернуться и бежать. В темноте усилилась возня, раздался хруст, будто давили стекло. Продолжая пятиться, не отрывая глаз от страшных дверей, она дошла до спальни — и вдруг поняла, что и в спальне кто-то есть. Ее швырнуло из дому — и, воя, она побежала, не разбирая дороги, не понимая, кто перед ней, уворачиваясь от людей, от рук, и когда ее уже схватили и держали, она продолжала бить, кусать, царапать — и выла, выла... ей сделали укол — она поняла, что это укол, — и тут же руки и ноги перестали слушаться ее, рот наполнился слюной, а на лицо упало что-то липкое, душное, жаркое — смерть... и она не захотела сопротивляться.

А потом — сразу — она открыла глаза. Очень белый свет, и шум в ушах, как далекая музыка... и тошнит. Что-то было? И вообще — где я? Она подняла голову. Кто-то сидел рядом, но она никак не могла увидеть лицо — все плыло.

— Ника, — сказал сидящий и наклонился, и голос показался ей знакомым.

Она заморгала глазами, и пелена рассеялась. Это был Бенефициус.

— Вы, — сказала Ника. — Господи, где это я? Что случилось?

— Ничего, — сказал Бенефициус, — ничего. Все бывает. Это гипнологическая клиника.

— У меня... что-то... не так?

— Да, немного. Вы же знаете, как это случается... да и потом — такая жара...

— Почему жара?

— Не знаю. Никто не знает.

— Нет, подождите... Что со мной было?

— Ну вы же слышали, наверное: это называется «поймать кодон». Когда человек вдруг начинает видеть и слышать то, чего нет... галлюцинации без наркотиков.

— Да-да-да... Я действительно что-то видела... что-то страшное. Но я не помню. Что я видела, Лот?

— Не знаю. Вы бежали по улице и кричали. Будто убегали от кого-то. Это неважно. Не пытайтесь вспом-

нить. Главное, что вы пришли в себя. Вам скоро сделают еще один укол, и вы опять уснете. Хорошо?

— А вы будете здесь?

— Я никуда не уйду.

— Как хорошо... Лот! Почему я ничего не помню? Чего я не помню, Лот?

— Не нужно пока вспоминать. Потом. Старайтесь не думать.

— Хорошо. Я не буду думать. Только останьтесь со мной.

— Я останусь.

— Не уходите никуда, ладно?

— Никуда.

— Лот...

— Что?

— Скажите мне что-нибудь...

— Все будет хорошо.

— А еще?

— Все будет хорошо.

Ника тонула в собственном сне — выплывала на секунду, чтобы глотнуть воздуха, и снова погружалась в зеленую бездну; потом она открыла глаза там, внизу, и увидела дно, увидела то, что ее ждет: буро-коричневая, медленно шевелящаяся масса, похожая на громадную амебу, ленивую и равнодушную, знающую наверняка, что пища не денется никуда... мимо Ники медленным градом падали, закрыв глаза, птицы с бессильными крыльями — и из последних сил она забарахталась, продираясь сквозь зелень, сквозь ставшую вдруг густой, как патока, воду; она всплыла, открыла глаза — синеватый свет сбоку и спасительный холод — она лежала, совершенно голая, на измятой простыне, подушка и одеяло исчезли, она перегнулась через край кровати и увидела их — и сама, преодолевая не боль, не слабость — тошноту во всем теле, — сползла на пол, чудом — так качало — поднялась на четвереньки, потом, цепляясь за кровать, — на колени. Так она стояла долго, привыкая к непонятным ощущениям в теле: тошноте в руках и ногах и мятному холоду в животе; голова не кружилась, а раскачивалась, как маятник, но все меньше

и меньше. Наконец Ника смогла встать на ноги. До подоконника было два шага. Мягкое жужжание ее не обмануло: это был кондиционер, он работал, и Ника нашла регулятор и выкрутила его до отказа: через минуту прохладная струя стала ледяной, Ника наклонилась и подставила под нее лицо, голову, грудь — это было упоительно.

В слабом синем свете ночника палата была таинственно-огромной: кровать как мост, подушка и одеяло на полу — как облака, над которыми пролетаешь, дверь — крепостные ворота... Ника нашла выключатель, и в белом свете тайны исчезли. Тесная клетушка, которая в высоту больше, чем в ширину, бледно-зеленые неровные стены, серый потолок, под которым проходит короб вентиляционной трубы. Оконное стекло стало черно-зеркальным, и в этом зеркале Ника увидела себя: ломкий силуэт. Отражение было не свое и не чужое. Она и не узнавала его, но в то же время не ожидала увидеть кого-то другого. Поднесла руки к лицу: узкие кисти с тонкими пальцами, коротко стриженные ногти без лака, на среднем пальце правой руки тонкое белое кольцо с угольно-черным камнем. Она не знала, откуда у нее это кольцо, но и не испытывала уверенности, что видит его впервые. Ладони белые, все остальное — почти шоколадного цвета. Негритянка? Она посмотрела на себя: маленькая грудь, втянутый живот, узкие бедра — все равномерно-шоколадное... нет, на бедрах узкая контрастно-белая полоска. Загар. Ничего не помню...

Ничего не помню!

Ее вдруг бросило в дрожь. Может быть, от холода. Закутавшись в одеяло, она села на край постели. Так... Меня зовут Ника Буковчан. Мне двадцать три года. Я живу... нет, не помню. Работаю... нет, кажется, учусь... не помню. Ничего не помню. Помню, как зовут, — и все. Боже ты мой...

Нет, лечь нельзя. Эта кровать только и ждет, когда я лягу... эта пасть притворилась кроватью и ждет... Ника вскочила. То, что было кроватью, как бы вывернулось наизнанку и стало похоже на ярко освещенный въезд в туннель. Воздух был ледяной, и пол тоже был ледяной. Она стояла на тонкой, прогибающейся под но-

гами льдине, а под льдиной ее ждала бездна. Да что же это делается, беззвучно зашептала Ника, Господи, что же это делается, делается... Она шагнула к двери, и тут дверь сама открылась навстречу ей. Это было так страшно, что Ника закричала.

Рот тонкий, глазки маленькие, жидкие волосики стянуты в фигу, и говорит, как пилит: вжик-вжик, вжик-вжик... туда-сюда, туда-сюда... Мымра, неуверенно подумала Ника. Она слышала слова, которые произносила доктор Кимли, слова были знакомые, но до сознания доходили с огромным запозданием.

Итак, данные дактилоскопии показали, что вы — Ника Буковчан, двадцати трех лет, последнее место жительства — кемпинг «Соло», предполагаемый источник доходов — незарегистрированная проститутка. Шестнадцатого августа две тысячи четвертого года в двадцать три часа сорок минут подобрана бригадой скорой помощи на улице Прапорщика Пранова в состоянии фобического шока третьей степени, вызванного, предположительно, кодоном. ЭРМ-исследование не проводилось ввиду ясности клинической картины — с одной стороны — и необходимости принятия неотложных мер по купированию шока — с другой. На месте подвергнута медикаментозно-инструментальной гипнотерапии по методу Штольца—Гусмана; в стационаре лечение продолжено. Шок купирован, следовые мнемонические расстройства в пределах допустимого. Стационарное лечение не показано, выписывается немедленно, рекомендуется амбулаторное наблюдение в гипнологическом кабинете. От себя доктор Кимли имеет добавить следующее: на момент оказания помощи Ника Буковчан была одета только в шорты из джинсовой ткани; денег, драгоценностей и документов при себе не имела. Обследование показало, что незадолго до случившегося ею был совершен коитус. Мазок взят, и в течение суток можно передать его в генетическую лабораторию для установления личности партнера. Опыт доктора Кимли показывает, что обычно поражение кодоном происходит при просмотре нелегальной видеопродукции: порнофильмов и наркоклизмов. Доктор Кимли советует Нике Буковчан начать судеб-

ное преследование партнера, поскольку психика и сама жизнь пострадавшей были поставлены под угрозу; сумма же компенсации за моральный ущерб может составить несколько сот тысяч динаров. Поэтому в первую очередь надо перевести в генетическую лабораторию плату за анализ: двести пятьдесят динаров. Затем следует обратиться в любую адвокатскую контору и составить судебное исковое заявление. Доктор Кимли настоятельно рекомендует заняться этим немедленно. От себя она может предложить, поскольку Ника Буковчан была одета более чем легко, старый операционный халат. А теперь пойдемте со мной, через час вас отвезут к месту последнего жительства...

— Ника, — тихо сказал кто-то за спиной.

Ника обернулась. Прислонясь к стене, стоял пожилой грузноватый человек в измятой и испачканной рубашке. Ника никогда не видела его, но он, очевидно, ее знал, потому что повторил:

— Ника. Иди за мной. Ни о чем не спрашивай и иди за мной.

Он говорил это очень тихо, глядя куда-то мимо нее и едва шевеля губами. Лицо у него было отекавшее, глаза измученные. Наверное, поэтому Ника ему поверила.

Человек оттолкнулся от стены и пошел куда-то в противоположную от выхода сторону (Нике показали дверь и сказали: выходи и жди), и Ника пошла за ним. Они пересекли коридор — в коридоре стояли койки и стулья, бродили тени, происходило медленное и неприятное больничное движение, — свернули на темную лестницу, поднялись на второй этаж, пошли вдоль по коридору, точно такому же, как внизу, и точно так же набитому до отказа; двери палат стояли открытыми, и в палатах было столпотворение. Коридор кончился, направо открылась глубокая темная ниша, заставленная больничным хламом. Человек, который шел впереди, толкнул незаметную дверь, и они вышли на узкую темную лестницу. Очень осторожно, сказал человек. Ступени были железные. По этой лестнице они спустились на четыре пролета, явно ниже первого этажа. Здесь был тускло освещенный туннель. Стоял запах немойтой по-

суды. Пол местами был скользкий. Они шли довольно долго, потом туннель раздвоился. Боковой ход вел немного вверх. Тихо, сказал вдруг человек. Они остановились и стали слушать, но никаких посторонних звуков не было. Ты не помнишь меня? — спросил человек. Нет, сказала Ника, но это ничего не значит, я почти ничего не помню. Сказали, что это скоро пройдет. Человек достал из кармана зажигалку, высек огонь. Оказывается, они стояли перед дверью. Дверь была закрыта на засов, в проушины засова вдет замок. Человек вынул из кармана ключ и стал возиться. Ключ явно не подходил к этому замку, человек возился долго, а Ника ему светила зажигалкой. Наконец замок открылся.

Воздух снаружи был теплый и почему-то затхлый. Они стояли на широкой асфальтовой площадке. Справа возвышался прочерченный вертикальными строчками синих огней — лестницы? — темный больничный корпус. Слева, совсем рядом, стояла огромная железная клетка. На решетке ее висел красный противопожарный щит. Проходя мимо, человек снял со щита лом. Обогнув клетку, они оказались перед сетчатым забором и пошли вдоль него по протоптанной в траве тропинке. Метров через пятьдесят в заборе обнаружилась дыра. По ту сторону дыры тропа продолжалась, и по этой тропе они вышли к слепым коробкам многоэтажных гаражей. А дальше, в промежутке между коробками, видны были фонари нормальной человеческой улицы. Они прошли половину пути, когда оттуда навстречу им свернула длинная машина, осветив их фарами. Бежать было некуда. Они стояли, ослепленные, держась за руки. Фары остановились в двух шагах перед ними, позади фар раздались непонятные звуки, потом кто-то вышел и подошел к ним. Ника почувствовала прикосновение чужих рук, не злое, но решительное, ее повели, легонько направляя и подталкивая, и усадили в пахнущую табачным дымом прохладу. Снаружи раздался сдавленный стон, что-то звонкое упало и покатилося. Человек, который вел ее, сел рядом, прижимая к груди руку. Ника вздохнула. Перед глазами плыли черные круги. А с этим что будем делать? — спросил кто-то кого-то сзади. Действительно, — сказал другой голос, холодный, аристо-

кратический. Как вы могли, государственный служащий, санитарный инспектор... вы же знаете, какая обстановка в городе... черт те что. Провожатый молчал. Черные круги стали лиловыми, сквозь них Ника на фоне освещенной фарами стены гаража видела профиль водителя и рядом с ним — профиль обладателя аристократического голоса, острый, четкий. Ника оглянулась. Сидевшего позади, на третьем сиденье, видно не было. Вы же знаете, как предписано поступать в подобных случаях, продолжал острый профиль. Или вас не инструктировали? Что вы молчите? Вы понимаете, надеюсь, что и вас придется изолировать? Не дождавшись ответа, он кивнул водителю: поехали. Ника посмотрела на своего провожатого. Он поймал ее взгляд и улыбнулся ей. И Ника, как могла, улыбнулась ему в ответ своими деревянными губами.

— Прошу, мадемуазель, — сказал один из тех, кто привез ее сюда, — высокий, белый, тонкий. — Присаживайтесь, устраивайтесь поудобнее.

Ника послушно села. Кресло, кожаное на вид, оказалось холодным и скользким. Еще в машине ей дали понюхать что-то, и теперь лицо онемело, глаза не мигали и почти не двигались, а мысли стали рыхлыми и медленными. С ней что-то сделали и собирались сделать что-то еще, но значения это уже никакого не имело.

— Смотрите, пожалуйста, сюда, — сказал тонкий.

Собственно, никуда больше она смотреть и не могла — кроме как на экран, большой и плоский — не голо. Экран осветился, появились и стали растекаться, превращаясь во что-то другое, человеческие фигуры, и понять это было невозможно. Потом все стронулось и потекло, покатилося на нее, понемногу убыстряя скорость, и Ника, захваченная этим движением, неслась, едва успевая поворачивать, сквозь живой, кипящий, взрывающийся новыми, неизвестными природе цветами лабиринт, а потом, не удержавшись на краю, полетела куда-то вниз в потоке упруго поддающейся телу перламутровой ртути... Там, куда она падала, медленно вращался багровый водоворот... И тут же резкий сигнал зуммера вонзился в уши. Мигала тревожная лампа на

пульте, и автопилот готовился перехватить управление. Если глаза закрыты более трех секунд... Она провела ладонью по лицу. Все нормально. Это туннель. Туннель ее укачал. Она никогда не любила туннелей.

Все, осталось немного... Ч-черт, пот пробил. Ровно год назад разбился Джэб — ехал без автопилота и на ровной дороге уснул за рулем. С тех пор она никогда не выключала автопилот, хоть это и считалось дурным тоном.

На выезде из туннеля по глазам ударило таким световым контрастом, что опять пришлось жмуриться и нервировать этим «черного Сэма». Асфальт казался фиолетовым в обрамлении сверкающих склонов, горы были небесно-белыми, как облака, а небо над ними имело такой сказочно чистый синий цвет, какого вообще не бывает нигде, кроме как в небе над горами. Машина легла в плавный поворот, и сразу перед глазами, закрывая солнце, воздвиглась темная громада «Горной твердыни».

Площадка паркинга была еще почти пуста: дюжина машин, из них лишь две знакомые: черный «сабр» барона и новый, купленный месяц назад и уже помятый «форд-шериф» Яна Богница. Барон, конечно, приехал самым первым — его машина крайняя в ряду... У подъема на мост стоял седовласый дядюшка Гастингс. Увидев ее, он растянул серые губы в широчайшей улыбке.

— Наша маленькая принцесса! — воскликнул он. — Как давно я вас не видел!

— Чуть больше года, дядюшка, всего лишь чуть больше года, — она улыбнулась в ответ. Опираясь на его мощную, как из бронзы, руку, она поднялась по ступеням на мост и оглянулась. Ее «мерлин» уже стоял в ряду с другими машинами, выделяясь своей плотной тяжестью и нескрываемой мощью, как артиллерийский снаряд рядом с детскими колясками.

— И правда, — согласился старый негр. — Чуть больше года. Но как долго тянулся этот год!

— Ничего, — сказала она. — Тяжелые времена тем и хороши, что проходят рано или поздно.

— Воистину так. Я желаю вам, принцесса, провести приятный вечер... а если захотите поболтать со старым негром и послушать разные истории, как слушала их девочка Аннабель... приходите.

— А чай будет с ромом?

— С черным ямайским ромом из большой зеленой бутылки с литой печатью на пробке...

— Спасибо, дядюшка. Если ничего не случится, я обязательно приду.

И, вновь ощутив себя почему-то девочкой Аннабель, она, пританцовывая, зашагала через мост. Дубовые брусья глухо принимали в себя удары ее каблучков. Вот здесь, где несмываемое темное пятно, двести лет назад стрела поразила преступную леди Канолу...

У ворот донжона дядюшка Гастингс передал ее дворецкому. Аннабель незаметно пожала твердую надежную ладонь старого привратника.

— Ее высочество принцесса Аннабель! — провозгласил, распахивая перед ней резные створки парадного входа, дворецкий.

Оркестр играл что-то легкое, полетное, и леди Денниус, хозяйка, маленькая и подвижная, шагнула к ней, поцеловала в щеку и шепнула: «Ты здесь, слава Богу!» Сэр Денниус, давний друг, наставник, почти отец — напротив, холодно коснулся губами запястья и молча посмотрел в глаза, и Аннабель вдруг поняла, что он боится за нее.

И — почувствовала, что благодарна ему за этот страх.

— Богниц, — сказал барон лениво, — вы неизбежны, как судьба. Как удар молнии. И так же несносны.

— Судьбу вы считаете несносной? — сделал домиком свои белесые брови Богниц; глаза его смеялись.

— Я с ней конфликтую с момента рождения, — сказал барон.

— Нельзя ли несколько подробностей для прессы?

— В раздел скандальной хроники?

— Как можно! В спортивный, разумеется. Кстати, правда ли, что вы оба, — Богниц поклонился Аннабели, — намерены выступить одним экипажем в «Трансафрике»?

Барон, не глядя, поставил пустой бокал — под бокалом тут же оказался поднос, а мгновением позже при подносе материализовался официант. Другой официант, несущий свежие коктейли, качнулся было в их сторону, но барон отмахнулся от него.

— Это неплохая мысль, — медленно сказал он, — поэтому, наверное, она мне в голову и не приходила... А что скажет ваше высочество? — повернулся он к Аннабелли.

— Я вообще не собиралась заявляться на эту «Транс-африку», — сказала Аннабель. Сейчас он спросит: почему? — мелькнуло в голове. Надо что-то сказать... — Хотела бы не торопясь подготовиться к Кубку Наций.

— Это, конечно, цель... — протянул Богниц недоверчиво. — А можно политический вопрос? То есть я обращаюсь к вам не как к знаменитым спортсменам, а как к представителям виднейших фамилий Конкордиума. Ваше мнение о завтрашней Конференции Гор и Долин?

— Я отвечу как частное лицо, — сказала Аннабель. — Я считаю, что в нынешней ситуации любые шаги навстречу друг другу надо только приветствовать — и помнить, что есть вещи важнее застарелых обид.

— А я вообще не отвечу, — сказал барон. — Во-первых, я ничего не понимаю в политике, о чем вы, Богниц, прекрасно знаете. Во-вторых, что бы я ни сказал, это будет вразрез с мнением моей семьи — кажется, так получается автоматически.

— Послушайте, Ян, — сказала Аннабель. — Вы тут знаете всех — кто вон тот человек с черной розой?

— О, это же Яппо. Говорят, он *настоящий* маг. Из старых. Я знаю, что его очень боялся покойный король Томас.

— Понятно, — сказала Аннабель.

Значит, вот он какой, этот Яппо, подумала она. Почему-то думала — старик, с бородой, с посохом... Как Хиид — таким он запомнился ей. Впрочем, может быть, это детские aberrации — тогда все, кто старше тридцати лет и выше пяти локтей, казались глубокими стариками и великанами...

— Король Томас, по-моему, боялся всего, — сказал барон. — Даже собственной тени.

— Вот именно, — поднял толстый палец Богниц.

Барон уже набрал в грудь воздуха, чтобы задать вопрос, когда Аннабель перехватила брошенный мельком на них взгляд высокого человека во всем черном и

с черной розой в петлице и положила руку барону на плечо.

— Давайте лучше о скачках, — сказала она. — Или о боксе. Ведь наш друг Ян...

— В прошлом, ваше высочество, в прошлом!

— Не столько в прошлом, сколько в душе, правда ведь, Ян? Вот, допустим, волею судеб вы снова стали спортивным репортером — пари, что будете втрое счастливее, так? Или нет?

— Если с нынешним окладом — о, вдесятеро! Кстати, о пари: хотите свеженький скандал? Помните бой Раулингсон — Ферри? Третьего апреля? В восемнадцатом раунде Ферри проиграл техническим нокаутом?

— Сломал руку, кажется, — уточнил барон.

— Тот самый бой, — закивал Богниц. — Так вот, выяснилось, что оба боксера заключали пари на победу противника! Огромные суммы! Раулингсон дисквалифицирован и по уши в долгах, а Ферри вообще скрылся — но зато с двумя миллионами. Хотя, если его найдут, миллионы ему вряд ли понадобятся...

— То есть руки он не ломал? — приподнял бровь барон.

— Естественно. Массажист в перерыве незаметно впрыснул ему под кожу что-то вызывающее отек, и Ферри осталось только удачно упасть...

— Свинство, — сказала Аннабель. — Массажист его и продал, наверное?

— Нет, — сказал Богниц. — Случайный снимок, и фотограф не сразу обратил внимание...

— Что осталось более или менее честного, — сказал барон, — так это теннис, шахматы, яхты и большие ралли. Все остальное...

— Я сказал бы иначе, — прищурился Богниц. — Бокс, лошади и футбол. Это продано, куплено и продано снова. Все остальное — с вариантами.

— Лошади, — сказала Аннабель. — Знаете, Ян, есть лошади и лошади...

— Я не имел в виду выездку, — сказал Богниц. — Я говорил про ипподром.

— Самый честный вид спорта — это рулетка, — сказал барон. — Ты знаешь, что всегда выигрывает казино...

— Смотрите, это Берт, — сказала Аннабель.

К ним подходил, заранее широко улыбаясь, Берт Яскульский, рыжий и круглолицый; четыре года назад, когда он только начинал свою карьеру, его простецки-легкомысленная внешность страшно мешала ему. Как и островной акцент. От акцента и веснушек он избавился — но не это, конечно, стало причиной его стремительного взлета. Сейчас он был товарищем премьер-министра Маргитании, второго по значению королевства Конкордиума.

По слухам, влияние его в кулуарах власти самого Конкордиума было колоссальным.

— О милая Аннабель, как я рад вас видеть! Лео, я слышал, у вас проблемы? Поговорим за картами. Ян, никаких интервью, я отдыхаю. Что интересного в мире? Господа, позвольте мне похитить у вас принцессу...

Конечно, и Берт с ними, думала Аннабель, увлекаемая мягкой превосходящей силой. Как же без Берта... Она автоматически раскланивалась со знакомыми, окидывала взглядом платья и украшения дам, и вдруг оказалось, что они идут как бы по длинному коридору, в конце которого стоит, вовсе на них не глядя, человек в черном, но в последний момент коридор слегка вильнул, и их пронесло мимо, куда-то ко входу в зимний сад...

— Берт, куда вы меня тащите? — спросила она, оглядываясь.

— Как, вы еще не знаете? У Денниусов зацвела инстрелла. Вы видели цветок инстреллы?

— Я выросла в этом доме, Берт, — сказала Аннабель.

— Ладно. Тогда сами подскажите место, где можно поговорить без посторонних. При этом не пропадая с глаз.

— Значит, то, что нас будут видеть беседующими, — не страшно?

— Предпочтительно. Мои агенты уже распускают слухи о моих матримониальных намерениях.

— Берт, вы совсем не в моем вкусе.

— Вкусы — вещь переменчивая... впрочем, говорить мы будем о другом.

— Тогда поднимемся на галерею.

На галерее слышен был мягкий шорох климатизатора и ощущались токи прохладного воздуха. Пахло подта-

явшим снегом. В зале собралось уже около сотни гостей, разговаривали, пили, знакомились и знакомили, было немало юных дам и молодых кавалеров, и кто-то замечал стоящих на галерее Аннабель и Берта — замечал, обращал внимание, запоминал для последующего перемывания косточек... А что, подумала Аннабель, с их точки зрения — Берт для меня прекрасная партия... как и я для Берта. Принцесса-изгнанница, пожизненная правительница государства площадью в один номер-люкс на территории отеля «Палас», которая не гнушается брать деньги за победы в автогонках... и молодой политик, представитель древнейшего дворянского рода, более древнего, чем коронованные Мартиниусы...

К развлечению гостей меры приняты.

— Так в чем дело, Берт?

Невидящими глазами Берт смотрел куда-то в противоположную стену.

— Отвечайте, — сделала улыбку Аннабель. — Или вы хотите, чтобы я ушла?

— Я хочу предложить вам участие в грандиозном предприятии. Риск колоссальный. Победитель получает всё. Но на кон ставится, пожалуй, не только смертное тело, но и бессмертная душа...

— Заговор?

— Да. Мы хотим вернуть вам корону.

— У меня ее никогда не было.

— Была. Король Евгений за день до смерти тайно короновал вас.

— Не может быть. Я запомнила бы. Мне ведь было уже пять лет.

— Вы были в руках у... мы называем их упырями, но это условно... вы были у них неделю, прежде чем Конкордиум вытащил вас оттуда. Странно, что у вас вообще осталась прежняя личность.

— Берт, вы говорите что-то такое... Может быть...

— Да.

— Что «да»?

— Мы расскажем вам все. В последние несколько месяцев нам удалось добыть немало новой информации об Альбасте, и... это страшно, принцесса. Меры надо было принимать десять лет назад. Я боюсь, что сегодня уже

поздно. Но ничего не делать — тем более нельзя. Сейчас Яппо расскажет нам кое-что... и еще — генерала Паулина вы помните?

— Нет.

— Он командовал внешней охраной дворца еще при вашем отце. Неделью назад бежал из-под ареста. Он сейчас здесь. Поговорите с ним тоже.

Конечно, она помнила этого генерала. Маленькая, она боялась его. У генерала — в те времена, наверное, полковника — был низкий лоб, приплюснутый нос, узкие губы и мощные челюсти. Вечно прищуренные глаза напоминали серые льдинки. Он никогда не улыбался. Люди с такими лицами не меняются десятилетиями и становятся стариками в одну зиму. Похоже, что генерал был на грани этого превращения.

Берт уже замолчал, а Аннабель все пыталась зрительно представить себе хоть что-нибудь из рассказанного: котлованы, на дне которых живут сотни и тысячи людей — абсолютно, идиотически счастливых людей, которым вообще ничего не нужно; живых мертвецов, по ночам патрулирующих улицы столицы; необъяснимые и жуткие перерождения домашних животных и птиц; покинутые, но продолжающие жить непонятной жизнью сёла и города; и брата, короля Германа, до недавнего времени — слабоумного морщинистого мальчика, куклу в руках матери-правительницы... он стал выше ростом и тверже лицом, речи его разумны и указы точны, но никто не может встретить взгляд его глаз и остаться в здравом рассудке...

— Он умер, принцесса, — сказал Яппо, поняв, о чем она думает. — И смерть его души была долгой и невыносимо тяжкой. Снедаемая заживо, она...

— Не надо, — сказала Аннабель. — Я поняла. Но — что мы можем вообще сделать? Если все так...

— С нами Яппо, — сказал Берт.

— Яппо... — Аннабель подняла глаза на мага. — Яппо, а почему вы с нами?

— Потому что могущество тех, кого вы называли упырями, угрожает и мне, — сказал маг.

— Только поэтому?

— Да, только поэтому. Восстановление справедливости в вашем смысле меня не занимает. Меня вообще не занимают людские отношения.

— Хорошо. А чем конкретно вы можете помочь?

— Информацией. В ближайшие дни я буду знать все о сегодняшней структуре Альбаста. Узнав это, я смогу найти для вас способ проникнуть на его территорию. Научу бороться с магией упырей. Возможно, смогу нарушить их системы наблюдения и воздействия...

— Вы говорите — упыри... — начала Аннабель.

— Это вы так говорите, — поправил ее Яппо.

— А как на самом деле? И — кто они?

— Вот этого вам как раз пока знать не следует. Вы же не хотите, чтобы они слышали, что мы тут обсуждаем? В нужный момент я сообщу вам их настоящее имя.

— А пока?

— А пока, принцесса, остерегайтесь красного света. Закрывайте глаза, отворачивайтесь, не смотрите. С его помощью упыри способны перебрасывать людей в другой мир.

— Как это? — хором спросили Аннабель и Берт.

— Ваше активное начало, ваша истинная личность окажется где-то в другом месте, в другом мире, в другом теле. А это тело останется здесь — пассивной игрушкой в руках судьбы. Все будет как раньше, никто не заметит — только противостоять жизни вы уже не сможете.

— Интересно... — протянул Берт. — Об этом писал Келлер, если я не ошибаюсь?

— Да, Франц Келлер. Он умел перемещаться из мира в мир собственной волей. Трактат «Существование» — вовсе не результат употребления африканских грибов арау-рау, как писали его враги...

— То есть, вы хотите сказать?..

— Дорогой господин, давайте отложим лекции до более легких времен. Скажем, через год после возведения принцессы Аннабель на трон Альбаста я готов познакомить вас с полной картиной мира. Правда, это будет стоить вам нескольких лет жизни и множества иллюзий. Хотите?

— Пожалуй, да.

— Я уважаю такие характеры, как у вас. Я буду заниматься вами с удовольствием.

— А мной? — спросила Аннабель.

Яппо покачал головой.

— Я помогу вам взойти на трон. В ученики вы не годитесь.

— И можно узнать почему?

— Нет.

Это было сказано так, что от продолжения расспросов Аннабель удержалась.

— Через несколько минут, — продолжал Яппо, — вам придет в голову такая мысль: а почему мы должны доверять этому человеку — то есть мне — и действовать по его указке? Не преследует ли он свои интересы и не использует ли нас для собственных надобностей? Отвечаю: да, преследую. Использую. Из Альбаста сейчас исходит страшнейшая за всю историю Земли угроза для человечества — в том числе и для меня. В моем плане противодействия этой угрозе одним из основных пунктов значится: вернуть светскую власть в Альбасте живым людям. Сейчас у власти живых нет. Если вы откажетесь, принцесса, мне придется начинать головоломную династическую игру или пытаться создать там республику — что сложно, малонадежно и требует времени, которого у нас и без того практически нет. Если вы согласитесь участвовать в этом деле, вам придется принимать на веру все, что я буду говорить, так как добыча доказательств опять же потребует огромного времени и сил. Вот живой свидетель, — Яппо кивнул на молчащего генерала. — Это чудо, что он здесь, с нами. Чудо вдвойне, что это влиятельный человек, за которым гвардия пойдет на смерть. Я долго не видел возможности нанести поражение упырям. Сейчас эта возможность у нас появилась. Если мы ее упустим, то, я думаю, всем нам лучше умереть как можно раньше...

Стало очень тихо.

— Если вы ждете моего слова... — Аннабель начала и замолчала. Ей даже не было страшно. Как перед лобовым столкновением, которого не избежать. Так уже было однажды. — Да. Разумеется, да.

2. ВИТО

— Докуривай, и пошли, — повторил Стас. Он всегда куда-то спешил, но сегодня это было просто невыносимо.

— Суетишься, — сказал Вито, раздавливая окурок в пепельнице. — Нервничаешь. А смысл?

Стас не ответил. Он прекрасно понимал, что суетиться смысла не имело.

Дверь открылась, и вошли Джиллина и Ноэль Куперман по прозвищу Суперман. Джиллина был в оперкостюме и при полном снаряжении, Супер — в шортах и маечке, с кобурой на предплечье.

— Сидите, сидите, — махнул рукой Джиллина.

— Никак не возможно, — вздохнув, сказал Вито и поднялся с дивана. — В присутствии дамы-с?

Джиллину будто ударили по лицу. Вито догадывался, что слухи о его пристрастиях действительности не соответствуют — иначе не дергался бы так, — но не удержался и ткнул в уязвимое место. Без подготовки. Но Джиллине уже объясняли, и не раз, что неприятательные розыгрыши, принятые, может быть, в армии, здесь, в Корпусе, практиковать не следует. Вот, наконец, Джиллина напоролся на свой камень.

— Брэк, — предупреждая развитие событий, Супер положил руку на плечо Джиллины — и, наверное, не только положил, потому что Джиллина скрежетнул зубами и непроизвольно под рукой подался.

— Не надо, Ноэль, — сказал Вито. — Извини, Джи, сорвалось с языка. Не хотел тебя обижать.

Он подошел к Джиллине и протянул руку. Джиллина через силу протянул свою. Ладонь его была совсем мокрая.

— Идем? — сказал Стас. — Время уже.

— Вот вы тут курите и ничего не знаете, — сказал Супер. — А там приехал Томаш.

— Вот это номер, — сказал Вито. — И что?

— Велено болтаться в пределах досягаемости.

— Ты с ним успел поговорить?

— Я сунулся к нему, но он, знаешь, такой... — Супер изобразил, как Томаш пальцами раздирает слипающие-

ся веки и никого не узнает. — Сказал только, что новостей целый вагон.

— Черт... — Вито вдохнул и выдохнул, чтобы не позволить начаться нервной дрожи. — Знать бы — получилось или нет?

— Думаю, получилось, — сказал Супер.

— Это надо перекурить, — сказал Стас и заозирался.

— У меня «Гренадир», — полез в карман Джиллина. — Давайте по гренадирчику задавим.

Против «Гренадира» возражений не возникло. Помня об эрмеровских приметах, Джиллина своей рукой раздал сигареты, начав с того, кто слева, — с Супера. Супер выцарапал из тесного кармана обшитую кожей зажигалку, прикурил, погасил пламя и подал зажигалку тому, кто слева от него, — Вито. Пытаемся обдурить судьбу, подумал Вито. Это уже даже не смешно.

— Ты их сушил? — спросил Стас, припнувшись к дыму.

— Нет, а что?

— Вроде горчат...

Голос Стаса дрогнул, и могло показаться, что Стас просто поперхнулся, но Вито все понял и среагировал:

— Клинь!

Он повис на правой руке Стаса, на руке, ставшей вдруг железным рычагом, и на миг замедлил движение этого рычага к кобуре, а Супер в прыжке опрокинул Стаса на спину и заблокировал левую руку, и лишь Джиллина ничего не понял и смотрел остоленело, руки Стаса напряглись еще, все тело напряглось и изогнулось, Супер вдруг взлетел в воздух, а освободившаяся рука Стаса впилась Вито в шею, и только тут Джиллина бросился в кучу-малу, пытаясь разорвать хватку Стаса и освободить Вито — и теряя бесценные секунды, — но тут Супер снова оказался рядом, выхватил из патронташа Джиллины гипноген и прижал его к лицу Стаса. Багровая вспышка ударила по глазам, оставив на сетчатке подобие фотографии, и, смежив веки, Вито все равно продолжал видеть то, во что превратилось тонкое нервное лицо Стаса: кровавую вампирью маску. Хватка постепенно ослабевала, по телу Стаса пробегали волны дрожи. Наконец можно стало подняться на ноги.

— Вот так это и бывает, солдат, — сказал он Джиллине. Джиллина сидел на полу, весь белый, зажимая пальцами нос.

— Вовремя ты просек, — сказал Супер. Он стоял на коленях, плотно зажав голову Стаса, и скенером снимал движения глаз. Это позволяло судить о характеристиках разрушенного кодона. — Еще бы секунда — и все.

— Я с утра на него косился, — сказал Вито. — Что там получается?

— «Матрешка», естественно. Лиловый снаружи, внутри, кажется, желтый. Киллер прогрыз наружный слой — ну и...

— Дерьмо наши киллеры. Пора пойти и набить морду Алеку. Уже полгода обещает сделать новый киллер.

— Где он мог его поймать? — пробормотал Супер. — Бережемся ведь, как монашки...

— Кумулянт, скорее всего, — сказал Вито. — Черт, как он меня сдавил...

— Но ты молодец, толстый. Мне бы такую реакцию.

— Ладно, не прибедняйся.

— Какое... Ну, Джи, как тебе все это?

— Неслабо, ребята... — Джиллина пошмыгал носом, обтер пальцы о брюки. — Так я и не понял, кто мне двинул.

— Похоже, что я, — сказал Супер. — Ты в следующий раз не в потягушки играй, а за гипноген хватайся. Учили тебя, учили...

— Да я же знаю... на тренировках — все правильно делал...

— Ничего, Джи, — сказал Вито. — Нормально. Тренировки тренировками, а научиться можно только на поляне. Если за месяц не сморгнут тебя — станешь эрмером.

— Это я понимаю...

Супер отложил скенер и похлопал Стаса по щекам.

— Эй, старый, подъем! Просыпайся!

Стас поднял голову. Взгляд его был мутный и неосмысленный.

— Стас! Ты меня слышишь?

— М-да? Что? А, это ты... чесночная твоя душонка... что?

— Просыпайся, просыпайся. Нам всем пора к Стрептоциду.

— Не знаю такого... Пусти, я сплю. Я пьян и сплю.

— Желтый, — прокомментировал Супер. Вито и сам понял это. Кодоны желтого спектра вызывали сильнейший выброс эндорфинов, и клиника постдеструкционного синдрома напоминала банальное опьянение. На поляне, случалось, это приводило к серьезным ошибкам.

— Что делать, пусть спит, — сказал Вито. — Давай-те-ка, ребята, я вас проверю на всякий случай.

Через полтора часа наконец все, кого это касалось, собрались в «бункере» — особо изолированном помещении в пристройке. Попастъ туда можно было только с помощью специального лифта, управляемого с центрального поста охраны. В случае чего оттуда же, с центрального поста, в бункер подавался усыпляющий газ.

Автономный стац-эрм гудел и попискивал, загружаясь. Томаш нервно рассказывал перед ним, потирая пальцами виски. Выглядел Томаш плохо. Нос заострился, скулы торчали, глаза ввалились и горели. Со щек не сходил лихорадочный румянец. Вито, увидев Томаша, прямо спросил — и получил прямой ответ, что да, Томаш ввел себе «джерри» — род лилового кодона семисотого разряда, который вызывает сильнейшее постоянное возбуждение; вот уже неделю он ходит под «джерри», возможно, нахватался чего-нибудь еще, но проверку и освобождение придется отложить хотя бы до вечера, потому что тогда он сразу уснет — и все, а дело не терпит отлагательств. Но ты уж, Вито, дружище, приглядывай за мной — вдруг...

Всяческие «вдруг» случались все чаще — хотя техника становилась все более совершенной, а методики — отлаженными. Несмотря на введенные программы-киллеры, на ежеутренние проверки гипногенами, на поощряемую склонность обращаться за проверкой по малейшему подозрению, несчастные случаи с эрмерами продолжались. То, что только что было со Стасом, относилось к рядовым и легчайшим инцидентам. В прошлом году была волна смертей от остановок сердца в момент проверки — как оказалось, примитивнейший се-

рый кодон соответствующим образом модифицировал киллер. С этим научились справляться, но весной появились многослойные кодоны, и киллер, разрушив внешнюю оболочку, высвободил то, что было внутри. Первой их жертвой в Корпусе стал, похоже, Поплавски. Почувствовав усталость и раздражение, он решил, что поймал простой лиловый кодон, попросил кого-то освободить его — и вдруг учинил побоище на этаже, убив четверых и четверых ранив, после чего застрелился сам. Снятая с остывающего мозга ноограмма показала, что височные, теменные и затылочные поля охвачены сверхвозбуждением, и можно только догадываться, что он видел и с кем сражался в свои последние минуты... После этого все стали в обязательном порядке сдавать оружие при проверках, но смертельные случаи продолжались. Бергель сразу предложил перевооружить Корпус — чтобы пистолеты стреляли не пулями, а капсулами с парализующим веществом. Почему-то оказалось, что существующие виды оружия для такой переделки не годятся, и только к осени новые револьверы «серпент» начнут поступать — сначала для натуральных испытаний.

Что ж, а пока — надежда в основном на то, что за несколько секунд до эксплозии человек начинает вести себя немного необычно и это удастся заметить тому, кто стоит рядом...

Эрм издал сигнал готовности, загорелся глазок лазерной головки — и в воздухе повисло изображение того, что Томаш слепил из грязи, осевшей на фильтрах городской информсети.

Вито присвистнул, втягивая воздух. Ноэль ударил себя кулаками по коленям. Не до конца проснувшийся Стас бормотнул неразборчиво, но энергично. Старик Вильгельм встал. Кароль и Бергель одинаковыми движениями взяли за подбородки. Только стажеры, Джиллина и Гектор, ничего толком не поняли. Впрочем, усмехнулся про себя Вито, все остальные тоже вряд ли поняли.

Свертка кодона — условная проекция его свойств на трехмерную сетку — напоминала по форме немного удлиненного морского ежа. На концах некоторых игл были утолщения, а одна из игл, изгибаясь, возвращалась в тело, образуя нечто подобное ручке чайной чашки.

— Разряд порядка четырех тысяч, — на глаз определил Ноэль. — И цвет от желтого...

— Разряд у этой хреновины — восемь тысяч четыреста тридцать пять плюс-минус пятнадцать, — перебил его Томаш. — А цвет меняется от синего до инфракрасного. Вот так... — Он провел рукой над пультом, и свертка пришла в движение; иглы сдвинулись и поплыли к основанию «ручки», укорачиваясь, но делаясь толще, и на самой «ручке» сглаживались и исчезали; а из воронки, обнаружившейся с противоположной от ручки стороны, стали появляться подобия лунных кратеров, между которыми змеились узловатые корни.

— Это же по типу бутылки Клейна! — сказал Вильгельм. — Односторонняя поверхность.

— Именно так, — сказал Томаш.

Кратеры собрались у основания «ручки», превратившись в бородавки, а поверхность кодона вокруг воронки стала зеркально гладкой.

— А ведь это артефакт, Том, — сказал Вито.

Томаш молча кивнул.

— «Черный шар», — добавил Ноэль. — Вот и дождались...

Год назад Ноэль, Вито, Томаш и покойный Сихард в обстановке самой неформальной родили идею о возможности возникновения «черного шара», неуловимого и неуничтожимого кодона; название родилось по аналогии с «черным кубом» — возбудителем компьютерной чумы две тысячи второго года. Занявшись проработкой этой темы, они нашли огромное количество дыр в фильтрах и разработали несколько возможных моделей «черных шаров»; правда, тогда они исходили из предположки, что «черный шар» должен иметь возможно меньший разряд, так где-то на уровне полусотни, для лучшего прохождения через фильтр. О том, что могут существовать такие вот выворачивающиеся полиморфные кодоны, тогда просто не догадывались. Тогда о многом не догадывались. Это были как раз последние дни стабильности: киллеры успешно разрушали все известные виды кодонов, а фильтры не менее успешно их все задерживали, и о «черном шаре» заговорили, в общем-то, только для того, чтобы произвести впечатле-

ние на дам. Дамам было наплевать, но идея запомнилась...

— Покажи, где исходный материал, а где ты додумал сам, — сказал Вильгельм.

— Додумал вот это, — Томаш показал на утолщение в виде буквы «Н» у конца длинной иглы; гладкая поверхность втянулась внутрь, и кодон вновь походил на морского ежа. — Когда я допер до этой штуки, остальное сложилось само.

— Разверни, посмотрим.

— Довольно простой синий кодон двухсотого разряда. Вызывает положительные эмоции, легкую эйфорию и легкую потерю ориентации в пространстве. Но вот вкуче со всем прочим выступает, можно сказать, сборщиком.

— Именно сборщиком, Том? — решил уточнить Вито.

— Тут двухступенчатый процесс, — сказал Томаш. — Вначале синий играет роль пассивного центра адгезии, и в результате формируется агломерат, не имеющий свойств кодона, но активно собирающий те фрагменты информантов, которые мы условно назвали грязью...

Парень и вправду нахватался чего-то, подумал Вито, говорит, как лекцию читает. Или это его научное окружение так испортило?..

— ...агломерат же, в свою очередь, выступает в роли активного сборщика, полностью формирующего данную структуру.

— Сколько времени занимает полный цикл? — спросил Ноэль.

— Сорок часов.

— Процесс идет на фильтре?

— Да.

— Я думаю, нам нужно, не теряя ни минуты, перенастроить фильтры так, чтобы они задерживали синие кодоны, скажем, от сотых до тысячных — и аннигилировали их без запроса.

— Задание группой Рацека получено.

— Это может оказаться долгой историей... — сказал Вито.

— А что ты предлагаешь?

— Можно попробовать сделать обманку и запустить...

— Это тоже долго. Пока сделаешь и проверишь...

— Кстати, о проверках, — вспомнил Вито. — Том, какой у него эффект?

— Не знаю, — сказал Томаш.

— Ты что, не пробовал его?

— Сам — нет. Ты же видишь, какой я. Дважды вводил лаборантам. Непонятно. Внешних проявлений почти никаких. Становятся... спокойнее, что ли. Послушнее. Вялость появляется. Легкая такая вяловатость. Реакция ухудшается, рефлексы замедляются — совсем немного. Аберраций восприятия нет. Так что эффект неясный...

— Освободил легко?

— Вроде да. Но я не вполне уверен, что освободил. Очень маленькая разница между...

— То есть может оказаться так, что он действует не сразу?

— Может. За парнями, конечно, наблюдают.

— Слушайте, а может быть, у этой штуки вообще нет никакого эффекта? — предположил Вильгельм. — Произошел качественный скачок, и кодон такой степени сложности на мозг уже не действует?

— Зачем-то же его лепили, — сказал Томаш.

— Ладно, ребята, — сказал Вито, — все равно надо проверять. Давайте быстренько с этим разделаемся — а потом, по результатам, будем соображать, что делать.

— Можно подойти еще с другой стороны, — подал голос Кароль. — Проверить грязевые источники.

— Если удастся, — сказал Томаш. — Я уже пробовал — правда, наспех. На ком испытает? — Он огляделся.

— На мне, естественно, — сказал Вито.

— Почему это вдруг: естественно, на тебе? — спросил Ноэль. — Что это ты себе за привилегии придумываешь?

— Никаких привилегий. Просто я первый сказал. Реакция у меня хорошая, ты же знаешь. Или ты решил, что я так проявляю свой антисемитизм?

— Я к тебе никогда не привыкну, — сказал Ноэль.

— Привыкнешь когда-нибудь... Держи пока. — Вито стянул с плеча кобуру, подал Ноэлю. Тот принял ее

двумя руками. Нозль с величайшим уважением относился к оружию. До Корпуса он был снайпером в спецбатальоне федеральной полиции. — Поехали, Том.

— Поехали, Чип. — Томаш на счастье назвал Вито старым прозвищем. — Будем жить.

— Будем жить... — Вито улыбнулся.

Свертка кодона исчезла, эрм запел, и на месте «морского ежа» появился туманный экран, постепенно набирающий яркость свечения. Потом светящийся туман поплыл навстречу, Вито привычно расслабился, отдаваясь этому движению, не отвлекаясь на причудливые мгновенные картины, возникающие по краям поля зрения, — он знал, что подсознание фиксирует их, накапливает, а когда они накопятся и сольются, произойдет нечто... еще неизвестно что; надо ждать красного пятна... вот оно: рубиновый глаз, широко раскрывшийся навстречу, и в нем — алые и багровые волны, разбегающиеся от центра и в бесконечность... Вито повис над ним, над этой пылающей бездной, преломил страх — и рухнул вниз. Пробил багровое вязкое ничто — и вдруг с костяным стуком ударился лбом...

— Фу, ч-черт... — Он протер глаза; казалось, все окутано туманом. В комнате было полутемно. Он так и уснул за столом, уронив лицо на скрещенные руки. Сколько же времени?... Половина четвертого. От долгого и, похоже, неудобного сидения ноги затекли и начинали отходить. Он застонал от боли. Наконец это прошло. Доковыляв до окна, он посмотрел на солнце.

Сквозь голые ветви берез солнце было отчетливо видно: яркий ободок и темная бахромистая клякса в центре. Кажется, сегодня ободок стал еще тоньше...

Только на восходе и закате солнце выглядит прежним...

В дверь поскреблись, а потом стукнули тихонько, кончиками пальцев: та-та-та-та-та. Он зашарил по карманам в поисках ключа.

— Это я, Дим Димыч, — сказали за дверью. — Оськин.

— Сейчас, Оськин, ключ найти не могу...

Ключ оказался на столе. Под конвертом из грубой оберточной бумаги.

Оськин проскользнул в дверь. Дима выглянул в коридор, прислушался. Никого.

— Принес? — шепотом спросил он. Оськин кивнул.

Одет Оськин сегодня был импозантно: выношенная школьная курточка, застегнутая на единственную пуговицу, не скрывала кроваво-красной надписи на зеленоватой футболке: «СОСА-COLA». Коричневые трикотажные штаны были в пятнах краски и пузырились на коленях. На впалом пузе тускло поблескивала латунная пряжка флотского ремня. С ремнем в руках Оськин был непобедим.

— Принес? — повторил Дима, не поверив.

Оськин завел руки за спину и стал там что-то делать, напряженно улыбаясь. Наконец он извлек из-за спины матерчатый сверток со свисающими полосками лейкопластыря, положил его на кровать и отошел на шаг, оправляя майку. Дима осторожно развернул ткань.

Там лежали пять чайных ложечек, вилка, половинка браслета, портсигар, смятая ажурная вазочка, моток проволоки, два полтинника двадцать пятого года чеканки, перстень, серьга в виде полумесяца, подстаканник и часы-луковица с толстой цепью.

— Шестьсот пятьдесят граммов, — сказал Оськин с гордостью.

— Ну, ребята!.. — присвистнул Дима.

— У бабки Егорышевой самовар есть, — сказал Оськин. — Кило на два, не соврать. Не дает. Вот, говорит, если бы власть собирала... Может, побазарите с ментами, Дим Димыч?

— Побазарю, — сказал Дима. — Мать ничего не передавала?

— Вроде нет. Смурная она какая-то...

— Засмурнеешь тут.

— Пойду я. Выпускайте.

— Ну, счастливо. Благодарность тебе от имени штаба.

— Да ну. Пятерки на выпускном — вот так бы хватило! Дима засмеялся.

— Год впереди — накачаю тебя на пятерку.

— Это не так интересно, — засмеялся в ответ Оськин. — Вот на халяву бы. На халяву, говорят, и укус сладок, а?

— А еще говорят: тише едешь — морда шире. Беги. А то засекут тебя здесь...

Дима выглянул в коридор, убедился, что никого нет, и пропустил Оськина мимо себя. Прячемся уже просто по привычке, подумал он. Оськин, умудрившись ни разу не скрипнуть половицей, свернул на лестницу. Дима дождался, когда хлопнет входная дверь, запер замок и вернулся к столу. Шестьсот пятьдесят граммов... Он свернул ткань — застиранную фланельку, похоже, четвертушку старой пеленки. На рубашку одной пули уходит два грамма. Если Оськин добудет и самовар... Ладно, это пока мечты. Что нам пишут? Он вскрыл конверт. Как и в предыдущие дни — голубоватая, очень тонкая бумага. Черные чернила. И его, Димин, почерк...

«Мой тебе привет и наилучшие пожелания! А также поздравления: ты включен в список. Впрочем, этого следовало ожидать: тебя с ходу назвали восемь из Одиннадцати. Как понимаешь сам, это — не только честь, но и хлопоты, и дальняя дорога, и, может быть, пиковый интерес. Будь готов ко всему. Неизвестно, как долго продержатся сами Одиннадцать, напор все нарастает, оракулы же, по обыкновению, либо молчат, либо говорят банальности — которые постфактум будут признаны эталоном провидческой мудрости. Такие пророчества сбываются при любом исходе дел. Кассиус передает просьбу: присмотреться к жене Архипова. По всем константам она из Неизменных, но либо латентна, либо предпочитает находиться вне игры. Либо... понимаешь сам. Постарайся вызвать ее на разговор о древних цивилизациях, древних знаниях — возможно, тогда что-то прояснится. Но не нажимай слишком — если она латентна, а ты вызовешь сдвиг, то на тебя все и выльется. Действуй мягко, осторожно, ненавязчиво. Да, и еще: телефон 2-1-2 больше не ответит. Там все кончено. Остались 2-8-6 и 2-9-0, это Стасик Пионтковский и Маша Чепелкина. Постарайся остаться в живых. Ты нам очень нужен».

Как и вчера и позавчера, Дима испытал вначале оторопь, потом — чувство, что написанное чрезвычайно важно, потом — странное, тайное, недоступное самому понимание, понимание, вызывающее мутный, багровый жар в затылке. Сквозь этот жар он видел, как руки сами мнут письмо и тянутся за спичками... Потом все кончилось.

Он растер тонкий пепел и долго сидел неподвижно, уставясь сквозь стекло, сквозь голые, как зимой, костяно-белые ветви на дальние сопки, на высокий правый берег Ошеры, на огромный вековой кедр над крышей больницы. Как в темном котле, кипели какие-то мысли, чувства, предчувствия, и постепенно со дна поднималась, вытесняя все прочее, горькая спокойная гордость, ясное понимание того, что да, теперь все решено и подписано, все будет так и никак иначе, я сам того хотел и к тому стремился, и продолжаю хотеть и стремиться, я предупрежден о неминуемых последствиях, но решение остается прежним... что-то подобное он мог бы сказать, если бы кому-то нужны были эти слова. Но никто его не слушал и не слышал. А потом раздался громкий стук.

Бросив в сумку сверток с серебром и проверив, в кармане ли нож, Дима отпер дверь. На пороге стоял капитан Ловяга.

— Добрый день, Дмитрий Дмитриевич. Разрешите войти?

— Входите. Садитесь вон... — Дима показал на стул. — Чаю хотите?

— Пожалуй что нет. Я хотел еще порасспросить вас о делах этой ночи...

— Попробуйте. Но мне кажется, я сказал все, что знал. Добавить нечего.

— Наверное. Допускаю, что вы рассказали все, что знаете по конкретному убийству. Но давайте расширим круг тем, что ли. Вообще все, что происходит, — как вы расцениваете?

Дима хотел ответить резкостью, но сдержался. Ночью он пытался тыкать Ловягу носом в вопиющие нарушения обыденности, но тот, как кот Базилио, изображал из себя слепого и говорить хотел только о пяти сольдо...

— Вы «Солярис» читали? — спросил он.

— М-м... давно. Подзабыл уже. А что?

— Там события происходят с несколькими людьми. С тремя. И материализуются воспоминания — то, что хочется забыть. А у нас — двенадцать тысяч человек. И материализуются страхи.

— Как это — материализуются? Каким образом?

— Не знаю. Честно говоря, меня это даже не очень интересует.

— Не понимаю. Ведь в этом все дело! Выяснить причину...

— И устранить ее? Знаете, Родион Михайлович, я больше чем уверен, что устранить причину будет не в наших силах.

— Почему вы так в этом уверены?

— Как сказать... Если все происходит вне нас и независимо от нас — как учит диалектический материализм, — то, значит, мы имеем дело с физикой, до которой еще не доросли. Вон, взгляните на солнце... или взять этот барьер вокруг города... Если же все происходит в нашем сознании, то дело еще безнадежнее: в поисках причин мы заберемся лишь в собственные дебри. Наконец, если правы мои пацаны и над нами ставят эксперимент инопланетяне... или кто-то еще, неважно... то, думаю, они позаботились о том, чтобы ни до целей эксперимента, ни до методики его мы не докопались...

— То есть — все бесполезно?

— Я бы сказал — бессмысленно.

— И в рамках этого убеждения...

— Давайте вспомним, как это началось, — предложил Дима. — Черные машины и ночные аресты. Вы, как я понимаю, к этому причастны не были... Потом — волки. Потом — окаменевшие. И дальше — как снежный ком... Страх — это великая сила.

— Хорошо. Допустим, я согласился. Что дальше? Дальше-то что?

— Перестать быть стадом. Подавить страх. Уничтожать все эти... материализации. Тогда, может быть, удастся переломить... Если не удастся — нам всем конец. У вас есть какое-нибудь оружие?

— Только «макаров».

— А вообще в городе?

— У милиции шесть автоматов и десяток пистолетов. У военкома два автомата. Охотничьи ружья — почти в каждом доме.

— Вот и взялись бы — отряды самообороны, патрули по ночам... Побольше шуму. Это отгоняет страх.

— Допустим... А вы — лично вы — что намерены делать?

— А я, — усмехнулся Дима, — как всякий беспринципный интеллигент, собираюсь пойти наперекор всему тому, что только что вам говорил, и добраться до первопричины. Только не просите, чтобы я что-то объяснял. Здесь все так накручено... Впрочем, действуя в том же направлении — преодолении страха. Может быть, чуть более интенсивно, чем предлагаю вам.

— На всякий случай держите меня в курсе.

— Вряд ли это необходимо... Кстати, кто у нас сейчас власть?

— Не знаю. Я, наверное, еще Василенко, потом военком... все.

— Удрали остальные?

— Удрали. Возле барьера горкомовский «уазик» стоит, черный весь, а внутри что-то шевелится. Я не стал подходить.

— Правильно. В общем, объявляйте мобилизацию, объясните, что нужно ходить с оружием... пусть лупят во все, что подозрительное.

— Ладно, это мы обговорим.

— Главное — чтобы не жались по домам и не боялись.

— Попробуем. Вы собирались идти куда-то? — Ловяга кивнул на Димину сумку.

— Да, в школу.

— Я провожу, не возражаете?

— До школы. Там, внутри, — я один.

— Разумеется...

Выпустив Ловягу в коридор, Дима присел на корточках и мелом на полу начертил пятиконечную звезду — лучом к порогу. Так его научила Леонида. Ловяга с удивлением смотрел сверху.

— Вы что — верите в это?

— Здесь и сейчас — да.

— Хм...

— Поймите же, черт возьми, — с накатившим раздражением заговорил Дима, — мы попали в ситуацию, в которой весь наш опыт — ноль, и прежние знания — ноль, и вообще здесь все абсолютно другое, а что похоже

на прежнее, так оно обман... Представьте, что наш город — декорация, поставленная на другой планете, и об этой планете мы знаем только одно: тут все иначе — понимаете? Все по-другому. Непредсказуемо. И надеяться можно только... только на... — Дима замолчал. Ловяга осторожно смотрел на него, и Дима понял, что капитан боится, но еще не осознает собственного страха. Боится услышать что-то такое, что испепелит последние его надежды... — В общем, забудьте, кто вы есть, забудьте все — и смотрите так, будто видите все впервые...

— «Взглядом младенца смотрите на тени, и ошибки богов откроются вам», — сказал Ловяга. Дима сделал вид, что не обратил внимания на цитату. — С другой стороны, Дмитрий Дмитриевич, если ваши рассуждения верны... получается, мы сами себя запутываем, и это идет по нарастающей, правильно?

— Да. Тихо! Смотрите!

Они уже спустились на первый этаж и были в шаге от входной двери. Дима помнил, что дверь хлопнула, когда выходил Оськин, — пружина была очень сильной. Теперь она стояла открытой настежь, пружина растянулась; так делали иногда, чтобы проветрить подъезд: подпирали дверь кирпичом. Сейчас ее ничто не удерживало.

— Что такое? — шепотом спросил Ловяга.

— Не понимаю...

Ловяга достал пистолет, снял с предохранителя; держа стволом вверх, сделал несколько мелких шажков к двери.

— Не ходите, — сказал Дима. — Тут что-то не так.

Они стояли и смотрели в проем, слыша только дыхание друг друга. Им виден был свежий, недавно обновленный дощатый тротуар, кусочек плотно утрамбованной гравийной дороги и дом напротив — такой же черный двухэтажный барак послевоенной постройки. Потом послышались звуки: медленное цоканье копыт. Оно приблизилось, и Дима вдруг почему-то взял Ловягу за рукав и потащил назад, вглубь, в темноту подъезда. Они прижались к обитой дерматином двери первой квартиры, Дима увидел пломбу и вспомнил, что за этой дверью ночью зарезали азербайджанского парня Максуда и кро-

вью его написали на стене: «За Сумгаит!» — и еще какие-то значки, похожие на армянские буквы, — но не армянские буквы, это Дима знал твердо. С тех пор прошла, кажется, вечность, и даже Ловяга, похоже, перестал подозревать в убийстве армянских строителей-шабашников, работавших в леспромхозе... тем более что до них не добраться...

Наконец звук копыт — неимоверно громкий — достиг высшей точки, и Дима увидел человека в черных очках, ведущего в поводу громадного коня. Конь шел, опустив голову, и при каждом его шаге вздрагивала земля. Он был неопределенной масти, Диме показалось — серо-розоватый. В седле, сгорбившись, сидел кто-то с головой укрытый черным покрывалом. Эта процессия не могла быть в поле зрения больше трех-четырех секунд, но почему-то они все шли, и шли, и шли, и грохот копыт заполнял собою все на свете... Наконец это кончилось. В наступающей тишине возник какой-то новый звук — рядом. Дима с усилием перевел взгляд на Ловягу. Капитан скрежетал зубами. В полумраке глаза его казались огромными.

А потом из-за открытой створки двери вышла крыса. Встав столбиком и наклонив голову, она долго и напряженно вглядывалась в сумрак подъезда. «Стреляй», — шепнул Дима. Ловягу не слушались руки. Крыса повернулась, еще раз посмотрела внимательно, словно запоминая, через плечо, и ушла. И тут же дверь с грохотом захлопнулась.

— Ключ! — клацнул Дима, и капитан его понял. Замок опломбированной квартиры сдвоенно щелкнул, Ловяга скользнул в приоткрывшуюся щель, Дима за ним. Привалившись к двери изнутри, Дима перевел дыхание. В подъезде послышался мягкий множественный шорох.

Дима крошащимся мелком нарисовал на двери звезду Давида, а на полу — пентаграмму. Не забыть взять в школе мел, этот кончается...

— Боже мой... — прошептал Ловяга. Он стоял на пороге комнаты, в которой был убит Максуд. Дима заглянул в комнату через его плечо.

Внутри мелового контура лежавшего здесь тела творилось что-то дурацкое: растущие из пола тонкие све-

тящиеся нити, похожие на нежную плесень, дрожа, то складывались в лежащее навзничь тело с откинутой головой, и лицо его менялось, переходя от мучительного оскала к странной умиротворенности, — то вдруг тело исчезало и появлялся кусочек городского пейзажа: угол большого дома и маленький домик, кусты и деревья, тротуар, переходящий в лестницу, неподвижные фигурки: мужчина с собакой, женщина в шляпке, мальчик на трехколесном велосипеде и тоже с собакой...

— Пошли, — Дима тронул Ловягу за плечо.

От окна он оглянулся: пятна крови в углу и кровавые буквы на стене поросли той же плесенью, и там тоже происходило какое-то движение, но фигурки были слишком мелкие и разбираться в них было некогда. Ловяга потянулся к шпингалету, но Дима поймал его руку, подышал на стекло и пальцем изобразил на туманном пятне рунный знак «двойной лев». Стекло рассыпалось на мелкие осколки и вылетело наружу, будто с той стороны внезапно исчез воздух. С подоконника Дима спрыгнул на завалинку, а с завалинки — высокой, почти в полтора роста, — на землю. Капитан последовал за ним.

Дворик Диминого дома был тесен и весьма покат; отсюда начинался склон лощины, выходящей к Ошере пониже пристани. Но идти по лощине Диме решительно не хотелось. Поэтому, проскользнув под забором по сухому водостоку в соседний двор, он круто свернул направо, к жалкому огородику бабки Мамаихи, выдернул из грядки две недозрелые чесноковины, одну сунул в карман себе, другую подал капитану. По почерневшим от времени доскам они прошли мимо мамаевского осевшего набок домика. На калитке ворот Дима мелом изобразил тот же рунный знак, но ничего не произошло. Тогда он отворил калитку и вышел в переулок.

Переулок был пуст. Неимоверная чистота повсюду и скелеты деревьев над крышами придавали пейзажу вид незаконченной декорации.

— Слушайте, — шепотом сказал Ловяга, — откуда вы все это знаете?

— Объяснили, — не вдаваясь в подробности, ответил Дима. Он оглядывался по сторонам, стараясь почувство-

вать обстановку. Тишина была неполной, и это тревожило. Впрочем, полная тишина тревожила бы еще больше.

— Но надо же всем... чтобы все знали...

— Делается, — сказал Дима. Он посмотрел на часы. Было без четверти пять. — Уже напечатали, наверное. К ночи разнесут.

Загавкали впереголосок собаки. Гавкали смущенно, презирая себя за пережитый страх.

— Вы мне что-то начали говорить там, на лестнице, — сказал Дима. — Что-то интересное. Но нас прервали.

— Напомните.

— Ну, вы процитировали «Черный посох», а потом начали подвергать критике мою гипотезу...

— Да-да, что-то же пришло тогда в голову... забыл. Вроде того, что если ваша теория верна, то те, кто вызывает к жизни те или иные страхи, будут становиться их первыми жертвами, и постепенно все пойдет на убыль...

— Выгорят дрова, да?

— Можно и так сказать. После гибели какого-то наиболее образованного слоя изоощренные кошмары исчезнут, и останется что-то примитивное...

— Уж не думаете ли вы ускорить этот процесс?

Ловяга споткнулся. Диму вдруг затошнило. Ловяга не заслуживал таких слов. Впервые увидев его, Архипов сказал: «Странно: гэбист, а глаза людские». Ловяга был по-настоящему озабочен теми исчезновениями пацанов и сумел даже организовать прочесывание тайги. До последних дней он был убежден, что имеет дело с какой-то террористической группой, избравшей далекий Ошеров учебным полигоном. В общем, от подлеца Петрунько он отличался диаметрально...

— Извините, Родион Михайлович, — сказал Дима. — Мне не следовало этого говорить. Я не думаю так.

— Я понимаю, — сказал Ловяга. — Я не обижаюсь. Надо быть в ответе...

Из переулка они свернули на Коммунистическую. Улица, на которой жил Дима, была Ленина, а переулок — Колымским. Вся слободка называлась Колымой. Это был один из ошеровских анекдотов: от Ленина к коммунизму путь лежал только через Колыму.

— Я тогда еще вот что хотел сказать, — вспомнил Ловяга. — Вы говорите: страх. А эти деревья? Или солнце, луна? Или барьер? Ну барьер еще туда-сюда, а пыль и мусор куда делись? В этом-то какой страх?

— Нечеловеческий, — сказал Дима. — Я подозреваю, что в нашем городе уже не все жители — люди.

— Хотел бы я знать, кто из нас сумасшедший, — с тоской сказал Ловяга.

— Я пришел, — сказал Дима. — Думаю, мы еще увидимся сегодня. И вот что: попробуйте позвонить 2-86 или 2-90. Не знаю, что из этого получится...

— Хорошо, — сказал Ловяга. — Тогда мы не прощаемся...

Школьную калитку украшала замысловатая рунная фраза, которой Дима не знал. Но нанесена она была явно рукой Леонида, поэтому Дима вошел смело и двинулся по песчаной дорожке мимо зарослей татарской жимолости — единственного, кроме травы, растения, оставшегося зеленым, — к школьному крыльцу. Некоторое время он чувствовал на себе взгляд капитана; потом это прошло. Ступени тоже были испещрены. На крыльцо он подниматься не стал, а пошел в обход, к котельной. Дверь в котельную была запечатана тавром царя Соломона. Дима постучался особым стуком и на вопрос: «Кто?» назвалсЯ:

— Третий.

Почему-то вдруг, пока с той стороны гремели засовом, он испытал острую необходимость оглядеться. Не оглянуться, а именно оглядеться. Слева, за голыми деревьями и зелеными кустами, проступал забор, черная литая решетка с поднявшимися на задние лапы львами. Клумбы пылали настурциями. Там, где забор кончался, виднелись такие же литые чугунные перила лестницы, ведущей под обрыв: там, на обширной террасе, было продолжение школьного двора. Стадиончик и тому подобное. Дальше берег уже окончательно обрывался к воде, но отсюда Ошера была не видна — только справа, далеко, блестел кусочек ее черного зеркала. Прямо же, рукой подать, будто это и не противоположный берег судоходной реки, возвышалась светло-серая, в мелкую крапинку, осыпь, а над осыпью нависал сплошной, по-

хожий на мох, еловый ковер. Дальше, образуя горизонт, шли полусферические, как каски, сопки с редкими светлыми проплешинами. Небо было равномерно белесым и излучало свет. Касаясь угла школьного здания, висело солнце — призрачным кольцом. Почему-то сильно пахло разогретой хвоей — как в бору в солнечный безветренный день.

— Входите, Дим Димыч, — сказали ему.

Снимки были отличные, четкие, и, перебирая их, Дима думал: это вторжение. Вторжение. Вторжение... Ах, как славно, если это действительно вторжение! Как это легко и понятно. Это то, чего мы даже немного ждем и к чему исподволь готовы. Просто гора бы с плеч... и не ломать голову над темой возвращения старых богов в завершение шеститысячелетнего единобожеского цикла... Голос Леонида был странно безжизнен тогда, и лицо не менялось. Великие битвы полыхали в долине Иордана, и под ударами адептов Яхве пали города Адме, Севоим, Гоморра. Почитающие богов пантеона держались только в Содоме, за его неприступными стенами. Все меньше их становилось... В ослабленные голодом и огнем сердца вкрадывалась слабость, и кто-то, не вынеся мук осады, открыл ворота врагу. Две ночи и день шла резня на улицах города, и рушились поруганные храмы. Лишь храм Ашеры, богини-воительницы, стоял неприступной цитаделью среди пожаров и крови. Высоко над стенами его поднималось божественное древо. А когда оно вспыхнуло, подожженное смоляными горшками, ворота храма открылись, и плечо к плечу, по двенадцать в ряд, вышли закованные в медь жрицы. Короткие мечи они погружали в тела пьяных вином и кровью победителей, боевыми косами смахивали головы с их шей. Неудержим и страшен был их поход, и много воинов легло им под ноги. А когда они захватили и окружили кольцом городские ворота, по пробитому ими коридору пролетела конная сотня — это высшие жрицы уносили ветви и семена божественного древа. И когда конные скрылись в ночи, пещие воительницы перестали убивать... Много лет торговали ими на рынках от Египта до Шумера и дальше — до самой страны Шэнь, требуя

огромную цену за редкую красоту и умопомрачающее искусство любви. А конные жрицы ушли в земли хеттеев, и след их преследователи потеряли. Шесть лет длился великий поход: по землям эниан, молоссов, дагаев и дальше — в край людей, не знающих меди и обычаев, но искусных в кремнях и кости; из них жрицы брали себе мужчин, мужей и проводников, а потом убивали их, чтобы не оставлять о себе ненужной памяти. С коней жрицы пересели в лодки и плыли по рекам, великим и малым, по воде и против воды, и остановили движение лишь тогда, когда в живых осталось одиннадцать из тех, кто вырвался когда-то из подплывающего кровью Содома. Одиннадцать — это был наименьший счет для того, чтобы вырастить божественное дерево. И семя дерева опустили в землю и поочередно полили своей кровью, пока росток не дал третьего побега. Но зимние морозы убили росток. И тогда весной вместе с новым семенем божественного дерева опустили и иное семя — семя растущей здесь исполинской сосны с длинными хвоями, собранными по три. И сущность дерева перешла в росток этой сосны, и сосна выросла и уцелела. И рос вместе с ней храм — в глубину, в мягкий пористый камень сердцевины холмов. И стали сменяться поколения в тихой неторопливой жизни здесь, на краю тайги, над прекрасной рекой, под сенью вечного дерева...

Ашерей-мужчины били в тайге зверя, чтобы есть его мясо и греться его мехом, и добывали плоды деревьев, подобных вечному дереву, чтобы вкус мяса никогда не наскучил; а женщины, метательницы стрел, взымали дань с воды и неба. И не переставал куриться жертвенный очаг у подножья дерева, и одиннадцать жриц, меняя смертные тела, продолжали свое вековое служение. Каждая имела посвящение зверю: вепрю, быку, льву, коту, волку, коню, оленю, серне, крысе, обезьяне, агнцу. И только над своими зверьми имела власть жрица-воительница... Племя росло не быстро, потому что, благодаря содомским обычаям, каждая женщина имела лишь столько детей, сколько хотела сама и сколько позволяли жрицы, — но все же росло и расселялось по реке вверх и вниз, одолевая в мелких стычках и больших войнах приходящих иногда с Большой реки врагов, ибо боевое

искусство храма Ашеры стараниями жриц не забывалось никогда... И так, почти в неизменности, ашерей прожили половину срока, назначенного старыми богами для своего возвращения...

Беда пришла с Большой реки. На тысяче лодок приплыло с низовьев и поселилось на берегах ее племя, называющее себя Охон. Они поклонялись медвежьей голове, знали огонь и медь и были невозможно любопытны. Их нельзя было прогнать, от них не удавалось отгородиться. Повадки и обычаи их, шумные, веселые и простодушные, показались привлекательными многим молодым ашерейам... Сменилось всего одно поколение, и царь ашереев перестал считаться с Храмом, а следом за царем — и многие из народа. Но придя однажды с огнем, они нашли лишь обрушенные входы... Просто к тому времени Храм был уже устроен так, что коридоры его и переходы пронизывали и времена, и пространства. И жрицы, рассеявшись по необъятному миру, все равно присутствовали в Храме. Меняя смертные тела, они продолжали служить вечному древу — до завтрашних дней, до исполнения пророчеств, когда старые боги в блеске своем и величии возвратятся в этот мир, — но прежде того через открываемые врата хлынут толпы порождений тьмы, бегущих от богов... и жрицам предопределено погибнуть в этой последней битве, ибо не могут державшие мир воспользоваться плодами своего служения...

Дима перетасовал фотографии, сложил в конверт. На него смотрели.

— Я возьму? — спросил он.

— Конечно, Дим Димыч, я много наделал, — солидно сказал Иван. — Берите.

— Как вам все это?.. — жадно спросил Павлик; глаза у него горели.

— Очень может быть, — сказал Дима. — Особенно те, где паровоз тащут...

— А зачем им паровоз понадобился, как вы думаете?

— Никак не думаю.

— Для балласта, — сказал Иван. — Чтобы не качало.

Этот узкоколейный паровоз валялся бог знает сколько лет у подножия Серафимовской сопки, километрах в десяти от города. На фотографии он как бы плыл над

землей, оплетенный светлыми ветвящимися лианами. Перед паровозом и позади него шли двое — чем-то неуловимо отличающиеся от людей.

— Это ведь полное доказательство, Дим Димыч, правда? — не унимался Павлик. — С этим уже не поспоришь?

Дима пожал плечами. Совсем не хотелось втягиваться в дискуссию, тем более что Павлика переубедить — дело безнадежное, так он бредит всякими прищельцами... И вдруг Дима испытал странное ощущение: как будто долго-долго звенело в ушах и он к этому притерпелся и научился справляться — и вдруг звон прекратился. Что-то подобное случилось сейчас с его мыслями, но что именно — понять было нельзя, и осталось только чувство облегчения...

— Снимали, значит, с Сивой горки... — начал он, но тут в дверь постучали условным стуком.

— Это Танька, — сказал Иван и пошел открывать.

— В общем, так, Павлик, — сказал Дима. — Задание на завтра: поднимись на Катеринину сопку и сделай круговую панораму. Постарайся успеть до полудня. Потом — сюда. Договорились?

— А зачем?

— Есть одна мысль...

По лестнице спустились Иван и Татьяна. Иван, галантный кавалер, шел первым и нес Татьянин рюкзачок.

— Тяжеловато вам будет, Дим Димыч, — ухмыльнулся он, взвешивая рюкзачок на руке. — Постаралась девушка...

Поставленный на стол рюкзачок тяжело и глухо звякнул.

Татьяна молча откинула клапан, распустила узел. Связками по семь штук, до самой горловины лежали латунные гильзы.

— Пороха три банки, капсюля и девять пачек снаряженных патронов, — сказала она. — Все на дне.

— Танюха! — Дима прижал руку к сердцу.

— Да ладно, — сказала Татьяна. — А это вам, как обещала...

Она повернулась к Диме спиной и задрала свитер и майку до лопаток. Прямо к телу полосками пластыри

был прикреплен пистолет. Дима осторожно отодрал пластырь. Потертый зеленоватый «ТТ» с деревянными накладками...

— Ну, Танюха, у меня слов нет, — сказал Дима. — Спасибо тебе.

— Патронов только одна обойма, — сказала она.

— У Василенки попрошу.

— Не говорите только, откуда ствол.

— Я еще не...

Долгий вибрирующий звук, идущий то ли сверху, то ли из-под ног, заставил его замолчать. Все прислушались, переглянулись. Звук не повторялся.

Дима завернул пистолет в газету и опустил в сумку. Шуршание бумаги было неприятно громким.

— Пойду посмотрю, — наконец сказал Иван. Пашка молча пошел за ним.

Татьяна улыбнулась — полурадостно, полувиновато. Дима взял ее руки в свои и поднес к лицу. Пальцы Татьяны пахли металлом и ружейным маслом. Дима поцеловал их — все по очереди. Татьяна провела кончиками пальцев по его щеке, потом приподнялась на носочках и губами коснулась губ. Тут же отпрянула и сделала знак: тихо! По лестнице кубарем скатился Пашка.

— Идемте, там такое!.. — он не закончил и снова бросился вверх.

Там, наверху, в дверях стоял Иван в позе вратаря, пропустившего наилегчайший мяч. Что-то было не так, но что именно, Дима понял только оказавшись под открытым небом. Само небо. Он уже успел за последние дни привыкнуть к равномерно светящемуся белесоватому куполу. Сейчас небо приобрело сиреневый цвет и гнусно мерцало, как ненагревшаяся кварцевая лампа. Солнце, которому положено было быть за школьным зданием, висело прямо перед глазами: даже не багровое, а вишневое, огромное, лохматое по краям и с темным, почти черным зрачком в центре. Кровавый глаз...

Это безумное солнце, возникшее в неподобающем месте, вдруг высекло в Диме вспышку какой-то темной безжалостной радости. Что-то с чем-то сходилось, он получал ответы на не им заданные, но в нем звучащие

вопросы... Мосты сожжены... Обратной дороги нет... Занавес подымается... Багровый глаз гипнотизировал его, притягивал, звал сделать шаг... И тут Татьяна закричала.

Она кричала дико и показывала рукой куда-то левее, Дима оглянулся и тоже заорал: из кустов к нему боком, по-крабьи, бежал огромный, с собаку размером, паук. Бежал он, к счастью, помедленнее собаки, и Дима успел влететь в дверь и захлопнуть ее изнутри, и прыгнувший паук с грохотом ударился в нее. Дверь в котельную была двойная: наружная, обитая железом, открывалась наружу и запиралась на засов; внутренняя, фанерная, открывалась внутрь и не имела ни засова, ни защелки — ничего, только проушины для навесного замка, да и те с той стороны! И оставалось только налегать на нее всем весом и стараться удержать, не дать открыться... Заскребли когти. Лом, лом тащите! — закричал Дима. Ребятишки посыпались вниз. Паук ударил еще раз, гораздо сильнее, Дима чудом удержался на ногах. Одолею ли я его ломом?.. Черт, иметь бы пару секунд — тогда можно закрыть наружную дверь... Но пары секунд не было. Паук ударил опять. Казалось, в дверь с силой метают пудовые гири. Мальчишки бежали обратно, один с ломом, другой с дворничьим ледорубом: топором, наваренным на железную трубу. Дима взял ледоруб. Дождался, когда паук ударит снова, досчитал до трех и распахнул дверь, поднимая оружие, — и понял, что проиграл. Пауков было два, один пятился от двери, другой шагах в семи подобрался для прыжка — и прыгнул. Дима попал в него — в самую морду. Тупое лезвие застряло в хитине, ледоруб чуть не выбило из рук. Паук с хрястом, ломаясь, врезался в косяк, а Диму отбросило на несколько ступенек вниз — он еле устоял на ногах. Второй паук метнулся ему на грудь, и он успел только заслониться, громадные жвалы сомкнулись на стали, когти впились в плечи и бока, передние короткие лапы тянулись к лицу и почти доставали, и страшная, сводящая с ума вонь не позволяла вдохнуть, и Дима давил, давил, давил из последних сил, уже ничего не понимая и ничего не видя, — и вдруг оказалось, что схватка кончилась, что он встает, царапая ногтями по стене, а у ног его валяется бледным брюхом вверх этот безумных размеров паук, и

лапы его вразнойгой сгибаются и разгибаются, брюхо подрагивает, а из брюха вываливается и падает на пол толстая, как веревка, паутина. Он видел это как бы сверху, с большого расстояния — а потом внезапно вернулось все. Дима согнулся, и его вырвало желчью. По стенке он кое-как отодвинулся от этого кошмара, и тут оказалось, что паутина прилипла к штанам, и это было выше всех сил — его опять чуть не стало рвать, но он все-таки сумел переломить себя, нашарил под ногами какую-то палку и кое-как отодрал плотно прилипшую гадость. Только после этого он смог осмотреться.

Иван стоял, сунув руки в карманы, и изредка икал, а пончик Пашка, обняв лом, рыдал в углу. Суровая Татьяна с «ТТ» в опущенной руке стояла над ним и отрывисто повторяла: «Сопля. Сопля. Сопля».

— Танька! — выдохнул Дима.

— Ништяк, — проворчала она. — Говорила же — берет их обычная пуля. Аргентум, аргентум...

И тут Диму настигла настоящая боль.

Он кряхтел и стонал, когда Татьяна раздевала его, когда промывала из чайника раны, бормоча: «Хуже рыси, хуже рыси, ей-богу...», когда перевязывала его же и Ивановой разодранными рубашками. А потом боль как бы отдалилась, и стало легче — если не двигаться.

— Еще один, — вдруг будничным тоном сказал Иван. — Пончик, давай сюда лом.

Дима, вскрикнув, вскочил и оглянулся. Но это был не еще один. Это был все тот же. Он полз, цепляясь правыми ногами и стуча костяным телом о ступени. Левые ноги волочились, как хвосты.

— Погодь лом, — сказала Татьяна.

Она передернула затвор, подняла двумя руками пистолет на уровень глаз и выстрелила. Заложило уши. Паука подбросило на ступеньку вверх, секунду он будто бы балансировал, потом покатился и распластался у подножия.

— Берет их свинцовая пуля! — с нажимом повторила Татьяна. В звоне, наполнявшем подвал, голос ее прозвучал странно.

— Это дневная тварь, — из своего угла сказал Пашка. — А то о ночных речь шла.

— А ты бы помалкивал, боец, — сказала Татьяна. — Не обоссался хоть?

— Танюха, не надо так, — сказал Дима. — Не добивай его. Мало ли что по первому разу бывает?

— Когда бы по первому, — сказала Татьяна. — А то...

— Сам не знаю, что со мной, — сказал Пашка. — Не боюсь, не боюсь, не боюсь — а потом как лопнет что...

— Все это лирика, — сказал Дима. — Давайте как-нибудь выбираться отсюда.

3. МИКК

Девочка провела его в комнату без окон — впрочем, в этом доме нигде не было окон, — предложила посидеть на диване и вышла. Диван был неплох, но Микк все равно не сумел откинуться на спинку — сидел, склонившись чуть вперед и твердо упершись ногами в пол. В любой миг он мог вскочить. Здесь это ни к чему, но сбросить напряжение он был не в состоянии. Вернулась девочка — принесла чай и печенье. Чай был густой и без сахара. Кип не забыл. Кип много чего забывает, но как раз такое помнит железно.

— Он ничего не говорил? — зачем-то спросил Микк.

Девочка молча покачала головой и ушла. Странная девочка. Похожая на мягкую рыбку.

Микк потрогал портфель. Еще почти горячий. А здесь хорошо, прохладно. Правда, пахнет какой-то дезинфекцией. Прошлые разы, кажется, не пахло. Или пахло? Он стал вспоминать. Снова вернулась девочка и поставила на стол букет цветов.

— Чем это пахнет? — спросил Микк.

— Фильтры новые, — сказала девочка. — Утром меняли.

Ушла.

Вот так, подумал Микк. То ли пахнет новыми фильтрами, то ли пахнуть ничем не может, а значит, мне кажется. Галики идут. Или, как теперь их называют, нашки. Тот парень, Аспес, упоминал о запахе. Резком и на что-то похожем. Запах тревожил и отвлекал — перебиваемый ароматом цветов, еще сильнее, чем прежде.

Что скажет Кип? Интересно, что скажет Кип? Микк стал представлять себе все возможные ответы Кипа. Это мгновенно надоело, но остановиться он не мог. Надо выпить, подумал он. Надо срочно выпить. Граммов сто. У Кипа должно быть. По крайней мере, спирт есть наверняка.

Как же долго он моется...

Он только успел подумать об этом, как дверь открылась и вошел Кип, доктор Кипрос Эф Маренго, в одних белых шортах и шлепанцах, с огромной черного стекла бутылью в руке. Запах дезинфекции усилился.

— Привет, ковбой! — сказал он, протягивая щетинистую руку.

— Привет, жопорез! — Микк эту руку пожал. Несколько секунд они давили друг другу кисти, и Микк победил как всегда — но ему почему-то показалось, что Кипрос поддался.

— Примем в организм, а? — предложил Кипрос, встряхивая бутыль.

— Я что, когда-нибудь отказывался? — вернулся на диван Микк.

Вот теперь он смог сесть нормально: откинувшись, заведя за голову руки, положив ногу на ногу... Лет десять назад на курсах социальной гигиены — занесло же, запоздало удивился Микк — лектор доказывал им, что алкоголь на организм практически не влияет, а влияет ритуал: добывание бутылки, ожидание, разлив, тост... На следующую лекцию вместо воды ему налили чистого спирта в стакан. Порезвились.

Но вот надо же — не пил, а полегчало...

В бутылке оказался ромовый пунш. Кипрос поверх бокала подмигнул Микку.

— Ладно, — Микк поставил пустой бокал на журнальный столик; получилось слишком громко. — Что скажешь?

— Что скажу? — переспросил Кипрос. — Что тут можно сказать... Мне кажется, что это не артеноны... Ты знаешь, что такое «артенон»?

— Существо искусственной природы, — сказал Микк.

— Примерно так... да. Так вот: я надеялся — надеялся, старина, действительно надеялся, — что это те твари, которых сделала группа Лорана. Не слышал про

это? Артеены-насекомые, которые питались бы всяческими отходами... Потом оказалось, что они не отличают отходы от двуногих прямоходящих... Мозгов-то нет. Два ганглия, и все. Я участвовал в ликвидации лаборатории. И было это в позапрошлом году. Так вот, я надеялся, что это те... Оказалось — только похожи. Хромосомный набор совсем другой, я уж не говорю про анатомию... Мутанты, Микк. Явно мутанты. С теми — я знал, что делать. Этих берет только серная кислота.

— Мутанты? Это что — из-за радиации?

— Если б я знал... Вряд ли — лучевые мутации калечащие, а здесь все гладко. Кроме аппарата размножения. Редуцирован почти до ничего. Как у рабочих пчел.

— Что же они — рой? Семья?

— Думаю, да.

— Очень мило...

— Зато можно прихлопнуть матку.

Микка передернуло. Он с детства почему-то терпеть не мог ни муравьев, ни пчел. Именно из-за того, что они размножаются таким мерзким конвейерным способом. К паукам и тараканам он относился спокойно.

— Я подозреваю, что тут без генного инженеринга не обошлось, — продолжил мысль Кипрос. — Но он какой-то... несистемный. Логики не чувствую. То есть чувствую, но это не логика. Как будто... Давай еще тяпнем.

— Давай.

— Это как шифр: понятно, что для чего-то цифирки стоят именно такие. Но для чего именно... При этом цифирки бегают и всё подряд жрут. Даже стекло. Ты видел, что они в той бутылке почти прогрызли дыру?

— Нет. Дыру? Не может быть...

— А то, что в бензине две недели жили, — это может? Абсолютно без кислорода. Высшие анаэробы — точнее, облигатные анаэробы... не бывает. Но есть. Жрут всё и всё усваивают. Не удивлюсь, если обнаружится, что и элементы синтезируют. Надо добыть их еще.

— Да, — с уважением сказал Микк. — Это ты здорово придумал. Как охотиться будем? С борзыми или с таксами?

— С подсадной! — взорвался Кипрос. — Какого дьявола! Не делай вид, что не понимаешь! Ты все... — Он внезапно замолчал и снова потянулся к бутылке.

— Мне хватит, — сказал Микк. — А то усну. Неделю уже...

— Кофе будешь?

— Да, пожалуй.

— Флора, кофе господину сыщику! Побольше и покрепче!

Забавно, подумал Микк, я почему-то никак не могу заставить себя задать вопрос, а он уже знает этот вопрос, знает ответ — и молчит. Значит, все плохо...

Два часа назад он просмотрел материал, полученный от Купермана. Запись была сделана в конце июня в палате псионического центра. Сам инцидент произошел сутками раньше. Пострадали — фобический шок третьей степени — два эрмера. Их привели в сознание, накачали транквилизаторами и сняли показания.

Первый, Бруно Аспес, сорока лет, имеющий двадцать восемь месяцев горячего стажа, производил жутковатое впечатление. Так выглядел бы биоробот с подошедшим к концу ресурсом. Бумажные глаза и равнодушная прерывистая речь — будто человек говорит не сам от себя, а переводит, весь уйдя в слух, неслышимые другими фразы. — „Получив информацию, что в полицейском участке района Хикон находятся мужчина и женщина, оба в состоянии глубочайшего испуга или, как мы это называем, фобического шока, отправились туда с Карлом Сониным... Информацию передал полицейский по фамилии Йерико, я его знал по предыдущей работе... Мы надеялись успеть раньше скорой помощи, чтобы произвести скенирование, поскольку скорая при подобных случаях всегда вводит наркотики, после чего скенирование невозможно... Но мы не успели, пострадавших уже увезли в больницу, начав подготовку к методу Штольца—Гусмана... Тогда мы отправились по месту жительства этой пары, в участке мне сообщили фамилию и адрес, но сейчас я их не помню... Карл остался в машине, а я прошел у него проверку и вошел в дом, соблюдая обычные меры предосторожности... Мне показалось, что в доме стоит странный запах, который я не могу определить... В спальне было почти темно, потому что на окнах висели плотные металлизированные шторы... Вроде бы запах усилился... Сначала мне показалось, что на

полу лежит мохнатый ковер... Но этот ковер шевелился, я остановился, чтобы рассмотреть... В одном месте он поднимался на стену примерно на высоту моего роста, а в углу комнаты, немного выглядывая из-под ковра, лежало еще что-то... что-то непонятное, я даже не могу его описать... Оно шевелилось и шуршало, как бумага... И все. Больше я ничего не помню.

Второй, Карл Сонин, девятнадцати лет, стажер. Коротко стриженный мальчишка с упрямым ртом и крепкой шеей. Сумел обездвижить беснующегося Аспеса, но применить гипноген не смог — не хватило рук. Тогда принял решение: доставить Аспеса в распоряжение Корпуса, а поскольку источником заражения могли стать именно служебные каналы связи — сделать это без предварительного уведомления. Оглушенного Аспеса он посадил на переднее сиденье, приковал наручниками к двери и на большой скорости погнал на ближайшую эрмеровскую базу. По дороге он пытался восстановить речевой контакт, но безуспешно: Аспес говорил, но понять его было невозможно. Потом боковым зрением Карл уловил какое-то движение. Он повернул голову: по лицу Аспеса ползали длинные извивающиеся тараканы. Именно длинные извивающиеся тараканы. Казалось, они выползают из носа, изо рта... лицо Аспеса было неподвижно, глаза закатились, он был как мертвец и говорил как мертвец. И Карл уверен, что было помимо этого что-то еще, чего он не запомнил, потому что у него крепкие нервы и ни тараканов, ни говорящих мертвецов он не испугался бы... не испугался бы так. Было что-то еще... Карл Сонин резко затормозил прямо на разделительной полосе, выбросился из машины, упал, сломав ногу, бежать не мог, но полз куда-то... счастье, что его не раздавили. Их отвезли в тот же полицейский участок и позвонили в Корпус. Прибывшая дежурная группа пыталась применить гипноген — безуспешно. Проверка скенером показала, что кодон чрезвычайно низкоразрядный, но необычного цвета — его с ходу окрестили инфракрасным. Поэтому пришлось загружать пострадавших наркотиками и перенастраивать гипноген. Лишь на следующее утро попытки освобождения дали результаты... частичные, как оказалось: Бруно Аспес через неделю повесился, а Карл Сонин резко

переменился: стал вспыльчив и одновременно медлителен; псионики не гарантируют выздоровления.

Микк поймал себя на том, что разглядывает Кипроса: сине-бритый череп, синие полосы на месте бровей, уже начинающие обрастать щеки и подбородок. Когда Кипрос был помоложе и роскошной шевелюрой приманивал девушек сильнее, чем маяк — перелетных птиц (с тем же, кстати, исходом), — ему приходилось бриться дважды в день... зато — только лицо. Сейчас он сидел, обхватив сплетенными пальцами голое колено и, вытянув губы, беззвучно дудел себе под нос. И Микк понял вдруг, что Кипрос страшно напряжен, напряжен еще больше, чем он сам, но зачем-то играет роль, нацепив маску прежнего Кипа...

— Что случилось, Кип? — тихо спросил он. — Что-то с?..

— Да.

— Когда?

— Последний раз я видел ее неделю назад. Соседи сомневаются — четыре дня не видели или пять...

— Полиция?

— Как всегда.

Вошла девочка, неся огромную коническую колбу, до половины полную густой черной жидкостью. Микка тут же накрыла волна запаха — настоящего кофейного.

— Спасибо, Флора! — Микк испытал острый позыв чмокнуть девочку в щеку, но удержался.

— Пожалуйста, — не улыбнулась в ответ девочка.

— Она что, всегда такая? — спросил Микк, когда девочка вышла.

— Это племянница Агнессы.

— Боже...

Они помолчали. Потом Микк налил — осторожно, тонкой струйкой, чтобы не треснуло стекло, — кофе в бокал. Пальцы никак не хотели сжиматься, рука подрагивала, но он пересилил себя и довел дело до конца.

— А теперь рассказывай, — глядя на него поверх своего бокала, сказал Кипрос совсем новым голосом. — До чего докопался?

— Докопался... — Микк сделал глоток, обжигающий сладкий комочек камешком упал в желудок. Почему-то бросило в пот. — Докопался вот, понимаешь...

И он стал рассказывать, перебивая себя, о том, до чего докопался — в самом прямом смысле слова — за последние дни, и о том, что из этого, возможно, следует. О февральском скандале с заменой главврача скорой помощи и о первом приказе нового главврача, бывшего полковника медслужбы, бывшего начальника секретной лаборатории так называемого «Центра Меестерса» Ладислава Савицкого: согласно этому приказу при фобическом шоке врачам линейных бригад предписывалось не подпускать к пораженным сотрудников любой медицинской службы — а кому, кроме эрмеров, это надо? — и немедленно вводить наркотики. Тогда фобического шока было мало, единичные случаи, — и эрмеры, кстати, справлялись с ними лучше медиков. Так что был странен и сам приказ, и то, что уже в апреле фобический шок стал одним из самых распространенных диагнозов, и даже шок четвертой, критической, степени случался едва ли не ежедневно... Тогда же, в апреле, участились исчезновения людей — правда, заметили это по-настоящему только в мае—июне. В большом городе такие случаи бывают постоянно, кого-то убивают преступники, кто-то уходит из дома, начиная новую жизнь, кто-то умирает там, где его долго не могут найти... тем более это часто случается в этом безумном городе с его закрытыми зонами, которые только считаются безлюдными... Но в апреле стали массово пропадать люди состоятельные, имеющие свои дома, как правило — одинокие пенсионеры, хотя и не только... И вот, если все случаи таких исчезновений нанести на карту, а потом на нее же, но другим цветом, — те точки, где «скорая» поднимала людей в состоянии фобического шока четвертой степени, то лягут они в прямоугольник размерами три на семь километров, в этакий коридор, соединяющий закрытые кварталы района Лимен с закрытой же зоной, которую в просторечии называют «Чертовой лапой». Именно там, над «Чертовой лапой», взорвался тот самолет, из-за которого добрую треть города пришлось эвакуировать. Но бог с ним, с самолетом. Пройдя по домам, из которых пропали люди, Микк — представлявший где страховым агентом, где просто желающим купить или арендовать недорогое жилье — обратил внимание на то, о чем

не было информации в сводках: дома эти были только деревянными. Ни каменных, ни кирпичных, ни гипсоблочных, ни бетонных. Только деревянные. В одном из них он нашел ту самую бутылку, где в бензине плавали два длинных десятиногих таракана. Он вручил их Кипросу и, чувствуя свежесть следа, двинулся дальше. Но самое интересное он нашел, чуть свернув с тропы — случайно. Благодаря несчастью — если можно благодарить несчастье. Умер клиент — три дня назад. Отставной полицейский майор Ланком был найден в своем — деревянном! — доме, когда сосед — тоже бывший полицейский — прибежал на выстрелы. Ланком лежал, скорчившись, у порога. В правой руке был зажат револьвер, полицейский «смит-вессон» тридцать восьмого калибра. Пять патронов были израсходованы, шестой цел. Одна пуля разбила висевшее на стене зеркало, четыре попали в стену-перегородку, пробив ее насквозь. Микк, подходя к дому, увидел только, как увозят тело. Лицензия позволяла Микку осматривать места происшествий, да и полицейский следователь оказался нормальным парнем, не из тех, для которых нет злее врагов, чем частный сыщик и адвокат. Да, следователь слышал, что у майора пропали сын с женой... так это вы их ищете? И как успехи? Понятно... А теперь и сам, бедняга... врачи говорят — инсульт. Поймал, наверное, кодон, что-то померещилось — стрелять стал... много ли старику надо? Конечно... если что найдете — зовите... И Микк нашел. Но звать полицейских не стал, а пришел вечером... Позади дома была вырыта яма метра два глубиной, все ее, конечно, видели — яма и яма, мало ли зачем хозяин роет яму? Прямо под стеной. Ветряк, может, хочет поставить, сейчас многие ставят ветряки... То, ради чего была вырыта яма, напоминало корень, идущий из земли, изгибающийся и тремя ветвями растающий в фундамент. Ветви были толщиной в большой палец, у дна ямы корень был с руку, а то и потолще. Нож по нему скользил, как по стеклу, лопата отскакивала. Микк углубился еще на полметра и наткнулся на разветвление. Чуть более тонкая ветвь уходила под дом, проникая, должно быть, в подвал. На следующий день он продолжил раскопки и обнаружил еще четыре ответвления.

Сам корень стал толщиной с хорошее бревно. Потом копать стало невозможно, так как появились родственники и чиновники из мэрии. Микк пришел ночью и при свете фонаря алмазной ножовкой перепилил самую тонкую ветвь. Она была полый, как он и ожидал. Для того чтобы исследовать материал, Микк сделал еще один пропил, но в последний момент отпиленный кусочек выскользнул из рук и упал в яму. Просвет в трубе был с мизинец, стенка трубы на распиле напоминала чугун. Из трубы шел сильный запах, напоминающий запах горящего полистирола. В свете фонаря были видны вылетающие пылинки. Микк спустился в яму за упавшим куском «корня», увидел его, наклонился — и тут произошло что-то странное: оказалось, что он стоит на мосту через Лайву и смотрит вниз, и что еще только закат..

Микк дошел до этого места и замолчал, ожидая, что Кипрос скажет: поищи психиатра... или что-то в этом же духе — но Кипрос молчал и смотрел куда-то мимо, и непонятно было, слышит он или нет, и Микк вылил в свой бокал тепловатую жижу со дна колбы, плеснул туда немного из бутылки, взболтал и выпил, и лишь тогда Кипрос посмотрел на него и спросил неожиданно:

— Ты с Дедом давно разговаривал?

— Давно, — подумав, ответил Микк.

— Давай съездим к нему. Я уже месяц собираюсь...

— А зачем? Что мы ему, собственно...

— Он умный, Микк. Он старый, но голова у него отличная. Не нашим чета.

— Не замечал, признаться.

— Он просто не показывает этого. В смысле — не выпячивает. Но если его как следует раскрутить, можно услышать дельные вещи.

— Н-ну...

— Он не боится, например, делать выводы. А вот я, например, боюсь. И он, мне кажется, многое понимает. А я не понимаю. Так что давай возьмем бутылочку, возьмем пожрать чего-нибудь...

— Послушай, речь ведь пойдет о вещах, которых он просто не может знать. Бывший церковный сторож — что он понимает в генетике?

— У Деда, между прочим, еще довоенный диплом Технической Академии плюс пожизненный полковничий чин инженерных войск. С правом ношения формы. В сторожа у него был уход. Как в кокон. Говорит, что нигде лучше не думалось, как на кладбище лунной ночью. А ты думал — он так... самородок?

— Да ничего я не думал.

— Врешь — думал. Ладно, сейчас я оденусь..

Снаружи было темно и душно — двойной контраст со светом и свежестью лабораторного корпуса. Зеленые цифры на фасаде, в числе прочего, показывали температуру: плюс тридцать три. Парниковый эффект, черт бы его побрал, подумал Микк, жара и постоянная влажность — но нет дождей, трассы циклонов сместились к югу, и дожди идут над морем. Интересно, что же нас, в конце концов, доканает: парник, озоновые дыры, насекомые-мутанты, эпидемии... Зверь, железная саранча, вода, ставшая желчью? Голод? Урожаи снижаются; пока выручает техника, но как долго это может продолжаться?..

Кипрос закончил формальности с пропуском Микка и вышел следом.

— Ты на машине?

Микк покачал головой:

— После этих дел... не решаюсь водить.

— Понятно. Тогда ловим такси.

— А твоя?

Кипрос махнул рукой.

Такси они поймали за углом, и Кипрос сказал адрес Деда.

4. НИКА, ИЛИ АННАБЕЛЬ

К вечеру второго дня маленький отряд вышел наконец к излучине реки. Этого ждали — и все равно получилось неожиданно: только что был лес, еловый, темный, едва проходимый, — и вдруг деревья остались за спиной и вместо пружинящего мха под ногами оказался щебень осыпи, уходящей к самой воде. Вода была темной, без бликов. Сразу потянуло холодом.

— По одному — за мной, — сказал Яппо. — Смотрите на меня и делайте так же.

Он просунул посох под мышку и, опираясь на него, как на хвост, поехал по осыпи на широко расставленных ногах. Потревоженный щебень покатился следом, догоняя и обгоняя его, засыпая ноги по щиколотку и выше, — но Яппо доехал до самого низа, не покачнувшись даже, отошел чуть в сторону и махнул рукой.

Следующим пошел Берт. Он изобразил что-то вроде слалома, вызвав обвал посильнее предыдущего, и чудом вывернулся из-под каменной волны там, внизу, в последний миг запрыгнув на край русла осыпи. Яппо сказал ему что-то резкое, и Берт виновато покивал, прижимая руки к груди.

Генерал спускался в точности так, как показал Яппо. За генералом спустился Ваиз. Последней была Аннабель.

Берт уже разделся и стоял теперь, ежась от холода, лицом к реке. Генерал сбрасывал с себя одежду быстро и деловито, а Ваиз вдруг зарделся — и, заразившись от него, вспыхнула Аннабель. Она знала, что им предстоит, но не думала, что это будет так стыдно.

— Скорей, принцесса! — сказал Яппо. — У нас нет лишних секунд.

Аннабель кивнула и дрожащими пальцами принялась развязывать шнурки берестяного плаща. Потом стянула через голову свитер из грубой нечесаной шерсти, сбросила войлочные сапоги и, задержав дыхание, распустила узел на поддерживающей юбку веревке.

— Мазь! — сквозь долгий звон пробился голос Яппо.

Она полной горстью зачерпнула из берестяного туеса вязкую, пахнущую медом мазь и принялась размазывать по телу. И там, где мазь касалась кожи, исчезало чувство холода и стыда. И уже свободно она намазала спину Берту и повернулась, чтобы и он помог ей. Яппо быстро собрал сброшенную одежду в кожаный мешок, добавил туда несколько тяжелых камней, размахнулся и бросил — мешок, еле видный, упал где-то на стремнине, подняв фонтан брызг.

— Лицом к воде, скорее!

Все опустились на колени и, как учил Яппо, обхватили себя за плечи и наклонились вперед низко, как

только возможно, — чтобы лицо нависло над водой. Аннабель вдруг поняла, что не чувствует тела — а лишь камни под коленями. Вода заблестела, как покрытая лаком. В ней, даже стоячей, прибрежной, обнаружились два течения: одно, голубое, уходило вправо, вниз, к океану; другое, прозрачно-черное, быстрое, пульсирующее, из океана, из самых его глубин вело к вершинам гор, к истокам реки, а оттуда дальше — в зенит, в темное горное небо, впадая в вены медленных великанов, шагающих куда-то с известной лишь им целью... Черные волны накатывались, наполняя и раздувая виришь, как оболочку аэростата, несуществующее тело, и в какой-то миг Аннабель поняла, что давно уже не стоит на берегу, а летит, кружась, среди таких же аэростатов, мягких и почти бесформенных, и лаковая вода блестит то сверху, то снизу, и сквозь нее видны блестки, или звезды, или солнца, или лица, этого было нельзя понять, потому что взгляд не мог ни на чем остановиться. Делалось темнее, но это была не темнота ночи; странные, непохожие на снег хлопья закружились вокруг. Пурпурное мятое пятно проплыло наискось перед лицом, потом еще раз и еще, становясь все отчетливее и ярче, приближаясь и увеличиваясь, а Аннабель вдруг вспомнила предупреждение Яппо о красном свете и закрыла глаза. Исчезло все, лишь на изнанке век черным серебром проступили незнакомые буквы, обозначающие приближение конца пути. И это было так, скорость потока стала предельной, пульсация — переходящей в гул, и Аннабель, приоткрыв глаза, вновь зажмурила их, не в силах вынести смешения неистовых цветов. А потом в беззвучном грохоте столкнувшихся планет ее подняло, закрутило — уже телесную, тяжелую, живую — и понесло низко над землей, и уронило в обжигающий снег, и ничего больше не было очень долго...

Ее поднял на ноги холод, пронзительный, необоримый холод, и она вскочила, застонав от жуткой боли в перестывших мышцах. Голая, она стояла на дне засыпанной снегом ложины — одна. Потом рядом зашевелился снег, и встал генерал. Остальные, сказала она, не чувствуя рта и не слыша голоса, но генерал, наверное, услышал или понял так, потому что шагнул вперед, наклонился

и погрузил руку в снег, и рядом с ним встал Ваиз. Берт, закричала она, Берт, Берт! Я здесь, сказал за спиной чужой голос, она оглянулась — нет, это был все-таки Берт, Берт... Куда, куда идти? За мной, идите за мной, сказал генерал и пошел, проваливаясь по бедра, по ложине вверх, и все двинулись за ним. Больно было невыносимо. Аннабель казалось, что ноги ступают по битому стеклу. Она падала, садилась в снег, но тут же вставала — сама — и шла дальше. До пещеры полмили, сказал Яппо, и эти полмили вам надо пройти... Было легче умереть, чем их пройти. Аннабель кричала и плакала, и рыдал за спиной Берт, а Ваиз лег в снег и не вставал, его поднимали, теряя последние крохи накопленного движением тепла, и поднимали, и он пошел, а потом вдруг стало все равно, и притупился холод, и ног не стало вообще, чужие механические подставки, а вокруг был только снег, а прямо впереди — синие вершины до половины неба. И они прошли бы мимо пещеры и погибли, если бы не Берт, он увидел вход и стал звать, а когда не слышали — обогнал всех, силой повернул и повел к красновато-серой проплешине, скрытой за ледяным бастионом. Аннабель еще успела увидеть черное круглое отверстие и слабый парок, идущий от него, и больше она ничего не помнила.

Просто была темнота — и всё.

Потом вновь возникли время, звук и свет.

Время пришло с ударами сердца. И это был не единственный звук: раздавались еще мокрые шлепки капель и ритмичное бульканье. А свет исходил от широкого желтого язычка огня, питаемого неизвестно чем. И были ни во что не складывающиеся световые пятна. И все это было ничем, потому что ничего не означало. И так прошло много лет.

— Я понял, что вы очнулись, — сказал откуда-то голос Берта. — У вас изменилось дыхание.

Аннабель шевельнулась, и вернулось осязание. Но ожидаемой вспышки боли не было, к удивлению, и Аннабель шевельнулась сильнее, попыталась поднять руку... Рука слушалась, но двигалась с трудом, будто одолевая что-то вязкое, и вдруг Аннабель — сразу — поняла, что лежит в какой-то грязи, теплой и плотной,

а голову ее придерживает ладонями Берт. И огонек лампы, освещающей своды пещеры, тоже стал ясен и понятен. И звуки, множество тонких звуков, приходящих отовсюду...

— Да, Берт, — сказала она. — Давно я... так?

— Без сознания? Часа два.

— А как остальные?

— Отогреваются...

— То, что говорил...

— Аннабель!

— Я помню. То, о чем говорил Дракон, нашлось?

— Всё на месте, не беспокойтесь. Всё хорошо.

— Мне надо вымыться и одеться.

— Не торопитесь. В рапе надо пролежать не меньше трех часов.

— Долго. Слушайте, Берт, а вы верили, что... получится?

— М-м...

— Понятно.

— Верил, думаю. Иначе не пошел бы...

— Это, наверное, не зависит одно от другого.

— Интересная мысль.

— Нет, правда. Вот подумайте как следует...

Они замолчали, и Аннабель опять соскользнула в сон. Ей приснился берег моря, дюны, поросшие искривленными соснами, опускающееся в воду багровое солнце. Она смотрела на солнце, а потом оттолкнулась от земли и полетела к нему — и в какой-то миг ей стало так страшно, что она вздрогнула всем телом и проснулась.

И одновременно с этим рука Берта потрепала ее по щеке, а голос сказал:

— Принцесса, пора.

Было светлее: за поворотом, невидимый сам, но щедро рассылающий оранжевые лучи, горел костер. Слышались голоса и звуки какой-то работы. Аннабель потянулась и села.

— Отвернитесь, Берт. Я встаю.

— Минутку, я дам накидку. Воздух холоднее рапы.

— Спасибо.

— Озеро рядом — вон там. Отмывайтесь. И осторожнее — там сразу по шее.

— Я помню — будто уже была здесь.

— В каком-то смысле — так оно и есть.

Берт подошел сзади, набросил ей на плечи мягкую шкуру какого-то несчастного зверя. Аннабель встала, удивляясь, как чудесно подчиняется тело. Закуталась — шкура доходила до колен — и, выдирая ноги из вязкой рапы, пошла к озеру.

Костер горел на самом берегу, дымок стелился над водой. Свод нависал совсем низко и метрах в сорока от берега, подобно небу, образовывал горизонт, смыкаясь с водой. Вода была неподвижна настолько, что это пугало. Против природы воды — быть такой неподвижной. И, разгоняя боязнь, Аннабель погрузилась в озеро.

Вторую часть путешествия Аннабель перенесла намного легче. Хотя путь из подземного озера к источникам, бьющим в долине, и дальше по ручьям, мелким речкам, застревающим в болотцах, каналу, перегороженному шлюзами, — был извилист и долог. Выброшенная на песчаный пляж, она сразу обрела себя, приподнялась и огляделась. Ущербная луна, красная и тусклая, касалась края земли, а над водой небо светлело. Потом она почувствовала вкус соли на губах. Все правильно, это озеро Татль, оно же — залив Спасения, оно же — Брандтова Бездна... полусоленый-полупресный водоем в устье Акрона, отделенный от моря островной грядой на западе и неимоверно глубокий на востоке, там, где со стометровой высоты рушатся в него воды реки Лоуи...

Поднялся и выпрямился во весь рост генерал. Чуть дальше зашевелился Берт.

— Ваше высочество, вы в порядке? — очень тихо спросил генерал, не поворачивая головы, — и что-то в его вопросе относилось не к самочувствию Аннабель.

— Да, мой генерал, — так же тихо ответила Аннабель. — Берт, — позвала она.

Берт подошел молча и встал рядом. Повернувшись лицом друг к другу, они вдвоем особым образом сомкнули руки и закрыли глаза. И опять на изнанке век Аннабель увидела непонятные знаки...

— Туда, — сказала она и показала рукой.

— Туда, — подтвердил генерал.

Они пошли в ту сторону, куда позвало их чутье, и через десять минут слева, на самом краю поля зрения, Аннабель увидела зеленовато светящееся пятно. Стараясь не менять угол зрения, она сделала несколько шагов в том направлении.

Это был песчаный холмик чуть выше колен. При взгляде в упор он не светился, но начинал мерцать, как только Аннабель отводила глаза в сторону.

— Нашла, — сказала она.

Втроем они быстро раскидали песок. В трех мешках была одежда, в четвертом — еда. Под мешками лежал длинный кожаный чехол, и когда Берт поднял его, лягнула сталь. Последним извлекли солдатский ранец. Открывать не стали — знали и так, что там амулеты, документы и деньги. Бросив в яму по камню, заровняли ее руками и только тогда стали одеваться.

Теперь надо было уходить — далеко и быстро. Генерал вел, Аннабель старалась не отставать. Сзади дышал Берт. Становилось все светлее и светлее. Двести шагов бегом — двести шагом, двести бегом — двести... двести... двести... Меч бил по спине, по правому бедру колотил кинжал, по левому — наручень. Так они бежали до того момента, когда край оранжевого солнца возник над синедымчатым горизонтом и от всего вокруг брызнули острые тени. Тогда генерал сбавил шаг. Надо было искать место для отдыха.

Оно нашлось вскоре — огромное, как комната, дупло в теле полувыгоревшей секвойи. Осторожно войдя туда и никого не обнаружив, генерал махнул рукой. Берт и Аннабель сотворили знак закрытия. Может быть, теперь их не найдут.

Вернее — не заметят случайно. Потому что если будут искать...

Аннабель жестко усмехнулась про себя. За последние две недели, проведенные у Яппо, она достаточно четко уяснила, с кем именно ей придется иметь дело.

Шансов на успех не было ни малейших.

Но не было и возможности избежать схватки.

А победитель получал все.

Оставалось лишь принять этот жребий...

Они продолжили путь с наступлением темноты, отдохнувшие, выпавшиеся, почти сытые. Запас вяленого мяса и галет следовало растянуть на несколько дней, до выхода из приграничья. Пить воду можно было, но только выдержав ее в серебряной фляжке до потепления. Иначе невидимости, пусть относительной, пришел бы конец.

«Кошачьим глазом» Аннабель пользовалась и раньше, до знакомства с Яппо, но никогда не достигала такого эффекта. Казалось, что этот длинный тонкий ремешок, трижды охватывающий лоб, проходящий над и под глазами и перекрещивающийся на переносице, лишь немного осветляет сумерки и делает четче контуры предметов. Сейчас, после подготовки, Аннабель видела в полной темноте — но не глазами. И даже не видела, хотя и не могла назвать это новое — и именно шестое — чувство. Просто оказалось, что ей не нужно видеть предметы, чтобы знать о их присутствии, расположении и свойствах. И она шла, как днем, беззвучно и быстро. И так же беззвучно и быстро шли ее спутники.

Они наткнулись на стену там, где никакой стены не должно было быть. Шедший впереди генерал резко остановился, и рука Аннабель сама метнулась к рукояти меча. Берт, мгновенно обнажив оружие, повернулся к ним спиной, прикрывая от нападения сзади. Никакого движения не ощущалось, но в воздухе возник вдруг привкус спертости, несвободы. А потом — подозрительно кстати — в сплошном облачном покрове образовался разрыв, и свет луны лег на высоченную, может быть, в сотню человеческих ростов, гладкую стену с ровной, по линеечке, кромкой.

Генерал попятился, Аннабель, наоборот, шагнула вперед, и они столкнулись и остались стоять рядом, глядя на чудовищное сооружение, преградившее им путь. Невслышно подошел Берт.

— Бог ты мой! — сказал он шепотом.

— Месяц назад этого не было, — откликнулся генерал.

— Мне не нравится запах, — сказала Аннабель.

— Не чувствую, — сказал Берт.

— Мерзкий запах, — сказала Аннабель. — Очень слабый, но мерзкий.

— Да, что-то есть, — сказал генерал. — Похоже на солжар.

— Нет, что-то другое, — не согласилась Аннабель.

— Вообще-то, ваше высочество, по всему Альбасту теперь гуляют всяческие ароматы. А в столице пахнет хуже, чем в казарме. Правда, это редко кто замечает...

— Проклятая луна, — сказала Аннабель. — Только портит все...

— Не могли же такую махину оттрохать за месяц... — неуверенно сказал Берт.

— Я об этом же, Берт, — сказала Аннабель. — Тихо, не мешайте.

Обогнув генерала, она медленно двинулась вперед.

— Ваше высочество... — бессильно прошептал генерал.

Аннабель отошла настолько, чтобы ощутить себя стоящей отдельно. Прикрыла глаза веками, слегка развела руки и повернула их ладонями вперед и чуть-чуть вверх. И не почувствовала ничего...

И тогда, не открывая глаз, она сделала — считая их про себя — тридцать шагов. Остановилась и посмотрела глазами на то, что получилось.

Верхний край стены уже не был ровен и прям. Получилось так: по сторонам стена стояла, как стояла, — зато прямо перед Аннабелью она то ли просела, то ли отдалилась, это было трудно понять... и еще Аннабель почувствовала, не оглядываясь, что спутники приближаются к ней и что мечи в их руках занесены для удара, и она оглянулась — и увидела кошмарную пасть, раскрывшуюся на нее, ощутила неистовую вонь, хлынувшую волной, отпрянула и упала на спину — но успела крикнуть:

— Это морок, морок!

Наверное, ее услышали и поняли. И не только спутники — пасть рассыпалась рыхлыми хлопьями. За пастью ничего не было. Мы выдали себя, подумала Аннабель. Но изменить уже ничего нельзя.

Берт не успел подать ей руку — она вскочила на ноги и скомандовала:

— Закройте глаза — и за мной!

— Это иллюзии? — уточнил генерал.

— Наверное. Нельзя здесь задерживаться. Уходим.

Их обдавало волнами смрада, пока они, пользуясь лишь приходящим откуда-то знанием обо всем вокруг, шли сквозь несуществующую стену. Ничего телесного не было вокруг них, и земля была ровной и мертвой — мертвой на всю глубину. Казалось, под ногами вечный лед, для приличия припорошенный пылью. В какой-то миг Аннабель не удержалась и приоткрыла один глаз — и тут же зажмурилась от испуга и отвращения. Разложившийся, в клочьях отставшей кожи, волоха выпавшие из разорванного живота внутренности, на нее шел мертвец. Необыкновенный свет исходил из земли, и запах разрытой могилы перехватил дыхание. Но Берт и генерал были рядом, Аннабель чувствовала их — и только их. Потом, сколько-то шагов спустя, она узнала, что впереди возникло наконец реальное препятствие.

Стена была, и точно такая же, какой они увидели ее в тот первый момент — но только высотой по пояс. На лице генерала не отразилось никаких эмоций, а Берт плюнул в сердцах. Он дышал учащенно, и Аннабель поняла, что Берт на всякий случай шел с открытыми глазами.

— Хитро придумали, сволочи, — охрипшим голосом сказал он. — Лучше всякого кино...

И неожиданно — ни Аннабель, ни генерал не успели шевельнуться или остеречь — он коротко разбежался и перепрыгнул через стену. На миг ослепляющая вспышка тьмы сделала его невидимым, а потом Аннабель отчетливо, неимоверно отчетливо увидела, как Берт, ломаясь еще в воздухе, рушится на землю по ту сторону стены и лежит мертво, лежит секунду, другую, третью... потом конвульсивно дергается и начинает вставать, но вставать так, будто его сверху подтягивают за ниточки...

— Берт... — простонала Аннабель. Генерал обнажил меч.

Берт уже стоял — спиной к ним. Потом оглянулся через плечо. У него было равнодушное лицо и взгляд в пространство.

И вдруг Аннабель почувствовала странное раздвоение восприятия. Будто рояль звучал, как труба, и следовало чему-то не верить — глазам или ушам. И она сделала то, что выручало ее не раз: закрыла глаза.

Берт не стоял — он лежал на боку, подтянув ногу к груди. Видно было, что ему дико больно и он изо всех сил сдерживает крик. Пришли, подумала Аннабель.

— Пойдемте, генерал, — сказала она. — Не смотрите — это тоже морок.

И Берт-зомби отступил и растаял, как и положено разоблаченному призраку.

Она легко перепрыгнула стену, и генерал последовал за нею. Еще в прыжке она увидела, как гаснет луна и все погружается в полнейшую тьму, — и поняла, что ожидала этого. Наверное, поэтому и приземлилась мягко, как кошка. Генерал на ногах не удержался, но тут же вскочил и принял оборонительную позу.

Все было мороком по ту сторону стены, подумала Аннабель, и призраки, и лунный свет... и мы сами — видимые... А по эту? Надо быть настороже, начались упырские штучки...

— Показывайте ногу, Берт, — скомандовала она.

До рассвета одолели чуть больше двух миль. Из-за боли Берт утратил способность видеть в темноте, и пришлось вести его за руку. Он хромал, но терпел. Наконец расположились на отдых в овражке, заросшем по краям молодыми елями, под нависающим козырьком дерна, сотворили знак закрытия и повалились на сухую, перемешанную со щебнем глину.

— Спите, — сказал Берт, задыхаясь, — я посижу... все равно...

Он стал снимать с лодыжек бинт. Аннабель протянула руку, положила ладонь на горячую пульсирующую опухоль, сосредоточилась.

— Не надо, — пробормотал Берт, — лучше спите... я сам как-нибудь...

— Тихо, — шепнула Аннабель.

Тяжесть и боль понемногу переливались в ее кисть, поднимались вверх, до локтя, выше локтя... Хватит. Она бессильно откинулась, уронила руку ладонью вниз. Тяжесть медленно вытекала из нее, уходя в землю.

Она уснула, но и во сне продолжала видеть себя, лежащую в мелком овражке под козырьком дерна, скрытую от внешних взглядов живой землей, деревьями

и травами и предающуюся размышлениям. Размышления были мудрые и глубокие, самой ей ни о чем таком думать не приходилось — да и не по силам оказалось бы, наверное... и даже просто понять то, о чем думала она же, но приснившаяся, не вполне удавалось...

Да, за две недели нам удалось овладеть многими магическими методами — но не так, как ими овладевают настоящие ученики, проходящие шаг за шагом весь путь познания, а просто получив шпаргалку, которой можно воспользоваться в нужный момент. Дракон дал им взаимно свою собственную силу и свое знание — и даже подстраховал нас, посадив Ю в горную пещеру, откуда он может видеть нас и передавать нам при необходимости дополнительные знания и силу... и Ю, пошедший на это, расстался с собственной личностью и стал как бы органом Дракона. Но, в таком случае, мы тоже стали органами Дракона, а то, что в нас сохранена личность, может быть чистой иллюзией. Просто по функциональной надобности Ю должен растравиваться на всех нас, и поэтому он похож на человека-растение, — а нам нужно пересечь страну, нужно встречаться с людьми и производить впечатление настоящих. И, если Дракон не захочет сам, мы никогда не узнаем, вольны ли мы в своих поступках... и больше того — те же ли мы самые Аннабель, Берт и генерал Паулин, которые в «Горной твердыне» встретились с Драконом. Это невозможно проверить. И точно так же невозможно убедиться, что земля, по которой мы идем, — это тот самый Альбаст, из которого меня вывезли на крейсере «Легенд» маленькой девочкой... Зрение идущих по этой земле под контролем тех, кто ею владеет, — и, не будь у нас этого замечательного не-зрения, мы бы давно уже порубили друг друга мечами... но не-зрение дано нам Драконом, и Ю в своей пещере сжигает себя, помогая нам видеть не-глазами, — и опять же невозможно сказать, соответствует ли то, что мы не-видим, тому, что есть на самом деле? Нас может обманывать как зрение, так и не-зрение, и остается только слепо верить в некую высшую объективность... зная при этом, что ее не существует. Мы пытаемся делать что-то, не зная, что в действительности представляет собой мир, не зная, что имеют в виду наши

органы чувств, предъявляя ту или иную картинку, не зная — или слишком хорошо зная, — есть ли еще какие-нибудь способы познавать мир, кроме обычных чувств и не-зрения... и что будет представлять собой мир, увиденный наконец таким, каков он есть... И, конечно, в таких обстоятельствах хватаешься за что попало и веришь, веришь, веришь в это до конца, до исчезновения — тебя или предмета веры, неважно, — и тем самым хотя бы заглушаешь дикий страх перед истиной, скрытой под бумажным покровом тайны... Но если понять наконец, что страх — это не более чем очень сильный шум и что можно научиться не обращать на него внимания и одновременно с этим согласиться принять на себя всю ответственность за следующий шаг, — то можно вот так протянуть руку, коснуться занавеса...

...и бумажный занавес расплзся под пальцами Аннабель, и открылся туннель, темный и короткий, но, похоже, не тупиковый, а просто изгибающийся или раздваивающийся. Тронул — ходи, вспомнилось Аннабель шахматное правило, и она шагнула в туннель, ожидая чего-то нового и необычного, но ничего необычного не произошло, вход не закрылся и не перестал существовать, и тогда Аннабель, сосредоточившись на не-зрении и пытаясь, не доходя до поворота, заглянуть за него, медленно пошла вперед.

Что ж, подумала она, без боязни поворачивая и начиная пологий спуск по поперечному туннелю, чуть более просторному и, похоже, чаще посещаемому, — раз уж мы согласились принять в дар определенные способности, то и неуверенность во всем придется таскать с собой, ничего не поделаешь. Это, наверное, закон природы: чем больше возможности что-нибудь узнать, тем меньше убежденность в истинности полученных знаний... вернее — сведений. Конечно, следует ввести поправочный коэффициент на то, что мы называем умом, и на некую изначальную самостоятельность мысли — то есть на величины неформулируемые, а потому — иррациональные. И не стоит, скажем, мне искать более глубокие способы восприятия мира, чем уже доступные, потому что тогда придется и действовать, исходя из открывающихся возможностей, — даже не то чтобы придется, а

именно так получится само собой, — а значит, приводить в действие механизмы непонятные и силы неучтенные... хотя, руку на сердце, именно это я по-настоящему и хочу сделать — найти тот скрытый рычаг, который переворачивает Землю, нажать на него...

Впереди возник тусклый багровый отсвет, и Аннабель замедлила шаг. Но не-зрение ничего вещественного не выявило, туннель «просматривался» шагов на двести отчетливо и еще на столько же размыто и приблизительно — хотя и (Аннабель это не сразу поняла) плавно изгибался вправо так, что нормального зрения — даже с фонарем — хватило бы шагов на тридцать-сорок... Аннабель представила себе, как жутко было бы идти по такому туннелю просто с фонарем.

Свет исходил от небольших, но многочисленных отверстий в левой, вогнутой, стене туннеля и ложился на правую его стену множеством перекрывающих друг друга пятен. Неподвижные пылинки в пространстве туннеля казались рубиновой пудрой. Не-зрение подсказало Аннабель, что стена, источенная порами, тонкая и поэтому следует соблюдать осторожность. И очень осторожно, не касаясь, Аннабель приблизила лицо к одной из пор, покрупнее, и стала привыкать к бьющему из нее свету.

Сначала казалось, что там, за стеной, движется медленный багрово-алый вихрь. Что-то большое и сложное угадывалось за ним. Постепенно глаза привыкли и стали различать сквозь волны света контуры колонн и фигур — и наконец, будто световая завеса исчезла, Аннабель увидела все разом.

Перед нею был зал, огромный, как город. Каменный свод, опираясь на грубые тяжелые колонны, накрывал его мощно и торжественно, как грозовая туча, подсвеченная снизу, накрывает собой горную долину. Прямо перед глазами Аннабель, покоясь на трех сходящихся книзу опорах, огромная черная чаша выпускала из себя неподвижные языки темного, цвета запекшейся крови, пламени. Ниже чаши, на самом дне, угадывалась квадратная плита со знаком Древа на ней и с тайными письменами. Исполинские статуи дев с воздетыми руками обступали чашу и плиту, неся на себе багровый отсвет. А между Аннабель и чашей, внизу, — Аннабель

прильнула щекой к стене, силясь увидеть все, — стояла на коленях каменная девочка, стояла, откинувшись назад и запрокинув голову, и на ее перевернутом лице застыла боль — и блаженство. И Аннабель, пытаясь увидеть еще что-то, сделала неосторожное движение, и кусок стены размером с колесо вывалился наружу — и повис в пространстве, ничем не закрепленный, чуть ниже образовавшейся дыры, и Аннабель, не удержавшись, высунула лицо туда, наружу — испепеляющий жар обдал кожу, ударил по глазам — она откинулась назад, упала и осталась лежать, но запечатленная картина медленно проявлялась в памяти: справа — известково-белый утес, нависающий над бездной, покатаая темная терраса в форме лука — внизу, а еще ниже — каменные обнаженные груди меж каменных, ниспадающих в бездну драпировок... Я в статуе, подумала Аннабель, точно в такой же статуе, что стоят напротив. Проковыряла дырочку в ее щеке... Багровый свет лился из отверстия, наплывал волнами, завораживал, не отпускал взгляд, и Аннабель, потеряв на несколько секунд самоконтроль, внутренне открылась этому свету — и вдруг ее ударило током: Дракон предупреждал! Не смотреть на красный свет! Она закрыла глаза и загородилась рукой, но было, наверное, уже поздно: откуда-то снизу стал подниматься и заполнять ее темный беспредметный страх, тот, который с визгом крутящейся пилы вспарывает сердце... Наверное, она кричала. Потом страх отхлынул, унося с собой все. Ей показалось, что она уснула. Сквозь сон она чувствовала холод и жар одновременно. И боль, и голод. Потом она почувствовала, что на нее кто-то смотрит. Не открывая глаз, она лишь чуть размежила веки. На ступеньке перед ней столбиком стояла огромная жирная крыса и смотрела в упор, ничего не боясь. Надо было кинуть в нее чем-нибудь, но не было сил. Потом послышались медленные шаги. Крыса повернулась, посмотрела на нее долгим запоминающим взглядом и ушла. Снизу, держась за перила, тяжело поднималась женщина в темно-синем пальто с тяжелой сумкой в руке. Волосы ее были закрыты шерстяным серым платком. Ты чья, девочка? Что ты здесь делаешь? Ты меня слышишь? Слова, такие знакомые, казались про-

изнесенными на неизвестном языке. Хотелось сказать что-то в ответ, но звуки застревали и скатывались в один большой комок...

Аннабель проснулась в слезах и долго лежала, вдыхая запах разогретой хвои и сухой пыли. Тихонько пощипывал Берт. Генерал, устроившийся в изножье, повернул к Аннабель голову и приложил палец к губам. Она кивнула. Стараясь не потревожить Берта и не зацепить низкий потолок их убежища, она извернулась и подобралась к генералу так близко, что можно было шептаться.

— Нас ищут, — сказал он.

— Как?

— Птицы. Смотрите, — он показал пальцем на дыру в козырьке, прикрытую сеткой травяных стеблей.

Аннабель понадобилось время, чтобы сквозь эту сетку увидеть небо. Наконец это получилось.

Высоко над землей правильными кругами ходил ворон. Вороны так не летают, это Аннабель знала. Потом поле зрения пересек — совсем низко — другой ворон. Голова его покачивалась: вправо-влево, вправо-влево. Через минуту там же пролетел еще один.

— Может быть, это обычное патрулирование? — предположила Аннабель.

— Нам от этого не легче, — сказал генерал.

— Ну почему же... — начала было Аннабель, но тут донесся — не по воздуху, а прошедший через землю — звук лошадиных копыт. Несколько всадников неторопливой рысью ехали где-то рядом — и приближались.

Пощипывание Берта прервалось, а в следующее мгновение он уже натягивал распоротый в голенище сапог на свою бесформенную ногу.

— Тихо, дочка, — одними губами сказал генерал. Наручень будто сам наделся на его левое предплечье; когти, подчиняясь движению кисти, беззвучно выскользнули из гнезд и вернулись обратно.

Аннабель натянула и проверила свой.

Берт наручней не использовал. Он дрался двумя мечами.

Так они лежали и ждали, а шаги приближались. Заходят с двух сторон, почувствовала Аннабель, со сто-

роны спины... и со стороны ног — по лощине! Значит, все...

Через бесконечно долгую минуту она увидела всадника.

На неопределенного цвета крестьянской лошадке ехал мальчик-подросток лет четырнадцати. Одежда его была грязна и разодрана в клочья, лицо исцарапано в кровь. Длинные грязные волосы висели сосульками. Выражение лица... Не было никакого выражения. Голова механически поворачивалась вправо-влево, как у воронов, летавших вверх, в глазах не было блеска. Он ни разу не мигнул, пока Аннабель смотрела на него. Но тяжелый меч лежал поперек драного седла...

Шаги, приближавшиеся за спиной, остановились совсем рядом, и пронзительный голос спросил:

— Ингибара оа?

— Леингибара, — глухо ответил подросток, не прекращая поворачивать голову и почти не разжимая застывших губ.

Его взгляд скользнул по Аннабель, и она поняла, что он ее не видит. Она и ее спутники оставались закрыты для постороннего взгляда. Мальчик проехал мимо, оставив после себя запах конского пота и человеческой мочи.

Аннабель и генерал обменялись взглядами. Холодное бешенство стояло в его глазах, и Аннабель поняла, что подобное он видит не впервые. Над головой, переступая, ударила копытами лошадь. Посыпалась земля.

— Альхека! — раздалась команда, и несколько всадников сорвались с места.

Уходят! Не заметили и уходят!

И в следующий миг лошадиная нога, пробив дерн, оказалась перед лицом Аннабель. Она отпрянула — и увидела, как бесформенная фигура в грязно-голубых развевающихся одеждах грохнулась на дно лощины. Секунду лежала неподвижно — и встала, оборачиваясь...

Глаза их встретились.

Это был не человек.

На удлиннном, голубоватого цвета лице с темным узором на лбу и щеках страшно выделялись глаза. Ночные, огромные глаза, полуприкрытые коричневыми морщинистыми веками. И этими глазами он видел сквозь запрет...

Генерал, будто брошенный катапультой, оказался перед чужаком. В руке того мелькнула тонкая сталь, генерал отразил удар наручем и сделал выпад. Чужак, ломаясь в суставах, осел, превращаясь в кучу тряпья. Аннабель и Берт уже стояли рядом с генералом, готовые к продолжению схватки.

Их было семеро — всадников. Они разворачивали и горячили коней, собираясь, наверное, атаковать в конном строю. Это было безрассудно — лощина скрывала, как окоп. Потом Аннабель увидела блеск коротких клинков. Метательные ножи! Перепрыгивая лощину, всадники поразят ножами тех, кто будет пытаться найти на дне спасение. На дне — но не в стенке, не под козырьком. Там они не достанут... Тем временем рука ее сама нашла и взвесила кинжал. У нас есть чем встретить...

С визгом всадники бросились вперед. Двое из них, на вороных конях, были одеты в голубые развевающиеся плащи. Пятеро — обычные уланы в кольчужных нагрудниках. Они были метрах в семи, когда Аннабель метнула кинжал в летящего на нее улана и нырнула в нишу. Рядом с ней оказался Берт. Через долгий миг генерал в неимоверном прыжке, изогнувшись, впечатал ее в стенку ниши и прижал, закрывая. Она видела только тени перелетавших лощину всадников. Ножи с коротким хрустом вонзились в землю.

Уже пятеро всадников развернули коней. Двоих, висящих в стремях, лошади уносили в лес. Но еще один приближался по лощине — пеший, неся отведенный для удара меч в вытянутых над головой руках. Мальчик с остановившимися глазами. И остальные, поняв порочность конной атаки на закрепившегося противника, спешили и бежали, на ходу обнажая мечи.

Первый удар опять пришелся на генерала. Мальчик бесхитростно и неожиданно сильно нанес «гу-хо» — горизонтальный удар справа налево, через локтевой сустав под ребра. Генерал принял меч наручем, покачнувшись от этого удара, и наручем же сделал ответный выпад. Кисть с зажатым в ней мечом отделилась от предплечья и упала на дно лощины. Но мальчик, распластавшись в падении, попытался дотянуться до меча, и генерал ударил его сапогом в голову. Все это заняло

чуть больше секунды. В следующую секунду Аннабель и ее спутники стояли лицом к нападавшим, выставив мечи, а те с прежним напором шли в открытую атаку.

Мечный бой скоротечен — и чем искуснее бойцы, тем короче схватка. Пятеро налетели и почти сразу откатились — трое; один чужак и один улан легли под ударами. Теперь инициатива была уже не их. Аннабель, угрожая острием меча и закрываясь наручем от атаки снизу и слева, стала теснить доставшегося ей в противники чужака; он отходил назад и направо, готовясь нанести «элихо» — колюще-рубящий удар в бедро или в пах на предельной дистанции. Но для этого ему нужно было заставить Аннабель отступить хотя бы на шаг. И Аннабель, будто бы готовя верхнюю атаку, сделала шаг в сторону, а потом шаг назад. Чужак нырнул — резче и дальше, чем в глубоком выпаде, — и, опершись на левую руку, провел классический удар: снизу-косо-вверх. Но вместо податливой плоти сталь встретила сталь: Аннабель, упав на колени, закрылась клинком. Движение кисти — и клинок чужака взлетел вверх, пропуская удар; движение плеча — и лезвие вошло в шею.

Берт уже покончил со своим и шел на помощь генералу — тот кружил вокруг улана явно без желания разом покончить дело. Он выманивал противника на удар, стремясь обезоружить. Улан же удара никак не наносил, лишь угрожая мечом. Похоже было, что он согласен на ничью.

— Бросай меч, солдат! — собравшись, чтобы не дать фальшивой ноты, крикнула Аннабель. — Это говорю я, твоя королева!

Танец замедлился, потом остановился. Генерал стоял в защитной позиции. Улан повернул голову и посмотрел на Аннабель.

— Мой властелин — король Герман, — сказал он. — Тебя я не знаю, госпожа.

— Мой брат Герман мертв, — сказала Аннабель. — На троне подменьш. Кукла. И ты это знаешь, солдат. Все это знают.

— Ты говоришь страшные слова, госпожа...

— Брось меч, солдат. Я не смогу испугать тебя тем, что иначе ты умрешь. Но ты умрешь, служа злу, — а это, думаю, тебя испугает.

— Меня уже ничто не испугает, госпожа.

— Тогда повинуйся. Следуй голосу чести. Я — Аннабель, законная королева Альбаста. Меня изгнали из страны, но не смогли лишить короны. Теперь я возвращаюсь.

— Госпожа... — голос улана внезапно сел. — Госпожа, я не прошу доказательств... но знак! Дай мне знак!

Он стоял уже, опустив меч, и в лице его было что-то молитвенное. Аннабель, усмехнувшись одними губами, острием меча вырезала квадратный кусочек дерна, подняла его за траву — как поднимают за волосы отрезанную голову врага — и подбросила над собой. Восьмиобразное движение — мгновенный стальной высверк — и четыре кусочка дерна покатались по земле.

Встав на колени, улан положил свой меч на землю.

— Твой раб и воин, моя королева, — с поклоном сказал он. — Я, дворянин Веслав Бернارد, присягаю тебе и клянусь служить воле твоей, и под руку твою передаю жизнь мою и смерть... Сзади! — крикнул вдруг он.

Тощий и оборванный, с черным от крови лицом, на них шел тот, кого, казалось, уже одолел генерал. Мальчик, ехавший на крестьянской лошадке... Тяжелый двуручный меч, зажатый в тонкой руке, со свистом рассекал воздух.

— Он не видит! — крикнул улан. — Просто пропустите его!

Верно — глаза мальчика были плотно закрыты отеками веками. И все же он шел прямо на них...

Берт оттащил Аннабель немного назад. Генерал и улан сдвинулись в другую сторону. Чудовище прошло по освобожденному для него коридору и стало удаляться. Меч все быстрее мелькал в воздухе. Не в силах сдвинуться, все смотрели вслед мальчику. Что-то должно было произойти.

Произошло.

Не справившись с инерцией тяжелого клинка, мальчик отсек себе голову и правую, уже покалеченную в схватке с генералом, руку. Покачнулся, пропустил шаг — и двинулся дальше, безголовый, бескровный, все так же размахивая мечом.

Чтобы не закричать, Аннабель зажала себе рот.

Солнце клонилось к закату, когда четверка всадников покинула наконец приграничную полосу и углубилась в лес Эпенгахен. Темная прямая дорога, мощенная вулканической плиткой, вела к заброшенному курорту того же названия. Здесь их не должны были ни встречать, ни выслеживать: по неизвестной причине чужаки никогда не входили в Эпенгахен. От альбастьеров — гернотов, как они называли себя сами, или упырей, как их называли в коридорах власти Конкордиума, — в отсутствие чужаков особого усердия в преследовании нарушителей границы можно было не ждать. Улан рассказал, каково чувствовать себя рядом с чужаками: испытываешь буйную радость и желание сделать все, чтобы им понравиться; а потом приходят отвращение и стыд... и избавиться от этого можно только вновь оказавшись рядом с ними. Есть люди, говорил он, которые не отходят ни на миг, а если их оторвать силой — умирают в муках. Есть другие, такие, как он сам, — им все это мерзко, но они не в силах противостоять волшебству. И есть немногие, которые — в силах. Генерал слушал его и кивал крупной своей головой.

Тяжелая рысь тяжелых кавалерийских жеребцов укачивала, умиротворяла, и умиротворяли проплывавшие навстречу и мимо белые, в зеленых пятнах нежного мха, стволы платанов, и стайка пестрых птиц, пересвистываясь, сопровождала всадников, внося веселое оживление в пейзаж, — и ничто внешнее уже не могло помочь Аннабель совладать с нервной дрожью, и оставалось только держаться, держаться из последних сил, так, чтобы никто посторонний не мог заподозрить душевных мук и метаний под панцирем королевского спокойствия... Это было почти невыносимо.

Да, первый в ее жизни бой прошел успешно, и не канули втуне тяжелейшие тренировки у Эльриха Тана, первого меча Конкордиума, и странная, ни на что не похожая учеба у Дракона... и, может быть, это сила и искусство Дракона направляли ее меч... как сила и искусство чужаков направляли меч того оборванного мальчика... Мысли об этом тоже были невыносимы. И, как дрожь, их следовало сдерживать хоть из последних сил.

5. ВИТО, ИЛИ ДМИТРИЙ ДМИТРИЕВИЧ

В механическом цехе ремзавода стоял чад. Повизгивал вентилятор, нагнетая воздух в самодельный горн. Когда Дима вошел, Архипов как раз вынимал длинными кузнечными клещами из горна белую от жара трубу. Подержав ее секунду на весу, он стал небыстро погружать ее одним концом в ведро с машинным маслом. Звук был — как от дисковой пилы, напорившейся на гвоздь. Фонтан масляного дыма и пара ударил вверх. Наконец вся труба погрузилась в жидкость и багрово светилась там, остывая. Подождав немного, Архипов вынул ее, черную, маслянистую и дымящуюся, и вернул в горн. Вспыхнуло желтое пламя. Через несколько секунд он ее поднял — труба светилась темно-вишневым светом — и замер, ожидая, когда свечение погаснет. И после этого бросил с грохотом на железный лист, где в беспорядке валялись такие же и всякие прочие серосизые детали. Потом выключил вентилятор, обтер руки о фартук и повернулся к Диме.

— Принес?

— Сомневался? — усмехнулся Дима. — Принес. Куда высыпать?

— Даже высыпать? — Архипов огляделся. — Тогда сейчас...

Он отслонил от стены фанерный лист и положил его на пол. Дима опорожнил сумку и Татьянин рюкзак.

— О, елки, — сказал Архипов. — Теперь мы короли.

— А у тебя тут как? — спросил Дима.

— К ночи четыре штуки будет. Да вчерашних две...

— Дай мне штук несколько патронов для «ТТ».

— Добыл «ТТ»?

— Ага.

— Хорошая машинка. Сам возьми — вон в том ящике, под ветошью.

Дима заглянул в ящик. Пистолетные патроны — макаровские, похожие на орешки, и бутылочки тэтэшных — лежали частью россыпью, а частью уже в снаряженных обоймах.

— Возьму обойму, ладно?

- Ну бери. Василенко если прикопается — отдай.
- Если успеет прикопаться...
- Поплый.
- А что плевать? Сегодня, наверное, начнется все-ррез...
- Думаешь, сегодня?
- Похоже на то.
- Тогда, Дима... Я могу попросить тебя об одной вещи?
- Проси.
- Понимаешь, я не вполне понимаю, какая роль моей Лиды во всем этом... но явно не последняя. А с другой стороны, идти тебе домой, быть там одному — не стоит. В общем...
- Поохранять Леониду?
- Да.

Интересно, подумал Дима, это просто совпадения — или кому-то-там-наверху нужно, чтобы сегодняшний приход тьмы я встречал в архиповском доме? Господи, какая разница, сказал внутри него кто-то прерывающимся голосом, какая разница, случайно это или преднамеренно, если сегодня уже все может быть кончено? Идут, может быть, самые последние часы, а ты сидишь зачем-то в этом чаду и размышляешь о ненужном... Он заставил голосок заткнуться и прислушался к организму. Страх не давил. Лежал себе где-то на дне и лежал, тяжелый, да, но тихий — как утонувший кит. Но ведь и правда — последние часы... и прожить их следует так, чтобы не было мучительно больно... В ответ на цитату заныли, застонали раны. Сволочь паук, хуже рыси...

— Чего так морщишься? — спросил Архипов. — Не в масть?

- Нет. С пауками врукопашную схватился.
- Елки. Тебя же лечить надо. Лихорадка свалит. Дуй в больницу, пока светло.
- Проехали уже. Сразу надо было... Теперь, если яд попал, уже всосался.
- Что ж ты, тварюга, себя не бережешь? — нахмурился Архипов. — На тебе столько всего завязано...
- Напали, Петрович. Я их не искал.

— Рассказывай... В общем, учитель, иди ко мне, вот тебе ключ, Лида часов в восемь придет — тут уж ты ее одну никуда не отпускай. А сам вздремни, как удастся. Ночь будет лихая. Сколько уже не спал?

— Я помню, что ли? — Дима положил ключ в карман. — Тебя когда ждать?

— Ну, к полуночи точно буду. И захвати заодно изделие...

Изделие Архипова, обернутое тряпкой, было увесистым. Дима взвесил на руке — килограммов шесть. Сплошное железо.

— Специально утяжелил, — пояснил Архипов. — А то отдачей плечо начисто отшибало.

— Заряжен? — спросил на всякий случай Дима.

— Патронник набит, — сказал Архипов. — Так что, если что — затвор только передерни...

— Ага. А пули — серебро?

— Серебро.

— Хорошо, Петрович. Все сделаю, как ты велишь. Но постарайся не задерживаться.

— Да постараться-то я постараюсь... получится ли? Хотя эти четыре начатых закончить бы...

— Петрович, — сказал Дима. — А не ерундой мы занимаемся, а?

— Ночь покажет, — пожал плечами Архипов.

Дима заснул, вздрогнул и тут же проснулся. Это повторялось уже несколько раз — не было сил сопротивляться сну, но и уснуть — тоже не было сил. Стараясь не потревожить Татьяну, он высвободил левую руку и поднес к глазам часы. Две минуты одиннадцатого... И тут же за стеной хрипло заворчали ходики. Звук был мерзкий.

— Ты думаешь, уже пора? — не открывая глаз, спросила Татьяна.

Дима молча провел рукой по ее волосам. Пора, подумал он. Что значит — пора? По-ра. Бессмыслица... Чуть только задержаться на чем-нибудь, присмотреться — все бессмыслица. Становится бессмыслицей. Хотя только что было наполнено смыслом. И даже преисполнено. Смыслом. Смы-сло. Нет такого слова.

— Ты молчишь. А я такая счастливая...

Я тоже счастливый, молча ответил он. Такого счастья отпускается на раз пригубить, и то не каждому. Может, именно потому, что на раз и пригубить...

— Как я тебя люблю... — прошептал он.

— А как? Вот так, да? — Она, изогнувшись, потерлась об него бедрами. — Ох, как сразу сердце у тебя застучало...

— И так... и не только так... и...

— Тс-с... Иди ко мне...

— Танька...

— А потом... это все кончится, а мы вдруг останемся... рожу тебе кого-нибудь...

— Обязательно...

— Оно же кончится... но ты только держи меня покрепче... меня надо крепко держать, я же дурная...

— Ты моя...

— Твоя... чтобы ты делал со мной что хочешь...

А потом, когда напряжение достигло высшей точки, произошло что-то такое, чего никогда еще с ним не происходило. Он исчез. Он — Дима, человек, мужчина — перестал быть здесь и сейчас, и никакими словами нельзя было назвать то место и ту сущность, в которых он оказался. У него не было тела — и был миллион тел. Все чувства разом овладели им, будто плеснули все краски, будто заиграли во всю мощь все инструменты огромного оркестра... Это был долгий миг, за который можно успеть познать весь мир, и лишь потрясение не позволяет использовать его с этой благой целью. Но наконец и этот миг прошел, и Дима вернулся в свое расслабленное тело, с новой остротой ощущая нежное чужое тепло...

Его разбудило прикосновение к щеке. Татьяна, уже одетая, сидела на краю раскладушки и тонкой рукой гладила его лицо. За стеной слышались голоса.

— Сколько?... — начал Дима, но тут часы хрипло кашлянули, и он понял, что времени прошло всего ничего.

— Там этот блаженный старик, — сказала Татьяна. — Кривошеин.

— Охмуряет? — усмехнулся Дима.

— Охмуряет. Послушать хочешь?

— Придется.

— Сейчас... — Не вставая, Татьяна чуть приоткрыла дверь. В щель проник желтоватый свет лампы — и глубокий уверенный голос Фомы Андреевича:

— А как тайга-то горит, Леонида Яновна, по всей матушке Сибири полыхает, и нет спасения. Второй такой год подряд идет, а будет и третий, ибо сказано: «И дам двум свидетелям Моим, и они будут пророчествовать тысячу двести шестьдесят дней. И если кто захочет их обидеть, то огонь выйдет из уст их и пожрет врагов их. И будут они иметь власть затворять небо, чтобы не шел дождь на землю во дни пророчествования их, и власть над водами — превращать их в кровь, и землю поражать всякой язвою...» Год им остался, год только, а потом выйдет Зверь из бездны, и поразит их, и трупы оставит на улицах Великого города, который духовно называем Содом, дорогая моя Леонида Яновна, Содом, или Вавилон, или Египет, и голос с неба уже был Божьему народу: выйди из того города, народ Мой, дабы не запятнать себя грехами его, ибо грехи те дошли до неба и вопиют. В один день придут в Содом казни, и мор, и смерть, и плач, и голод, и пламя пожирающее, ибо силен Господь, судящий сей град. И цари земные, роскошествовавшие в нем, и купцы, обогатившиеся от него, горько восплачут, когда увидят дым и пепел на месте Великого града, ибо в один день погибнет такое богатство! И свет светильника не появится в нем, и голоса живого не услышать, ибо чародеями были вельможи его, и волхвованием их введены в заблуждение все народы. И в нем найдут кровь пророков и святых — и всех убиенных на земле...

— Неточно цитируете, Фома Андреевич, — лениво сказала Леонида. — Хотя и близко к тексту.

— Неточно цитировать невозможно, — сказал Фома Андреевич. — Можно либо цитировать, либо излагать — что я, с Божьей помощью, и делаю. Так вот, предвидя ваши возражения, любезная Леонида Яновна, скажу: да, можно сказать, что и о Берлине сорок пятого речь идет, — видел я его и дым его обонял. Мерзок был дым... И Рим горел, подожженный Нероном — вскоре, вскоре после того, как Иоанну откровение было. И Константинополь

горел, когда базилевсы его себя ровней Богу сочли, а которые — и повыше Бога. Все грады — в едином Граде Великом заключены, и этого Града гибель Иоанн описует...

— Возможен ли конец света в одной отдельно взятой стране? — все так же лениво спросила Леонида. — Старая хохма. А у вас получается — даже не в стране, а в крошечном городке Ошерово...

— В капле запечатлен океан, любезная Леонида Яновна, и каждый человек — суть вселенная. Почему бы не быть нашему городу средоточием мира? Тем более что подозреваю я — никакого мира там, за барьером, не существует. И, следовательно, не существовало никогда.

— Тоже не новая мысль.

— А вас интересуют только новые мысли?

— Вы правы, Фома Андреевич. Продолжайте, пожалуйста.

— Что ж продолжать? Снята давно седьмая печать, и вострубили уже пять ангелов. И отверзлись кладези бездны, и вышел дым из кладезя, как из большой печи, и помрачились солнце и воздух от того дыма...

— Так теперь очередь за саранчой?

— Именно! Но я так мню: не одной саранчи следует ожидать, а многих тварей, и иных, может быть, и в людском обличии...

Фома Андреевич замолчал, а Леонида не ответила, и повисла долгая пауза. И Дима понял, что Фома Андреевич, сам, видимо, того не желая, коснулся какой-то скользкой — в Леонидином понимании — темы. А в следующую секунду раздался тихий, но от этого не менее жуткий звук: будто по стенам дома, по потолку, по крыше провели несколько раз огромной мягкой кистью... будто дом стал пустым спичечным коробком, и кто-то тихонько, разведя краску... Потом это прошло.

Дима обнаружил, что уже стоит, одной рукой прижимая к себе Татьяну, а другой судорожно сжимая пистолетную рукоять. Шорох этот разбудил какие-то древние оборонительные инстинкты. Осторожно выдохнув и медленно, с растяжкой, вдохнув, Дима попытался расслабиться. Вряд ли получится...

— Пойдем, — шепнула Татьяна.

Он губами коснулся ее глаз и первым вышел на свет.

Леонида и Фома Андреевич все еще стояли, глядя на потолок. С абажура, как опрокинутые дымы, текли струи пыли. В руках Леониды замерла двустволка.

— Ушло... — прошептал Фома Андреевич. Леонида молча кивнула.

Дима вдруг почувствовал, как у него все болит.

— Здравствуйте, — сказал он.

Ему показалось, что Фома Андреевич вздрогнул. Леонида улыбнулась и положила двустволку поперек стола.

— Подавил подушечку? — спросила она и хитро подмигнула.

— Смени мне бинты, — попросил Дима.

Он пыхтел, пока Леонида промывала и смазывала его раны и царапины, и слышал вполуха, как Фома Андреевич охмуряет теперь уже Татьяну. Потом, когда боль приутихла, прислушался.

— Вот, кстати, тоже феномен, — говорил Фома Андреевич. — Дом опечатанный, телефон в нем снятый, люди из дома в пропавших числятся — а позвонишь, и ответят. И знают они о нас поболее, чем сами мы. Как это объяснить с точки зрения позитивной философии? Или взять, например...

— Да все равно мне, как это объяснять! — уже не в первый раз повторила Татьяна. — Потом когда-нибудь объясним. Сейчас не об этом думать надо...

— А о чем? Уж не «что делать?» ли вопрос задавать?

— А чем плохой вопрос?

— А тем, умница вы Татьяна Ивановна, что сам по себе он бессмыслен, усечен, а потому заводит в видимый простым глазом тупик. Дабы вдохнуть в него смысл, расширим и спросим: что делать, чтобы?.. — и на месте многоточия пока ничего начертать не будем, потому что оно-то, неизреченное пока, и есть самое главное. И прияти оно должно не от других людей, не от писанных истин, не от ума...

— Кажется, я понимаю, — сказала Татьяна. — Какое-то заветное желание, да?

— Близко, но не совсем... Представьте — вот вы уже умираете. Что вам позволит умереть с восторгом, умереть счастливой? Не отвечайте, не надо. Но вот в эту

формулу, о которой мы говорили, обязательно следует ввести собственную смерть.

— Вот как... О-ох, это надо долго думать...

— По крайней мере, всю жизнь. И оказывается в конце концов, что нет в этой жизни ничего важнее смерти... Потому и следует поднимать себя над обстоятельствами, а поступки совершать по внутреннему побуждению, а не по формальной выгоде или по своду правил. И лишь пост фактум искать объяснения этих поступков — и, понятно, громоздить нелепость на нелепости... Взять римлян: они ввели такое презрительное понятие, как «скрупулезный». «Скрупулос» — это был камешек, попавший в сандалию. И настоящий римлянин просто выбрасывал его и шел дальше, а грек садился и начинал размышлять над его внутренними свойствами и скрытым смыслом...

— Недавно мне приснился сон, — сказала Татьяна. — Будто я умерла. Мне иногда снится такое, но на этот раз было не так, как раньше. Я умерла и вышла из тела — с восторгом. Как вы сказали. Я его видела, это мое бедное тело, и мне было его совсем не жалко. И никого мне больше было не жалко, я будто бы сбросила с плеч огромную тяжесть, обузу, не знаю что... Я поднималась вверх, и все вокруг было безумно скучным и серым... и совершенно бездарным. Но восторг был даже не из-за того, что я из этого вырвалась, а потому, что я уже откуда-то знала — настоящая жизнь впереди. Над миром был низкий потолок, а потом он оказался стеной с воротами — когда так летишь, все равно, где верх, где низ. Я влетела в ворота, там были какие-то коридоры и летели такие же, как я, — прекрасные, восторженные, ликующие... И мы прилетели туда, куда надо, и там было что-то настолько хорошее, что я просто не смогла запомнить. А потом мне передали, что мне нужно ненадолго вернуться, потому что у мамы здесь... ну, неважно. Надо сказать ей кое-что. И я полетела назад. А мне навстречу летели все такие же прекрасные, освободившиеся от той дряни, в которой они вынуждены были жить здесь... Я спустилась. Летала везде. Меня не видели, ведь я сама не хотела этого. Кому хотела, я показывалась. Поговорила с мамой. Все сделала, что нужно. Можно было

возвращаться. А у нас дома стоит такое старинное зеркало, высокое, в раме. И я, уходя, в него посмотрелась. И увидела себя. Я была разложившимся трупом, понимаете? Лицо сгнило, проступали кости, кожа вся висела ключьями... Я даже не испугалась. Просто полетела обратно, и все. Но не помню, долетела или нет. Проснулась.

— Одевайся, — сказала Леонида Диме и похлопала его по здоровому плечу. Голос у нее был почти механический.

К трем часам ночи Дима знал о Фоме Андреевиче все. Как он, бывший минер, покалеченный почти смертельно уже после войны, выжил искусством архиепископа Луки — гениального хирурга Войно-Ясенецкого, — пламенно уверовал, окончил духовное училище, был рукоположен и получил приход — и тут же усомнился. Шел пятьдесят третий год, и на высочайшей заупокойной вместо канона: «За упокой души раба Божьего...» прозвучало: «За упокой души генералиссимуса Иосифа». Это лакейство так царапнуло душу, что — Фома есть Фома — начал он задумываться и вкладывать персты в раны. Итогом стало убеждение, что Русская Православная Церковь мученически погибла, но труп ее сохранен, оживлен и теперь кривляется на подмостках на потеху убийце-чародею. Много о том свидетельствует... Взять, к примеру, недавний юбилей Крещения Руси. Разве же нынешней Церкви это праздник? Ни в малой мере. А истинные последователи Владимира Святого, греческих митрополитов, Сергия Радонежского — живут в лесах, крестятся двуперстием... кто вспомнил о них, кто пригласил на праздничный пир? Ни власть, ни Патриарх, ни народ. Как и не было их никогда. Беспамятство... Немало лет прожил Фома Андреевич, пытаясь совместить веру и сомнения, и это были самые мучительные его годы. Расстригшись наконец, пытался он искать истину у иных конфессий, не нашел — и остался в собственной вере, пастырем и паствой в одном лице. За три десятка лет такого бытия Фома Андреевич объехал всю страну, сменив несколько десятков специальностей: он пек хлеб, искал воду, рыл колодцы, клал печи, добывал золото, жег известь, истреблял грызунов,

мыл и обряжал покойников, ловил рыбу на Камчатке и на Азове, водил грузовики, пас коров... Все эти годы была с ним жена, продолжавшая называть себя попадшей, она умерла уже здесь, в Ошерове, в одночасье, не выдержав смены ритма жизни: свой домик, корова, огород... Странствуя, Фома Андреевич все более и более проникался уверенностью, что Второе Пришествие началось и события развиваются точно так, как описаны Иоанном, — другое дело, что некоторые видения Иоанна аллегоричны, а иные просто поняты им неверно. Взять железную саранчу: а как еще мог назвать монстров Иоанн, всю жизнь проживший на краю пустыни и из всех насекомых знавший лишь саранчу? Или взять, скажем...

Ходики откашлялись трижды, и тут же сверху, с чердака, донесся мягкий волосяной шорох. Снова мягкая кисть — но теперь она не ограничилась несколькими мазками, а стала двигаться медленно, завораживающе медленно — по кругу, по кругу, по кругу... Доски потолка дрогнули, посыпалась пыль. Движение убыстрилось, к шороху добавились беззвучные толчки. Треснуло дерево, раздался мерзкий скрежет — гвоздем по кровле — а потом грохот падения, сдвоенный выстрел и крик боли!

Дима, запрокинув голову, пытался к двери. С потолка валилась известь. Там будто катали, приподнимали и опять роняли тяжелый каменный шар. Абажур закачался... Фома Андреевич, белый, смотрел так, будто видел сквозь потолок то ужасное, что происходит там, наверху, — видел и не мог отвести глаз. Там же Архипов, понял Дима — и, наверное, сказал это вслух, потому что Фома Андреевич, подхватив топор, метнулся к двери, в дверь — и исчез. Дима бросился следом. Двор заливал резчайший свет мощной киловаттной лампы. На чердаке ударил еще один выстрел. Фома Андреевич уже одолел половину ступенек приставной, ведущей к чердачному окну лестницы, когда оттуда, из окна, шагнул и повалился, цепляясь руками, человек — Фома Андреевич подхватил его и на миг удержал, а подоспевший Дима принял его на грудь и вместе с ним повалился на землю. Человек был жив и весь в крови. Но это был не Архипов. Под плечом его расплылась черная лужа. Сунув пистолет за пояс, Дима выхватил нож и стал резать то, что

на человеке было надето, — мешковатую куртку из толстого, едва ли не пожарного, брезента и пододетый под нее теплый свитер... Рана была кошмарная. Будто бензопилой. Кровь била фонтаном. Фома Андреевич пришел на выручку — сноровисто просунул под плечо раненого ремень, сделал петлю, затянул посильнее. Автомат, отчетливо сказал раненый. Там мой автомат. Я попал в него, понял? И второй — его я тоже зацепил. Сейчас, сейчас, сказал Дима, вот мы тебя перевяжем... Громкий — пушечный — выстрел. Забивает уши. И гаснет — от сотрясения? — лампа. Луч фонарика мечется по земле и по стенам. Дима с пистолетом, присел, ствол к небу — стрелять не в кого. Фома Андреевич! — голос Архипова. Сделайте свет! Фома Андреевич избегает к двери, поперек двора ложится желтая полоса света. Светлее от этого не становится, темнота лишь раздвигается, а не рассеивается. Но, мягко прыгнув с дровенника, Архипов попадает в эту полосу и замирает, ослепленный. Появляется Фома Андреевич, в руках у него лампа-переноска, и застывает на крыльце в позе статуи Свободы — идти дальше не позволяет провод. Но этого достаточно — становится видно, что под лестницей лежит что-то бесформенное. Архипов, прижимая к животу свою пушку, мелкими шажками приближается к тому, что лежит, и Дима, целясь из пистолета в то, что лежит, обходит раненого и тоже делает два шага вперед, стараясь, чтобы тень не упала и не закрыла... это. Поросшую свалявшейся комьями шерстью обезьяну с крокодильей головой. Так они стояли и смотрели, надо было что-то делать, а они все смотрели. Автомат! — прохрипел раненый; его надо срочно оперировать, но все как в столбняке. Ниоткуда возникает Татьяна, в руках у нее бинты, она встает на колени и начинает что-то делать с раной. Дима, я на чердак, сипит Архипов, прикрой меня. Он сует Диме в руку фонарь, длинный, жестяной, китайский, а сам откуда-то взявшимся багром трогает чудовище, тычет его в бок, и оно переваливается на спину, грузно разбрасывая лапы; огромный толстый член торчит, как минометный ствол. Архипов то ли икает, то ли стонет, и Дима понимает вдруг, что Архипов боится ничуть не меньше, чем он сам. То есть — запредельно.

Внутри у Димы кто-то зашелся в визге, и лишь тело почему-то держалось как подобает. Архипов, зацепив чудовище багром за лапу, поволок его в дальний угол двора, а Дима, придерживаясь локтями — в одной руке «ТТ», в другой фонарь, — стал подниматься по лестнице. Стой, подожди, закричал Архипов снизу, но Дима уже по пояс в окне — чердак длинный и узкий, свет почти не добивает до конца — что твой вагон. Стропила низкие, не распрямиться, какие-то сундуки и ящики, комод, стол — архиповская старая мебель. Вон он, автомат, — шагах в семи. И рядом, видимый наполовину, труп второго чудовища. Лестница трясется под Архиповым. Нет, не пушу. Иду сам... Прикрывай, Петрович. Свет его мощного фонаря расстилается над полом, верх занимает огромная тень. Пистолет в правой руке. Фонарь — в левой. Пять шагов... шесть... семь... Еще чуть-чуть — и автомат... И — медленное движение где-то на краю поля зрения. Сердце повисает. Вгляд, свет — ничего. Труп мертвей мертвого. Хотя... нет. Он не шевелится, но с ним что-то происходит. Непонятно... меняется что? Цвет? Форма? Странное оцепенение во всем теле, и даже тот, внутри, замолчал. Дима замер, неподвижный, понимая, что сейчас его можно просто брать и есть. И тем не менее — нет сил шевельнуться. А чудовище преобразалось: исчезла шерсть, исчезли крокодильи челюсти... и вдруг оказалось, что перед ним лицом вниз лежит нагая девушка: мертвая, изломанная, мраморно-прекрасная. Длинные, волной, светлые волосы разметались по грязному полу, и между лопаток — бескровная дыра, в которую пройдет кулак... Ноги Димы подогнулись, он опустился на колени, и металл звякнул о металл: ствол пистолета об автомат. Этот звук подействовал, как напатырь. Не выпуская фонаря и не отводя взгляда от трупа, Дима сунул «ТТ» за пояс и потянулся к «калашу». Краткий миг безоружности был ужасен. Не в силах повернуться спиной, он стал пятиться, отступать к окну. Осторожно! — крик Архипова и тут же — ослепляющий удар в затылок. Слепота, звон в ушах, пороховая вонь. Задержались тени — Архипов протискивался на чердак. Нормально, Петрович, сказал Дима. Потрогал затылок: больно, но крови нет, — поднял потухший фо-

нарь и спокойно пошел к выходу. И, высунувшись по пояс из окошка наружу, увидел то, ради чего устраивался весь сегодняшний сабантуй: тусклые фары приближающегося автомобиля.

Архипов, подавившись матом, кошкой спрыгнул на землю. Лезть на дровенник некогда, и он, непонятно как скорчившись, устроился за колодой для колки дров. Фома Андреевич осторожно опустил лампочку на крыльцо. Машина остановилась по ту сторону ворот, мотор продолжал работать, хлопнула дверца... долгие секунды — и громкий, кулаком, стук в калитку! И Фома Андреевич, кашлянув, ровненьким-ровненьким шагом пошел открывать. Дима, положив ствол автомата на нижний срез окна, прицелился поверх его головы. Сейчас он откроет и сделает шаг влево — и упадет, когда войдут все трое...

Все, сейчас.

Нет, что-то с засовом...

Снова стук и неразборчивый голос.

Наконец калитка открывается, открывается...

И входит Василенко.

Один.

И Архипов встает ему навстречу.

Василенко без фуражки, рукав кителя оторван, на плече автомат.

— Вы тут все целы? — голос сорванный, сиплый.

— Все, Федор. Нормально.

— Доктор где?

— В доме. Случилось что?

— В больницу ей надо. Фогель там уже зашил.

Раненых...

— И у нас — Валера.

— Так он здесь был?!

— Н-ну... в общем, да.

— Сукин сын. Сильно ранен?

— Сильно, Федор.

— Слушай, Архипов, а что вы тут вообще устраиваете? Пальба у вас шла?

— У нас. Оборотни напали. Федор, давай отвезем Валеру, а потом вернемся за Лидой. Ее сейчас все равно нельзя трогать.

— Опять то же самое?

— То же самое.

Василенко длинно выругался.

Дима спустился вниз.

— Здравствуй, Федор Игнатьевич.

— И ты здесь, учитель...

— Пока вы говорите, он умрет, — сказала вдруг молчаливая Татьяна. Она так и сидела, положив голову раненого себе на колени. — Вы во всем разберетесь, а он умрет.

— Твоя правда, девушка, — сказал Василенко. — Беремся, учитель.

Когда его поднимали с земли, раненый вскрикнул. Застонал он и тогда, когда его втискивали в тесный салон милицейского «Москвича». Татьяна села с ним, чтобы придерживать по дороге.

— Садись, учитель, — сказал Василенко. — Лишним не будешь.

Переднее сиденье было липким от крови. Дима приопустил стекло и выставил наружу ствол автомата.

Город не спал. Где-то что-то горело, над крышами летели снопы искр. Василенко вел машину медленно, их обгоняли — грузовики и легковые. По тротуарам группами шли люди, несли вещи, толкали коляски. Поблескивали стволы ружей.

— Так чем вы занимались, учитель? — спросил Василенко.

— Сидели в засаде, — сказал Дима.

— На оборотней?

— Нет. На тех гадов, которые уводят людей.

— Фью!..

— Они не пришли.

— Теперь я понял вашу возню. А еще хотел сказать вам... впрочем, чушь. Теперь ясно, что чушь. Значит, охота с подсадной сорвалась... Они убили Ловягу. Около полуночи.

— Что? Убили? Ловягу убили?

— Сунули головой в унитаз и выстрелили в затылок. Прямо в кабинете. Там у него личный сортирчик был — очень кстати...

— Господи! — сказал Дима. — Он что же — один был? Там же исполком, люди должны...

— А не было никого. Разбежались, что ли. Непонятно. Но в общем, никого не было. А может, не видели. Может, нечего было и видеть...

Дима сидел как пришибленный. Странно — смерть этого гэбиста показалась вдруг многозначщей. Не просто смерть, одна из многих за последние дни, а знак. Неясно чей, неясно, кому поданный, но — знак.

Не забыть позвонить, подумал он.

Перед распахнутой дверью приемного покоя стоял «уазик» скорой помощи, и шофер шарил лучом прожектора по разломанной местами больничной ограде. Оттони чуток! — крикнул Василенко. Шофер кивнул и тронул свою машину. Качнувшийся луч вдруг выхватил из темноты что-то длинное, змееобразное, приподнявшееся было над забором. Тут же ударила автоматная очередь, полетели щепки. Из-за забора донесся вой. Помогай, учитель, сказал Василенко. И ты, девушка...

Втроем они отнесли раненого в приемный покой. Там был ад. Люди лежали на кушетках, носилках, на голом полу. Некоторые могли сидеть, кто-то ходил, убаюкивая боль. Кто-то плакал. Кто-то стонал, кто-то ругался. Кто-то уже умер. Пахло кровью и мочой. Старуха медсестра сделала Валере укол. Так что, Федор Игнатьевич, сказала она Василенко, до утра на припасах дотянем — и все. Хуже, чем в войну. Хуже, старая, кивнул Василенко. Учитель, ты с автоматом — иди наружу, карауль. А ты, девушка Татьяна, пройдишь по больнице, собери пустые бутылки, бензин я подвезу. Попробуем огонь...

Запасные магазины числом три нашлись в карманах огромной Валериной куртки. Перегружая их к себе, Дима вспомнил наконец, кто такой этот Валера. Тот самый пропавший неделю назад милицейский сержант, о котором Архипов сказал, что он якобы попытается пробраться во внешний мир; будто бы после того, как отрубило связь, а на дорогах появились странные посты, заворачивающие назад все машины, Василенко послал одного из своих парней с письмом через тайгу... Значит, не прошел. Ясно...

Парень в штормовке и с дробовиком в руках показал Диме — встань туда! Забор был шагах в тридцати,

неровно-белый в падающем из окон свете. Слева был темный сарай, еще левее — заросли. Оттуда можно было ждать нападения. Дима отсоединил магазин, выпелкнул несколько патронов. Серебряные пули шли через две на третью. Зарядил в том же порядке и стал ждать.

Нападение началось через полчаса. Ударило несколько выстрелов, и заросли будто взорвались, вспенились — огромными прыжками, зависая в верхней точке и стремительно ныряя к земле, из них рванулись бесформенные темные комья. Тут же несколько прерывистых огненных черт сошлись в центре этого выброса — взвились клубы огня. Пронзительный визг ударил по перепонкам. Не там, не там! — крикнул кто-то, и Дима уже видел, что главное не там: над крышей сарая приподнялись, посверкивая красными точками, с десятков черных бутристых туш. Дима бросил автомат к плечу и выстрелил не целясь — крайняя туша осела, а остальные, продолжая визжать, понеслись по скату. Тремя выстрелами он сбил еще двоих. Над самым ухом грохнул дробовик, и еще одного паука буквально разорвало пополам. Уцелевшие прыгали на землю и рассыпались веером. Дима ударил короткой очередью — еще двое покатались. Справа заработал другой автомат. Кто-то стрелял из окна больницы. Рядом раздался крик — паук опрокинул кого-то и вгрызлся, задрав брюхо вверх. Очередью его разнесло и отбросило, но некогда было смотреть, что с человеком. Еще один паук, подбежав, высоко подпрыгнул, целясь в окно. Навстречу ему пальнули из дробовика — мимо! Раздался звон стекла и шум падения. Следующего паука, пытавшегося последовать за ним, Дима сбил влет. Сзади хлопнуло три выстрела, Диме рвануло рукав — и под ноги ему подкатился убитый паук. В больнице, в больнице, кричала женщина, они внутри! Коридор и снова коридор, разломанная дверь, паук, оседлавший труп, — поднимается, готов прыгнуть, — Дима успевает выстрелить. Летят клочья. Там еще, еще! Дима меняет магазин, ногой сбивает болтающуюся створку двери. Палата. Мертвые. Четыре паука тупо возятся на трупах. Дима видит, как пули разносят их на части. Наконец кончаются патроны. Снаружи стрельбы тоже не слышно. Дима поворачивается,

чтобы уйти, и сталкивается с Татьяной. Пойдем, пойдем, говорит он, тут уже все...

Снаружи светло — бензиновые костры. Стойте, туда нельзя, хватает Диму за руку женщина с чадающим факелом в руке. Видите, что за теми попрыгунчиками тянется... В неровном свете переливаются плывущие волнообразно нити. Там, где Дима стоял, кто-то лежит, корчась, и нити обвивают его со всех сторон. Уже все, говорит женщина и крепко держит Диму, я видела, я знаю. Уже не помочь...

Провал.

После провала: Дима, Татьяна и незнакомый мужчина с вертикалкой — у окна. Кажется, второй этаж. За забором что-то горит — тускло, дымно. Несколько огненных трасс — по ту сторону вспыхивают костерки, идет треск и шипение.

— Не любят огня, — голос у Татьяны сдавленный, страшный.

Провал.

Двор — и, кажется, светает. Гнусная вонь горелой шерсти: мертвых пауков свалили кучей, облили бензином и подожгли. Клейкие нити еще плавают в воздухе, но их уже мало — это почти не опасно.

— С Леонидой-то Яновной дело пошло, — сказала старуха сестра, принимавшая Валеру; она сидела рядом с Димой и смолила беломорину. — Золотые рученьки у докторицы, дай ей Бог здоровья... И ваш паренек поправится, поправится... сильный, красивый, такие поправляются. Я ж все четыре года на фронте была, видела, знаю. Девочка такая хорошая у него, помогает, делает все. Выходим, выходим. Невеста, наверное, его?

— Моя, — сказал Дима.

— Ай, повезло-то как! Такая девка чудная, просто слов нет. Э-эх, будь таких на округу десятков, так и беды, мобыть, не стряслось бы...

— Много убитых? — спросил Дима.

— Много, милоч. Не считала, но много. А сколь по своим домам лежат-дожидаются... За грехи напасть и кара лютая... а подумать — детки-то при чем? Им-то за что такие муки? Неправильно это.

— Неправильно, — согласился Дима.

— Тот же Содом взять... Господь сказал: помилую, если същутся десять праведников. А кто ж их искал? Ангелы взаперти у Лота всю ночь просидели, вернулись, сказали: нет десяти праведников. А дети невинные и младенцы? Они не праведники ли? Не может же быть, чтобы в городе десяти младенцев не нашлось... Нет, неправильно это. Нельзя карать. Нельзя никогда.

Подошел невысокий человек в длинном кожаном плаще. Оружия у него не было.

— Извините, вы Вышнеградский? — наклонился он к Диме.

— Я, а что?

— Отойдемте на пару слов...

Голос его показался Диме смутно знакомым. Но голова отказывала начисто — ни думать, ни вспоминать не хотелось.

— Я Зайчиков, — сказал человек. — Из краевого у-ка-гэ-бэ. Видите ли, на календаре покойного капитана Ловяги последняя запись была такая: «Поговорить с Вышнегр.». То есть с вами. Поэтому...

— Постойте, — оторопело перебил Дима. — Вы-то сами откуда взялись?

— Я здесь уже неделю.

— Вот оно что... Тогда понятно.

— Так вот, насчет капитана... Курить будете?

— Бросил.

— Правильно сделали...

Тот, который назвал себя Зайчиковым, вытащил из пачки сигарету, зубами, оскалась, зажал фильтр и поднес к лицу зажигалку. Зажигалка протяжно щелкнула и вдруг вся засветилась глубоким малиновым светом. И сразу же — как ударили по голове — ничего на свете не стало, кроме этого малинового света. Земля исчезла из-под ног, и воздух сделался пустым. Дима повис над горячей бездной, рухнул вниз — и прошел ее насквозь.

Он твердо стоял на ногах, а вокруг с шипением испарялись только что бывшие перед глазами картины, уступая место другим, тем, что скрывались за ними. И все, что он помнил, съеживалось и сворачивалось свитком, открывая другую память. Но не исчезало полностью...

— С возвращением, сайр, — сказали рядом.

Гэбрил обернулся. Голова закружилась, повело в сторону, он переступил, чтобы не упасть, и натолкнулся на магнуса Зоунна, квинтала «пси-лавверов». Зоунн был в гражданской форме и без оружия.

— Простите, магнус, — сказал Гэбрил. — Оступился.

— Не отвлекайтесь, сайр, — строго сказал магнус. — Процедура. Перечислите уровни, на которых побывали.

— Самех, Мем, Йод, Вав, Зайин...

— Вав, а затем Зайин — именно такая последовательность?

— Да, магнус. Я думаю, мониторинг подтверждает...

— У уровня Вав мониторинг прекратился, так что вся надежда на вашу память, сайр. Два часа вам на сон, час на восстановление. Затем — вас ждет тоун Джаллав.

— А что случилось? Я понял так, что меня отозвали экстренно...

— Во-первых, вас еле нашли. Это была моя идея — поискать вас в уровне Зайин. Как вас могло забросить из Вав на более высокий уровень — непонятно. Так что с вас пиво, сайр. Шучу, конечно. Во-вторых, не вернулось уже четыре разведчика, с мониторингом творится невообразимое... Постарайтесь отдохнуть как следует. Разговор будет долгим.

6. МИКК

— Забываете старика, — бурчал Дед, провозжая Микка и Кипроса в недра своей большой, но донельзя захламленной квартиры. — Не звоните, не приходите, как и не было вас никогда...

— Закрутило, — оправдывался Кипрос, — что делать, жизнь-не жизнь...

Потом, когда край стола удалось расчистить от книг, газет и почему-то географических карт и на освободившийся пяточок водрузить картонную канистру рейнвейна, пакет с бутербродами и пожелтевшие от времени фарфоровые стаканы с полустершимися императорскими львами, когда расселись вокруг и с удовольствием посмотрели друг на друга, когда, наконец, наполнили

стаканы и отпили по глотку за здоровье хозяина дома, Дед сделался серьезным и спросил:

— Что, ребята? Случилось что-нибудь?

— Случилось, — сказал Кипрос и начал рассказывать — и за себя, и за Микка.

Дед молчал и слушал, время от времени пригубляя стакан. Микк следил за тем, чтобы стаканы не пустели, и тоже слушал. В чужом изложении вся история казалась совершенно невозможной. Кипрос говорил медленно, обстоятельно — делал доклад. Наконец он замолчал.

— Это все, что у тебя есть? — спросил Дед.

— Пожалуй, все. Возможно, есть и другие факты, но я пока не могу сопрячь их с этой темой.

— Например?

— Ну, например... например, один знакомый психиатр рассказал о недавно возникшем синдроме: у людей появляется чувство, что один и тот же день они проживают два, а то и три раза. Не «дежа-вю», а наоборот: дожив, скажем, до вечера, они возвращаются в утро того же дня и получают возможность прожить его по-другому. Память о предыдущем проживании затуманена, но сохранена. Похоже, Микк столкнулся с этим же...

— Хорошо... Ладно, ребята, давайте посмотрим, что есть у меня. Кип, сними-ка с полки вон те папки. Где-то это все там...

Впрочем, нужная папка нашлась совсем в другом месте. Дед сдул с нее пыль, открыл. Газетные вырезки, письма, выпцветшие школьные тетрадки, сшитые черными нитками, бланки...

— Ага, вот... это я составлял год назад. Так, а где же очки?..

Очки не сразу, но нашлись.

— Итак, итак... Год тысяча девятьсот двадцать восьмой, эпидемия «лихорадки Вильсона». Возбудитель не выявлен, путь заражения не выявлен, смертность около сорока процентов. Однако выжившие после нее отличаются отличным здоровьем и ростом общих жизненных сил... женщины в частности — высокой плодовитостью. Считавшиеся бесплодными рожают детей... этому, в сущности, и посвящена статья. «Терапевтический вестник», тридцать третий год. Там же, в тридцать восьмом году,

те же авторы: наблюдения за детьми, родившимися у переживших эпидемию... разного рода аномалии... В этом же году оба автора, Гейнс и Аум, казнены как отравители. С сорокового по восьмидесятый год — великое множество публикаций о неких людях-мутантах, наделенных различными необыкновенными качествами. Однако в научной литературе таких публикаций нет вообще. Что странно, конечно, поскольку феномен имел широчайшее распространение. Зато в сельскохозяйственных и биологических журналах довольно много сообщений о появлении всяческих странных форм в растительном и животном мире... Впрочем, без анализа и без обобщений. Опять же, какой может быть анализ, всех косили под газон... только самоубийца хотел обратить на себя внимание... Впрочем... впрочем, самоубийцы были. Тридцать второй год, доктор биологии Фердинанд Хеллем, монография «Резервная система наследственности», в том же году доктор повешен, тираж книги конфискован и уничтожен, но несколько аннотаций и рефератов найти удалось... Трактует появление новых форм растений и животных как активизацию некоей резервной системы наследственности под действием стрессовых факторов, в основном — техногенных. Тридцать четвертый год, некто Снарб: разъезжает по городам со зверинцем, который называется «Монструариум». Демонстрируются, в частности, гибриды кошки и собаки, осла и свиньи. Снарб утверждает, что делает это с помощью присущей ему витальной силы. Тридцать восьмой — тридцать девятый годы: из разных мест сообщения о крестьянах, выращивающих на своих полях доселе неизвестные культуры... и о том, как с ними расправляются соседи. Сороковой и сорок первый годы: невиданное грибное изобилие. Я сам помню: это было что-то невообразимое. В городе — мостовые поднимались. Ну, дальше война, потом все эти послевоенные приключения... Шестьдесят седьмой год, «Тайна форта Анджейл» — документальная повесть Севастьяна Коруня, известного в те годы детективщика. Человека с очень большими связями в УНБ. Якобы в сорок третьем году в одном из юго-восточных укрепрайонов было собрано несколько сот так называемых мутантов — то есть лю-

дей с экстраординарными способностями. Сделано это было под эгидой Имперской контрразведки и так называемого Корпуса кавалергардов... Чем занимались там мутанты — неизвестно. Хотя, если исходить из того, что вообще известно о делах кавалергардов, — они пытались создать новую реальность...

— Не понял, — перебил Кипрос. — Как это?

— Подробности письмом, — усмехнулся Дед. — И вообще — это мои личные предположения... В сорок восьмом году, за две недели — подчеркиваю! за две недели до капитуляции форт Анджейл окружила штурмовая бригада и курсанты егерской школы. Они уничтожили всех — включая охрану. Потом что-то сделали, и форт затопило. Союзники пытались проникнуть в него, но у них ничего не получилось: мутная вода и множество мин. Уже после выхода повести состоялось несколько экспедиций туда — безуспешных. Люди гибли, а найти ничего не удавалось... Интересно другое: по этому же сценарию разворачивались события в других местах и в другое время: инцидент с лайнером «меркурий» в шестьдесят третьем, карантин в бухте Успенья в шестьдесят четвертом, армейская блокада дельты Пярны в семьдесят первом, Каперский инцидент восемьдесят второго года, очень странная и, видимо, попадающая в этот перечень катастрофа в аэропорту имени Мирдвича в девяносто четвертом, события в Платиборе в двухтысячном... этому я был свидетелем... наконец, то, что происходит в Альбасте последние три года.

Дед замолчал, перелистывая бумаги в папке. У него были очень сухие тонкие пальцы с коричневыми ногтями.

— С тех же примерно годов, с двадцатых, медленно идет процесс, который я назвал истощением образности. Объясняю: мир, наблюдаемый нами, представляет собой не более чем описание мира, существующего в действительности. Я понимаю, что сейчас вокруг этого мы можем затеять спор и спорить до посинения наших трупов. Поэтому просто прошу принять это утверждение как аксиому, тем более что никакая иная точка зрения к результату нас не приблизит...

Микк почувствовал вдруг, что смертельно устал. Не было сил продолжать слушать эту невозможную лек-

цию, тем более что — Микк отлично знал — Дед мог говорить часами. Черт знает, приближало это к решению или отдаляло?.. Или не имело значения вообще и было пустым мудрствованием? Микк перестал сопротивляться, уснул, вздрогнул и проснулся.

— ...напоминает обеднение языка. Мой дед беседовал с дьяволом, как я — с вами. Душу не продал, счел слишком высокой платой за... впрочем, неважно. Мать занималась тем, что отводила ворожбу и проклятия — причем одно время, я помню, это было главным источником доходов. На моих глазах исчезли домовые. Самые страшные заклęcia потеряли силу. Духов стали вызывать для развлечения — и являлось что-то потешное. Мир стремительно упрощался, теряя всю свою надрациональную сторону. Правда, во время войны был какой-то не совсем понятный всплеск... то ли сильные эмоции слишком многих людей так действовали, то ли те ребята в форте Анджейл... но на короткое время все вернулось. И снова кануло — уже окончательно. Но оскудение коснулось не только надрацио. Оно начало распространяться на все прочее. Это почти невозможно объяснить — но мир упрощается. Из него постоянно что-то пропадает. Причем эти исчезновения немыслимо трудно заметить. То, что остается, тут же затягивает брешь. Понимаете, это исчезновение не предмета, а понятия. Понятия о предмете. Раз нет понятия, то и потери не чувствуешь.

— Но это же естественно, — сказал Кипрос. — Что-то появляется, что-то должно исчезать...

— Я не об этом. Совсем не об этом... — Дед снова зашелестел бумажками. — Вот пример. Школьные сочинения тысяча девятьсот восьмого и тысяча девятьсот семьдесят восьмого, статистическая обработка. Вольная тема. Гимназисты начала века на сто человек использовали семьдесят шесть фабул, суммарный словарный запас — шестнадцать тысяч слов. Гимназисты семьдесят восьмого года — одиннадцать фабул на сто пишущих! Словарный запас — шесть тысяч пятьсот. Сочинения на темы литературных произведений: из ста гимназистов девятьсот восьмого сорок три вполне отчетливо изложили и прокомментировали «Орох» Вильденбратена; в

семьдесят восьмом — ни один! Многие пересказывали содержание, но никто не мог сказать, о чем, собственно, писал классик. И дело не только в хреновом преподавании, а просто мир упростился и многое из написанного перестало сопрягаться с реальностью. Вымирает поэзия — тот уровень связей, на котором она существует, для современного человека почти неразличим. Короче, наш мир оскудел до невозможности... и, мне кажется, поскущел. Для описания жизни современного человека нужно совсем немного слов...

— А при чем все это? — спросил Микк, чтобы хоть собственным голосом отогнать дремоту.

— Вот к этому я и перехожу. Кстати, вы обратили внимание, как часто мы используем слово «это»? Как часто повторяемся? Как часто в новостях нам сообщают одно и то же, только разными словами? В современных книгах — тоже сплошные перепевы и повторы... а это значит, что люди так видят и воспринимают мир. И от этого никуда не деться... нам не выйти за пределы языка — языка, которым наше сознание описывает то, что в него проникает.

— Получается так, что наш разговорный язык — это производное от того внутреннего языка... я правильно понял? — подался вперед Кипрос. — И видимое его обеднение — это признак того, что беднеет внутренний язык?

— Я не стал бы называть его производным, — сказал Дед. — Там более сложная зависимость. В сущности, каждый человек владеет минимум тремя языками: языком восприятия — который позволяет сознанию перешифровывать поступающую от органов чувств информацию, — языком общения — ну, это понятно, — и языком перевода с языка общения на язык восприятия. Не запутались?

— Нет, — сказал Кипрос. Микк промолчал.

К чему он ведет, интересно, подумалось ему. Где-то ведь все то, что рассказали мы, и все то, что говорит он, должно пересечься. Но, черт возьми, где? И Кип... какой он сегодня странный. Пропала женщина, к которой он был, в общем, неравнодушен. И что? Волочет меня к этому заувному старику... и опять непонятно — зачем? С целью окончательно добить мои мозги?..

— ...мозга не снизилась, — услышал он голос Деда. — И какой тогда вывод мы можем сделать из всего сказанного? Ну, парни? Машина работает, как работала, горючее жрет, как жрала, — а мощность падает и падает? Значит, часть мощности уходит налево, так?

— Получается, что так, — медленно сказал Кипрос. — То есть...

— То есть мозг каждого из нас помимо своей основной работы делает что-то еще, неподотчетное сознанию. И со временем доля этой работы становится все больше и больше. И я подозреваю, что она давно перевалила за половину.

— И что это за работа? — спросил Микк. Вся сонливость куда-то исчезла.

— Участие в коллективном разуме.

— И всего-то? — пожал плечами Микк. — Эта мысль обсабывается уже миллион лет.

— Не могу согласиться. Обычно под коллективным разумом подразумевают сумму всех более-менее взаимодействующих сознаний. В нашем же случае...

— Я понял, — сказал Кипрос и посмотрел на Микка.

— Я, кажется, тоже понял... — помолчав, сказал Микк. — И что из этого следует?

— Это только одна сторона дела. Не зря же я так долго рассказывал про мутации и прочее. Я имею все основания предполагать, что, помимо коллективного разума человечества... прошу прощения, я перебыю сам себя. Разум этот существует в мозге, состоящем из нервных клеток, роль которых играют наши собственные мозги, вот эти, — Дед постучал себя костяшками пальцев по черепу, — и связующих путей, а именно: всех форм обычного общения, плюс почта и прочие телефоны, плюс компьютерные сети, плюс сенситивные средства. Так вот, помимо этого разума существует другой, включающий в себя информационные системы растений, насекомых, прочей живности — и некоторых людей. Тех, которые — помните? — так хорошо умели с этой живностью обходиться... Возможно, люди эти включены и в ту, и в другую систему... тем им труднее приходится...

Дед помолчал, глядя куда-то мимо всего.

— Потому что оба эти разума бьются сейчас насмерть.

Что-то, медленно поворачивавшееся в голове Микка, со щелчком встало на место.

Он зачем-то поднялся на ноги, стоя налил себе полный стакан вина и стоя же выпил до дна. Война, подумал он. Конечно же, война. Как я не понял раньше?.. Логика войны, да, логика войны так и проступала сквозь все происходившее, и непонятно было лишь — кто с кем? Так... и что же теперь делать? Быть марионеткой, солдатиком — или... или что? Разве есть выбор?

— Интересно получается... — протянул Кипрос. — Если так... да. То есть... хм. Секунду. Связь между людьми и людьми осуществляется понятно как. А между людьми и... м-м... биосферой?

— На эту тему было много работ, — сказал Дед. — Но все не слишком убедительные. Хотя ясно, что каким-то материальным носителем информации стороны обмениваются. Известно, например, что растения чувствуют настроение человека...

— Ну да, — кивнул Кипрос. — А те люди, значит, ни о чем таком не подозревают. В то время как противная сторона...

— Исчезнувшие, — прошептал Микк.

— Исчезнувшие? — поднял брови Дед. — Не думаю. Скорее всего, их просто сожрали. Те твари, которых ты препарировал, Кип. Иначе почему такая локализация исчезновений, почему только деревянные дома? С другой стороны... мутантов ведь уничтожали просто варварски. Так что не исключено... э-э... что причиной было...

— Это раньше, — сказал Микк. — А сейчас?

— Кодоны, — сказал Кипрос. — И эрмеры...

— Точно, — сказал Микк. — Кодоны возникают в информационных сетях. И тогда получается, что этот самый общий интеллект генерирует их именно для проверки ячеек. Если реакция нормальная — свой. Если же...

— Тогда считается, что его убили в интересах безопасности граждан, — подхватил Кипрос. — И что интересно — так оно и есть на самом деле. Во всех смыслах.

— Суки... — Микк сам не знал, кого он имеет в виду. Вдруг навалилась чернота. Дыхание перехватило. Ост-

рый запах разрытой земли и другой, ни на что не похожий резкий запах, пробуждающий какие-то древние, еще дочеловеческие воспоминания, наполнили собой воздух. Призрачный холод коснулся лица. И — остановилось время.

Это было так внезапно и так страшно, что Микк закричал.

От крика осыпались и стали пыльными холмиками тела Деда и Кипроса. Мгновение спустя мягко развалился стол, за которым сидели, ящики, шкафы и стеллажи, громоздившиеся вокруг, двери, ведущие в другие комнаты, и то, что стояло за этими дверями. Беззвучными медленными водопадами стекли на пол книжные полки и антресоли, ковры и картины. По колено в пыли, Микк стоял один среди четырех стен, перед тремя дверьми, ведущими бог знает куда. За окном без переплета и стекол висела непроницаемая мгла.

7. МИШКА

Наконец настала та ночь, когда салабон Мишка Грачев ушел в побег, разом поставив жирный крест на всей своей никому не нужной салабонской жизни. Он давно знал, что эта ночь когда-нибудь настанет, и все равно она настала неожиданно, вдруг, и поэтому с собой у Мишки было только два десятка черных сухарей, немного соли, банка свиной тушенки и три коробка спичек. Он сознательно шел безоружным; штык-нож не в счет, а к гранате, взятой на последний случай, отношение было особое. Не как к оружию. Другое.

Мишка не мог вспомнить, когда именно понял, что уйдет. Вряд ли в учебке, просыпаясь в грязи и вони серых десятиместных палаток — и погружаясь в гнойный бред первых армейских недель. Тогда он давил в себе тоску и уверял себя, что перетерпит. Да, тогда казалось, что можно перетерпеть. Что трудно сейчас, а потом будет лучше. Каждую ночь шли разборки. Тем, кто успешнее давил других, цепляли лычки.

Потом их, воняющих ненавистью и страхом, загрузили в гремящее железное брюхо «семьдесят шестого».

Через три часа, вывалившись под другое небо, среди каменных гор, Мишка на минуту подумал — поверил, — что может быть другая жизнь — как оправдание всему предыдущему.

В этот же день Сашка Челганов снова бил его в туалете, и снова Мишка сумел устоять — пожалуй, единственный в отделении. Он с детства хорошо держал удар.

Через неделю Сашка сгорел у него на глазах: выстирал хэбэ в бензине — от вшей — и, недосушив, надел. И пошел покурить...

Высокий голос муллы возникал каждое утро. К нему невозможно было привыкнуть.

Температура на солнце доходила до семидесяти. В один из дней от тепловых ударов двое умерли, а сержант Байгушев сошел с ума. Это был тот день, когда пропал замполит. Вот только что его видели — и все. Среди бела дня. Среди дурманной, как анаша, жары.

Белые горы стояли слева. Белая пустыня лежала справа. На закате соль сверкала, как стекло.

То, что нашли от замполита, уместилось в полиэтиленовом мешке.

Перед рассветом роту затолкали в вертушки и высадили на горном пятачке. Ну, Грач, если звякнешь... — Ряшкин поводит у Мишки перед глазами пятнистым кулаком. Мишка молча попрыгал. Ряшкин был из невинных дедов. Не то что Титенко. Или Амиров.

Весь долгий спуск Мишка видел перед собой только спину Ряшкина и его же сапоги. Ступать надо было след в след.

Все произошло одновременно: распахнулось ущелье, и солнце появилось из-за вершин, и ударили первые выстрелы — вдалеке. Кишлак, зажатый с трех сторон горами, лежал перед ними, а по ту сторону кишлака, по полям — дымили БМП и крошечные серые фигурки, появляясь и пропадая, разворачивались в редкую цепь.

Над самой головой с грохотом пронесся «крокодил», и тут же, чуть в стороне и выше, — еще один. Белый сварочный огонь засверкал среди домов, мгновенно вспухая, багровея и обволакиваясь жирным дымом. «Крокодилы», полыхнув отраженным от лопастей солнцем, раз-

вернулись и, опустив носы, пошли назад, как бы приносясь к тому, что еще осталось на земле. От одного потянулись дымные трассы, и там, где они касались домов, вверх летели пыль, земля, дерево, камни...

В реве и грохоте пулеметная очередь почти затерялась, но вспышки на борту ближнего «крокодила» увидели все. Что-то отлетело от вертолета и стало падать. Сам он задрал нос и, пустив под себя струю сизого дыма, завертелся на месте — будто в поисках обидчика. Второй «крокодил» резко набрал высоту, завис, развернулся, опустил нос... Теперь Мишка видел его лицо в лицо: пустые глаза турбин, опущенные книзу крылышки — как линия покатых плеч... Ложись! — заорал кто-то и толкнул Мишку в спину. Все покрыл гром. Земля ударила в грудь. По каске барабанили мелкие камушки, а тела Мишка не чувствовал. Но встал. Оказался на ногах. Над скалами слева — метрах в пятидесяти — расплывалась туча. Бегом! Бегом! Подбитый вертолет опускался на дома. Второго уже не было в небе — ушел. Подбитый, сильно дымя, сел на улицу и завалился на бок — лопасти, ломаясь и взметая пыль, ударили по земле.

Что было после — Мишка помнил плохо. Летела под ноги каменистая земля, и колючие кусты не цеплялись почему-то, а пропускали навывлет, и качались навстречу утонувшие в зелени белые лачуги — а потом, как-то сразу, его окружили покатые дувалы — слепые стены без окон. Солнце заливало все бешеным светом, а впереди вставала стена черного дыма. Маленький ослик дергался в пыли. Уже три «крокодила» утюжили небо. Внезапно Мишка понял, что давно не слышит ни звука — и, наверное, потому ничего не понимает. Солдаты выбивали двери, взмахивали рукой — и иногда из дверей вырывался кто-то бесформенный, черный — и оставался комком у порога. В узком окошке под самой крышей дома, запиравшего улицу, что-то сверкало — и надо было лежать и притворяться мертвым, как те двое, что шли чуть впереди. Потом Мишка оказался в саду, среди деревьев и лоз, и Ряшкин с черным лицом вел его за собой. За невысоким забором они чуть не провалились в яму, полную живых неподвижных лиц, — и Ряшкин, тесня Мишку, отходил и отходил назад, а потом знакомо

махнул рукой, и в этот момент Мишка увидел старика в синем халате и белой чалме, старик медленно-медленно поднимал к плечу длинную винтовку и наклонял голову к прикладу, а потом винтовка плюнула белым дымом, и Ряшкин исчез, а в яме вспыхнул белый огонь и погас, и когда он погас, Мишка почувствовал, что там не осталось ничего живого, будто что-то замолчало в нем самом, а со старика слетела чалма, и он, воздев руки, стал валиться назад, а автомат все еще бился в Мишкиных руках. Дальше шел настоящий бой. БМП горела, своротив угол дома, а другая, прячась за ней, била из пушки куда-то сквозь чадный соляровый дым. Потом бешеная стрельба началась где-то сзади. Подбитый вертолет тоже горел, а оба летчика без голов валялись посреди улочки, рядом с чем-то настолько обугленным, что и не понять, кому эти тела принадлежали раньше: мужчинам, детям или женщинам. Конечно, им за летунов по миллиону платят, сказал кто-то, не то что за нас, идиотов, — по полста... Это не война, почему-то подумал Мишка именно в те минуты, преодолевая странную глухоту, не позволявшую слышать себя. Он еще не знал, что придет на смену слову «война» — но что-то же должно было прийти...

Мусульманский полумесяц висел в центре неба.

Даже небо нерусское, и знакомые созвездия куда-то исчезли...

Побег был предприятием смертным.

Нельзя попадать к своим — это трибунал и дисбат. То, что рассказывали о дисбате, было страшнее всего.

Нельзя попадать к местным афганцам: из страха и из корысти выдадут, продадут за деньги или поменяют на цинку патронов или на бензин. Такое уже бывало — правда, решали все, не вынося сор из избы. Трудно сказать, было ли это лучше дисбата.

А нужно, держась караванной тропы, пройти километров сто на юг и там попробовать сдаться тем, которые приходят из Пакистана. Шанс выжить — один на миллион.

Ничего другого судьба ему не оставила.

...Двое держали Мишку за руки, а ефрейтор Амиров коротко ударил его в солнечное сплетение, и когда Миш-

ка повис, задыхаясь, коленом врезал ниже пупа — так, что отнялись ноги. Потом, лежащего, его обоссали, стараясь попасть в лицо. Ладно, пока все, сказал Амиров, остальное дома. Костя, глаз с него не спускай...

Под ногой шевельнулся камень. Куда-то вниз с тихим шорохом посыпалась щебенка. Мишка замер. Предчувствие пули сдавило затылок. Лиловый свет обрушился сверху — и Мишка, сжавшись, бросился в черную яму, открывшуюся у его ног. Хлопок и шипение ракеты догнали его...

Надал он долго.

Очнувшись, никак не мог понять, что с ним случилось и где это он находится. Лежать было удобно, и не хотелось шевелиться. Откуда-то проникал пепельный свет, касаясь невзначай причудливых сводов. Перед лицом чернела глубокая клякса с одинокой звездой в центре. Последней надеждой казалась та звезда. Миллионолетняя толща холода отделяла ее...

А потом Мишка услышал шаги. Сдвоенные, вперебой, тяжелые и уверенные шаги тяжелых и уверенных людей. Он не шевельнулся, только скосил глаза. И увидел, как два силуэта пересекли пятно пепельного света и пропали. Неясный ужас остался после них — как запах табака.

Он досчитал до ста и только после этого стал подниматься на ноги. Рыхлая глина не хотела отпускать. Острая боль пронзила лопатку — Мишка перевел дыхание и все же встал прямо. Банка, догадался он, банка в венчешке... хорошо, не по хребту... Он стоял в невысокой сводчатой пещере. Прямо уходил, изгибаясь, узкий коридор: из него и проникал сюда этот слабый свет. Похоже, что в нескольких шагах отсюда коридор этот пересекался другим, поперечным, темным. Мишка отряхнул с себя остатки глины, поправил мешок, пошевелил лопаткой: было больно, но терпимо — в первый раз боль взяла только неожиданным своим появлением, — и двинулся вперед.

Действительно, был поперечный коридор, и слева, откуда шли те двое, доносился невнятный гул, угадывался далекий красноватый свет и шел теплый, пахнущий чем-то механическим воздух. Мишка не стал за-

держиваться и торопливо дошел до поворота пепельно-светлого коридора. Повернул, скрылся от возможного чужого глаза и прислонился к стене. Почему-то заколотилось сердце.

Стало светлее — будто совсем рядом было окно, выходящее в пасмурное утро. Уже стремясь к чему-то, уже заранее открываясь, Мишка сделал еще несколько шагов...

Перед ним были ступеньки, старые, стертые ногами, почерневшие ступеньки лестницы его родного подъезда, и деревянные перила, крашенные темно-зеленой бугристой краской, и серый половичок, аккуратно расстеленный... и пахло мокрым деревом, и мокрой пылью, и мокрой мешковиной половой тряпки — Марья Петровна ушла минуту назад... Мишка вытер рыжие от глины сапоги и стал подниматься вверх, и третья снизу ступенька закрипела, как скрипела она всегда. А на площадке у батареи сидела, съездившись, голая девочка лет четырех — и Мишка неведомо как понял, что на самом деле ее здесь нет, она сидит за много километров и много лет отсюда, но видеть ее можно и здесь — только видеть, но не говорить с нею. Он остановился, не зная, что нужно делать, а девочка вдруг стала удаляться, удаляться — не уменьшаясь, не исчезая, а просто предъявляя всё разделяющее их время и расстояние, — и Мишка вдруг смутился и быстро шмыгнул мимо — и уже через ступеньку преодолел вторую лестницу и ткнулся в свою дверь.

Она открылась легко, незапертая, и от ворвавшегося сквозняка закружились по углам пушистые спиральки домашней нетронутой пыли. На вешалке висели старые пальто и куртки; с полочки для шапок свешивался длинный коричнево-зеленый шарф. Лампа в выпцветшем пластмассовом колпаке горела слабо, вполнекала. Мишка стоял на пороге своего дома, не решаясь сделать последний шаг...

«Случай на мосту через Совиный ручей» назывался тот рассказ, значит, вот оно как бывает, значит, в меня все-таки попали... Мишка поднял руку — потрогать затылок, запоздало испугался — на миг все заledenело — иллюзии: под пальцами теплые сгустки и осколки кос-

тей... Нет, затылок был стрижен и цел. Он постоял еще немного, уверил себя, что готов ко всему, и вошел в дом.

Ничто не исчезло.

Тогда он закрыл за собой дверь.

Из ванны он выбрался совсем другим человеком. Подумаешь, ржавая вода из горячего крана... Растираясь колючим слежавшимся полотенцем, он еще раз попытался заставить себя подумать о том, что происходит, и не смог — и решил отказаться пока от этих попыток. Надел серые застиранные плавки, новые носки, старенькие, но чистые вельветовые штаны светло-кирпичного цвета и махровую белую с зеленым футболку. Забытое чувство: прикосновение своих вещей...

Чайник, конечно, уже готов был взорваться. И в кастрюле осталось воды на самом дне. Мишка, ухмыльнувшись довольно, долил воду и в чайник, и в кастрюлю — и сел на свой стул в углу, положив локоть на стол. Клеенка показалась холодной, как железо.

Свет тускловат... или просто так кажется? И на улице — крошечная тьма. Надо бы выключить свет, подумал Мишка, и тогда посмотреть в окно — но не двинулся с места. Наконец чайник зафыркал. Преодолевая лень и ломоту, Мишка встал, ополоснул заварочник, высыпал в него полпачки зеленого — другого не нашлось, — залил кипятком и набросил сверху полотенце. Тут же закипела и вода в кастрюле. Пельмени смерзлись в ком, он поковырял этот ком ножом, разобрал его на фрагменты и бросил то, что получилось, в белый кипяток. Посолил, закрыл крышкой, убавил пламя. Быстро, чтобы не передумать, шагнул к выключателю и погасил свет.

Да, темнота за окном была не сплошной. Просто — как он мог это забыть? — до пол-окна поднимался близкий брандмауэр, а за ним еще кусок пространства занимала глухая крыша магазинчика речного ОРСа. А вот поверх крыши было что-то смутно видно: какой-то отсвет на низких облаках, очень далекие и очень медленные искры, всплывающие в небо... Он долго вглядывался во все это, но ничего другого не увидел. Потом за спиной зашипело, и дважды отраженный синий огонь стал жел-

тым. Мишка вернулся к плите, сдвинул крышку и подул, сгоняя пену.

И, не включая свет, сел в свой угол.

Все-таки умер, подумал он. Или умираю. И мне чудится, что я дома. А может быть, я так и проживу здесь до старости?.. Он задохнулся от непостижимости этой мысли. Но тогда... Танька?..

...А почему ты так уверен, что умрешь, спросила она однажды. Только потому, что вокруг умирают другие? А если все это лишь придумано для того, чтобы ты поверил, что и с тобой такое должно случиться? Если это специально тебя сбивают с толку? Зачем, спросил Мишка. Допустим, для того, чтобы ты считал каждый день. Я все равно не считаю. Подсознательно — считаешь. Допустим, сказал Мишка, а что из этого? Что потом? Потом тебе пожмут руку и поздравят с успешным прохождением дистанции. Неинтересно, сказал Мишка. Без смерти как-то неинтересно. То есть ты считаешь, что все это — Танька обвела рукой вокруг себя — всерьез? Мишка кивнул. Удивляюсь я тебе иногда, сказала Танька. Без смерти все равно ничего не получается, упрямо сказал Мишка...

Когда это началось? В шестом классе? Или в седьмом? Когда мы в первый раз забрались в темный подвал и при свете фонарика стали вслух читать... не с Бирса же начали? И не с Эдгара По? А, помню: «Железная рука Геца фон... фон...» забыл. Валленштейна? Кажется, так. Жуткая вещь. И что-то еще из того замечательного томика. Потом Танькина мать все это изодрала и выкинула: и Бирса, и По, и бээсфэшку... Дура чертова. И была Таньку, и запирала... и гадости всякие говорила. Она думает, мы с тобой тут пакостями занимаемся, сказала Танька, она другого ничего придумать не может. А они долго-долго ни о чем таком и не помышляли. Читали страшные истории, потом начали сами придумывать. Рассказывали во дворе. Ох, как их слушали! Про страну, которую захватили упыри и из всех людей делали или ходячих мертвецов, или таких же упырей, — и как настоящая принцесса этой страны пыталась их победить... Да, это было круто. И про дом, из которого не было выхода, а был только вход. И про то, что на всей

Земле настоящих людей только семь человек, а все остальные — придуманные ими. Но некоторые из этих придуманных догадались, что они придуманные, и научились находить настоящих и гипнозом добиваться от них желаемого...

Пельмени выкипели и зашипели, и только тогда Мишка вспомнил о еде. Он выскреб их в тарелку, полил уксусом — и съел уже половину, когда сообразил: пельмени были не те, что он бросал в кипяток! Он бросал магазинные, да еще смерзшиеся и кое-как разломанные — а на тарелке лежали домашней лепки, похожие на планету Сатурн, аккуратные и отдельные. Но и поняв это, он съел все.

Значит, так, да? Значит, по моему велению... Он обвел взглядом кухню, пытаюсь найти фальшь. Нет, все настоящее... как настоящее. Тогда он уперся взглядом в бутылку с уксусом и напрягся, пытаюсь превратить ее в... он не мог придумать во что. Он не мог на этом месте представить ничего, кроме бутылки с уксусом. Потом он услышал, как скрежещут его зубы, и расслабился. Бесполезно... все схвачено, как бетоном... Сил уже не было. Кое-как он встал, налил себе чашку чая, выпил полутеплую вязющую жидкость — и пошел в свою комнату.

Ему показалось, что в большой комнате стоит тонкий запах тления.

Он толкнул дверь — и вошел. К себе. Спустил столько лет...

Было аккуратно прибрано и расставлено по местам так, как никогда не было при жизни. И была кровать, застеленная по линейке. В учебке рассказывали, как в казармах заставляют заправлять кровати. Мишка ни дня не жил в казарме. Даже не знал, как они выглядят. У него еще хватило терпения раздеться. Он лег, всем телом чувствуя прикосновение холодных чистых простыней. Потянулся к выключателю — когда-то сам переставил его так, чтобы можно было дотянуться лежа. И наткнулся на конверт, кнопкой приколотый к стене.

Серая шершавая бумага. Вместо марки — бурое пятно.

Лист из тетрадки в клеточку. Зеленая паста.

«Мишенька, любимый!

Вот уже год, как тебя нет. Нет на этом свете. И полтора — нет со мной. И я пишу первое письмо, и последнее, наверное, потому что творится такое, что выжить не надеюсь абсолютно. Все изменилось так, как мы с тобой придумать не могли, — и, может быть, в этой катавасии случится чудо и письмо тебя найдет. А найти тебя самой — потом — не мечтаю, потому что потом мы изменяемся так страшно, что дорогие и любимые становятся нам не нужны. Я почему-то знаю это твердо. И этого именно боюсь безумно.

Мишенька, когда привезли закрытый гроб, а потом хоронили его под речи двух крыс, одной жирной и одной тощей, и солдат с орденом рассказывал, как ты героически дрался, один против целой банды, и подорвал себя последней гранатой, я поняла вдруг, что во всем этом скрыта какая-то огромная ложь и что всего этого с тобой быть не могло. Солдат был мертвый, и те крысы тоже были мертвые, и мы, может быть, были мертвые все, потому что так славно слушали их, — а значит, это мы все были в закрытом гробу, а ты, живой, был снаружи. И никто не догадывался, что мы уже мертвые. А потом гроб засыпали землей, и земля приняла на себя все. И стало казаться, что ничего не изменилось. Потому что стало не с чем сравнивать, все были одинаково мертвые и ничего не подозревали.

Ты был прав, когда говорил, что без смерти ничего не получается. Недавно я разговаривала с Фомой Андреевичем, у него совсем другой подход, прямо противоположный, — и все равно в результате то же самое. Нет в жизни ничего важнее смерти. Наверное, поэтому так не хочется умирать. Потому что потом все станет неважным.

Весь этот зряшний год я пытаюсь понять, мертвая я уже или нет. И не могу. Стоит побыть немного в покое, и меня уже нет, и вокруг холод. Нужно удариться обо что-то, испытать боль — и тогда ненадолго возвращается чувство, что у тебя есть рука. Или душа. Поэтому, наверно, я и пускаю себя в разгул, и пью с парнями спирт, и ебусь с кем попало, и машину угнала на спор, и уже дралась на ножах. Я ни черта не боюсь, Мишенька. Иногда я пытаюсь заставить себя что-то испытать, веду себя

так, будто кого-то ненавижу или в кого-то влюблена, начинаю жалеть себя — но ничего не получается. То есть получается изображать. Наверное, я все-таки мертвая.

Мишенька, нет сил больше писать, мы ведь как на войне, и без передышки вот уже месяц. Я люблю тебя, и нет для меня ничего, кроме тебя. Прощай, Мишенька, хороший мой, сердце мое, душа моя, единственный мой. Это я, твоя Танька».

Ошеломленный, Мишка лежал неподвижно. Потом что-то лопнуло в нем, и он, зажимая рот руками, завыл — зверем завыл от безмерности этой потери...

Он проснулся и тут же вспомнил обо всем. Комнату заливал свет. Болела грудь. Болела так, что ни вздохнуть, ни коснуться. После вчерашнего избиения. Вчерашнего... ничего себе. Мишка обвел глазами комнату. Нет, ничто не изменилось. А вот если выйти за дверь...

Не знаю. Просто ничего не знаю. Все так, как есть. Тайна.

Он шевельнулся — и вдруг в левой руке ощутил что-то. Поднес к лицу, разжал пальцы...

На ладони лежал маленький двуручный меч.

Я так и спал с ним, улыбнулся Мишка. Он всегда помогал, когда очень плохо.

Тоже — тайна. Или — одна и та же?..

События того давнего дня Мишка помнил кристально.

Линза была что надо: размером с чайное блюдце, толстая и тяжелая. Просто замечательная линза. Мишка сидел на скамейке, держал ее в руке и ждал, когда вновь выглянет солнце. Требовалось закончить начатую надпись: «Козел — козел». Козла сегодня не было, уехал с родителями в деревню, поэтому писать правду было легко и приятно. Пока что Мишка дошел только до буквы «О» в первом слове.

Стоял июль, только что отцвели тополя, грязный, прибитый дождем пух еще лежал по краям тротуаров. Тополя росли везде, но этот двор был, конечно, особенный. В других дворах по три, ну по пять деревьев, чахлах и стриженных под колобки, а тут — целых восемнадцать, старых, кряжистых, разлапистых и развесистых, по ним

лазали, на сучья подвешивали качели, к стволам привязывали веревки для белья и гамаки, а осенью баба Катя из седьмой чуть не на карачках ползала между ними, собирая плотненькие коричневые грибочки. А пух — он беспокоил только взрослых. Малышине, например, он даже нравился, они что-то мастрячили из него, ну а люди постарше сгребали пух в кучки, бросали спичку и смотрели, как замечательно горит. Взрослые к этому занятию относились нервно. Черт их поймет, этих взрослых: лежит пух — плохо, жжешь его — тоже плохо...

— Ух ты! — сказал кто-то за спиной. Мишка обернулся — это подошел Филька из второго подъезда. Он подходил всегда бесшумно и всегда сзади и подглядывал. Не сказать, что он прихвостень Козла, но приятель. Поэтому Мишка спросил неприветливо:

— Чего надо?

— Линзочка у тебя — классика! — сказал Филька. — Махнем, а?

— Нет, — сказал Мишка. — А на что?

— А вот, — сказал Филька и достал из кармана ножичек. Впрочем, не совсем ножичек, скорее крохотный, на ладони поместился, меч. Крохотный, но совсем как настоящий: витая рукоять, крестовина, а в набалдашник вделан зеленый блестящий камушек. И по крестовине тоже несколько камушков, а лезвие настоящее, голубоватое, и по лезвию тонюсенькими буквами какая-то надпись.

— Острый — жуть, — сказал Филька. — Я за лезвие схватился — вот! — Он сунул под нос Мишке указательный палец. Порез был глубокий, но кровь уже не шла.

— А где взял? — спросил Мишка.

— Где-где. Сам знаешь где. Места надо знать. Ну, меняем?

Вообще-то Мишка знал, что, если дядю Саню как следует попросить, он даст другую линзу — у него несколько от какой-то старой штуковины...

— Тогда еще твою «Авиапочту» в придачу, — сказал Мишка.

Теперь замаялся Филька. Отдавать две вещи за одну ему не хотелось.

— Дай-ка еще посмотрю, — сказал он.

Мишка дал ему линзу. Филька навел солнечную точку на скамейку — дерево сразу задымилось.

— Здорово, — сказал он. — Как лазером. Ладно, махнули. Только марка у меня дома. Я ее тебе потом отдам.

— Ну уж, — сказал Мишка. — Ты потом забудешь. Пошли.

Они поднялись на третий этаж, Филька ключом открыл дверь, и они вошли. Пахло обедом.

— Подожди тут, — сказал Филька. — Я сейчас.

Он разулся и босиком прошлепал в комнату. Там он возился, потом закричал:

— Баб! Ты убирала — где мой классер?

— Не знаю, всё там, — ответили ему. — Ишшы.

Из комнаты в коридор вышла Любка, троюродная Филькина сестра из города со смешным названием Пневск, ее привезли сюда потому, что родители уехали в Африку строить там ГЭС. Любка была конопатым вьедливым существом семи лет.

— Привет, — сказал Мишка.

— Привет, — сказала Любка. — А я тебя знаю. Это ты пускал позавчера самолет с резиновым моторчиком.

— Я, — сказал Мишка.

— А где он теперь?

— Потерпел аварию, — сказал Мишка. — Разбился.

— А летчик?

— Летчик спасся с парашютом, — сказал Мишка. — И теперь пробирается к своим через линию фронта.

— Он у тебя тоже маленький? — спросила Любка.

— Кто?

— Летчик.

— Маленький. А почему тоже?

— А Филька с Толиком говорили, что у них спрятаны маленькие человечки. Они их будут теперь всему учить. Они вообще в тополях живут, в дуплах. Там у них ходы проделаны, много, целый город. Только никто про это не знает. И ты никому не говори.

— Почему?

— А чтобы была тайна. Какой интерес, когда все знают? Когда без тайны, это неинтересно.

— Нашел, — сказал Филька. Он опять подошел неслышно. — Ты чего это ему разбалтываешь?

— А он и так знает.

— Когда тайна, то говорить никому нельзя! — Филька дернул Любку за ухо. Любка надулась, но — Мишка даже удивился — бабушку звать не стала и даже не пикнула, хотя вон как ухо покраснело. — А это тебе, — сказал Филька, протягивая Мишке меч и марку. — Во какая штука у нас теперь есть — запибись!

— Ты этот меч у своего отобрал? — угрюмо спросила Любка.

— Я тебе сказал — помалкивай! — прикрикнул Филька. — А то!..

— Так я пошел, — сказал Мишка. — Пока.

— Пока-пока!

На лестнице Мишке вдруг пришло в голову: надо посмотреть на меч через увеличительное стекло! Но для этого надо возвращаться...

Он подошел к Филькиной двери. За дверью тихо возились. Мишка постучал. Возня стихла, Филька приоткрыл дверь.

— Чего тебе? — спросил он недовольно.

— Дело одно есть, — сказал Мишка. — Пусти.

— Ну?

— Надо посмотреть на меч через увеличилку.

— Ага, — сказал Филька и впустил его.

Любка стояла насупившись. Левую руку она прятала за спину. Мишка старался не замечать этого.

Под увеличением меч стал совсем как настоящий, такие точно мечи Мишка видел на открытках. Буквы видны были отчетливо, но все они были непонятные.

— Ну? — подал голос Филька.

— Не по-русски написано, — сказал Мишка.

— Хочешь, за словарем сбегать?

— За русско-нерусским? Скажи лучше, где ты его взял?

— Взял вот где-то, — вредным голосом сказал Филька. — Не скажу.

— Отобрал, — прошептала Любка.

— У кого?

— Не твое дело, — разозлился Филька. — Взял вещь — и иди себе. Иди-иди. А с тобой мы еще потолкуем, — повернулся он к Любке.

Заступаться за девочек, думал Мишка, спускаясь по лестнице. Ага, тут заступишься — бабка в квартире. Ты же и виноватым будешь. А он ей, гад такой, руки выкручивает...

Но какая девчонка! Вот бы такую сестру...

Дома он положил меч на стол и долго его разглядывал, все пытаясь представить себе, каким же должен быть воин, владеющий этим мечом. Потом пришли мать с отцом.

— Обедал? — спросила мать. — Суп ел?

— Ел, — сказал Мишка. Суп он действительно ел.

— Ничего он не дурак, твой Лесников, — сказала мать отцу. — Помести он твой материал — его тут же взгреют, а зачем ему это? Он лучше будет тихо-мирно вести борьбу с грязью на улицах да хаять молодежные танцы...

— Правильно, — сказал отец. — Он не дурак, через три года его переведут куда-нибудь с повышением, а через пять лет придется возить воду для всего города за сто километров, а я буду страшно горд, что во-он еще когда об этом предупреждал... Просто обидно, когда на глазах газету превращают в семейный календарь пополам с миндальным сиропом...

А как бы хорошо было иметь маленьких человечков, думал Мишка. Строить им дома, а они ездили бы в заводных машинах, а еще можно было бы делать для них корабли и самолеты, и чтобы они еще воевали — понарошку, конечно. Он представил себе, как на ковре сходятся две армии. Только им надо будет надеть деревянные мечей, эти слишком острые...

А ведь еще весной кто-то говорил о маленьких человечках — будто видел их на тополях. Тогда пускали в луже у забора новую Димкину яхту и заговорили, что хорошо бы на нее экипаж — и вот тогда-то кто-то сказал, что видел человечков на тополе. Не поверили... то есть не то чтобы не поверили, а решили, что выдумывает для интереса. Кто же это говорил?..

— Я еще на улицу, — сказал Мишка. Меч он спрятал в ящик стола — не стоит брать с собой, потеряется. А фонарик...

— Только не допоздна, — сказала мать.

— Ладно, ма.

Не было смысла искать на деревьях, что ближе к дому. Если лезть, то на те, которые в глубине двора, у каменного двухэтажного сарая, где раньше держали дрова, а теперь, когда в дом провели отопление, — всякое барахло. Попробовать на этот? Сучья высоко... Мишка приволок от сарая доску, подставил к стволу — держится. Занозистая, черт... По доске он добрался до нижних сучьев, подтянулся и оказался на дереве. Дальше легче, дальше по сучьям — как по лестнице... Здесь был свой отдельный мир, зеленый, ажурный, воздушный. Отсюда, от ствола, тополь был совсем не такой, как снизу, с земли, снаружи... Этого не объяснить, только был момент, когда Мишка почувствовал, что может не спускаться вниз, может остаться здесь, остаться и жить... Никого он, конечно, не нашел. Дупла были, и много, но узкие и глубокие, и, как Мишка ни заглядывал, как ни светил фонариком, так ничего и не увидел. Руку он тоже просунуть не смог, ход шел извилистый, и рука так не гнулась. Потом он увидел сквозь листья, как по галерее второго этажа сарая прошел Филька, за ним еще кто-то, потом еще — трудно было разобрать сверху, кто именно, — а потом прошел Козел со стеклянной банкой в руках. Мишка, торопясь, стал спускаться. Козла он не любил и побаивался, но все равно...

В сарае было светло, горела электрическая лампочка на шнуре, и все стояли, окружив большую ржавую железную бочку, и смотрели в нее. Стараясь держаться незаметно, Мишка подошел к бочке и заглянул через край.

Лампочка висела прямо над бочкой, и весь свет падал в нее. На дне бочки был насыпан песок и набросаны камни и сучья. И на одном сучке, как на бревне, сидели, опираясь спинами о стенку бочки, два маленьких человечка. Два настоящих человечка, только с белку размером. Оба были одеты в синие штаны и черные куртки. У одного на голове была шляпа.

— А у лили-лилипутика ручки меньше лю-ти-ка! — пропел Филька. — Ловите! — Он, перегнувшись через край, сронил с ладони под ноги человечков заточенную велосипедную спицу и выструтанный из щепки меч.

Человечки шевельнулись, но не встали со своих мест и голов не подняли.

— Не станут они сражаться, — сказал кто-то.

— Гордые, — презрительно сказал Козел. — Ну мы вас расшевелим. Ап!

Он опрокинул свою банку над бочкой, и из банки на песок плашмя шлепнулась крыса! Человечки вскочили. Один быстро схватил спицу, ладонью проверил острие и взял ее наперевес, как пику. Второй взял меч. Рукоять меча была остругана скверно, пальцы ее не обхватывали.

Крыса шевельнулась, приподнялась, шмыгнула к стенке и там замерла. Усики ее шевелились.

— Два дня не кормил, — сказал Козел. — Как уехал, так и...

Прижимаясь боком к стенке, крыса двинулась по направлению к человечкам. Тот, что со спицей, сделал шаг вперед — так, чтобы прикрывать своего почти безоружного товарища. А тот, подняв меч над головой, закричал:

— Это же подделка! Люди вы или нелюди? Это же подделка!!!

— Убери крысу! — заорал Мишка и бросился на Козла. Что-то темное вдруг поднялось в нем, подкатило к горлу и глазам, и он уже не видел Козла, а только огромную ненавистную рожу, а под рожей — голубое пульсирующее горло, в которое нужно вцепиться и не отпускать... Он не достал Козла — тот поспешно отскочил назад и два раза ударил Мишку кулаком в губы. Мишка упал, но тут же вскочил, бросился — ему подставили подножку и стали пинать ногами. Он опять вскочил, повалил кого-то, кого-то отшвырнул, ухватился за край бочки, но повалить ее не смог, бочка устояла; Мишку оторвали от нее и пинками и кулаками выбили за дверь. Позвать, понял Мишка, кого-нибудь позвать! Отца!

— Зуб выбили! — закричала мать, увидев Мишку такого — в грязи и крови. — Никаких больше улиц!

Мишка молча пробежал мимо нее в комнату. Отец сидел за столом и печатал на машинке.

— Папка, пойдем скорее, — заговорил Мишка быстро, глотая слова, — папка, она их загрызет, скорей

пойдем. У них мечи поотобрали, понимаешь, и дали деревянный...

— Миша, ты видишь — я работаю, — сказал отец. — Мы же договаривались. И вообще — с кем это ты дрался?

— Папка, это неважно, ну скорей, их еще можно спасти!

— Кого — их?

— Маленьких человечков!

Отец, уже начавший было подниматься со стула, снова сел.

— Сын, ты бредишь. Ну подумай сам, ты же большой — какие могут быть маленькие человечки?

— Настоящие человечки, только маленькие, а они пустили к ним крысу, а меч у меня в столе лежит, ты понимаешь?

— Скажи лучше, кто тебе так губу разбил? Дай-ка посмотрю...

— Папка! Поздно будет, не успеем!

Мишка бросился в свою комнату, схватил меч и вернулся.

— Вот, видишь? Они у них отобрали, им теперь нечем сражаться, пойдем скорее!

— А этот ножик у тебя откуда? Дай-ка сюда. И вообще — ни я никуда не пойду, ни ты никуда не пойдешь. Всё.

То же самое темное взметнулось в Мишке.

— Проклятые! — закричал он и кинулся к двери. — Проклятые!!!

Но в дверях стояла мать.

— Кого это ты проклятыми честишь?

— Пусти!!! — простонал Мишка.

— Ах, ты... На мать с кулаками! Мерзавец маленький! А ну!..

Совсем без сил лежал Мишка в постели. Плакать он больше не мог — выплакал все. Саднили разбитые губы, во рту все еще было солоно от крови. Саднила порезанная ладонь. Но меч он им не отдал. Меч лежал под подушкой. Из-за двери доносилось бубнение диктора программы «Время». Потом мать сказала:

— Господи, что же это в мире творится. Вот ведь ни газет читать не хочется, ни телевизор смотреть. Страш-

но-то как, Володя... Так и хочется на необитаемый остров. Чего людям не живется, чего им надо?

Мишка лежал и думал. Чего людям надо? Много всего надо, а главное — чтобы не отбирали настоящие мечи и не давали взамен щепки, да еще накануне сражения... Тьма обступала его со всех сторон. Мишка повернулся на бок, сунул руку под подушку, нащупал меч. Ему показалось, что рукоять меча растет, становится как настоящая, вот ее можно обхватить как следует... «Спи, мальчик», — обещающе сказала темнота. Таким же тоном говорит Козел: «Иди сюда. Иди, иди...»

Спи, мальчик.

8. НИКА, ИЛИ АННАБЕЛЬ

— А вы, Берт? — повернулась к нему Аннабель.

Берт помедлил. Тронул щипцами дрова в камине, положил поверх догорающих еще две чурочки. Отсвет огня странным образом смягчал его черты.

— Не знаю, принцесса... Я согласен с генералом — пройти прямым путем будет немыслимо трудно. Невозможно. Но уходить в изнаночный мир... Наверное, это правильно. Но мне просто не хочется.

— Понятно... Вашего мнения, Бернард, я не спрашиваю, вы вряд ли знаете, о чем идет речь. Я права?

— Да, ваше высочество.

— Но вы, может быть, лучше нас знаете: сможем ли мы пройти к столице дорогами? Переодевшись, прикинувшись, с нужными документами, еще как-нибудь?

— Я не знаю такого способа, — медленно сказал улан. — После сегодняшнего столкновения будут поставлены на ноги все гарнизоны, все пароли и пропуска изменятся, задерживать будут по малейшему подозрению... а выдавать себя за гернотов мы не сможем.

— Это так, ваше высочество, — подтвердил генерал. — О том же говорил и Дракон, вы помните: путь по дорогам будет возможен только в том случае, если мы незаметно пройдем приграничную полосу. И даже при

этом требовались всяческие ухищрения. А мы переполошили осиный рой...

— Я подозреваю, что нас подталкивают именно к такому решению, — сказала Аннабель. — Слишком уж подчеркнуто нас оставили в покое...

— И об этом говорил Дракон, — сказал Берт. — Он говорил: прислушайтесь к предчувствиям и никогда не идите против них.

— Я думаю, — сказал улан, — нам нужно перестать обсуждать планы вслух.

Все посмотрели на него.

— Последнее время герноты научились ставить себе на службу зверей и птиц. В основном для шпионажа. Мне послышался шорох...

— Ветер, — неуверенно сказала Аннабель.

— Все равно. Давайте помолчим и слушаем.

— А разве их прислужники могут входить в Эпенгахен?

— Не знаю. Я не знаю даже, как сами герноты: не могут сюда входить или просто не хотят.

Будто похолодало внезапно. Будто потускнел свет огня и плотнее стала темнота за окнами. Рука, ища успокоения, легла на рукоять меча. И в наступившей тишине обнаружили тихие скребущие звуки, приходящие сверху.

— Нет! — Аннабель остановила вскочившего на ноги генерала. — Сделаем иначе...

Они вышли из приграничной полосы, и можно было применять те методы, которые в приграничье могли их выдать или погубить. Аннабель открыла ранец и на секунду задумалась. Потом взяла кисет и трубку. Генерал понял ее замысел и, пока она набивала трубку, достал из камина уголек.

Пряно-горький осенний дым, воскрешающий забытые сны... Аннабель подержала его в легких, во рту — и выпустила, особым образом сложив губы. Села, как предписывалось: сведя стопы и предплечья и касаясь век подушечками пальцев. Несколько секунд — несколько ударов сердца — прошло в темноте; потом возник зеленоватый свет.

Сначала это было просто пятно, разгорающееся где-то позади глаз; потом в пятне появились другие пятна,

темные и светлые, а потом как-то сразу она увидела саму себя, сидящую на полу перед камином в нелепой позе, своих спутников, напряженно-неподвижных, опасно блестящее оружие и небрежно сваленные в кучу седла и седельные сумки. Она видела это сверху, с высоты больше своего роста. Потом легко повернулась и поплыла к широкой лестнице, ведущей на второй этаж.

Двусветная зала второго этажа, захламленная, заваленная сухими листьями, была пуста. Аннабель прислушалась. Звук доносился от окна. Вот от этого, справа, высокого, стрельчатого, с еще сохранившимися кое-где осколками стекол в переплете...

С той стороны колеблемая ветром ветка цепляла железный козырек карниза.

Аннабель усмехнулась и открыла глаза. Но в последний миг еще тем, «зеленым» зрением она увидела за окном...

— Лошади!

Как подхваченные ветром, мужчины вылетели из дома. Аннабель двигалась медленнее — первые шаги были неуверенными, ноги подгибались. Потом это прошло.

Впрочем, торопиться уже было некуда. Две лошади лежали, две еще стояли, качаясь. Казалось, что они покрыты мохнатым шевелящимся мехом.

— Что это? — прошептал генерал.

— Лишайник Парнаум, — шепотом же ответил улан.

— Он что, жрет лошадей?

— Он не жрет... но мы теперь их не скоро разбудим. Он усыпляет — на много дней. Да и проснутся — немного толка от них будет. Что от лошадей, что от людей — никакого толка.

— Он и с людьми так может?

— Вы что, никогда с этим не встречались, генерал?

— Н-нет.

— Целые города отдают Парнауму. После этого люди становятся счастливыми.

— Так вот как это делается...

— Если бы только так...

— Вернемся, господа, — сказала Аннабель. — Бернارد, к нам эта дрянь не подберется?

— Не знаю. Я не знаю его повадок. Говорят разное..

— И все же: отбиться от него можно? Или хотя бы убежать?

— Не знаю, ваше высочество. Я не имел с ним дела.

— Вы сказали: говорят разное. Что именно?

— Позвольте подумать, ваше высочество.

Сели к огню, косясь на окна и двери. Нам не оставили дороги, подумала Аннабель. И все же: нас ловят всерьез или загоняют в изнаночный мир? Почему, интересно, мне так не хочется уходить туда именно из этого леса? И почему именно в этот лес мы ушли после того, как обнаружили себя? Что из этого истинное побуждение, а что — внушено извне?

Нас влекло в Эпенгахен конкретное знание: герноты избегают этого места. А препятствует уйти отсюда ничем не подкрепленное чувство... даже не опасности... а чего? Непонятно... Предчувствие чего-то нежелательного там, в изнаночном мире? Но даже Дракон не знает, какова изнанка Эпенгахена. Единому целому здесь соответствует единое целое там. Стоп. Может быть, то, что отгоняет отсюда гернотов, действует и на нас — неопределенно-угнетающе; а мы принимаем это за дурные предчувствия? А ведь, пожалуй...

— Ваше высочество, кое-что я вспомнил, — сказал улан.

— Да, Бернارد?

— Те, кто обращается с Парнаутом, одеваются в белое. Кроме того, им запрещено пить вино и есть обычную пищу. Парнаут всегда окружает жертву...

— Спасибо, Бернارد. Я уже приняла решение. Господа, возьмите вещи. Будьте наготове. Когда я найду вход, не медлите...

Вход нашелся не сразу. Воздух уже наполнялся странным запахом истлевших цветов, когда Аннабель ощутила в тени, отброшенной повисшей на одной петле створкой двери, звонкую барабанную пустоту. Она остановилась и стала всматриваться в стену там, где ее покрывала тень. Воцеленная деревянная панель без щелей... узор линий, светлых и темных, сходящихся и расходящихся... Она смотрела так, как учил Дракон, — чтобы перестать видеть внешнюю форму. Предметов не суще-

ствуется, говорил Дракон, мы их выдумываем и называем, это как слова на белой бумаге, набор бессмысленных закорючек, чем больше слов, тем меньше чистого места, и все равно — учись видеть бумагу, находить свободные места и писать там то, что нужно тебе... Вдруг оказалось, что темная, теневая часть панели расположена глубже, чем та, на которую падает свет, и что между ними есть промежуток, достаточный, чтобы пройти человеку. Идем, сказала Аннабель и шагнула первой; теперь проход будет открыт для любого, даже для того, кто его не видит, — недолго, несколько минут... Она не оглядывалась, но слышала, как идут за ней.

По другую сторону прохода было абсолютно темно и пахло гарью. Аннабель остановилась. В спину ей ткнулся Берт. Простите... Тише, Берт, как остальные? Вот они, оба... Как темно... Аннабель сняла с шеи «кошачий глаз» и затянула вокруг лба. Берт и генерал делали то же самое. Улана придется вести за руку... знать бы куда...

Знать бы, куда это мы угодили!

Постепенно проступая из тьмы, как на брошенной в проявитель бумаге, возник узкий и низкий извилистый ход. Аннабель ждала. Наконец картина стала достаточно четкой. Ход, проделанный — в чем? под пальцами грубо обтесанное дерево — в непонятном массиве, вел, изгибаясь местами под прямым углом то вправо, то влево, к какой-то обширной полости, пустоте. В обратном же направлении он разветвлялся на несколько ходов, пересекался и сливался с другими ходами и таким образом вливался в многоуровневый лабиринт, выходящий далеко за пределы восприятия. Лабиринт потом, подумала Аннабель, посмотрим сначала, что там за пещера... Ей вспомнился вдруг дневной сон.

Как же давно это было...

Шагов за двадцать, за два поворота до пещеры, Аннабель почувствовала ветерок на лице и почему-то только теперь подумала, что впереди может оказаться не пещера, а наоборот — открытое пространство. Открытое пространство изнаночного мира. Мира, о котором ничего не знает даже Дракон...

К запаху гари, только усилившемуся, ветерок добавил знакомый и родной запах бензина. Значит, это точно

не Альбастр — место, где перестала гореть нефть и порох только тлеет.

Выход предстал округлым пятном с неясными бликами. Зрение и не-зрение боролись между собой, пока не пришли к согласию: Аннабель смотрела на растущее почти горизонтально дерево с огромными, в рост человека, листьями, подсвеченными откуда-то снизу. Дерево начиналось от ее ноги и уходило, как мост, в темноту. Аннабель почувствовала вдруг головокружение; замерло сердце.

Подожли и остановились остальные. Берт судорожно вздохнул.

— Что? — спросила Аннабель.

— Не знаю... ничего...

Голова продолжала кружиться.

— Держи меня за пояс, Берт, — сказала Аннабель и шагнула вперед. Безумная картина открылась ей.

Она стояла, упершись руками в край, в дупле исполинского дерева. Неподвижные голые ветви толщиной в руку и сучья, как платаны Эпенгахена... Видимый сквозь крону, горел огромный уродливый дом. В нем было больше трехсот футов высоты, но темные прямоугольные окна шли лишь в три яруса. Пламя рвалось из окон первого яруса, и было ясно, что вот-вот дом запылает весь. Никто не собирался его тушить. Аннабель посмотрела вниз. До земли было футов двести.

— Кажется, пришли, — сказала Аннабель, отступая назад. Потом ноги ее подогнулись, и она села, откинувшись на плавно переходящую в пол стену. Пламя разгоралось все ярче.

Утром генерал и улан отправились на разведку в лабиринт. Наверняка должен быть и другой выход, сказал генерал, а вы пока отдохните, ваше высочество... Нога Берта болела, опухоль держалась, но ходил он почти не хромя. Аннабель еще раз полечила его руками, втайне удивляясь своим новым умениям. Она чувствовала, как идет в кости трещина, и точно знала, что нужно сделать. Ладони и кончики пальцев пощипывало. Берт стеснялся и поначалу даже отказывался, уверяя, что и без лечения все пройдет. Аннабель завершила сеанс, расслабилась,

позволяя чужой боли, скопившейся в руках, вытечь в пространство, и мысленно поблагодарила оставшегося в горной пещере Ю и через него — Дракона... Внезапно пришел ответ: отголосок далекой и теплой волны. Дракон помнил о них и поддерживал — даже здесь, в этом неизвестном ему самому мире.

Дом не сгорел: толстенные стены из неизвестного грязно-розового камня выдержали напор огня. Выгорела, похоже, лишь одна вертикальная секция. Камень над черными провалами окон закоптился, крыша из серого волнистого материала, похожего на бетон, прогнулась; над местом пожара зияла дыра, огромная, как вулканический кратер. Из дыры продолжал валить дым.

Боже милосердный, вдруг с ужасом подумала Анна-бель, зачем я здесь?

Жила в пятикомнатном люксе с садиком в лоджии и маленьким фонтаном в гостиной, гоняла на прекрасных машинах и понимала в них толк так, как и не снилось многим мужчинам, считающим себя спортсменами и механиками. Не гнушалась расписывать машины рекламами богатых фирм и носить рекламные майки и кепочки — это составляло львиную долю приходной части бюджета «самого маленького государства Конкордиума», «Альбаста-в-изгнании», «односпального королевства» — так изощрялись журналисты. На булавки хватало, не так ли? И вообще — хочу ли я власти?

По-моему, нет.

Но вот — сорвалась и куда-то несусь, кружась, размахивая мечом, шепча заклинания, вызывая к жизни неизвестные мне самой силы... как девчонка, которой показали, как крутить руль и на какие педали нажимать, и сказали — а теперь через Африку, бензина хватит! И девчонка, высунув от усердия язык, рулит по пустыне...

Стоп. Хватит скулить. Время для скулежа было — и вполне достаточное. Потом, за мемуарами, поскулим еще раз. Не сейчас.

По ту сторону задымленной крыши были видны вершины таких же гигантских деревьев. Правее темнела каменная стена, похожая на крепостную, а за ней — островерхая крыша из такого же материала, как и у

прогоревшего дома. Еще правее все закрывали кроны деревьев, деревьев было много, и все они казались ненастоящими — слишком большие и слишком неподвижные. И только совсем направо, в узком просвете между стволом их собственного дерева и кроной соседнего, видны были далекие горы и кусочек неба: будто припорошенный стеклянной пудрой. Страна великанов, подумала Аннабель, возвращаясь взглядом к горелому дому. Страна великанов — прямо с картин Рафаила Тойта...

— Как нога, Берт? — спросила она, чтобы ни о чем не думать.

— Все прошло, — Берт пожал плечами. — Будто ничего и не было.

— Была трещина, — сказала Аннабель.

— Я знаю.

— Трещина в кости — затянулась за сутки.

— Мне это тоже не нравится.

— Не нравится?

— Понимаешь ли... Даже не знаю, с чего... Я иногда не узнаю своего тела. Не то чтобы по-настоящему, но какие-то мелочи меня смущают. Я понимаю: подготовка у Дракона, его воздействие — это на многое влияет. И все равно... На этот счет можно зачислить приобретения, а не утраты. А я чувствую, что исчезли некоторые навыки... тело перестало что-то помнить, руки... Всё — мелочи, но почему-то неудобно. А ты?

— Не замечала, — покачала головой Аннабель. — Исчезновений не замечала. А что неудобно — согласна.

— И еще. Я понимаю — все та же подготовка... но мы как-то уж слишком ко всему готовы. Будто уже однажды проходили эту дистанцию и теперь просто вспоминаем и делаем лучше.

— Думаешь, лучше?

— Думаю.

— А что из этого следует — тоже думаешь?

— Тоже.

— Ну и?..

— Что мы уже действительно проходили эту дистанцию. Где-то сделали неверный ход... Драконы штучки.

— Знаешь, Берт, на таких условиях я готова играть в любые игры. Страховка от проигрыша — чем плохо?

— Не знаю... А где мы — те?

— Которые не дошли?

— Да. Которые не дошли.

— А это важно?

— Для меня — да. Ты не поверишь, но судьба моей бессмертной души мне не безразлична.

— Душа-то пока с тобой.

— А душа того Берта, который не дошел?

— Того, может, и не было совсем.

— Ну а если был? И не один?

Аннабель помолчала.

— Все равно — твоя душа с тобой. А раз ты помнишь — пусть смутно — что-то из предыдущих этапов, значит, и их души слились с твоей...

— Не помню ничего, в том-то и дело. Если бы помнил... Боюсь, что все гораздо хуже. Что мы — настоящие — не дошли, и тогда Дракон изготовил гомункулюсов...

— Бред, — неуверенно сказала Аннабель.

— Почему? Что противоречит этому утверждению? То, что мы ощущаем себя — собой? Не довод. То, что у нас наша память, — тем более не довод. А вот то, что я перестал различать на ощупь аверс и реверс монет, — это уже довод. Мы скопированы не абсолютно, а с маленькими допусками. И запах. Я чувствую, что у меня изменился запах.

— Но Дракон говорил, что изменит наши запахи.

— Он говорил — не изменит, а уничтожит. Что мы перестанем пахнуть вообще. И что же? Пахнем. Но не так, как раньше.

— Я тоже?

— Я не знаю, как ты пахла раньше, — очень серьезно сказал Берт. — Всё перебивала смесь «Ангелика» с машинным маслом... — и рассмеялся, стервец.

— Наши возвращаются, — сказала Аннабель. — Скотина ты, Берт, — я так старалась не думать обо всем этом...

— Значит, думала?

— Думала.

— Это бесполезно — не думать. Все равно прорежется...

Генерал и улан вернулись, не найдя пути вниз. Возможно, он и был, этот путь, но в самом нижнем из

достигнутых ими залов лабиринта — именно залов — округлом помещении размером с дворцовую приемную; в этом зале пол был завален толстым слоем костей, человеческих и звериных вперемешку, и найти под этим слоем ход вниз было невозможно. Аннабель вдруг поняла, что именно являет собой, чему соответствует в том, неизнаночном мире этот заваленный костями зал, и понимание держалось в ней какую-то долю секунды — а потом исчезло. Но вот в зале уровнем выше нашли кое-что — и улан, улыбаясь, предъявил бухгу толстого черного шнура. Очень крепкий шнур. Спокойно выдерживает двоих.

— Отлично, — сказала Аннабель. — Предлагаю поест — и двигаться.

— Днем? — спросил генерал.

— Думаю, начать можно днем. Это изнаночный мир. Сила гернотов сюда не распространяется.

Генерал с сомнением пожал плечами, но промолчал.

— По крайней мере, они здесь не хозяева. А нам следует торопиться.

— Если сила Ю проникает сюда, то почему сила гернотов не может проникнуть? — ни к кому не обращаясь, спросил Берт. — Вполне возможно, что герноты имеют здесь своих агентов. К этому надо быть готовым.

— От агентов мы закроемся, — сказала Аннабель. — А сами герноты, может быть, сюда не вхожи.

— Будем надеяться, — сказал Берт.

Спуск прошел на удивление гладко и спокойно. Даже ощущение опасной пустоты было каким-то неподлинным. Лишь боль в обожженном шнуром плече подтверждала: все было на самом деле. Первым спустился Берт, за ним Аннабель, потом улан. Последним шел генерал. Он встал на землю — и в ту же секунду шнур, извиваясь, стал падать. Оказывается, генерал рискнул: подсунул под петлю пучок щепы и поджег. Огонь добрался до шнура как раз вовремя. Генерал невозмутимо сматывал шнур в бухту, а Аннабель отчитывала его за ненужный мальчишеский риск.

Трава под деревом могла скрыть всадника. Но была она редка и на удивление грязна. Пахло пылью и дымом.

Валялись под ногами клочья грубой шерсти и изломанные огромные перья птицы. Чуть в стороне белела голая кость — слона или бегемота.

Теперь надо было понять, в какую сторону идти. Похоже, что лес Эпенгахен соответствовал вот этим деревьям-гигантам. Тогда выгоревший дом неподалеку — это город Ямм, опустевший при гернотах. Дорога к столице лежала бы через него или в обход его, но не все в обычном и изнаночном мире совпадает буквально, особенно в местоположении.

Пожалуй, столице соответствовал бы городской центр, какое-то центральное здание. Как начальный ориентир — сойдет. Будем искать городской центр, а дальше подскажет чутье.

Закрывшись от сторонних взглядов, двинулись вперед. Через сотню шагов трава кончилась, отряд вышел на открытое место. Под ногами была серая комковатая земля, впереди — дощатый забор футов тридцати высотой, плавно изгибающийся слева в сторону дома. Забор был выкрашен грубой красной краской. Полустертыми белыми буквами значилось: «ДИНАМО». Это же «Динамиум», подумала Аннабель, старинное ристалище... да, оно где-то неподалеку от Ямма, разве что не лежит на прямой, соединяющей курорт Эпенгахен и Ямм... но и мы не пойдем через то, что обнесено забором, а обогнем...

Дом находился дальше, чем это казалось на первый взгляд, и был, соответственно, больше размером. Путь к нему занял почти полчаса. Берт и Аннабель шли впереди, генерал и улан — сзади. До Аннабель доносились обрывки их разговоров. Генерал расспрашивал, улан отвечал. Что-то об отнятом имении и погубленных сервах, о сестрах, содержащих придорожную гостиницу, о жене, умершей родами... Что только не попадалось под ноги: ржавое железо, битое стекло, куски дерева...

— Смотрите, — показал Берт. Аннабель остановилась. Подошли генерал с уланом. Посмотреть было на что.

Припорошенная пылью, на земле лежала белая монета. Диаметром больше фута. Угадывалось число «10». Берт присел на корточки, чтобы протереть поверхность...

— Не трогай! — выдохнула Аннабель.

Берт вздрогнул и отдернул руку.

— Почему?
— Она с чем-то сцеплена. Это изнанка...
— Чего?
— Не знаю... Забыла. Но я успела уловить...
— Понятно. Уходим. Жаль, кое-что можно было уз-
нать...

— Понятно уже хотя бы то, что у этих ребят очень большие кошельки, — сказал генерал.

Вряд ли это была замечательно остроумная шутка, но всем захотелось смеяться. Сдерживаться никто не стал.

Это напоминало смех от щекотки.

Закат, жуткий, кровавый закат, такой, что в мире не осталось других красок, кроме красной и черной, застал их в конце подъема на крутой глинистый косогор над мутной захлавленной речкой. Над головой нависали древоподобные травы, от них стекал вниз горько-пыльный запах пополам с далеким стоялым дымом. Из-под ног сыпались с мягким шорохом комочки глины. Дышалось тяжело.

Непонятно было, откуда берутся силы.

Или напротив — слишком понятно...

На краю обрыва Аннабель выпрямилась и оглянулась. Но уже не понять было, как они шли.

Все искажалось за спиной, и ничего нельзя было узнать, миновав.

Генерал шел первым, и когда он резко остановился, Аннабель ткнулась в его спину — как в неколебимую скалу. Пряжка ее перевязи высекала из ножен генеральского меча резкий стальной звук.

Ей не сразу открылось то, что остановило генерала. Глаз не мог охватить, разум — принять...

В десяти шагах перед нею лежал мертвый великан.

Подожли Берт и улан и встали рядом.

Поваленная и втоптанная в землю трава была обильно запятнана кровью. Кровь была почти черной.

Почему-то стало пусто в груди. Потом Аннабель почувствовала, как волосы на голове встают дыбом.

Чужое, враждебное, опасное присутствие опускалось и обволакивало, облепляло...

У трупа не было головы. Только сейчас это бросилось в глаза.

Генерал обнажил меч. Спрячьте железо, сказала Аннабель, здесь это не поможет... готовьтесь упасть по моему слову.

Скользкий темный блеск — слева и впереди. Аннабель, чуть присев, вытянула перед собой руки, сведя ладони щитом. Знакомая пульсация началась у локтей и через несколько мгновений наполнила, распирая, предплечья. То, блестящее, шевельнулось и приподнялось из-за трупа. Зловоние, ощущаемое не носом, а всем лицом, всей кожей, потекло навстречу. Аннабель с трудом удержалась от лишних движений. Потом над блестящим взлетели вверх две мохнатые лапы с крючками на концах, с силой опустились на мертвеца — тело дернулось, — и в следующую секунду огромный паук уже сидел на груди трупа. Блестящая, как офицерский сапог, головогрудь со страшными жвалами переходила в поросшее длинной щетиной брюхо; мощные лапы нервно переступали. Он был размером со слона.

— Падайте! — беззвучно — перехватило горло — выдохнула Аннабель, но ее поняли: генерал рухнул ничком и откатился, и, как кегли, в разные стороны упали Берт и улан. Аннабель чуть согнула пальцы — и белая молния, сорвавшись с ее ладоней, врезалась в паука. Он подпрыгнул, раскрываясь, как будто его выворачивали наизнанку, и тут же весь исчез в дымном красноватом пламени. Горящие ошметки падали на землю. Тот, прежний, смрад исчез, сменившись вонью горелой шерсти. Руки онемели, Аннабель их не чувствовала. На всякий случай она еще постояла в боевой позе, но угрозы уже не было.

— Моя королева... — хрипло сказал поднявшийся на ноги улан; выражение лица его было почти молитвенным. — Сами боги... сами боги ведут тебя... несут тебя... — он закашлялся.

— Отлично, дочка, — сказал генерал и обнял ее за плечи.

Аннабель посмотрела на Берта. Берт сосредоточенноправлял перевязь праворучного меча.

9. МИКК

До Кипроса он так и не дозвонился. Телефон был то занят, то гнал длинные гудки. Тогда Микк набрал номер аварийной.

— Уважаемый клиент! — сказал подобострастный голос. — К сожалению, вы позвонили именно в тот момент, когда все сотрудники находятся на линиях. Будьте любезны, сообщите о ваших затруднениях, и через некоторое время мы их устраним. Большое спасибо. После сигнала начнется запись...

Микк швырнул трубку. Это мы уже проходили...

Ноэля тоже не было на месте, но там, по крайней мере, отвечал живой человек. С обеда в бункере, и когда выйдет — не знает никто. Передать что-нибудь? Как, еще раз? Саджиттарио? А номер он знает? Ладно, скажем. Не я, так кто-нибудь другой...

Вот и останов обозначился. Источники информации временно заблокированы. Идти раскапывать этот чертов корень рано, следует, по крайней мере, дождаться темноты. То есть часов пять надо замотать.

Можно сделать что? Скажем, проглотить чего-нибудь расслабляющего и прилечь. Но есть риск надолго выбить себя из колеи. Слишком большой накопился недосып, и стоит дать организму поблажку... Отложим. Можно сходить в кино. Или еще куда-нибудь... Микк прислушался к себе. Ни малейшего энтузиазма. Можно пойти в бар и надраться. Так... отклик есть, но слабый. Кроме того, вечером надо быть в хорошей форме. Снять девочку? М-м... уже теплее. Так, где-то был каталог... Микк зашарил в кипе старых журналов в поисках «Ню», как вдруг взгляд его упал на последнюю страницу «Всеобщего приключения». Упершись ногой в борт лодки, девушка с оранжевыми волосами волокла из воды огромную полосатую рыбину. Удилище согнулось дугой. Вот что мне надо, подумал он. Ха! Полчаса туда, полчаса обратно — четыре часа там! И пять минут на сборы, потому что на самом деле никаких сборов не требуется...

«Черное озеро», рыболовецкий заказник, принадлежал клубу «Одиннадцать имен», почетным привилегированным членом которого Микк стал в позапрошлом

году после блестящего расследования истории с двойным похищением дочери председателя клуба. В клубе он значился рыцарем меча и носил клубное имя Ас-кольд.

Стоянка была забита, и Микк поставил машину под окнами краснокирпичного с башенками здания конторы. Наверное, это был непорядок, потому что администратор с недовольным видом вышел из конторы — но, узнав Микка, ничего плохого не сказал, наоборот: раскланялся и поинтересовался подробностями столь далекого путешествия. Микк ответил в такт и, в свою очередь, расспросил насчет погоды и клева. Администратор — по имени Виллард, вспомнил Микк — сказал, что клев сегодня оживился, несколько дней вообще было мертво, но все равно так себе. Слишком прогрелась вода. Имеет смысл поудить с лодки на глубоких местах. Спасибо, Виллард, сказал Микк.

Выбрав снасть и наживку, Микк спустился к причалу. На маслянисто блестящей воде застыли три серо-коричневых лодочки. Два десятка таких лодочек с торчащими над бортами половинками тел разбрелись по озеру, напоминая купающихся кентавров. Микк забрался в ближайшую к нему, проверил заряд аккумулятора, снял веревочную петлю с кнехта, рукой оттолкнулся от причала, потом подал чуть вперед рычаг управления мотором и положил руль круто влево. Лодочки эти, специально предназначенные для спокойных озерных вод, были тихоходны, зато абсолютно бесшумны. Микк описал циркуляцию вокруг причала, нацелил нос лодки на радиомачту, стоящую позади рыбного питомника, и взял спиннинг. Лодка шла со скоростью нормального гребного хода. Микк опустил легкую серебристую блесну за борт и стал травить леску.

Озеро имело километра три в длину и метров семьсот в ширину. В сущности, это было не озеро, а пруд, образовавшийся после того, как оползень перегородил долину маленькой речки, правого притока Лайвы. Случилось это лет шестьдесят назад, а в конце семидесятых, накануне кризиса, уездные власти затеяли строить дорогу от города к озеру и оборудовать здесь пляжи — ну и, понятно, забросили. И вот недавно «Одиннадцать

имен» купил треть береговой черты и построил рыбобитомник и два десятка легких домиков для членов клуба...

Все это было мило и неимоверно скучно.

Предложи другое, сам себе возразил Микк.

В том-то и дело, что предложить нечего...

Господи, что с нами случилось? Как мы, энергичные, сильные, решительные — превратились в сонных мух, в тьюфяки, в говно, плывущее по течению? Откуда эта постоянная усталость — травят нас, что ли, понемногу? Или жара так влияет? Ни ходить, ни думать... мозги — липкие... Противно.

Плещемся в лужах, живем между заборами...

И изо дня в день — одно и то же. Бессмысленно и беспросветно.

Берег был уже близко, Микк выбрал леску, развернулся и вновь опустил блесну за борт. Леска медленной спиралью соскальзывала с катушки. Он выпустил метров сорок, поставил катушку на тормоз и повел лодку к плотине, к самым глубоким местам.

Сейчас туда, потом обратно, потом к причалу, выпьем пива... Он ни разу не видел, чтобы кто-то из рыбаков хотя бы шевельнулся в своих корытцах. Пустой день, подумал Микк. Один из бесчисленных пустых дней.

Путь к плотине занял почти полчаса, и это было так же успокоительно, как если бы он принимал теплую ванну. Под днищем лодочки журчала вода. Встречный воздух мог сойти за ветерок. Что-то расправлялось внутри, безнадежно, казалось, смятое.

Просто устал. Просто глухие дела, безуспешные поиски. Просто дурные предчувствия. Просто пауза во всем.

Плотина, укрепленная по гребню от размыва, выделялась резко: серый брус, вколоченный между зелеными холмами. Справа сверкающей кварцевой плоскостью уходил в небо срез: ложе оползня. Однажды пацанами они с Кипросом и Ноэлем забрались туда и заночевали у костра под звездами. Говорили, что по кварцевой плещи бродят тени умерших. Теней они не видели, но страх откуда-то пришел — древний, мутный, бесформенный. Непонятно как дожили до утра и потом долго не могли видеть друг друга.

Микк, сматывая снасть перед разворотом, не заметил впереди ковра плавучих водорослей. Лодка с шорохом вошла в него, водоросли намотались на винт. Мотор, доселе неслышимый, загудел. Микк выключил ток. Приключение, подумал он.

Положив спиннинг поперек кокпита, Микк развернулся на своем крутящемся креслице лицом к корме, встал коленями на решетку и перегнулся через транец. Корма затонула, вода едва не залилась в лодочку. Хуже — та вода, что скопилась под решеткой, устремилась на корму, и брюки тут же промокли. Плевать...

Волны, поднятые лодкой, ушли далеко, и вода вновь стала маслянисто-гладкой. Глаза не сразу приспособились видеть сквозь ее поверхность. Глубина здесь была, наверное, огромная. Водоросли напоминали проволочную путанку: волокнистые стебли толщиной с карандаш без начала и конца, редкие продолговатые листики свекольного цвета. Их было много. Они уходили в глубину и там терялись. Какие-то саргассы, неуверенно подумал Микк. Он огляделся по сторонам. Никого не было поблизости.

Почему-то не хотелось касаться этой воды. Преодолевая сопротивление организма, Микк все-таки опустил руку в воду, нащупал винт и стал снимать с него петли неподатливо-жестких стеблей. Нож надо иметь, нож... От движений лодка раскачивалась, под мелкими волнами ничего не было видно. Наконец винт освободился. В этот момент Микк почувствовал осторожное мягкое прикосновение к запястью. Он отдернул руку раньше, чем что-то осознал, и это его спасло: только миг он чувствовал на руке стальное кольцо, потом оно разошлось, разрывая кожу, и отпустило его; что-то тяжелое чуть приподнялось над водой и ушло вниз, закрутив воронку водоворота.

Микк как бы раздвоился: одной — большей — частью он ушел в панику, в ужасе разглядывая клочья кожи, свисающие с запястья и тыльной части кисти, на изрезанные, будто бритвой, пальцы, на вытекающую кровь, ждал прихода боли — боли почему-то не было — и беззвучно вопил от пещерного ужаса; но другая его часть очень трезво, не трогая управления, вставила в уключины крошечные уклюбочные весла и заставила

тело грести, выводя лодочку кормой вперед по пробитому уже коридору. В пятнадцать гребков он выбрался на чистую воду и на всякий случай сделал еще пятнадцать. Позади кто-то шумно плеснулся. Микк развернулся, подал на мотор ток, послушал, как работает — мотор работал нормально, — и, не оглядываясь, повел лодку к зеленому берегу, пристально глядя в воду впереди. Только на берегу, когда ноги коснулись твердой земли, дрожь настигла его.

Не позволяя себе упасть, Микк стянул через голову рубашку, обмотал кровоточащую руку — странная анестезия прошла, боль была огненной — и быстро пошел, сбиваясь на бег, в сторону клубного анклавчика. И понял, что не дойдет пешком.

Кокпит лодки походил на маленький приоткрытый рот, а тело воды — на тело зверя. И все-таки Микк загнал себя в лодку и повел ее, обливаясь потом, борясь с тошнотой и дрожью, к причалу. Каждую секунду он ждал смерти. Унизительной смерти мягкой беспомощной твари. Вода струилась под килем, издавая причмокивающие звуки.

Постепенно испуг проходил. На половине пути Микк уже мог позволить себе вернуться мыслями к происшествию. А что, собственно, такого страшного? Водоросли, которые режутся, как осока... рука запуталась... Перепугал сам себя... Он знал, что это неправда.

Потому что было что-то еще, что он заметил, но то ли не понял, то ли пропустил между пальцев... между пальцев? Почему между пальцев? Он поднес перемотанную пятнистой тряпкой руку к лицу и уставился на нее. Лодка еле ползла. Нет, потом, все потом... Не могу. Просто не могу.

Но где же люди?!

Озеро было пусто, и у причала не было лодок. Никто не ходил по пляжу и не удил с мола. Неужели за этот час — да нет, меньше часа! — все уехали? Почему? Его вдруг обдало холодом: война!

Чушь собачья... С кем?

А вдруг то, что случилось со мной, — случилось со всеми? В один миг...

Чудовище всплыло из глубин...

Он резко повернул к берегу. Здесь уже начинался белый песчаный пляж.

За спиной забурила вода. Казалось, что-то огромное то всплывает, то погружается вновь. Микк не в силах был оглянуться. Берег приближался страшно медленно. Почти не приближался. Вода бурлила все сильнее.

Ну же! Он приподнялся, и в этот момент лодка ткнулась носом в песок. До берега было еще метров десять. От толчка Микк повалился вперед и оперся на раненую руку. Боль взорвалась магнием.

Он был на берегу — мокрый по шею. Несколько секунд куда-то исчезли. Лодочка, освобожденная от его веса, плыла, покачиваясь, по кругу. На носу ее крутился черно-красный колпачок звукопеленгатора. Теперь, если крикнуть, лодка приплывет на звук. Но меньше всего хотелось кричать...

Песок был неистово белый и ровный, как стекло. Нога в него почти не погружалась. Ничьих следов не нес он.

Лодка продолжала ходить по кругу. Вода была гладкой и матовой.

Слепящее солнце висело над правым плечом.

Такой тишины Микк никогда не слышал.

Потом он нарушил ее.

Воздух со стоном вырывался из горла, и сердце колотилось о грудину, как боксерский кулак. Песок хрипел при каждом шаге. Непонятный звон наполнял воздух. Свет с воем врывался в глаза и набивался в череп. Приближались, подрагивая, домики...

Потом Микк остановился, перевел дыхание и пошел медленно. То, что предстало ему, требовало неторопливости.

Кирпичный дом конторы по окнам зарос травой, и из свежей травы торчали выбеленные скелеты прошлогодних трав. Окна покрывал слой пыли, некоторые стекла треснули, некоторых просто не было. Под стеной, полуутонув в песке, вверх днищами лежали несколько лодок. Микк обошел дом и остановился.

Его машина стояла там, где он ее оставил, на спущенных шинах, в грязных потеках, в пятнах ржавчины... Стоянка была пуста, лишь в дальнем ее углу, покосив-

шись, гнил трактор. Микк огляделся. Нигде не было признаков недавнего присутствия человека.

Он понял, что сейчас упадет, и торопливо сел на землю, опершись руками. Потом лег. Перед глазами плыло.

Господи, что же это?..

Не знаю...

Он лежал долго — лицом в небо. Небо было прежнее.

Наконец ему показалось, что он успокоился.

Дверь конторы висела на одной петле, и хватило толчка ладонью, чтобы она обрушилась внутрь. Грохот был пушечный. Взлетела и закружилась пыль. Микк вошел в светящийся полумрак. Слева стояла конторка, рядом — застекленный прилавок с рыболовецкой мелочью. Пыли было на два пальца. Направо — Микк это знал — за дверью был крошечный, на четыре табурета и один столик, бар. Микк потянул за ручку двери, она неожиданно легко открылась.

Здесь было светлее — из-за разбитых стекол в окне. На полу песок лежал кучами: побольше под окном, поменьше посередине. Перегнувшись через стойку, Микк потянулся к полке с бутылками, понял, что не достанет, влез на стойку, нечаянно посмотрел вниз...

За стойкой, погребенный песком, лежал труп.

Чего-то подобного он ожидал. На ощупь он выбрал бутылку и, не отводя от трупа глаз, прыгнул назад. И даже не труп это был... то есть труп, конечно, но мумифицированный, почти скелет — сухой и, должно быть, легкий. Пятясь почему-то, Микк вышел из бара и попытался закрыть за собой дверь — не получилось, мешал высыпавшийся песок. Ладно... Стараясь идти нормально, Микк выбрался под открытое небо. Бутылка, которую он ухватил, оказалась вермутом, но привередничать не приходилось.

С замком машины пришлось повозиться — набился песок, — но все-таки обошлось без взлома. В аптечке был бинт и йод. Хлебнув для храбрости, Микк стал снимать тряпку с руки. Присохнуть еще не успела... но как больно, черт... Рука выглядела страшненько. Шипя от боли, он полил на нее вермутом, потом потыкал туда-суда смоченным йодом кусочком бинта. Это напо-

минало прикосновения горячей сигареты. Так вот и обматывать, что ли? Да нет же... Кроме бинта, в аптечке была еще упаковка вязкозных салфеток. Неловко орудуя левой, Микк обложил салфетками все израненные места и стал бинтовать. Растревоженная где-то, закапала кровь. Между пальцами, вспомнил он, но уже поздно было смотреть.

Все. Слабой вздрагивающей рукой он поднес бутылку ко рту и, обхватив губами горлышко, стал глотать приторную теплую жидкость. Он никогда не любил вермут. Потом откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза.

Девочка моя — та-та-та — как тебя люблю я! Девочка моя — та-та-та — как нам хорошо! Девочка моя — та-та-та — счастлив я с тобою... Дурацкие слова дурацкого шлягера заменяли все мысли. Девочка моя... Тийна забрала вещи и оставила записку: «Извини, так будет лучше. Не ищи». Он нашел ее в тот же день, на глаза не попался, просто убедился, что жива. С тех пор он стал брать на себя поиски пропавших. Теперь, похоже, он пропал сам.

И у Кипроса — Агнесса...

Впрочем, за Агнессой не заржавело бы сбегать на месячишко в горы, никого не предупредив, и Кипрос давно — всегда — знал, что в один вполне прекрасный день она исчезнет так же внезапно, как и появилась.

Постой — откуда я это знаю? Кипрос ничего не говорил...

Что-то странное вспомнилось на миг и тут же исчезло.

Я понял, подумал Микк. Я просто поймал кодон. Ноэль рассказывал, так иногда бывает. Не та мелочь, которую я ловил несколько раз в прошлом году, а что-то настоящее. Значит, надо просто сидеть и ждать, когда меня освободят. Не дергаться и не проявлять агрессивности. Люди вокруг меня, я их просто не вижу. Мне просто кажется, что здесь никого нет. Просто, просто, просто...

Но тогда люди ничего не поймут и не примут мер.

Надо что-то делать, как-то объявить себя...

Микк открыл глаза. Ничего не изменилось. Все так же мертво блестел песок, все так же неподвижно лежала вода. Он стал выбираться из машины. Ноги слушались плохо — будто не несколько глотков вина выпил, а водки

бутылку. Одеревенело лицо. Во рту скопилась клейкая слюна. Притупилась боль. Нервы. Съездил на рыбалку, отдохнул...

Проклятая жизнь... ненавижу...

Задавил вскипающую ярость. Нельзя так. Нельзя.

Ну, что будем делать?

Пройдя несколько шагов, Микк плюхнулся на колени в песок, шутовски поднял руки к небу и позвал:

— Люди!

Тишина.

— Люди, я вас не вижу! Со мной что-то случилось, я перестал вас видеть! Мне нужно в больницу!

Тишина.

Потом что-то шевельнулось далеко слева.

Микк повернул голову — ничего. Неподвижность и тишина.

— Люди, да помогите же мне! Я говорю чистую правду: я перестал вас видеть! — Он сам услышал в своем голосе нотку раздражения. — Помогите, пожалуйста...

Низкий протяжный звук, похожий на вздох, донесся отовсюду сразу. Зашевелился песок: сразу в нескольких местах. Микк встал и сделал шаг назад. Что-то медленно вздымалось, ссылая с себя потоки сухого песка.

В страшном молчании из песка вставали мертвецы.

Он попятился и упал, страшно ударившись затылком. Кто-то склонился над ним, закрыв полнеба. Багровое пятно расплылось перед глазами, полыхнуло ярко и погасло.

Долго не было ничего.

10. МИШКА

Несколько суток он лишь ел и спал; он ловил себя на том, что неимоверно поглупел и даже не может думать, откуда берутся продукты в холодильнике и куда пропадает мусор из ведра. Берутся. Пропадает. Ну и что? И тоску, накатывавшую временами, он оглушал едой или сном. Сначала он падал в сон, как в могилу. Потом пришли видения

Всегда начиналось со стрельбы и драк, все пули летели в него, а он не мог лечь, и кто-то без лица или даже

без головы бил его кулаками и ногами, а он не мог ответить; он нажимал спуск, и автомат выпускал, стрекоча, бессильную серебряную струйку. Но это быстро сменялось медленным проходом по казарме: узкому, но бесконечно высокому, без потолка, и бесконечно длинному залу, заставленному рядами двухэтажных коек, на которых лежали, старательно отворачиваясь от него и затаивая при его приближении, какие-то люди, мужчины и женщины, и почему-то то, как они отворачиваются и как молчат, было полно глубочайшего смысла, и не хватало лишь просветленности, чтобы смысл этот прочесть. Может быть, весь мир заключен был в этом молчании... Иногда вместо коек были вагонные полки, и с верхних обязательно торчали в проход ноги, ноги, ноги — ноги в разноцветных, но одинаково грязных носках с дырами на пятках. Один раз стояли деревянные нары — даже не двух-, а трехэтажные. В ватниках и валенках лежали на них... И, если долго идти по проходу между койками, полками или нарами, в конце концов приходишь в место, откуда начинается непонятное разветвление путей: нет никаких поворотов, и далекая светлая полоска над головой тянется прямо и ровно, но сам ты можешь повернуть, и все прочее повернется вместе с тобой, и от того, куда ты повернешь, зависит то, что потом увидишь. И, если не сворачивать никуда, стены скоро сменятся скальными плоскостями, полоска наверху станет зеленой, и ее перечеркнет что-то длинное и ажурное, похожее на выносную стрелу башенного крана. Крошечные скелетики захрустят под ногами, а потом откроется выход к океану, и дальше пути не будет. Корабли с детскую ванночку размером помаячат на горизонте и исчезнут. А можно повернуть совсем немного направо, и тогда вскоре стены раскроются, как ладони, и вокруг встанет низкий, чуть выше человека, лес, оплетенный тончайшими нитями от крон и до корней, — светлый, сильный, враждебный. И, если идти дальше, минуя полузаросшие развалины кукольных городов, придешь к иным городам, то ли принятым лесом, то ли принявшим лес и не похожим уже ни на что. А повернув направо сильно, приходишь в сырые стелющиеся леса, полные тонких, выше деревьев, грибов с продырявленными, как ломтики сыра, шляпками; слизь

стекает с них в шевелящийся мох. Сворачивая налево, можешь оказаться в холодной пустыне, полной округлых, как лунные кратеры, котлованов; теми же крошечными скелетиками устлано дно их... В последний раз, пройдя между нарами и безуспешно разгадывая иероглифы поз, Мишка повернул назад, и мир послушно повернулся. Перед ним вскоре оказалась дорожка из светлого металла, огражденная перилами из грубых арматурных прутьев; туман клубился внизу. Потом туман как-то сразу исчез. Там, далеко под ногами, лежала серая предзакатная пустыня, и чуть видимый отсюда караван пересекал ее. Потом беззвучно прошли, описывая циркуляцию, два «крокодила», маленькие, не больше полуметра в длину. Над ними и позади, слегка качнув дорожку реактивными струями, пролетели парой «грачи». Верблюды бежали безумно, и взрывы накрывали их. Наконец все заволокло пылью. Ветер там, внизу, гнал пылевую поземку. Она скрыла все. Мишка стоял на узкой, в две ладони шириной, дорожке, и она ритмично раскачивалась под шагами кого-то невидимого, но близкого и страшного. Мишка почувствовал, как останавливается от беспричинного ужаса сердце, и проснулся.

Похоже, был вечер. Или просто пасмурный день... Он полежал несколько минут, приходя в себя. Спустил ноги на пол, встал. Пол был холодный. Подошел к окну, отдернул штору.

На брандмауэре, напротив окна, висел удушенный. Запрокинутое черное лицо его смотрело прямо на Мишку. Мишка почувствовал, как слабеют ноги: кроме лица, ничего человеческого не было в повешенном. Гориллы плечи и руки, но с когтями на пальцах; звериные — то ли медвежьи, то ли львиные — лапы вместо ног.

Мишка, пятясь, отступил в глубину комнаты.

Началось...

Это был знак — завершающий знак из всех полученных в видениях. Они сложились в послание, послание лично к нему, и он теперь знал, что должен делать, — хотя и не смог бы, наверное, перевести это знание на язык слов.

В большой комнате запах тления царил: будто где-то тут лежал невидимый покойник. Вода из кранов текла

ржавая и затхлая. Оставшийся на столе кусок хлеба зацвел. Из холодильника на пол натекла лужа. Более или менее съедобными там остались кусок вареной печенки и подавленные пирожки с зеленым луком. Все остальное испортилось и воняло. Чай имел привкус пыли. Это тоже были знаки.

Набив живот впрок, Мишка стал собираться. Надевать форму он не хотел — слишком грязна она была. Так и валялась в углу ванной, нетронутая. Он взял лишь сапоги. И ремень. Граната может пригодиться... Неясно, к чему готовиться. На всякий случай он взял еще туристский топорик.

Фотография Таньки нашлась единственная: она и Мишка на мотоцикле Агейчика; Агейчик тогда и снимал. Это было лето после девятого класса. Фотографию с письмом Мишка положил в карман. Может быть, это тоже окажется знаком...

У двери он проверил еще раз, все ли взял, что нужно, и вышел на площадку. Здесь было прохладно и пахло почему-то свежеразрытой землей. Мишка пожалел, что не надел под штормовку свитер, но возвращаться не стал.

Дверь в подвал была заперта на висячий замок, и с ним пришлось долго возиться: заржавел. За дверью было темно. В лицо повеяло теплом, как бы от далекой, но очень горячей печи. Пахло, как в тире: горелым порохом и пыльными матами. Включив фонарик, Мишка стал спускаться по ступеням.

Нужная дверь обнаружилась под лестницей. Она была из толстого неокрашенного железа, вся в рыжих и черных разводах. Обухом топорика Мишка сбил не слишком прочный замок. Дверь открылась с омерзительным визгом. Запах стоялого порохового дыма усилился многократно. На стене справа обнаружился выключатель. Мишка повернул пыльную эбонитовую ручку. Померцав, загорелись газосветные трубки.

Он стоял как бы за кулисами сцены, уставленной декорациями. Потолок был низкий, но метрах в трех он кончался, и дальше чувствовались простор и высота. Пол из грязно-серых рифленых цементных плиток заканчивался парапетом; до парапета было метров тридцать. Позади была стена, и справа она кончалась совсем рядом,

а слева упиралась в бетонный куб, немного не доходящий до потолка. За парапетом виднелись грубовато намалеванные на чем-то вершины гор и кучевые облака.

Мишка, стараясь ступать неслышно, двинулся направо. Дошел до угла и осторожно, одним глазом, заглянул за него.

Парапет, дважды изгибаясь под прямым углом, ого-раживал площадь с футбольное поле размером. Стена, у которой Мишка стоял, уходила довольно далеко и оканчивалась странного вида усеченной опрокинутой пирамидой. Между стеной и парапетом громоздилась гора каких-то ящиков. Частично этими ящиками заваленный, стоял коричневый автопогрузчик. В самом дальнем от Мишки углу парапета виднелась легковая машина или маленький автобус неизвестной марки. Несколько минут Мишка осматривался и прислушивался. Было совершенно тихо. Тогда он оттолкнулся от стены и подошел к парапету.

Под ним был Афганистан. Он понял это в первый же миг и потом ни разу не усомнился. Горы: заснеженные, каменистые, прорезанные зелеными долинами, в извилистых дорогах и тропах, с темными ущельями, с прилипшими к склонам кишлаками, с лоскутками полей везде, где хоть чуть-чуть может задержаться влага; глинистая, покрытая солевой коркой пустыня, навсегда выбеленная солнцем; городок у подошвы горы... Не помня себя, Мишка шел вдоль парапета. Это не было похоже ни на что конкретное, виденное им; это не было рельефной картой, потому что нарушались масштабы и пропорции; вообще нельзя было сказать, чем именно это было. По дороге внизу шла колонна: «уралы» в сопровождении бээмпэшек. Их было видно до безумия отчетливо. И так же отчетливо было видно гранатометчика в чалме, ждущего колонну у изгиба дороги. С легким хлопком, будто лопнула лампочка, взорвался и запылал бензовоз. Из бээмпэшек горохом посыпались стрелки, занимая оборону... Стоило сосредоточить взгляд на каком-то участке, как он оживал и взрывался действием: крались скрытыми тропами бородатые люди, сгибаясь под тяжестью своей ноши, а следом за ними крались солдаты в маскировочном пятнистом, в касках, крытых

серой мешковиной. Утюжили воздух неуклюжие с виду «грачи». Верблюды еле брели, а над их головами пронесся вертолет, роняя частые капли бомб... Мишка отшатнулся: чувство повторности происходящего было нестерпимо. И все равно не было сил не смотреть совсем...

Он обошел весь парапёт по периметру. Он видел Кабул под собой и Душанбе далеко на горизонте, отары овец и коз, сады и пальмы, палаточные городки, старика, расстилающего в пыли свой молитвенный коврик, летчика со сбитого «Ан-26», ковыляющего куда-то по черным камням, мерзнувшие на вершинах посты, десантуру, отрабатывающую приемы на живых, пестрые базары, танки на перекрестках, женщин во всем черном, ребятишек, пристающих к солдатам... Наверное, все, что когда-то происходило там, отражалось здесь, в этом странном объемном зеркале...

Или наоборот, с ужасом подумал Мишка. Или вообще это все одно и то же, и никакого Афганистана, кроме этого, не существует — просто все знают, что он есть, и этого достаточно. А где-то в другом месте существует такой же СССР... а может, и вся Земля... и весь мир... Отвернувшись от того, что внизу, Мишка стал пристальнее рассматривать место, где он оказался.

Больше всего это напоминало палубу самоходной баржи — такая же вытянутая огороженная площадь с надстройкой на одном конце, захламленная, заставленная чем-то малозначащим: штабелями коробок и ящиков, катушками кабеля, толстыми связками арматуры. Стояла полуразобранная машина: нечто среднее между снегоуборочной и комбайном. Проходя мимо нее, Мишка чуть не упал — нога покатила на стреляных пистолетных гильзах. Здесь их были многие тысячи. У парашюта валялась изрешеченная в кружево железная бочка.

Почему-то вид этой бочки подтолкнул Мишку к размышлениям. Так, я вошел. Было темно. Выключил свет — там, под козырьком, загорелись лампочки. А внизу оказался день. А если выключить — станет ночь? Ночь — время духов, так говорили. Не мое это дело, мешаться в смену дня и ночи. Но ведь уже вмешался. Попробовать? Чувствуя, что делает что-то не то, Мишка подошел к выключателю и повернул ручку.

Наступила полнейшая тьма.

Лишь через несколько минут Мишка смог различить контур парапета на чуть более светлом фоне неба. Он медленно, чтобы не налететь в темноте на что-нибудь, двинулся к нему, и в этот миг завизжала открываемая дверь.

Сработал какой-то звериный инстинкт: Мишка метнулся назад, коснулся ладонями стены и по стене скользнул за угол. Он видел, как плясали беспорядочно и быстро световые пятна от мощных фонарей.

— Не трогай, — сказал чей-то голос. — Пусть поспят.

— До сраки мне ихние сны, — отозвался другой голос, молодой и злой. — Они там спать будут, а я тут коленки расшибать.

— Говорю — не трогай.

— Ладно, заладил, как...

— Как кто?

— Как училка.

— Смотри у меня.

— Давно уж смотрю...

— Что-то ты оборзел. Забыл, как говно жрут?

— Я же сказал: молчу. Молчу.

— Ну и молчи.

— Ну и молчу.

— Поднимись наверх, там посмотри. Я тут поброжу.

Молодой буркнул неразборчиво и, шумно загребая сапогами, прошел впритирку с Мишкой, одарив его крутым запахом давно не мытого тела. Потом пятно света и шаги скрылись за углом, и тут же загрохотала железная лестница. Оставшийся, негромко дудя под нос неразборчивый мотивчик, походил взад-вперед, потом достал что-то шуршащее... закуривает, догадался Мишка... Вспышка спички на миг осветила лицо: обычное, простоватое, с маленьким курносым носиком. Мотивчик сменился другим, и этот Мишка узнал: «На тебе сошелся клином белый свет...» Это была когда-то дворовая песня, только слова другие: «По тебе проехал трактор „Беларусь“...» Красный огонек, вспыхивая и угасая, описывал замкнутые кривые в пространстве, а потом замерцал и стал удаляться: тот, кто курил, направился к парапету. Шагов его Мишка не слышал.

Ну, ребята, влип... Мишка почувствовал, что руки его обхватили гранату и что пот заливает глаза. Это была неразрешимая коллизия, потому что руки не желали размыкаться, а зрение надо было как-то спасать. Наконец он справился и с руками, и с потом. Держаться, надо держаться. Холодно и расчетливо. Они ищут не меня и почему-то не желают включать свет. Это хорошо, это уже половина успеха...

Тот, что курил у парашюта, с размаху бросил сигарету вниз. Красный зигзаг секунду висел в воздухе, медленно тая.

— Сашок, ты это чего? — спросил голос над головой.

— А вот... — с хрипотцой отозвался куривший. —
Щас добавим...

В тишине громко и железно клацнуло, и ударило два выстрела. Потом, через пару секунд, еще два. Потом еще. Вспышек видно не было — стрелявший перегнулся через парашет.

— Ракетный обстрел Кандагара, — чуть сдавленно объявил он, распрямляясь; Мишка уже довольно хорошо видел его поясной, как на мишени, силуэт. — Забегали, шурави...

— Слушай, я тут бомбы трогать не стал, через дверь посмотрел, — сказал голос наверху. — Календарь опять засбоил. Должна быть ночь с четвертого на пятое, а там с пятого на шестое. Надо опять инженера звать.

— Инженера... Слушай, Чуха, а ты замок на двери менял?

— Вчера, как ты сказал...

— Не было замка, Чуха. Я подумал, что ты опять профилонил, хотел на обратном пути тебя носом потыкать. Так, говоришь, бомбы целы?

— Целы, Сашок, точно говорю: целы.

— Слава Аллаху. Ладно, придется засветлять. Проверишь балкон — и спускайся. Да ствол держи наготове.

— Понял, Сашок. Иду.

Наверху застучали сапоги, а человек у парашюта перезарядил пистолет и скользящими, почти беззвучными шагами пошел назад. У меня же топор, в отчаянии подумал Мишка, можно же топором... Он не двинулся с места. Щелкнул выключатель, загорелись лампы — и

засветилось небо. Солнце скользнуло из-за гор и остановилось невысоко. Мишка обтер ладонь о штаны, взялся за рубчатое тельце гранаты и потянул его на себя. Чека не отпускала. Он рванул — и чуть не выронил гранату из руки. Этого он испугался. Другого он не боялся ничего. А может быть, боялся так, что уже не чувствовал своего страха.

Человек вышел из-за угла. Он был одет в черный, наподобие танкистского, комбинезон. Лицо было то же самое, простоватое, курносое, только глаза были мертвые. Он увидел Мишку, гранату в его руке и все просчитал и все понял.

И Мишка все понял, глядя в эти глаза, и уже не слышал, как тот сказал:

— Эй, парень, поосторожней с этой штукой!

При первых звуках голоса Мишка ослабил пальцы, и предохранительная скоба полетела, вращаясь, как бумеранг; хлопнул капсюль, и запахло пистонами — как от детского пистолетика. Мишка держал гранату в поднятом как бы в ротфронттовском приветствии кулаке. У человека в черном делались нормальные глаза и что-то менялось в лице; потом он стал медленно падать назад, одновременно отворачивая лицо и закрывая руками голову. Чудак, подумал Мишка, это же «фенька», от нее не закроешься локтями. Ему было легко и спокойно. И даже предчувствие чего-то радостного возникло и дало себя ощутить...

Все это длилось слишком долго.

Человек в черном зашевелился, приподнял плечи и, повернув голову, посмотрел на Мишку. Мишка так и стоял — с неразорвавшейся гранатой, поднятой к плечу.

— Бросай, — сказал человек и ткнул рукой: вон туда. — Бросай.

Мишкина рука неловко распрямилась, и граната отлетела шагов на десять, костяно ударилась о пол и покатилась, рокоча.

— Вот и молодец... молодец... — Человек поднялся и, пошатываясь, подошел к Мишке. — Ты кто такой?

— Я здешний, — неожиданно для себя ответил Мишка и удивился своему голосу: тонкому и противному. — Я здесь живу. На втором этаже.

И, чтобы его лучше поняли, пальцем показал на потолок. Палец трясся.

— А, понятно, — улыбнулся человек в черном. — А я-то испугался, что это сайр к нам пробрался. А ты наш. Это хорошо...

И Мишка с трудом подавил в себе желание улыбнуться ему в ответ.

— Видишь, Чуха, гость у нас, — сказал человек в черном подходившему молодому. — На втором этаже, говорит, живет.

Молодой заржал.

— Крутой парень, — продолжал человек в черном. — Чуть что не по нем — гранатой. Фамилии не спросясь. Хорошо, граната тухлая была, а то соскребал бы ты меня веничком... Афганец, одно слово. Афганец, да?

— Нет, — сказал Мишка. С первого раза сказать у него не получилось, и он повторил упрямо: — Нет. Я русский.

— Русский по паспорту. А афганец по душе. Так говорят.

В голосе его чувствовалась непонятная издевка.

— Я русский, — повторил Мишка. — Афганцы те, которые там живут.

— Не хочешь, значит, афганцем быть?

— Я русский.

— Хороший парень, — сказал человек в черном. — Культурный. Все понимает...

Он сделал неуловимое движение плечом, и в глазах его Мишка увидел жадное любопытство — а потом Мишку вдруг подняло непонятной силой вверх, и куда-то понесло, и без боли ударило о плиты пола, и перевернуло так, что пол оказался над головой, а небо и солнце внизу. Это было неправильно, но повернуться Мишка не смог. Он смотрел, как белое солнце превращается в черный круг на желтой стене. Он так и не понял, что умирает.

— Одним ударом, — подобострастно сказал Чуха. — Одним ударом, Сашок, а?

— Сними с него все, — прыгающим голосом велел Сашок.

— Ты что, хочешь...

— Снимай, падаль!

Чуха стал стаскивать с мертвого Мишки сапоги, запутался в штанах...

— Срезай, козел!

Срезать было легче.

— Все. А теперь отойди... Нож дай.

Чуха смотрел, что Сашок делает с Мишкиным телом. Потом его замутило.

— Слушай, хватит, а? Зачем уж так?

— Ништяк... — Улыбаясь и часто дыша, Сашок выпрямился. — Пацаны злее будут. Берись, поволокли.

Они подтащили то, что осталось от Мишки, к парпету. Сашок перегнулся через парапет и стал смотреть вниз. Постепенно пейзаж внизу менялся: раздалось и поднялось, вырастая в размерах, каменистое горное плато. То, что было рядом с ним, съеживалось и сжималось, мертвея. Наконец плато увеличилось до размеров естественных. До него было метров пять. Видна была россыпь зеленоватых автоматных гильз.

— Подняли... — сказал Сашок. — Перекинули...

Изуродованное до неузнаваемости тело Мишки с тупым звуком упало на камни.

— Иди-ка еще вон... гранату принеси...

Чуха послушно сходил и принес гранату. И перебросил ее следом за телом.

— Орденок теперь дадут... посмертно... — все с той же улыбкой сказал Сашок.

Он отвернулся от парапета, и плато стало оседать и уменьшаться, уменьшая вместе с собой и мертвого Мишку, лежащего на нем.

— А представляешь, если бы это сайр был? — подстраиваясь под старшего, сказал Чуха.

— Был бы это сайр... так мы бы с тобой... там лежали... — Сашок согнал улыбку с лица. — Козлы мы с тобой и разьебай. Сайр бы нас на счет «раз» положил. Да только вряд ли сайр сюда пролезет. Нет им, гадам, куда пути... — Глаза Сашка опасно сузились, голос побелел.

— Щуплый пацан, — уходя от опасной темы, завертел головой Чуха. — А кровищи что с борова.

— Засохнет, — плюнул Сашок.

11. ТАТЬЯНА

Накормили последних. Хотелось лечь и никогда больше не вставать. Маленькие ревели вперебой. Те, что чуть побольше, азартно смотрели в небо. Только что нечисть — одни крылья и ноги — попыталась свалиться на головы. В нее попали, и с жалобным воем нечисть скрылась. Всей еды было: тридцать буханок черного и два ведра лапши на порошковом молоке. Это на без малого две сотни народу. Завтра не будет и того, сказал Василенко, хлебозавод — всё. Не удержали. Василенко был черный и худой. Как Дим Димыч, спросила Татьяна, отходит? Не знаю, Танюха, сказал Василенко, я его с позавчера не видал. Вроде живой. Загляните к нему, Федор Игнатьевич, вы ж мне не чужой, попросила Татьяна, ведь мне отсюда — ни на шаг. Ладно, Танька, загляну. Передать ему что? Передать? — Татьяна вдруг смешалась. Передать: что жива и что люблю. Она с вызовом посмотрела на Василенко. Он вдруг улыбнулся. На запекшихся черных губах появились алые трещинки. Ладно, сказал он, для этого дела специально съезжу...

Она двигалась уже как манекен: высаживала на горшки, вытирала слезы, разнимала драки, успокаивала как умела, играла в пантеру и в лису Алису, надувала прохудившийся мяч, вставляла кукле ноги... Наконец Фома Андреевич поймал ее за бок и посадил рядом с собой.

— Передохни, дочка. Не одна ты тут, пусть и мамки не только за своими походят...

Она послушно сидела, беспрерывно куда-то проваливаясь. Потом, похоже, заснула, потому что, открыв глаза, обнаружила себя лежащей и прикрытой пиджаком. Рядом кто-то тоненько плакал, подвывая.

— Ума решилась, бедная, — сказал один голос.

— Водки ей дайте, — сказал другой.

— Разойдитесь, просто разойдитесь, — сказал Фома Андреевич. — Не стойте над душой. А ты поплачь, родная, поплачь. Рта не затыкай, не насилуй себя. Поплачь.

Татьяна опять уснула.

Окончательно она проснулась в полной темноте. Тусклое кольцо луны терялось в перепутанных ветвях. Фома Андреевич дышал рядом.

— Спи дальше, — сказал он. — Если что — разбужу.
— Фома Андреевич, — сказала Татьяна, — вы-то сами когда спали последний раз?

— Сегодня часок ухватил. А что?

— Да неловко мне.

— Неловко только метлой париться, — сказал Фома Андреевич. — А вам, молодым, сна больше требуется. Я вот сижу и в небо смотрю, и мне хорошо.

— Выспалась я, — сказала Татьяна.

— На фронте, помню, спать хотелось и есть. Только спать и есть. И всё. Остальное тоже вроде помню, но так... сквозь кисею. А спать и есть — страшно...

— Вот и у нас так.

— Еще немножко не так. Но у нас и хуже, опять же. Там хоть ждали чего-то. И все-таки мужики одни... легче. В сорок четвертом, зимой, к нам из Белоруссии партизанский отряд прорвался. Баб и ребятишек человек сто да бойцов полсотни. Из блокады, голодные, шатаются... Командира с комиссаром перед строем расстреляли, а бойцов приодели слегка, жратвы какой-то дали, патронов — и назад. Ну а семьи — в тыл. Так командир с комиссаром обнялись перед смертью и расцеловались. Знали, видно, на что шли, — с самого начала знали...

— Почему расстреляли-то? За что?

— Оставление позиций.

— Так что — лучше бы дети перемерли?

— Командование считало — лучше...

— Вот же сволочи...

— Может, и сволочи... А может, и нет. Кто знает?
Про Ноя же ты читала?

— Читала. Про ковчег.

— Это Писание... А есть еще предание — неписаное. Про соседа Ноева, по имени Орох. Был он завистлив и подозрителен. Увидел Орох однажды, что Ной с сыновьями начал строить огромную лодку, и подумал: с чего бы это? Ной, говорят, праведник, Господь любит его. Не иначе что-то должно случиться. И стал Орох строить такую же лодку. Долго строил, но закончил в срок. И все смеялись над ним и над Ноем. А потом начались дожди. И реки вышли из берегов, и ручьи превратились в потоки. И стала заливать вода жилища. Тогда поняли

люди, что Бог прогневался на них, но не было у них сил душевных принять этот гнев как подобает. И бросились они к ковчегам... Но затворил Ной ворота ковчега, и напрасно стучали в них люди. Женщины поднимали детей над волнами и питали надежду, что хоть безвинных младенцев примет праведник Ной. Но был Ной послушен воле Господа. А Орох не вынес плача и мольб — и отворил ворота. Взошли люди на ковчег Ороха, но слишком много их было, и не смог он затворить ворота, не смог выбрать того, перед кем их затворить...

— Вы это сами сочинили? — помолчав, спросила Татьяна.

— Не знаю, дочка. Может, и сам. А может, слышал от кого...

— Значит, мы потомки того праведника... Интересно, спал он спокойно в оставшуюся жизнь?

— Он спал спокойно.

— Тогда, наверное, все, что было потом, — это искупление его праведности. Включая нас и вот это...

Они помолчали. Слышалась далекая переключка часовых — видимо, в районе ремзавода. Потом там же застрелял тракторный мотор, и с лязгом, слышимым даже здесь, куда-то направился архиповский броневик.

— Третья ночь без стрельбы, — сказал Фома Андреевич. — Замечаешь, дочка?

— И правда, — сказала Татьяна. — Неужели выдохлись?

— Или готовят что-то.

— Или готовят...

Медленно прошли, разговаривая, четверо караульных: один с дробовиком, двое с огнеметами, у четвертого на плече лежала пика с поперечной переключиной. Оборотня было мало поразить картечью или поджечь — нужно было еще и держать, пока не сдохнет.

Да, растратили серебро в первые дни, теперь приходится ужиться...

Кто же знал, что все это затянется черт знает на сколько времен?

Ах, война-то еще долго протянет, на то она и война... Миша, Миша, как же это так, а? Забрали, убили, сунули

обратно: хороните... будто так и надо. ...Трехлинеечки, четырежды проклятые, бережем, как законных своих. А вот законных не бережем. Мишку убили, Валера умер, Дима тяжелый...

И вдруг внезапно, будто вспыхнул свет, она поняла, что должна увидеть Диму — немедленно, сейчас, пусть он без сознания, пусть не видит, не слышит. Почему-то получалось так, что нет ничего важнее этого...

Что-то должно было случиться в эту ночь.

До больницы двадцать минут — днем. Здесь хватит рук и без нее. Правда, если отлучку обнаружат... Но об этом лучше не думать.

Тем более — что-то должно случиться. И это что-то требует ее присутствия рядом с Димой.

— Фома Андреевич, — Татьяна поднялась. — Вы не проводите меня до больницы? А то у меня только три патрона.

Несколько секунд Фома Андреевич молчал. Потом встал.

— Сюда возвращаться будешь? — спросил он.

Татьяна прислушалась к себе.

— Не знаю. По обстоятельствам.

— Тогда я захвачу свой мешок...

Чудный старик, подумала она. Чудный и чудной. Впрочем, как выяснилось, многие оказались не такими, как были прежде.

Взять того же Диму...

Фома Андреевич, с мешком за плечами и архиповской многозарядкой в руках, возник рядом. Но с ним, к ужасу Татьяны, возникла и Василиса — директор второй школы, а теперь комендант лагеря «Верхний»...

— Я все знаю, девочка, — сказала она неожиданно. — Пойдем, а то вас без меня пристрелят в воротах...

На улицах оказалось неожиданно светло. Почти как в нормальную лунную ночь. То, что глаза, нагруженные светом костров, керосиновых ламп и свечей, воспринимали как непроницаемую темноту, через несколько минут стало мостовой, заборами, домами, крышами, небом... Черным небо было лишь над северным горизонтом; вокруг же тусклого кольца луны расплывалось серо-сире-

невое пятно, дающее довольно яркий, но бестеновой свет. Отсутствие теней, контрастов, объема делало город туманно-призрачным.

— Второе полнолуние встречаем, — тихо сказал Фома Андреевич. — С первого, по сути, началось...

— По-моему, еще весной началось, — сказала Татьяна.

— Не определить нам, когда это началось, и лишь когда кончится, будем видеть все. Восьмая часть нас сейчас осталась, а должна остаться двенадцатая...

— Фома Андреевич, — медленно начала Татьяна, — вот мы с вами много говорили обо всем таком... я до сих пор не пойму: неужели вы и вправду верите в предначертания? Ведь это же... — она поискала слово, — неинтересно.

Фома Андреевич ответил не сразу. Татьяне даже показалось, что он вообще не будет отвечать, так размеренно он шел, поворачивая голову из стороны в сторону и поводя толстым стволом своей пушки. Но шагов через сто он заговорил.

— Если предначертанное сбывается: раз, другой, третий, сотый... можно ли это отбрасывать? Или стоит поискать объяснение? Допустим, нас не устраивает простейшее из них: что всё кому-то известно наперед, а поскольку мир неизменяем, то мы волей-неволей исполняем предписанное. Согласен: обидно, сил нет. Хотя никто не доказал, что мир обидным быть не должен. Но зайдем с другого конца: предположим, предначертания исполняются потому, что люди верят в то, что они исполнятся. Чем больше людей, чем сильнее они верят — тем вернее исполнение...

Он остановился и прислушался. Тонкий вой возник вдалеке, поднялся — и оборвался. И, как бы погребая его, вырос лязг броневика.

— Что-то утюжит Архипов...

Потом раздались крики — уже человеческие. Мокрый удар — и чавканье, как от шагов по болоту. И снова — вой, визг, бульканье... Желтый огненный пузырь вздулся над крышами.

— Однако поторопился я — про затишье, — пробормотал Фома Андреевич.

Коротко рванул автомат. Потом еще раз.

— Пойдемте, — сказала Татьяна. — Все равно мы...

Почти бегом они двинулись вниз по мощенной булыжником Социалистической улице, которую все звали по-старому: Прямым Взвозом. Она шла от самой пристани до каменных лабазов наверху; там же было пожарное депо с каланчой и вторая школа, раньше — реальное училище. Теперь все это вместе называлось «Верхним лагерем» и давало приют трем сотням людей, в основном — детям и женщинам. Верхний лагерь было легко оборонять, там были самые большие запасы продовольствия, но воду приходилось возить снизу.

Самый большой и самый важный — но и самый беспокойный и уязвимый — лагерь образовался вокруг ремзавода. В нем было человек семьсот. Третий был — больница и два десятка домов вдоль набережной. Полторы сотни людей удерживали его. И было то, что называлось постами: электростанция, пакгаузы у пристани, хлебозавод... все, хлебозавод можно вычеркнуть. С самого начала он висел на ниточке...

Улицы и дороги, соединявшие лагерь, по непонятным причинам оставались ничьей землей. Людям здесь было небезопасно появляться — но и нечисть, дневная и ночная, не занимала дома и не взрывала землю. По крайней мере, слухачи, сутками напролет обычными докторскими стетоскопами выслушивающие подземную колготню, здесь ничего не находили.

Что-то заставило Татьяну замереть; Фома Андреевич тут же остановился и повернул голову к Татьяне, но, повинуясь жесту, промолчал.

Странная возня происходила в палисаднике дома, с которым они поравнялись. Возня, возбужденный крысиный писк... и с шипением, как от взлетающей ракеты, вспыхнуло белое пламя! Ключья чего-то горящего вымахнуло на высоту крыши. И тут же, рядом — вторая вспышка. Крысы завизжали. Смотри, смотри! — зашептал Фома Андреевич, но Татьяна видела и сама, хоть и сквозь лиловые пятна: из палисадника на доски тротуара выбрались какие-то гномики. Двое несли третьего. Потом появился четвертый. Заметив людей, они замер-

ли, но тут между штакетин просунулось сразу несколько крысиных морд. Гномики перебежали тротуар и прыгнули на мостовую. Фома Андреевич дослал патрон и дважды выпалил по крысам. Полетели щепки. Штакетник завалился и повис на кустах. Крыс, конечно, смело. Гномики встали, подняли своего пострадавшего товарища и, поглядывая на людей, пересекли мостовую. Татьяна присела, чтобы лучше их разглядеть. Они были вполне обычными — только маленькими. Ей показалось, что последней шла женщина — впрочем, одетая как все остальные.

Значит, Мишка ничего не придумал... значит, все так и было, как он говорил...

— Эй! — позвала она. — Вернитесь! Мы вам поможем!

Но никто не вернулся и не отозвался.

12. ВИТО, ИЛИ САЙР ГЭБРИЛ КСИМЕН

Что Гэбрилу определенно нравилось в новом тоуне, Джаллаве, так это естественность поведения. Если тоун Джаллав был доволен — все знали, что он доволен; если что-то его не устраивало, то все знали, что именно, и не требовалось вычислять и угадывать, кого и за что наказывает тоун, понижая в чине, допустим, референта вице-председателя Малого круга. Может быть, пройдет двадцать лет — и Джаллав научится делать загадочные жесты, ставящие в тупик всю команду, — но пока ничего, кроме облегчения, никто не испытывал. Сегодня тоун был встревожен, тревоги не скрывал, но тем не менее все собравшиеся на Большой круг знали, что ни с какими иными трудностями, кроме реальных, не столкнутся.

Прежнего тоуна, Сондж-Такши, никто не вспоминал, руководствуясь мудрым правилом: о мертвых хорошее или ничего. Правило действовало, хотя Сондж-Такши был жив, здоров и шумно проматывал свое неимоверное выходное пособие. Гэбрил видел его однажды, но сделал вид, что он сам на задании, а в его теле жокей.

Оперативная обстановка внезапно осложнилась, говорил тоун Джаллав, причем в нескольких уровнях одновременно. Особые опасения внушают уровни Вав, Зайин и Хет, где события развиваются по образцу «Припарийской катастрофы», но в значительно большем масштабе. Уже очевидно, что процесс охватывает все три уровня, локализуясь в каждом из них на площади от одного до трех миллионов квадратных миль. «Припарийская катастрофа», как все помнят, началась на территории в несколько сот квадратных миль — и привела к гибели половины населения планеты и деградации оставшейся, что, в свою очередь, резко ослабило наши позиции в отдаленных уровнях.

Ничего себе ослабило, подумал Гэбрил. Уровни выше Коф практически недоступны...

Понятно, что события в уровне Коф, в Припарии, произошли еще тогда, когда мы не обладали даже минимумом необходимых средств, продолжал Джаллав, а главное — не имели представления об истинной причине происходящего. Сегодня мы имеем возможность локализовать подобные процессы в течение дней и даже часов. Не далее как в прошлом году была проведена успешная операция в слое Ламед — хотя и небезупречная с этической точки зрения...

В сущности, за эту операцию Сондж-Такши и сняли. На ИТ-тест отреагировал один из заливов мелкого и чрезвычайно населенного ламедианского океана. Сайркоманда организовала там столкновение двух танкеров: с нефтью и с какими-то кислотами. После чего в заливе не стало даже бычков.

С другой стороны, если болезнь запустить... в уровне Коф погибло полтора миллиарда. Правда, там был чисто сухопутный вариант. Но с морскими аналогами «преображения» бороться было бы практически невозможно. Поэтому неизвестно, что хуже.

Вообще неизвестно, что хуже. Похоже, что выжившие в уровне Коф не так уж бедствуют. Хотя живут странно — по нашим понятиям. А по своим — хорошо. Спокойно живут. Многие из нижних уровней поменялись бы с ними... если те согласятся, добавил про себя Гэбрил.

А может быть, и меняться не придется...

Джаллав закончил вступление и спросил, не нужно ли что уточнить? Это был обязательный ритуальный вопрос на Большом круге.

И встал магнус Зоунн.

— Мой командир, — сказал он, — как давно появились признаки «преображения» в этих уровнях?

— Ретропроекция показывает: в уровне Вав — около трех лет назад, в уровне Зайин — около полугода, в уровне Хет — более двадцати лет назад.

— А идентификация состоялась?..

— Две недели назад.

Ропот прокатился по залу.

Сейчас спросит: чья вина? — подумал Гэбрил.

— Мой командир, есть ли объяснения тому, что в сроках ретроспекции мы имеем двадцатикратный разнос?

— Объяснений... — Тоун чему-то, известному только ему, улыбнулся. — Объяснений до чёрта. Лично я отдаю предпочтение двум: во-первых, методы ретроспекции крайне несовершенны, во-вторых, противник сознательно оттягивал момент инвазии в слой Зайин. Подчеркиваю: сознательно. Он создал плацдармы, сверху и снизу; накопил силы... Мы с вами знаем, какова роль уровня Зайин для равновесия системы, для защиты Алефа. Думаю, противник знает это не хуже нас. Пора перестать относиться к нему как к безмозглому животному, как к явлению природы — этим многие из нас грешат до сих пор. Я ответил на ваш вопрос, квинтал?

— И последнее: почему допущена такая поздняя идентификация признаков?

— Потому что формально этих признаков нет. ИТ-тесты отрицательны в Зайин и Хет, сомнительны — в Вав.

Вновь прокатился ропот.

— Мы отстали от событий, — подождая, когда установится полная тишина, продолжил тоун, — и упустили из виду многие изменения, произошедшие с нашим противником. Скажем, резчайшее усиление способностей к маскировке — или к мимикрии, если так будет угодно господам арбореям. Хотя, как я понял из рапортов группы Ауэбба, эту тему они разрабатывают минимум четыре года...

Гэбрил посмотрел на Ауэбба — его место было в ложе руководителей групп, но он всегда сидел со своими расчетчиками. Сейчас он был бледнее обычного и смотрел строго перед собой. В пересечении сотен взглядов ему было неуютно.

— Именно этим путем, путем самообмана, самоуспокоения, мы пришли к ситуации, обозначившейся в последние недели. Но буквально до сегодняшнего дня мы не подозревали о том, что положение не просто несколько осложнилось... — Тоун помолчал, глядя на пустой попитр. — Я даже не могу сказать, что мы на грани катастрофы — потому что, боюсь, мы давно перешагнули эту грань.

В наступившей тишине кто-то закашлялся.

— Мой командир... — поднялся штаб-магнус Манхолт, но тоун жестом усадил его на место.

— Сейчас я по возможности кратко опишу то, с чем столкнулись наши службы за последний месяц, а также то, что происходит сейчас в уровнях Вав, Зайин и Хет. После чего объявлю о своем решении. Прошу выслушать меня внимательно.

Странно, что я ничего не чувствую, подумал Гэбрил. А должен бы. Или уже все перегорело?..

— Ровно месяц назад сайр Бэлард, следуя в авторежиме из уровня Йод, пропал где-то между уровнем Зайин, который был отмечен мониторингом, и — Гиммель, где, как вы знаете, имеется стацрегистратор. Мониторинг прервался при прохождении уровня Вав. Судьба сайра Бэларда неизвестна. Это была первая потеря такого рода. В течение недели точно так же пропали еще двенадцать человек — все при прохождении уровня Вав. Магнус Зоунн организовал спецгруппу, занятую исключительно поиском и прямым подуровневым возвращением наших разведчиков. Не имеет смысла, очевидно, говорить о том, что авторежим теперь применяется в самых исключительных случаях. Но, как вы понимаете, наблюдатели и разведчики, покинувшие Алеф более месяца назад, об этом не знают, продолжают им пользоваться — и пропадают при пересечении уровня Вав... Один из них наконец найден и возвращен сегодня. Это сайр Ксимен, рапорт которого проливает свет на многое. Хотя, возможно, и не на все.

Теперь все смотрели на Гэбрила. Он постарался этого не заметить.

— Естественно, отдел структурной разведки стал уделять самое пристальное внимание уровню Вав. Зоной сопряжения энергетических минимумов Базы Алефа и пространства Вав является большой портовый город Альбастр на юге бывшей Империи гипербореев. Общий уровень технического развития государств Вав достаточно высок, в основном это касается сферы информатики. Антропогенное давление на среду переходит за критические пределы. Классических признаков самоорганизации среды не отмечено — но в истории зафиксирован случай создания артефакального биокибернетического анклава. Попытка закончилась катастрофой, информационным коллапсом — однако это, похоже, ничему их не научило. Более десяти лет ведутся работы, в том числе и в военных целях, над снятием межличностных блоков и установлением симпатических связей как между индивидами, так и между индивидом и внешней информсистемой. Наши попытки сорвать эти работы пока почти ни к чему не привели. Далее: практически все информационные системы технически развитых государств Вав, развиваясь стихийно, оказались соединенными в единую сеть, причем это касается как высокосложных специализированных систем, так и бытовых, широко распространенных там. Возможно, впрочем, что имел место не только стихийный процесс, но и желание правительств иметь возможность обеспечить при необходимости тотальный контроль над информацией, поскольку новейшая история этих государств отличается сверхкритической нестабильностью. В полном соответствии с теорией бесконечно-замкнутых систем в сети стали зарождаться информпакеты, воздействующие на сознание и подсознание людей с целью побудить их к совершению тех или иных действий. Процесс этот идет по экспоненте, принимаемые меры, естественно, запаздывают, так как нацелены на ликвидацию последствий уже состоявшихся событий, а не на опережение. Корпус эрмеров — так называется организация, созданная для защиты от этого бедствия, — слаб, плохо оснащен технически и обладает минимумом возможных полномочий.

Очевидно, что предотвратить очередной, теперь уже тотальный, информационный коллапс он не сможет. Если же мы попытаемся событийно совместить тотальный информационный коллапс с выходом из-под контроля разработок по снятию межличностных блоков и созданию симпатических связей — а это произойдет неизбежно, — то совершенно ясным становится итог: образование в непосредственной близости от Алефа гигантской аморфной безличностной биокibernетической системы, которую противнику не потребуется даже завоевывать — она будет полностью открыта для него. Тем более что плацдарм противника в уровне Вав существует, по всей вероятности, уже не один десяток лет...

Он перевел дыхание.

Тишина стояла гробовая.

— Детального изучения событий вокруг артефакального информационного коллапса не проводилось, но из тех материалов, что — часто вопреки воле непосредственного руководства — доставляли наши наблюдатели, становится очевидным следующее: некоторая часть населения уровня Вав, по крайней мере в местностях, прилежащих к центру событий, потенциально тропна к противнику. Эти люди составляют, по различным подсчетам, от одной десятой до трех процентов населения и отличаются повышенной чувствительностью к неофициальным раздражителям. Магнус Ауэбб считает, например, что можно говорить о формировании у них зачаточной третьей сигнальной системы, совместимой с сигнальной системой противника. Точно известно, в частности, что они способны принимать и генерировать модулированное ультрафиолетовое излучение, причем это излучение четко и однозначно влияет на уровень активности коры головного мозга — вплоть до возникновения некупируемого судорожного синдрома. Есть данные, хотя и менее полные, о воздействии химических раздражителей в микродозах... В общем, это люди, но уже не совсем люди. И, вполне возможно, их поступки диктуются не только их собственным разумом. У нас нет достоверных данных о происхождении этих людей, и лишь по некоторым косвенным намекам мы предпола-

гаем, что они появились в результате вирусной инвазии в наследственную плазму минус третьего поколения. Причем это с абсолютной точностью напоминает эксперименты по генному инженерингу, выполнявшиеся в Алефе примерно в то же время...

Понадобилось несколько секунд, чтобы осознать сказанное. Тоун Джаллав обводил глазами зал, вглядываясь в лица, и Гэбрил понял, что тоун, помимо всего, решает сейчас и кадровую задачу. Для самого Гэбрила этот вопрос был уже решен, поэтому он вполне мог позволить себе самую естественную реакцию на слова тоуна: отвалить челюсть. Боже правый! Минус третье поколение, поколение дедов, не имевших и понятия о структуре мира, об уровнях выше первого... воинственных дедов, немало сил вложивших в науку о самоуничтожении... по-дурному бесстрашных дедов, творцов монстров и оборотней — созданий несчастных и несущих несчастья...

И — вот какой поворот темы...

— Мы не можем пока судить о характере процессов, превративших Вав в непреодолимую преграду для наших возвращающихся разведчиков, — помолчав подбабующее время, продолжал тоун. — Информация, предоставленная сайром Ксименом, интересна, но не проверена. Чисто спекулятивно можно предположить, что это одно из следствий возникновения в информационной сети специфических информпакетов, именуемых там «кодонами». По крайней мере, сам сайр Ксимен был переправлен из уровня Вав в уровень Зайин после того, как воспринял один из таких пакетов. Я не берусь делать выводы из уникального пока факта, но случай крайне интересный и требует внимательного анализа. И, возможно, экспериментальных проверок...

Это он осторожничает, подумал Гэбрил. Нутром чую: все, кого найдут, расскажут одно и то же: поймали кодон. И вообще — сама ситуация с исчезновениями заставляет задуматься над обоснованием многослойной системы. Как бы не оказалось, что уровни, начиная с Бет, вовсе не являются дочерними реальностями, возникшими в результате функционирования Алефа — так, по крайней мере, считается до сих пор, — а суть вполне само-

стоятельные миры, и Алеф — равный в ряду прочих... и, может быть, даже не первый? Никто ведь, кажется, не пытался проникнуть *под*?

А ведь это может оказаться богатой идеей — проникнуть под Алеф...

Как? Он стал думать, как это можно сделать, и пропустил момент, когда тоун перестал рассуждать о Вав и перешел к Зайин.

— ...с Базой сопряжен малонаселенный район, и самый большой город имеет население около четырнадцати тысяч человек. Поскольку уровень Зайин имеет важное стратегическое значение, мы держим там постоянно около двадцати наблюдателей. Признаков проникновения, известных нам по предыдущим вторжениям, нет до сих пор, но я беру на себя ответственность за следующее заявление: в уровень Зайин, причем в район, сопряженный с Базой, осуществляется массированное вторжение сил противника. То, что происходит там, я бы назвал преобразованием реальности — поскольку преобразование коснулось не растительности, как на уровне Коф, не части каждого царства живого мира, как в Вав, а всей совокупности живой, мертвой и идеальной сфер — пусть и на ограниченном пока участке. Зона вторжения оказалась огороженной непроницаемым в обе стороны барьером, причем если изнутри барьер видим и осознаваем, то снаружи — нет. Сотни квадратных миль территории, город, несколько поселков исчезли без следа, исчезли память и упоминания о них, люди, жившие там, будто никогда не существовали... Мы еще ни разу не встречались с подобным феноменом. Возможно, это самое грозное из последствий вторжения. Борьба с ним будет одним из приоритетных направлений нашей деятельности... Внутри барьера происходит истребление населения — по меньшей мере, две трети на сегодняшний день — и внедрение в реальность форм жизни, никогда не существовавших ни там, ни где-либо еще... за исключением, может быть, верхних, закрытых для нас уровней.

Гэбрил помнил, какими возвращались сайры из верхних уровней после Припарийских событий. Многих спихали — у ребят не выдерживала психика. Сколько я

провел в Зайин? Меньше суток? Вернувшийся позже Гайт рассказывал страшные вещи. И за это время, наверное, все стало еще хуже. Как там они? — вдруг сдавило сердце. Мы тут болтаем, а они держат оборону, умирают, защищая нас...

А по идее — мы должны умирать, защищая их. Так это виделось поначалу.

— Вторжение противника в уровень Хет, случившееся, очевидно, лет двадцать назад, мы умудрились не заметить. Как ясно сейчас, противник контролирует огромную территорию, королевство Альбаст, и готовит оккупацию всего слоя. Преображение в слое Хет коснулось прежде всего людей и лишь в последние месяцы перенеслось на животных, диких и домашних. Причиной столь позднего обнаружения деятельности противника можно считать ту самую мимикрию, о которой я говорил вначале. Уровень Хет характеризуется чрезвычайно высоким развитием магических начал, и потому очень грязную и шумную возню противника мы сочли просто особенностью пейзажа...

Не удержался, лягнул Сонджа, подумал Гэбрил. Выражение «особенность пейзажа» было у него из любимых...

— На территории Альбаста нами зафиксировано свыше пятидесяти очагов сосредоточения преобразенных людей. По оценкам магнуса Ауэбба, в ближайшее время преобразование охватит до трех четвертей населения королевства. Это почти двадцать миллионов человек. Почти весь интеллектуальный потенциал преобразенного человека переориентирован на создание коллективного интеллекта, каковой интеллект, как вы все понимаете, полностью совместим с интеллектом противника...

И все это было в отчетах, подумал Гэбрил, и наблюдатели сидели там и все видели — в общем, здорово мы работаем. Умно, главное. Тесты отрицательные — значит, все в порядке. Что-то есть в этом от Провозвестников...

А как все было задумано, как начиналось! Гэбрил был мальчишкой, когда первый отряд добровольцев-сайров отправлялся в Далет, чтобы там противостоять «кос-

ной природе». Тогда все поголовно считали, что противник — «косная природа», для которой человек — инородное и раздражающее существо... Сайров знали в лицо, у них брали автографы, девушки гроздьями свисали с их широких плеч. Далет отстояли — хотя, похоже, вторжением там и не пахло, а происходили сложные, но вполне автономные процессы взаимоадаптации биосферы и техносферы. Вторжения начались позже...

— ...только решительные преобразования в самой структуре Ордена! — от этих слов Джаллава Гэбрил вздрогнул, хотя и знал точно, что они прозвучат. — Поэтому властью, данной мне, объявляю упраздненными все существующие ныне отделы, а их сотрудников — уволенными с месячным выходным пособием. Поручаю магнусу Зоунну сформировать команду «пси-лавверов», в которую он имеет право кооптировать любого сайра вне зависимости от прежнего звания и должности. Общая численность команды Зоунна — семьсот человек. Поручаю магнусу Ауэббу сформировать команду инструментальной дистант-разведки. Условия кооптирования те же. Численность команды — на усмотрение магнуса Ауэбба. Список представить сегодня. Бюджет и необходимое инженерное дооснащение — завтра утром. Интенданту Македу — сформировать группу инженерно-технического обеспечения. Составить список специалистов, не входящих в Орден, привлечение которых желательно. Срок исполнения — два дня. Бюджет неограничен. Доктор Штром, на вас — все медицинское обеспечение. Срок тот же. Моим заместителем по кадрам назначаю штаб-магнуса Манхолта, заместителем по оперативной части — медиуса Алексозо. Начальником штаба прошу быть штаб-магнуса Бари. Все, господа. Большой круг распускается до окончательной победы, Малые круги будут проводиться по моему представлению. Всем спасибо. Прошу расходиться.

«Когда все утихнет, подойдете ко мне», — накануне сказал магнус Зоунн. Гэбрил, встав, озирался. Да, не похоже, что утихнет скоро. Голова квинтала — теперь, понятно, уже командира — Зоунна то показывалась над морем голов, то скрывалась. Можно пойти покурить и попить пива...

В кantine было шумно и нервно. Гэбрил, стараясь не прислушиваться к разговорам, взял две кружки у пивника — это было много дороже, чем в автомате — но без толпы, — подал серебряную бумажку, вместе со сдачей получил знак сочувствия и сожаления и возразил знаком «у меня все прекрасно». Пивник, не поверив, поднял брови, и тогда Гэбрил сказал словами: «Я уже устроился». — «Поздравляю, господин Ксимен, — сказал пивник. — В прежней должности?» Гэбрил кивнул, взял пиво и отошел к незанятому еще концу стола — у самого подоконника.

На самом деле это было не окно, — кантина, как и большинство помещений Базы, находилась под землей, — а голо, снятое неизвестно где и неизвестно когда: пологий, уходящий вниз склон, роща в виде клина, лежащая между холмами, а справа, чуть видные за выпуклостью склона, укутанные пышными плодовыми лозами — темно-красные высокие крыши. Гэбрил не знал, да и не интересовался, истинный это пейзаж или синтезированный, а если истинный — то записан или транслируется. Могло быть все, что угодно, и ничего от этого не менялось и не зависело. Даже приметы сайров не были связаны с пейзажем в окне кантины — хотя по части примет сайры были недосыгаемы. Вот сегодня, скажем, за окном шел дождь...

— Привет, Гэб, — сказали рядом, и Гэбрил оглянулся: это был дистантник Айз Топ-Ворош, в общем, полупризнакомый щуплый узкоплечий парень в перекошенных старообразных очках и с ранней сединой в длинных, до плеч, прямых волосах. — Что, уже обмываешь удачу?

— Привет, — откликнулся Гэбрил. — О какой удаче ты говоришь, птица? — Птицами звали дистантников — по эмблеме на рукаве. Пси-лавверов в трёпе называли «скачками».

— То есть как? — удивился Айз. — Ты что, еще не знаешь? Тебя же назначили квинталом. Это скачок, это я понимаю!

— Боже правый... — Гэбрил почувствовал, как его брови задираются вверх.

— С тебя кружка — за радостную весть, — сказал Айз.

— Бери, птица, теперь мне из нее не пить, — Гэбрил придвинул к нему одну из своих. — А у тебя-то как дела?

— Начинаю просаживать выходное пособие.

— Вот как... Извини. А почему?

— Я, видишь ли, арборей. Теперь это не в почете.

— И из-за этого?..

— Как же иначе?

— Н-не знаю... Я думал... ну... это разные взгляды, не более...

— Я до некоторых пор тоже так думал. Знаешь что, Гэб... тебя ведь пошли искать, ты там нужен... Давай вечером обо всем этом потолкуем? Часов в десять? У меня накопилось кое-что... будет жаль, если пропадет. Заходи. Зайдешь?

— Хорошо, птица, жди. Но если опоздаю, не теряй. Все равно приду.

Гэбрил осушил начатую кружку, сунул ее под крышку стола на ленту транспортера, кивнул Айзу и пошел к выходу из кантины, проталкиваясь сквозь густеющую массу ставших внезапно безработными сайров. На лифтовой площадке остановился, стараясь угадать, какой лифт придет первым. Кажется, этот... Клавиша вызова светилась красным, Гэбрил, думая о чем-то, смотрел на нее — и вдруг почувствовал, что не может отвести взгляд. Сделав над собой усилие, он рванулся, но свет не отпускал, держал вязко и цепко, потом потянул к себе, к себе... Краем глаза Гэбрил увидел, что открывается дверь прибывшего лифта, кто-то выходит, он шагнул в дверь — и стал падать в бездонную шахту, полную багровым клубящимся светом, лицо опалило встречным жаром, а потом вдруг оказалось, что он лежит на чем-то мягком, вокруг полумрак и движение теней, и кто-то сказал: эй, как ты себя?.. Парни, сказал Вито, до чего же мне паршиво, ну еще бы, отозвался кто-то — Томаш? Томаш, это ты? Я, конечно, кто же еще... Ребята, дайте глотнуть чего-нибудь, Стас, ты там ближе всех, достань, где это мы? Едем, едем, на чистое место едем, остались чистые места, пей вот, коньяк, да я воды просил, ну да ладно, сойдет и коньяк... Нозль, ты зафиксировал режим, обижаешь, начальник, работа такая сволочная — оби-

жать; знаешь, старик, сколько мы с тобой мудохались? Трое суток! Трое? Трое, трое, ты хоть помнишь что-нибудь? Вито сосредоточился. Помню. Да, помню. Слушай-те, я же все помню! Я все помню!!!

13. МИКК

— Пожалуйста, — санитар выложил на стол бумажник, жетон детектива, удостоверение личности, зеркальце, расческу, ключи и горсть мелочи. — Пятнадцать динаров мы удержали за чистку и ремонт одежды. Остальное все здесь. Чувствуете вы себя хорошо? Вызвать такси, или вы желаете воспользоваться больной развозной машиной?

— Я позвоню другу, — сказал Микк.

— Телефон на стене, — сказал санитар. — Бесплатный.

— Спасибо...

В голове у Микка шумело, как в раковине, приложенной к уху... смешно, в ухе есть улитка, в ней тоже шумит море, то есть раковина приложена к уху изнутри, а снаружи тоже есть раковина, ее так и называют: ушная раковина, следовательно, мы должны слышать шум моря постоянно, а мы почему-то не слышим... и ноги слушаются плоховато. А номер, номер, номер... ага. Кипрос снял трубку после второго гудка.

— Привет, Кип, это я, Микк.

— Ты? — безмерное удивление в голосе.

— Да, я. Я в больнице, Кип, в этом, как его...

— В вытрезвителе?

— Нет, хуже. По кодонам... забыл.

— В гипнологии?

— Да. Так ты меня заберешь?

— Конечно. Жди.

Микк повесил трубку.

Ну вот. Приедет Кип, все будет хорошо. Который же час? Половина четвертого... утра, наверное. А голос у Кипа свежий. Не спал еще. Вообще неизвестно, когда он спит.

Микк почувствовал вдруг на себе тяжелый взгляд санитаря. Как странно: санитар вовсе не смотрел на него,

перебирал себе бумаги на столе, вот вообще отвернулся и полез в тумбочку — а взгляд его, как бы отдельный от хозяина, сверлил, и сверлил, и сверлил голову Микка: затылок, виски, переносицу... От него нельзя было скрыться. Нашки, неуверенно подумал Микк. Нафаршировали всякой химией, вот и мерещится черт-те что...

Он сел на банкетку, прижался затылком к стене. Где-то в глубине стены еще сохранился холод — с тех доисторических времен, когда вечера и ночи были прохладны. Мягкой лапкой коснулся холод человека... Это было упоительно.

— Вы в порядке? — спросил санитар. Взгляд его на мгновение рассеялся.

— В порядке, — пробормотал Микк. — Еще бы не в порядке...

Еще бы не в порядке, подумал он про себя, из головы выдрали здоровенный кусок чего-то и заморозили так, что не понять и не почувствовать, что же именно выдрали, и это называется порядок...

— Развозная машина будет через полчаса, — сказал санитар.

— Пусть, — сказал Микк.

Минут через десять снаружи зашуршали шины, скрипнули тормоза — остановилась машина. Микк с трудом открыл глаза: через дверь проходили Кипрос и с ним какая-то незнакомая девушка. Смотреть было больно, веки запеклись. Микк сглотнул. Глотать тоже было больно. Заболеваю, что ли?..

— Вот он ты где, — сказал Кипрос. — А я сначала заехал к военным, на площадь Элентроп. Вообще-то там сегодня прием...

— Сударь был доставлен на попутной машине добрыми гражданами, — со своего места пояснил санитар. — Понятно, что мы не могли отправить его в другую больницу, не оказав помощи.

— Спасибо, — сказал Кипрос.

— Это наша работа, — сказал санитар.

— Увези меня, — шепотом сказал Микк. — Я не могу больше...

Он сам не знал, чего он больше не может.

— Но ты в порядке? — с тревогой спросил Кипрос.

— Да, да. Только увези. Здесь мне... не могу я здесь...

— Ему нужно выспаться, — сказал санитар. — После этого все немного не в себе, всем надо выспаться. Часов двенадцать...

— Понятно, — сказал Кипрос. — Пойдем, что ли.

Машина была не его. Микк вздрогнул, когда понял это, и расслабился, когда увидел, что за руль садится девушка. Некоторое время казалось, что пристальный взгляд санитаря проникает и сюда, через дверь, через пространство улицы, через металл и стекло машины. Потом это прошло. Заурчал мотор, машина тронулась.

— Извините, сударыня, мы незнакомы... — начал Микк, и Кипрос похлопал его по колену:

— Знакомиться будешь завтра. Вообще ее зовут Флора. Она племянница Агнессы.

— Понял. Значит, твоя будущая... — Микк задумался, вспоминая степени родства.

— Агнесса пропала, Микки. Я тебя искал вчера и сегодня, хотел, чтобы ты занялся поисками.

— Господи, Кип... Когда?

— Дней пять назад.

— А это не... как раньше?..

— Боюсь, что нет. На этот раз — нет.

— Хорошо, Кип. Я буду ее искать. Добудь мне только что-нибудь просветляющее: декседрин, эфедрин...

— А просто много кофе не пойдет?

— Нет. Калибр не тот.

— Ладно, добуду. И?..

— Еще нам будет нужен Ноэль.

— Это сложнее. Я пытался его найти.

— Повторим попытку. Нужно, чтобы он мне вправил мозги. Я ведь понял — все — про исчезнувших... но с этими делами... — он кивнул назад. — Все как в киселе.

И тут на секунду — отдернули штору. Микк сам не знал, что увидел за ней, не успел разобрать, понять, почувствовать — но жутковатое осознание прямой повторности происходящего легло на душу...

— Ты что так смотришь? — слегка испуганно спросил Кипрос.

— Н-ничего... — сквозь болезненный спазм в горле выдавил Микк. — Уже прошло...

14. ЛОТ

Дверь открылась, и из темноты коридора кто-то сказал: пойдете. С готовностью — и злясь на себя за эту готовность — он встал, обулся и пошел следом за позвавшим его. Проходя мимо зеркала у двери, бросил взгляд и остался доволен. В зеркальце был толстый тупой заспанный идиот. Голова все еще кружилась, зеленая муть не осела. Вчера его чем-то кололи, долго не могли попасть в вены, о чем напоминает бинт на левом локте...

— Сюда, пожалуйста, — сказал провожатый и открыл перед ним железную дверь лифта.

Это был очень старый лифт, даже без кнопочной панели, управляемый рычагом: вверх-вниз-стоп. Лот смутно помнил, что уже ездил в этом лифте.

— Повернитесь лицом к стене, — попросил провожатый. — Не смотрите, пожалуйста...

Лот встал так, как просили. Скрежетнул рычаг, пол чуть-чуть надавил на пятки. Лифт поднимался очень медленно, производя всевозможные звуки. В частности, пощелкивая клинья. Лот насчитал двенадцать щелчков. Значит, шесть этажей от того, где была его каморка. Рычаг снова скрежетнул, лифт задергался и остановился.

— Сюда, прошу вас, — провожатый, выпустив его из лифта, показал рукой. Короткий, освещенный медными бра коридор, зеленая ковровая дорожка, уходящая под зеленые портьеры... Они пошли по дорожке, Лот впереди, провожатый на полшага сзади и справа, шагнули под портьеры. Там было светло, слишком светло, неистовый свет снаружи прорывался сквозь жалюзи, и Лот, глаза которого за эти дни привыкли к очень умеренному освещению, зажмурился — но успел увидеть двух мужчин, вольно сидящих в тяжелых старинных креслах, и узнать одного из них...

— Господин Бенефициус, — сказал его провожатый странным тоном, и Лот напрягся, ожидая продолжения, но продолжения не последовало, и он понял, что провожатый формально представляет его. Будто они не знают... Сквозь ресницы Лот видел, как мужчины встают ему навстречу.

— Очень приятно, — сказал один из них, помоложе, крупный, крепко сбитый. — Я — майор Брауде. А это — профессор Меестерс, доктор наук. Присаживайтесь.

— Я слушал ваши лекции, профессор, — сказал Лот почтительно.

Меестерс сделал вид, что улыбнулся:

— Поэтому я здесь.

— Садитесь, садитесь, — майор без усилий подкатил и развернул третье кресло. — Амо, принеси нам что-нибудь этакое... Вы курите, господин Бенефициус?

— Нет, — сказал Лот.

— И пьете мало и редко, — кивнул майор. — И никогда не использовали наркотики, правда?

— Н-ну... в общем, да.

— Когда-то пробовали, и это не доставило удовольствия?

Лот кивнул.

— Вот видите, профессор, — майор улыбнулся, — наш человек!

Меестерс продолжал молча рассматривать Лота. Лот изобразил смущение — благо, это не потребовало усилий.

— А я вас помню, — сказал наконец Меестерс. — Вы были старше остальных студентов... сколько вам было?

— Лет двадцать шесть... или двадцать семь? Двадцать семь, кажется.

— Да, наверное... И ходили еще с такой смутлой девочкой, похожей на турчанку...

— Она и была турчанка. Лия Хамди.

— А почему печальный оборот: «была»?

— Я слышал, что она умерла где-то в провинции...

— Это ложные известия.

Лот внимательно посмотрел на него.

— Вы хотите сказать?..

— Совершенно верно. Слух о смерти госпожи Лии Хамди был распушен по моему поручению. Она жива и пребывает в добром здравии, хотя и вынуждена носить пока другое имя. Хотите встретиться с ней?

— Это... возможно? — Лот сглотнул.

— Возможно.

За портьерой раздались шаги, и Лот стремительно обернулся — но это был приведший его сюда, по имени

Амо, кажется, с подносом в руках. На подносе были ваза с виноградом, высокая бутылка и три бокала. Амо поставил поднос на низкий столик и стал заниматься сервировкой. Лот разочарованно отвернулся.

— Господин Бенефициус, — спросил майор, — а почему вы в таком солидном возрасте решили стать студентом?

— В армии я был санитаром, — сказал Лот. — После армии поступать в университет не решился, пошел в училище — на субалтерна. Два года потом отработал на скорой, там меня и уговорили — добирать образование.

— В армии — в каких войсках служили?

— В пехоте.

— Это были годы?..

— Восемьдесят первый — восемьдесят второй.

— Номер части помните?

— Четырнадцатая отдельная мотопехотная бригада, шестой батальон, первая рота. Командир роты капитан Счастный.

Майор нагнулся вперед и, глядя Лоту в глаза, тихо спросил:

— Капери?

— Капери, — сказал Лот. — Вернее: деревня Розум, у федерального шоссе номер четыре. А весь участок бригады...

— Не надо, мы знаем, — перебил Меестерс. — Неужели вы так все помните?

— Так? — переспросил Лот. — Так может помнить кто угодно. Вы не представляете себе, как я помню... Вы там были?

— Да, — сказал Меестерс. — Только с другой стороны. Внутри кольца.

Лот обнаружил у себя в руке бокал с вином и отхлебнул глоток. Вино было слишком сладким.

— Тогда вы все это знаете...

Меестерс задумчиво покивал:

— Да, если не все, то многое... Господин Бенефициус, я хочу спросить вас еще вот о чем: теперь, двадцать с лишним лет спустя, вы, человек со специальным образованием, с опытом работы... как вы интерпретируете те события?

— Я не хочу... — Лот сглотнул, — говорить об этом...

— Если вы опасаетесь за свою безопасность, то зря, — сказал Меестерс. — Ничто вам не угрожает... кроме того, что угрожает всем нам...

— При чем тут это? — начал Лот — и вдруг увидел глаза майора. Глаза были белые. На белом лице.

— Не хочет говорить, — прошептал майор. — Никто не хочет говорить. Остаться чистеньким. Не опоганиться. И ничего не нужно больше. Все такие. Себя побережь. Только себя...

— Спокойно, Дитрих, — сказал Меестерс. — Человек имеет право.

— А я — человек? Я — имею?

— Я тебе говорю — успокойся. Нервы еще понадобятся.

— Извините, — буркнул майор. — Вы тоже извините, — повернулся он к Лоту. — Устал.

— Я не могу сразу, — сказал Лот. — Поймите: я всю жизнь запрещал себе...

— Ладно, поговорим о приятном, — сказал Меестерс. — Или, может быть, вы хотите спросить о чем-нибудь нас?

— Вопрос у меня, собственно, один: кто вы такие и почему меня держите под замком?

— Это называется о приятном, — сказал Меестерс. — Ну, во-первых, с этой минуты вас под замком уже не держат: можете встать и идти.

— Вот так прямо?..

— Да, конечно. Амо выпустит вас. Когда вы доберетесь до обитаемых районов — уже ваша проблема. Впрочем, это не так трудно.

— Понятно. Может быть, скажете мне, где мы находимся?

— В Старом порту. Гостиница «Золотая наядя». Теперь вы знаете практически все... но ответьте: нет ли у вас желания пережить все то, что было двадцать лет назад, — но в большем масштабе?

— В Капери и окрестностях было восемьдесят тысяч человек, — сказал майор. — Здесь, в зоне возможного карантина, — миллионов десять.

— Так... — Лот закрыл глаза. — Это точно?

— Что?

— Насчет... повторения?

— По крайней мере, существуют очень серьезные опасения, — сказал Меестерс.

— Мой доклад от мая этого года вы читали?

— Нет. Какой доклад?

— Я подал доклад в Министерство природы...

— Не читали. О чем был доклад?

— О том, что численность мутирующих форм в регионе нарастает по экспоненте... — Лот приподнялся. — Дома у меня есть запись.

— Каков мутагенный фактор, по вашему мнению? — Меестерс подался вперед, глаза его сверкнули.

— Может быть, это прозвучит дико... Мне кажется, это вирусный перенос чужеродных генов. Насколько я знаю, такой механизм применяется при генноинженерных операциях; здесь мы имеем природный аналог.

— Вот! А теперь — пожалуйста — попробуйте вспомнить — как это пришло вам в голову?

— Ну, это было давно... Я как раз заинтересовался работами по генному инжинирингу, шла речь о выведении насекомых, которые уничтожали бы промышленные отходы... но из этого, кажется, ничего не получилось. И задумался — а не работает ли такой механизм в природе? Стал искать...

— И нашли.

— Да. Похоже, что нашел.

— То есть не было такого гениального озарения?

Лот покачал головой.

— Скажите, если не секрет, — тихим голосом начал майор, — зачем вы пытались украсть из больницы ту девушку?

— Не секрет, — стараясь говорить небрежно, ответил Лот. — Хотел проверить еще одну идею.

— Какую?

— О природе фобического шока.

— Если можно — подробнее.

— Тоже — из безумных... Перенос генов — это, как понимаете, побочное действие вируса, оно проявляется только в потомстве. Я подумал, что одним из проявлений прямого действия может оказаться этот самый фобический шок...

— Вам понадобился свеженький экземпляр...

— Да.

— ...и вы, презрев должностные инструкции...

— Совершенно верно.

— Хватит, Дитрих, — сказал Меестерс. — На сегодня достаточно. А вас, доктор, — он улыбнулся, — я прошу пройти в лабораторию. Там мы поговорим еще — более предметно. Возражений у вас нет?

— Вы вообще-то так и не сказали мне, с кем я имею дело.

— Формально — с ведомством научной разведки при Министерстве обороны. Фактически — лично со мной, — Меестерс изобразил поклон. — Я гарантирую вам полную научную независимость. Оклад — какой назовете. А главное... — Он помолчал. — Я подозреваю, что нет ничего важнее того, чем мы занимаемся сейчас.

— Извините, профессор, — сказал Лот. — Я боюсь, что моя квалификация...

— Помимо всего прочего, — сказал Меестерс, — помимо квалификации, образования, таланта, черт возьми... есть что-то еще. После Капери я перестал пить и курить. И Дитрих — так и не начал. Ему там было двенадцать лет. В общем...

— Я, кажется, понимаю, — сказал Лот.

— Тогда пойдемте. Это в другом здании...

15. НИКА, ИЛИ АННАБЕЛЬ

Господи, только бы он жил! Только бы жил! Что еще надо сделать? Я сделаю все. Я смогу. Только бы жил! Хоть бы был день. Днем не так страшно. Днем почему-то проще. Как я устала. Силы берутся откуда-то, но это не мои силы. Моих не осталось. Я устала. Берт его держит. Просто держит руками, чтобы он не ушел. Сердце останавливалось дважды. Рана страшная — пройдет кулак, — и все разорвано внутри. Берт держит. Генерал жив. Мой генерал. Сейчас, сейчас. Как медленно срывается все. Я делаю, не зная, что делаю. Как называется. Но кровь уже не вытекает наружу. Он дышит — с трудом, но сам. И Берт — держит. Держит. Я знаю, чего это стоит. Мы сможем. Скорей бы утро. Темень убьет меня. И пот. Глаза съел пот. Не думать. Все там,

в ране. Осталось мало. Края. Грязь выйдет сама. Вот так. Сколько ее. Задыхал легче. Глубже. Хорошо. Еще грязь. Скопилась. Берт, уже лучше. Расслабься. Сделай, чтобы он просто спал. Помоги закрыть. Просто сведи руками и держи. Вот так. Больше ничего. Скоро, Берт. Несколько минут. Несколько минут. Держи. Не отпуская. Держи. Сейчас. Сейчас. Сейчас. Сей...

Все, Берт.

Можешь убрать руки.

Можешь убрать.

Убери руки.

Ну что ты. Вот так. Понемногу. Одну. Другую.

Ляг, Берт.

У нас все получилось.

Я тоже лягу.

Мы спасли его, Берт. Слышишь? Мы его вытащили. Он живой. Он дышит. Он пойдет дальше. Нужно только отдохнуть.

Не знаю, где мы.

Плевать.

Найдемся.

Бернард сторожит.

Невидимы. Да, невидимы.

Скорей бы день.

Господи, как я устала...

16. ВИТО

— Хорошо, — неторопливо, как и раньше, произнес Томаш — Тогда скажи, пожалуйста, какова вероятность того, что на пустом перекрестке в твою машину втыкается другая, причем в этой другой на заднем сиденье лежит человек, которому ты нужен до зарезу? И при этом оказывается, что он владеет информацией, нужной до зарезу нам? И больше того...

— О, черт! — Нозль рубанул кулаком по воздуху. — Да я тебе то же самое пытаюсь втолковать, только другими словами!

— Но ведь ты не станешь утверждать, что столкновение это кем-то подстроено?

— А почему, собственно? Именно подстроено.
— Кем?!

— Этими... Вито, как они называются?
— Сайрами, — подсказал Вито.
— Вот именно. Сайрами. Очаровательное название.
— Ребята, — сказал Томаш, — мне кажется, вы поймали зелененького. Провериться не желаете?

— Два-ноль, — сказал Ноэль.
— Ну, друг... — Томаш разочарованно пожал плечами. — Если только для этого...

— Знаешь, Том, — сказал Вито, — хотя наш общий друг и показал тебе сейчас носик, но по существу он прав — на мой, конечно, взгляд, — а кроме того, с тобой трудно разговаривать всерьез — стало трудно. Уж очень постная у тебя морда после столиц. Так что я предлагаю гол не засчитывать и считать предположение серьезным.

— Что — насчет сайров?

— Угу.

— Тогда я ничего не понимаю. Ведь это же был кодон, галлюцинация. Комбинация былых впечатлений...

— А история нашего нового друга Микка тебя не настораживает?

— А какое отношение?... — начал было Томаш, замолчал — и задумался.

Вито подмигнул Ноэлю, взглядом показал на дверь, и они вышли, оставив Томаша размышлять. Вряд ли он это заметил.

В большой и пустой гостиной — почти зале, в пору устраивать танцы — развернули два стац-эрма и весь вспомогательный комплекс. Эрмы работали пока в беспилотном режиме, прочесывая сеть в поисках источников материала «черного шара». Стас и Вильгельм сидели спина к спине и смотрели, не мелькнет ли что-нибудь интересное. Прочесывание, по сути, только началось, ждать настоящих результатов было рано. Кое-что эрмы взяли на заметку, бледные разноцветные шарики пульсировали над столом проектора. Вот когда они сведутся в точки, когда между ними пролягут линии — тогда наступит черед пилотов. А пока... пока нужно запастись терпением.

— Ты знаешь, — сказал Ноэль, — все это, конечно, смешно, но если меня еще немного подкачать, я взорвусь.

— Слушай, а этот твой приятель... — начал Вито.

— Он мой друг, — перебил Нозль.

— Друг, — согласился Вито. — Что мы будем с ним делать?

— Что ты имеешь в виду?

— Не ершишь. Друг моего друга — мой друг. Дело святое. Вот я и спрашиваю...

— Куда спешить? — Нозль помрачнел. — Ты лучше меня знаешь, что такое Штольц—Гусман. Я сделал ему белый релакс, пусть отдышится. Ведь — просто напинали по мозгам. Гады. Это, кстати, в ту же копилку. Не зря же нас не допускают к обвалившимся.

Вито кивнул: не зря. Значит, что-то мы могли бы из них наковырять. Но что? Он уставился в стену. Красивые здесь стены... и вообще повезло с домом, мог подвернуться какой-нибудь склад, или подвал, или... странного для дерева палевого цвета панели, сложный и что-то смутно напоминающий узор волокон, темных и светлых: острова в бушующем море, безысходные лабиринты, осенний плющ на скалах...

— Давай-ка, пока он в релаксе, прогоним через него «пьяное эхо», — предложил Вито.

— Можно попробовать, — согласился Нозль.

Комната на втором этаже, куда поместили гостей, была невелика и почти уютна. Хозяева, уезжая, забрали не всю мебель, и сюда удалось насобирать практически все, что нужно. Микк лежал на широкой кушетке, рядом с ним в плетеном кресле-качалке сидел Кипрос; девушка спала, свернувшись калачиком, на коротком диване. Компакт-эзм попискивал на полу, через маску-дисплей вводя в подкорку Микка бальзамирующие кодоны. Белый релакс был великолепным средством для лечения психических травм, но медики его не признавали, и вряд ли только по причине корпоративной неприязни к Корпусу... Впрочем, и эрмеры далеко не все признавали его. В госпитале Корпуса, например, имели и использовали свою методику...

— Ты бы поспал, Кип, — сказал Нозль. — Боюсь, что завтра...

— Я думал, — сказал Кипрос. — Я могу рассказать, до чего додумался. Но только взамен на гарантии, что вы меня не засадите в психушку.

— О психушке нам остается только мечтать, — сказал Вито. — Как о несбыточном и прекрасном.

— Поговорим, Кип, — сказал Ноэль. — Сейчас мы запустим одну забавную штучку...

«Пьяное эхо» было развитием знаменитого «детектора лжи», но служило для других целей. Компьютер выбрасывал слово, требовалось в ответ сказать другое. Отслеживались степень и характер ассоциативности, вегетативные реакции, скрытые или подавленные мышечные и глазодвигательные ответы. Результатом было составление схемы активных полей коры и некоторых подкорковых зон. В общих чертах это напоминало зондаж информсетей в поисках источников загрязнения.

Ноэль сменил маску-дисплей Микка на управляющие очки, приладил наушники и ларингофон. Несколько секунд лицо Микка было ничем не прикрыто. Вито передернуло: было противно видеть замаслившиеся, чуть прищуренные глаза в обрамлении погибельно-черных век.

Неразборчиво буркнуло в наушниках, и Микк тотчас отозвался.

— Жизнь, — хрипло сказал он.

Снова буркнуло.

— Холод, — сказал Микк.

— Предупреждаю, парни: все это в порядке бреда, — начал Кипрос. — Никакой точной информации у меня нет, так — слухи, обрывки... домыслы... Короче: где-то здесь, в Альбасте, была — а может, и есть до сих пор — лаборатория по принципиально новым типам биологического оружия. Абсолютного оружия. Суть которого вот примерно в чем: не убивать солдат противника, а заставлять их воевать на своей стороне. И даже не то чтобы воевать... Короче, враг — по нажатии, условно говоря, кнопки — становится своим. А свои, естественно, — все как один... В общем, не знаю, как именно — в деталях — все это должно было выглядеть, но механизм был примерно такой: крупный — крупнее оспенного — вирус поражает мозговую ткань, сама болезнь протекает легко, ну, не в этом дело: дело в том, что помимо репродуктивной программы вирус вводит в клетку — в нейрон — еще и специальную программу, и по этой программе клетка делится, прорастают в заданных направлениях аксоны,

дендриты — короче, создается дополнительная нервная сеть. В норме она себя никак не обнаруживает. Но по особому сигналу — активизируется, практически отключает сознание, человек становится восприимчив к непривычным для него раздражителям, ультразвуку, например... в общем, становится неким биороботом, готовым выполнять скрытно подаваемые команды. Я абсолютно уверен — правда, доказать не могу, — что лет десять назад прошла серия опытов по созданию таких биороботов — правда, хирургическим путем — и они закончились успешно. Но у военных возникли трения с НБ. На какое-то время пришлось — ну, не законсервировать тему, но хотя бы сделать вид. Тогда и перенесли лабораторию сюда. И вот то ли во время перебазирования, то ли каким-то образом после — произошла утечка. Я думаю, порядка пяти лет назад. То ли этого не заметили, то ли не придали значения. А вирус оказался тропным не только к человеческой мозговой ткани... и вообще — мутировал... вирусы мутируют прекрасно... Короче: наш город — дома, подвалы, всяческие подземелья, канализация, свалки, пустыри, я не знаю, — в общем, все что угодно, — все это стало одной огромной генноинженерной лабораторией. В роли скальпеля — тот вирус, в роли хирурга — случай... Микк принес мне двух десятиногих тараканов, которые обходятся без кислорода, живут в бензине и жрут стекло. Медленно, но жрут. В машине, пока мы ехали, он пытался рассказывать о них же — якобы они под всем городом прорыли ходы и проникают в дома, чтобы... чтобы жрать людей. А люди ничего не могут сделать, потому что все заражены, у всех в мозгах дополнительная схема, которая реагирует на этот тараканий запах и отключает сознание. Или вгоняет человека в шок. Или еще что-нибудь. Я слышал о желтых крысах, они не прогрызают норы, а способны просачиваться — буквально — в самые узкие щели. Новых мух видели все: очень деликатные, не пристают, но всегда держатся поблизости. Или этот мох на газонах... Так вот: ребята, которые сбавали все это, озабочены теперь, чтобы не полезла квашня из кадки. Про дополнительную нашу схему они знают на порядок больше нас. И знают, чем и как воздействовать на нее. И воздействуют. И поэтому

мы почти не замечаем того, что происходит вокруг, и уж совсем — не боимся. Не общаемся ни с кем за пределами привычного круга. Супер, если бы это был не ты — хрен бы я мог что-нибудь сказать. Тебе — могу. Это пока сильнее. Может быть, только пока. Это карантин, ребята, и вместо колючки на столбах — электроды в мозгах. Причем такие электроды, которые не выдрать. А пока мы гуляем там, где можно гулять, — они размышляют, как бы нас приморить без особого шума и без вони. Поэтому, парни, давайте прислушаемся сейчас к себе и скажем: может ли кто-нибудь из нас дать немедленно деру, а если нет — то почему?

— А где обещанный бред? — спросил Вито.

— До бреда дойдет, — пообещал Кипрос. — Так что? Слабо сбежать? Куда-нибудь в горы? Ладно, пропустим. Продолжаю: в девяносто седьмом году в Бразилии проходил длительный эксперимент из серии «земных звездолетов» — сбалансированная экология и прочее. Тогда впервые применили компьютерную систему оптимизации флоры: датчики собирали информацию о самочувствии растений, процессор ее обрабатывал, эффекторы производили необходимые действия: подкормку, поливку, облучение — в общем, все, что нужно. И замкнули систему на экипаж — по типу сенситивного управления телерамами: рама сама выбирает ту программу, которая обеспечивает наилучшее самочувствие и настроение хозяина. Ну и там все нацелено на то, чтобы экипажу было очень хорошо. Им и было очень хорошо, психологи руками разводили. Полгода они провели в этом биостате, а через полгода после выхода все четверо — их там четверо было — перемерли; кто-то из окна выбросился, кто-то от инфаркта — уже не помню подробностей. Можно не комментировать, да? Так вот, помимо всех прочих странностей, там была такая: все они вели дневники. По условному календарю. И у всех в этих дневниках было не по сто восемьдесят записей, как должно бы быть — по числу дней, — а у кого на три, у кого на пять больше. Причем невозможно было понять, откуда взялись эти дополнительные дни, и даже четко вычленив их так, кажется, и не удалось.

— Я читал об этом, — сказал Вито.

— Короче, эта сбалансированная биосфера, стремясь сделать ребятам приятное, стимулировала выработку эндорфинов и, возможно, аутогенных галлюциногенов. И у ребят возникала какая-то мнимая реальность, в которой они жили, как в обычной, первой...

— И ты хочешь сказать... — начал Ноэль, но Кипрос перебил:

— Да. То же самое. Только в масштабах города — и с отягчающими факторами.

— Вряд ли это самое страшное, что может произойти, — сказал Вито.

Кипрос набрал в грудь воздуха, чтобы достойно ответить, но не успел — Ноэль обнял его за плечи.

— Расслабься, Кип, — сказал он. — Ты связался с эрмерами, а эрмеры — люди простые, грубые, гипотез не измышляют... Понимаешь, какая штука: материал, с которым нам приходится работать, позволяет резвиться как хочешь — в поисках объяснения. Объяснение обязательно найдется, полное, универсальное, может быть, даже изящное... Но если ты в него поверишь, то тебе тут же подвернется нечто такое... понимаешь, да? Мы сначала очень объяснениями увлекались, и все об это как следует стукнулись: и Вито, и я... нам хорошо, мы хоть живы остались. А был у нас такой Сихард, талантливейший парень... вот. Пытался проверить свою теорию...

— Подождите, ребята... — Кипрос помотал головой. — Ноэль, ты что — хочешь сказать, что вы не пытаетесь объяснить... все это? Не верю.

— Давай я скажу, — Вито тронул Ноэля за локоть. — Видишь ли, Кип, мы имеем дело с чем-то, на сегодняшний день объяснения не имеющим. Одна закономерность, впрочем, известна: если связно сформулировать какую-нибудь гипотезу и начать ее проверять, то сначала она получит блестящее подтверждение, а потом будет начисто опровергнута. И опровергнута, как правило, шумно и грязно. Понимаешь, почему мы не проявляем энтузиазма?

— Хотя, естественно, в анналы мы всё, что ты сказал, занесем, — усмехнулся Ноэль. — У Вильденбратена, помнишь: «Жизнь, конечно, имеет смысл, но человеку он недоступен»? Вот что-то подобное и в нашем деле.

— Знаешь, как в Корпус отбирают? Тебе Ноэль не рассказывал? — Вито зашарил по карманам в поисках сигарет. — Всякие предварительные проверки — это чепуха. Главный тест — на стрельбище. Мишени движущиеся, управляются якобы компьютером... то есть и компьютером, конечно. Но главный фокус в том, что, когда ты прицелился и давишь на спуск, срабатывает датчик, на мишень подается сигнал — и она или прячется, или отходит в сторону... Короче, все сделано так, что попасть ты в нее не можешь, но на то, чтобы сообразить, — времени тебе не отпущено... плюс всяческие шумовые эффекты. Короче, если ты истратил больше двух патронов, зрмером тебе не быть. В идеале — ты должен вообще ни разу не выстрелить. Хотя объявленная цель — поразить десять, что ли, мишеней. Понимаешь?

— Кажется, да... — медленно сказал Кипрос.

— Томаш расстрелял все патроны сразу и попросил еще, — сказал Ноэль. — Это чтобы ты не думал, будто мы суровые догматики.

— Томаша мы любим не за это, — сказал Вито. — Томаш — это особая статья.

— Статья расходов, — уточнил Ноэль.

— Ладно, можно меня не убеждать, — сказал Кипрос. — Я рассказал — вы слышали. Может, пригодится.

— Пригодится, дружище, — сказал Вито.

— Микки, слушай меня внимательно, — глядя Микку в глаза, заговорил Ноэль. — Я нашел, что именно тебя беспокоит. Тебе довольно грубым способом загородили доступ из долговременной памяти в сознание. Это, собственно, и есть цель методики Штольца—Гусмана. Я разобрался в их кодировке и могу этот барьер убрать. Давай сейчас без эмоций подумаем, следует ли это делать. Там, за барьером, память о том, что происходило не в действительности — а в так называемой мнимой реальности. Возможно, конечно, вместе с этими оказались и какие-то необходимые сведения...

Микк поднял руку ладонью вперед.

— Это я все знаю, — сказал он. — К тому же барьер этот не сплошной, что-то через него проходит — короче,

я имею представление, чего именно я не помню. Это важное, — он голосом подчеркнул: важное. — Так что... давай.

— Ладно, — сказал Ноэль, поднимая гипноген. — Смотри сюда.

Вито отошел на два шага и встал, слегка сгорбившись, опустив чуть согнутые в локтях руки — готовый, в общем, ко всему...

17. ТАТЬЯНА

Топили на огне воск и лили в воду — площадку за площадкой. Воздух был тяжелый и сырой. Керосиновый чад плыл по ногам. Нити сажки тянулись с потолка, колебались и вздрагивали. Кто-то бубнил в углу. Мерзали пальцы.

Слабый свет раннего утра дрожал в высоком окне.

Леониде помогал Куц — Куцый, как звали его в школе, в этом году он ее закончил и, напуганный исчезновениями одноклассников, не поехал, как собирался и заранее хвастался, в Ленинград, в какое-то там особое училище рисования, а просидел пол-года на берегу с планшетом и цветными карандашами. У Леониды он брал книги и разговаривал часто и подолгу и с ней, и с Фомой Андреевичем, — и после этих разговоров во взгляде его появлялось превосходство, и за это Татьяна его не любила. Его вообще мало кто любил. А вот теперь он, голый по пояс, обмотанный веревками, с медной на груди пластиной, помогал Леониде в ее малопонятном пока деле.

Дима крупно вздрогнул, задремывая, и Татьяна погладила его по голове, так уютно лежащей у нее на коленях. За эти странные сутки Диме стало намного лучше, и все-таки он еще слаб — ветром качает... и спит, каждый удобный момент — спит. Но тут почему-то все спят, даже Фома Андреевич, она видела: свернулся в уголке на телогрейке... и сама она — как все... Каменные стены позволяли чуть расслабиться.

Леонида тихонько запела, и Куцый ей вторил: голосом, без слов. Тихое это пение наполнило пространство. Звучал сам воздух. Ярче стал свет. Шевельнулись люди.

Медленно сойдя в тишину, голос стих, и все улеглось, и люди замерли — уже в тревожном ожидании.

Да, теперь, наверное, уже скоро...

Незадолго до полудня, сказала Леонида. И поправила себя: полдень у нас — это примерно половина одиннадцатого. А незадолго — это, может быть, и за два часа...

Татьяна не слышала, как подошла Окса, наклонилась над плечом, шепнула: пойдём, велено помыться. Татьяна осторожно высвободилась из-под Диминой головы, подменила себя свернутым ватником, грустно и с нежностью подумала: вот будет разочарование у человека... Окса держала в руках сложенное в стопку упрессованное бельё. Сама она его и шила вчера — по Леонидиным наброскам.

Мылись в темной каморке рядом, поливая друг друга ковшиком из кадки с теплой, почти горячей, водой — впервые за бог знает сколько дней. Татьяна, Окса и Марья Петровна, сорокаслишнимлетняя продавщица орсовского магазинчика, — все три женщины отряда. Если не считать Леониды. Но Леониду было почему-то затруднительно числить и женщиной, и членом отряда. Она была отдельно от всех.

Вытершись, оделись в просторные бязевые рубахи и мешковатые штаны. Всё: горловина, рукава, штанины, пояс — затягивалось вязками наглухо, как кисет. Что ж ты, Ксюша, швы-то не заделала? — спросила недовольно Марья Петровна. Разлезется ведь... А, махнула рукой Окса, мой Васька как говорил: танк рапшытан на сорок минут боя, и усе. На раз надеть. Бог свят, перекрестилась Марья Петровна.

Леонида вновь тихо напевала, когда они к ней подошли. Окса шагнула первая, но Леонида покачала головой, посмотрела на Татьяну. Татьяна встала перед ней, развела руки. Хотелось закрыть глаза. Истонченное почерневшее лицо Леониды было страшно. Окуная пальцы в растопленный воск, Леонида медленными движениями стала наносить какие-то знаки на рубаху Татьяны. В местах прикосновений кожа съеживалась. Повернись, без слов сказала Леонида, и Татьяна послушно повернулась. Знаки легли на спину. Еще раз повернись. Горячий палец коснулся скулы, очертил линию над бровями,

через другую скулу спустился к уголку рта, прошел под нижней губой, поднялся, замыкая линию. Татьяна была уже где-то не совсем здесь. Прикосновение к ушам, к ноздрям, жгучее движение между ног, жар в коленях, стонущая боль в кончиках пальцев — были уже не ее. Далекий шепот пришел откуда-то, коснулся глаз. Она видела теперь, что все вокруг состоит из слов, из незнакомых знаков, воздух распадается на знаки, некоторые вещи пропадают совсем, зато стены превращаются в страницы книги. Нимрод, прочитала она название главы, и заметалось эхо: Нимрод, Нимрод, Нимрод..

Та, что облачалась потом в ватные штаны и телогрейку, натягивала сапоги, укутывала голову шерстяным платком, мазала руки какой-то быстро сохнущей, стягивающей кожу дрянью, — была не она. Она лишь рассеянно следила за этими странными действиями и пыталась разобраться в письменах, из которых состояли стены.

И люди были письменами — перемещаясь и меняясь, они составляли все новые и новые фразы, слагающиеся в строки и строфы. Смысл их был ясен, но нельзя было сказать то же словами простого языка..

Бледный, как бумага, Дима — между черно-железным Архиповым и краснолицым Малащонком, матросом с застрявшего у лесоперевалочной пристани буксира, все в одинаковых белых бязевых рубашках и кальсонах, означали: бесконечность имеет размер — нет лишь способа измерения ее; с появлением же способа бесконечность обратится в свою противоположность, в ноль; точно так же нет способа определить, полон наш мир или недостаточен, — и если появится способ, исчезнет мир.. Как узнать, с какой стороны зеркала находимся мы?

Пение Леониды будило застывшие когда-то письмена, они обретали блеск и движение. Ртутными ручейками текли они по стенам, и из-под истекших выступали другие — древние и жуткие.

Как само время.

Год — эпоха. Четверть века — смена знаков. Три века — новый язык, а значит — новое все. Тысячелетие — мрак. Три тысячелетия — бесконечность. Шесть — возврат. Соприкосновение. Муки рождения и смерти. Возобновление царств.

Нет ничего в прошлом.

Прошлое родится заново — как оправдание настоящему.

Вспыхнет, как звезда, и остынет темными планетами-брызгами...

И не будет солнца в этом мире, ибо свет станет тьмой, а тьма — светом.

И ложь воплотится в тела и предметы, став истиной, а истины утратят имя свое.

И никто не скажет на белое — «это белое», а на черное — «это черное», ибо ни белого, ни черного не останется в том мире из этого, а то, что останется, назовут другими словами.

Одиннадцать, стоящие в ряд у стены, значат: сгустились тучи, и поднимается ветер. Небо темнеет от стрел. Дым полей застилает солнце. Враг, выпешший на брань, горд собой, и нет ему равного в схватке. Не увидят ушедших плачущие, и много сирот пойдет по дорогам, не в силах забыть тепло. Лишь к живущим жестока судьба...

Автомат странно мягок в руках.

18. АННАБЕЛЬ

Невидимые, они прошли мимо стражников, сонно обвисших на древках крестовидных копий. Похожая на желоб дорога уходила в седловину меж двух холмов, а за холмами лежало то, что Аннабель недавно видела сверху, посылая на разведку дымок, генерал и улан — в прежней службе, и только Берг еще не видел. Может быть, стоило бы это обойти, но нужны были лошади — а лошади там были. Лошади, упряжь, повозки. И лишь два солдата в белом.

Был резок свет раннего дня, безветрие угнетало. Над невообразимой пустошью Эуглека — сюда их вынесло из изнаночного мира — лишь начинали собираться плоские еще, похожие на шляпки от Кроллиана, облака на вершинах термиков. После полудня они набухнут, как грозди, прольются — или не прольются — дождем, прибывая тонкую пыль когда-то цветущей долины... Нежна была дорога под ногами.

Пронзительно стояла тишина.

Молча кружили впереди вороны.

Изогнулась трава на обочинах. Изогнулась и посере-
ла. Оставшись живой.

Страшно хотелось пить.

Генерал был бел, как сама смерть, но шел, отказав-
шись от помощи, сам. Берт и улан лишь страховали его.
Даже ранец он не отдал, как ни просили.

После полудня может собраться дождь.

Может и не собраться.

Боже, как глупо все. Как бездарно.

Привыкнув к скоростям, невыносимо перебирать но-
гами и делать вид, что движешься.

Пологий подъем незаметно перешел в пологий спуск,
и открылся взгляду котлован.

А секундой раньше — настал смрад.

Но — смрад, непохожий на смрад человеческих скоп-
лений: такой она знала и не относилась к нему слишком
нервно. И ее доля бывала в том, так стоило ли морщить
нос? Нет, этот смрад напоминал почему-то о тех уровнях
в логове Дракона, ниже которых их не пускали; или о
дымных осенних вечерах на ферме Зага Маннерса, ее
первого антрепренера. Или даже о парфюмерных фаб-
риках Дэнниусов, там ей приходилось бывать...

Необозримое море тел открылось им.

Голубовато-бледные, голые, уродливые, тела лежали,
или сидели, или бродили меж других таких же тел; ни
осмысленности, ни тоски не было в этих перемещениях.
Взявшись за руки — попарно, по трое, по четверо —
исполняли медленные движения, как на репетициях
танцкласса. И где-то в глубине этого моря, как остров,
чернело пустое пространство, и в центре этого простран-
ства, этого голого острова, поднималась, похожая на
росток бамбука, коленчатая башня. Ревматические со-
членения ее светились красным, видимым даже днем
светом.

Она была омерзительна.

Стократ омерзительнее голых и грязных тел, копо-
шащихся у ее подножия.

Берт булькнул горлом. Аннабель покосилась на него.
По серому лицу Берта катились крупные капли.

— Идем, — сказала Аннабель и сглотнула, сдерживая позывы к рвоте. — Бернард, завяжите глаза. Я думаю, нам тоже стоило бы завязать...

— Я смогу, дочка, — сказал генерал. — Кому-то надо видеть и глазами...

— Только не вам, генерал, — сказал Берт. — После этой ночи — нет.

— Это уж точно, — подтвердила Аннабель. — Ладно, не будем делать проблему. Пойдем с закрытыми глазами, надо будет — откроем...

— Ваше величество, я мог бы... — начал улан, но Берт похлопал его по плечу и молча покачал головой.

Аннабель уже закончила накладывать «кошачий глаз», когда заметила перемены в поведении людского теста. Там, ближе к башне, вдруг начались непонятные мелькания, рябь, обозначился такой вот рябющий круг — с два футбольных поля, не меньше, — и в круге этом рябь все усиливалась, все убыстрялась, а потом вдруг кажущееся сплошным полотном тел лопнуло, разошлось на отдельные полосы, и полосы эти побежали от границ круга к центру, пересекаясь под углом и образуя острый клин, все увеличивающийся и темнеющий, и вдруг стало понятно, что в этом клине люди стоят, или лежат, или что еще делают? — не в один, а в два, в три, в четыре слоя, и все новые волны набегают на него, увеличивая, увеличивая, увеличивая толщину этого страшного месива... А через миг клин задрожал, как желе, расплылся — и распался на мельчайшие пылинки, и там, где следовало ожидать увидеть груды раздавленных, изувеченных тел, не оказалось ничего... Серая земля.

— Может, все-таки лучше обойти? — неуверенно сказал Берт. — Попадем в такую давилню...

— Не обойдем мы, — сказала Аннабель. — Лучше и не пытаться.

Она не смогла бы описать то, что видела и чувствовала в своем развоплощенном полете, но все ее новые знания и инстинкты буквально кричали: не подходить! Не трогать! Даже не смотреть пристально на это!..

Похоже было на то, что вся странная, нечеловеческая магия гернотов воплотилась в мертвых почерневших деревьях, низких каменных лабиринтах, стелах из крас-

ного кирпича и выдавленных в земле, как в сургуче, печатях с неразборчивыми письменами.

Не темным, неразборчивым и злым веяло от них — нет: четким, холодным, выверенным, бесстрастным, мертвым — мертвым и обращающим в мертвое просто по природе своей. Аннабель с высоты смотрела вниз, видела черные деревья, стелы из красного кирпича и выдавленные в земле печати, но сквозь все это проступало и исчезало тут же то бронзовое сочленение, то стальные жвалы, то ажурный скелет крыла, то фасетчатый глаз...

— Только прямо, — тихо сказала она. — Без паники. И ни во что не вмешиваться...

Аромат истлевших, раздавленных цветов принял их в себя. Он пьянил, как светлое вино, и отнимал часть веса, как вода. Идти было легко, труднее — держать равновесие. Край людской толпы был близок, но приближался как-то слишком медленно — медленнее, чем они шли. Будто кто-то невидимый подбрасывал на дорогу лишние футы.

Потом, как из тумана, на земле поперек пути проступила красная полоса. Аннабель подошла к ней и остановилась. Справа и слева подошли и остановились спутники. Полоса — точно такая же — появилась бы, если бы сквозь щель на землю падал резкий и яркий чистый красный свет. В ней было около шести футов ширины. Можно было тронуть ее ногой или острием меча или присесть и протянуть руку — но Аннабель знала уже, что не будет этого делать. Прыгнуть — пожалуйста. А дотрагиваться... Пусть пьяные ежики дотрагиваются.

Если посмотреть глазами... Она открыла их и тут же закрыла, ошеломленная. Будто вихрь горящих бабочек налетел на нее. Нет, глазам здесь делать нечего...

А как же тогда улан?

Чуть позже. Сначала — самой.

Она отошла на три шага, разбежалась и прыгнула.

Это был странный замедленный прыжок, почти полет, растянутый на долгие секунды, и можно было успеть посмотреть по сторонам и вперед — и выбрать место приземления, и вниз — просто из любопытства...

Бездонная пропасть, прикрытая полужеркальной пленкой, проплывала под ней. Никогда еще не-зрение не обманывало ее, может быть, не обманывало и на этот

раз. Она, не отрываясь, смотрела на утесы внизу, на скальные обломки, на далекие тонкие пики, на уходящие все ниже и ниже ступени террас и карнизов, на багровое зарево, подсвечивающее оттуда, снизу, прикрывающую пропасть тончайшую пленку, — а потом, будто кто-то щелкнул выключателем, она видела уже лишь отражение в этой пленке и не видела ничего кроме... Большой и полный человек, держа ее за руку, вел за собой, безвольную и вялую, по длинному коридору с бесконечным рядом окон с одной стороны и бесконечным рядом дверей — с другой. Квадраты солнечных отпечатков лежали на полу, готовясь перебраться на стену. Они шли, и шли, и шли, молча, обреченно, никуда уже не торопясь, и за их спинами открывались, и открывались, и открывались двери, и что-то выходило из дверей и шло следом, пристально глядя в затылок...

Аннабель коснулась ногами земли и тут же обернулась.

Да, с этой стороны пропасть была видна, и было видно, до чего же она широка. Не выше оловянных солдатиков, стояли на том краю ее спутники. Вот Берт и улан, отступив на несколько шагов, разбежались и прыгнули разом. Улан оттолкнулся сильно, с запасом, и теперь уходил в высоту, почти в зенит, уменьшаясь и теряясь из виду. Берт, наоборот, плыл над самой закрывающей пропасть пленкой, руками и ногами делая медленные движения — как снятый рапидом бегун, разрывающий финишную ленту...

Медленно. Медленно. Не верить ничему. Ничего нет. Есть только земля под ногами. Есть то, что надо обойти, и есть те, кто идет за тобой. Ни вправо, ни влево не ведут никакие дороги. Нет лестниц вверх и ходов вниз. Нет пути назад. Лишь вперед — как по ущелью. Тупое спокойствие. И — медленно, медленно, медленно. Игра на скрипке. Чародейский вид. Литые башни без проникновения. И окон нет...

Не-зрение утрачивало власть

Безумное стремление остаться. Безумное втрое, нет — вчетверне. Загадочная книга прорицаний... Где провозвестник высших архенонов вдруг предстает фанерным силуэтом, читающим заученные тексты. Смятенна явь...

наслаивалось что-то не прямое, но косвенно присущее
природе пространства при престранных преломлениях

Эй, кто-нибудь, рискните отозваться! Молчание и эхо.
Пустота. Железный тихий звон. Злосчастные хариты... И
вас минет та чаша искупленья. Кровавых казней кончена
кадриль. Законы бытия непостижимы...

как уровни грозы — от пузырей на лужах до перьев
самых верхних облаков, все составляло полное единст-
во, и ритм ударов грома

Ритм!

навевал воспоминания о полных наслажденья

Ритм! Ритм! Ритм!

Не смей! Остановиться!

египетских ночах и вавилонском — нет, не плене-
нии: соблазне

Не дышать — пока не завертятся огненные круги
перед глазами. Толчок в спину. Стоять! Всем стоять! Не
двигаться! Не подчиняться! Против ритма! В подчине-
нии — смерть!

Алые цветы смерти... обманчиво...

	увитая плющом	лежало
обратиться	любовь к огню	
	и краски витражей	
немногое осталось	даже нищий отдаст	
	и тот последний долг	
последний поцелуй		
	рискуя всем	
родятся от искусства	уходя	
	жестоко	
	знать	
		и мир
и благодать		
	придя	
	в багровых облаках	
		вновь
		без ответа
просто трясет, трясет, как по проселку... где?		
		А, вот они
заранее поверившие в бегство, в возможность бегства		
вперебой		
желая уступить		

Ржавчина! Ржавчина!
не поддаваться ритму!
РЖАВЧИНА!

Все рухнет, если дотронуться.

Нет! Стойте, генерал, стойте!

Я вам приказываю!

Не оборачиваясь — идет.

Узкий, не разминуться вдвоем, железный мостик —
раскачивается под ним. Внизу, в ущелье, — пламя.

Любовь к огню — любовь к Богу...

Ущелье плотно набито огнем.

Жар колеблет видимый мир.

Как все качается и скрипит!..

Он стоял спиной к ней и смотрел в окно.

— Пока вам везет, — сказал он, а может быть, и не он, потому что Аннабель не видела его лица. — Но это ничего не значит. Яппо запускает креатур, герноты их уничтожают, убито уже больше ста, не знаю, сколько точно. Это все выдохлось, как выдыхаются все неудачные наступления. Вы можете пройти еще сто миль, можете дойти до столицы, можете ворваться во дворец, даже можете убить несчастного короля Германа... Не изменится ничего! Потому что территория, которую по привычке называют Альбастром, давно не Альбаст. Альбаст умер, и из шкуры его сделали механическое чучело. И думать надо не о том, как вдохнуть жизнь в то, что уже не может быть живым, а о том, как уничтожить его, потому что опасность неоспорима, и в этом я с Яппо согласен полностью.

— Что делают герноты с трупами убитых креатур? — спросила Аннабель почему-то мужским голосом.

— Закапывают в землю — что же еще? — пожал плечами человек у окна.

— И Яппо это, конечно, знает... — сказала Аннабель. — Может быть, он умнее, чем мы о нем думаем.

— Возможно. Возможно, ты и права. Да, такой вариант мне в голову не пришел бы...

— Помнишь, ты говорил как-то, что верующие считают, будто Бог создал окаменелости, когда творил мир, чтобы у людей возникла иллюзия бесконечного прошлого? А не кажется ли тебе, что сейчас мы разглядываем некую окаменелость, которая призвана создать иллюзию бесконечного будущего? А на самом деле...

Человек у окна заинтересованно обернулся, и Аннабель с ужасом узнала его...

без верха и низа без
трения и тепла без луны
руками изготовления тип
наискось полный пламени
лава раскаленная лава там
бунтарей и благ день гнева
до костей и кровь кровь
полная железа осталась
неподвижно парить в вере

и синь озер
взъяренная
обитатели рая

МЕРТ

Солнце клонилось к вершинам истонченно-высоких сосен, длинной шпалерой выстроившихся вдоль старой имперской дороги. Туда же, к тем же соснам, катил фургон, запряженный четверкой разномастных лошадок. Аннабель дремала на сложенном в восемь ковре. Ей было холодно и неудобно в новом обличии. Стареющая акробатка с вялым лицом, жилистыми ногами, сухой, как солома, волосней и похожими на пустые мешочки грудями. Жонглер и клоун Берт спал, лежа на животе и уткнув лицо в скрещенные руки. Генерал превратился в огромного — гора мускулов — горбуна-негра, а улан стал человеком-змеей, тонким, гибким, способным завязаться узлом. С

новыми личинами они получили новые имена, новые характеры и даже новые воспоминания — все было учтено.

Они бежали из Кикоя, охваченного волнениями. Деревенский маг Дило по прозвищу Чернотел сплотил вокруг себя несколько тысяч фанатиков, которые повыврезали гарнизоны в главном городе провинции, Хтооге, и двух городах поменьше: Сапре и Альше. Не дожидаясь, когда гнев гернотов обрушится на мятежников, все незаинтересованные люди побежали из Кикоя. Позади, по слухам, начинались эпидемии, пожары, необъяснимые умертвия и выход из земли чудовищ. Бродячие циркачи стремились к торговому городу Эствель, где скоро будет ярмарка и можно будет заработать. А денег надо много, потому что одни звери съедают столько, что можно прокормить двадцать человек...

Зверей было четыре: горный лев и львица, усмиренные и послушные, серый худой медведь, умеющий все, и удав. Аннабель испытывала неловкость перед зверьми — слишком уж суровая шутка обрушилась на них в чем не повинных настоящих циркачей. Успокаивало совесть одно: так циркачи оказывались в гораздо большей безопасности, чем в людском своем обличии.

Имена от них перешли захватчикам: Аннабель звалась Стеллою, Берт — Адамом, генерал — Пальмером, а улан — Иппотропом. С именами перешли привычки и мелкие давние отношения...

— Ты мощной впредь не трясись, — дребезжащим тенорком ввинчивал Иппотроп Пальмеру, и тот согласно кивал пегой головой. — А то вишь какой ще-едрый. За общий-то счет. Хошь чего — меня спроси или вон Стеллу. Мы — понимаем. А ты, дурак здоровый, — не понимаешь.

— Подумаешь, чего я там переплатил — три монеты. Пить хотелось, вот и все. А дешевле он не давал... — оправдывался Пальмер за провинность недельной давности.

— Вот, говоришь, три монеты. А на эти три монеты, глядишь...

— Тпру-у-у, черти! — лениво сказал Пальмер, и мерный рокот окованных железом колес по щебенке мгновенно смолк. Стелла приподнялась на локте. Сворачивая с имперской дороги, к ним направлялись два десятка всадников...

19. ЛОТ

В дверь постучали.

— Заходите, — сказал Лот.

— Не спите еще? — На пороге стоял Меестерс. — Если хотите спать, говорите, не стесняйтесь.

— Хочу, но все равно не усну, — сказал Лот.

— То же самое и у меня, — вздохнул Меестерс. — Вы не думайте, я не буду надоедать вам каждый вечер. Это у меня просто на новых людей тяга. Привыкну — перестану замечать. Устали сегодня?

— Да. Перегруз получился. Слишком много фактажа.

— Зато теперь вы, наверное, все понимаете.

— Пока еще ничего не понимаю. Не обработал.

— А-а.. Вам не холодно, кстати?

— Жарко. Но если хотите, выключите.

— Нет-нет, что вы. Пришел в гости и распоряжается...

— Я просто люблю прохладу. Зимой сплю с открытым окном.

— Это я уже знаю. Я о вас, наверное, вообще все знаю. Вас это не смущает?

— Пожалуй, нет. Особо стыдных вещей я за собой не помню.

— Это, наверное, неплохо — не помнить о себе стыдных вещей... Я, к сожалению, никогда не смогу испытать такого чувства. За сорок лет работы накопилось всякое. Иногда мне странно, что я все еще жив.

Лот сочувственно кашлянул. Интересно, зачем он пришел, подумалось ему. Просто излить душу? Или еще раз прощупать? Или ненавязчиво внушить что-нибудь, или расположить к себе?.. Или без цели? Он с сомнением посмотрел на Меестерса. Вряд ли такие люди делают хоть что-нибудь без цели, — даже снимая пушинку с рукава, просчитывают — на автопилоте — сорок три варианта возможных последствий...

Меестерс понял этот взгляд по-своему.

— Я догадываюсь, что вас беспокоит. Внезапное доверие, да? Это так не по-нашему, против всяческих традиций... Ну, допустим даже, что вы агент. Все равно чей. Хотя, мне представляется, вы именно тот, кем

назвались: санитарный врач, прошедший в свое время Каперскую зону и в своих исследованиях глубоко проникший в суть проблемы. В самостоятельных исследованиях. Подчеркиваю. Так вот, даже если вы агент, скажем, Конторы, или Корпуса, или иностранной разведки, или инопланетной... Нам это не то что не страшно — мы это приветствовали бы. Потому что нам противостоит нечто такое, что требует слияния сил. Но вы, к сожалению, не агент... И крысиные гонки продолжатся. И мы будем вцепляться друг другу в глотки — в стремлении не допустить противника к финишу первым, а еще лучше — не допустить вообще. Хотя и лабиринт построен не нами, и несемся мы по нему не по собственной воле, и что нас ждет на финише — не догадываемся...

— Зачем же меня держали в подвале? Проверяли? Если вам все равно — кто?

Меестерс помолчал. Похоже было, что простой вопрос поставил его в тупик.

— Все религии, вы знаете, построены на борьбе добра со злом, — заговорил он другим, безразличным, уставшим голосом. — Две трансцендентные силы, Бог и Дьявол. Непрерывная борьба. Ад и рай, наслаждение и страдание. Я как грубый материалист произвожу все из нейрофизиологии, из центровощущения и наказания. Их взаимодействие проецируется на внешний мир, и в результате — все вышеперечисленное в миллиардах оттенков. И вот мне, грубому материалисту, приходится допускать существование во внешнем мире каких-то подобных... я не знаю, как сказать? Центров? Они не имеют локализации. Короче, чего-то аналогичного по функциям... нет, тоже вру. Допустим, существуют и Бог, и Дьявол, но ни тот, ни другой не есть добро и зло в чистом виде, они вообще неморальны, внеоценочны, у них есть какие-то свои интересы, своя борьба, людей они используют в этой борьбе, но сами люди им глубоко безразличны... Причем и Бог, и Дьявол существуют самодовлеюще, но — лишь в сознании людей. Как описание процессов реального мира. И вот эти процессы становятся все более интенсивными, более сложными, запутанными — и тут в них начинает вмешиваться человек... Вы еще не отключились?

— Нет, — сказал Лот.

— Это вмешательство странно, не вполне самостоятельно и абсолютно нерационально. Человек выступает ни на чьей стороне — и даже не на своей, что парадоксально лишь на первый взгляд. Он вообще пока не догадывается, что ввязался в чью-то борьбу.

— И все-таки — при чем тут я?

— Были подозрения, что вы действуете не по своей воле. Если позволите, я не стану говорить, откуда они взялись.

— Так. Ну, и?..

— Не подтвердились.

— А, понял. Вы меня исследовали, пока я спал. Помню, были такие странные сны..

— Знаете, Лот, вы удивительно уравновешенный человек. Я удивлен.

— Нет, — сказал Лот. — Я нервный и неуверенный в себе тип. Мне стоит больших усилий держаться так, как я держусь.

— Все равно. У вас здорово получается. Хотите, я доскажу, что начал? Немного осталось.

— Хочу.

— Вы сегодня увидели все, что можно увидеть. Многого, конечно, не поняли — не спец. Ничего. Понимаете, это все частности. А в целом — мы пытаемся разобраться в той самой борьбе Бога и Дьявола. Выяснить цели, средства, механизмы. Понять наш интерес. Суметь защититься. Если успеем, конечно..

— Бог и Дьявол... — Лот произнес слова медленно, пробуя языком. — Как я понял, вы употребляете эти термины не в метафорическом смысле?

— Нет. Именно как термины. С другой стороны, вы понимаете, весь наш мир — это одна большая метафора..

— И — обладающие теми способностями, которые им приписывает молва?

— В части власти над живой природой — да..

— Всемогущество?

— Практическое всемогущество. Может быть, имеющее границы — но я этих границ не знаю.

— Всеведение?

— Абсолютное.

— Как насчет всеблагости?

— Я бы сказал — всебезразличие.

— С обеих сторон?

— Может быть, есть какие-то оттенки отношений.

Но, опять же, я их не знаю.

— Так... А человек?

— Человек становится почти всеведущ и готовится к всемогуществу. Думаю, это вы уже поняли.

— Но подождите. Бог и Дьявол — они существуют в сознании человека или в окружающем мире?

— А какая разница? Где вы проведете границу? Как отличите одно от другого?

— Да, действительно... — вяло сказал Лот. — Вы правы.

— Я, например, вообще не знаю, существует ли что-нибудь в окружающем мире. Может быть, мы с вами — два слизняка, заползших на один валун... а все вот это вокруг и все, что с нами было и будет, — лишь запятая в нашем разговоре...

— Это вы-то, профессор, — грубый материалист?

— При всем при этом — да. Знаете, Лот, вот вы поработаете немного с мозгом — станете сомневаться вообще во всем. Внезапно окажется, что в любом мировоззрении опереться можно только на собственное невежество. Кстати, можно нескромный вопрос?

— Попробуйте.

— Я помню, в восьмидесятые годы, когда вы учились, в моде были галлюциногены. Я думаю, и вы пробова-ли их. Не можете ли вспомнить, что именно вам привиделось?

— Нет, — резко сказал Лот. — Не могу.

— Понятно. Значит, все помните, но говорить не хотите. Потому что это было страшно, и с тех пор вы этой химии на нюх не выносите. Хотя если услышать описание ваших видений от постороннего человека — покажется простеньким и невинным. Вам казалось, что вы приросли спиной к другому человеку и вынуждены подстраиваться под его движения. Спина к спине. Такие сиамские близнецы. И, в сущности, это все. Я прав?

— Да, — без голоса сказал Лот. — Откуда?..

— Нас тут таких — почти сорок человек. После Каперской зоны. У всех — одно и то же. Так что появление ваше здесь было неслучайным. Поразмыслите над этим.

— Да... Я... постараюсь...

— Спокойной ночи. Если хотите — в шкафчике снотворное. Будить вас завтра не станут.

Меестерс вышел. Лот лежал без движения, ошеломленный услышанным. Ника, в панике позвал он и прислушался к ответу. Сухой звук — как от щелчка по спичечной коробке. Ника...

Он уже знал, что ничто не ответится.

20. МИКК

— Ладно, — сказал Ноэль, бросая на стол еще одну полоску распечатки. Их уже много лежало на столе, и некоторые должны были бы уже съехать на пол, но цеплялись друг за друга и пока не падали. — Механику этого дела мы поняли. Пусть кто-нибудь объяснит мне, в чем его смысл.

Микк взял последнюю бумажку, подержал перед глазами, положил обратно. В принципе то же самое: слева — «Ника Буковчан, 23 года, БОМЖ/03, временное УЛ № 709830, социальное страхование —, медицинское страхование —. ИСО 02/3. Обращение в файл 16.08.04, повод: неотложная мед. помощь. ДС: фобический шок IV. ОП: Ш—Г мод. Амб.» Справа: «ВОССТАНОВЛЕНО: Ника Андерсен, урожд. Буковчан, 23 года, проживает: Альбаст, ул. Цепная, д. 144. Муж Грегори П. Андерсен, 30 лет, водитель. Род занятий: швея. Социальное страхование Ф-ХП, медицинское страхование „НПН“ № 23098167. ИСО 00/0. Обращение в файл: 16.08.04. Повод: неотложная мед. помощь. ДС: фобический шок IV. ОП: Ш—Г мод. Госп.» Но, конечно, и здесь никакого «госп» не было: возиться с бродяжкой без страховки! Промыли мозги, поставили на крылечко и наладили пинка... гуманисты херовы. Неужели нельзя хотя бы по внешнему виду отличить приличную замужнюю даму от бродяжки? Или доверие к официальной информации

оказывается сильнее здравого смысла? И те, которые переписывали файл: видно же, что вранье. Ну, не может быть такого, чтобы в файл бродяжки обращались только один раз. Ее что, ни разу не задерживали? А откуда тогда индекс социальной опасности «02/3»? А, господа?

— Почему, интересно, они одним имена меняют, а другим — нет? — тупо спросил Кипрос.

Нет ничего важнее, чем это выяснить, с внезапным раздражением подумал Микк.

— Наверное, в зависимости от того, кого они ожидают... ну, кто будет искать, — сказал Ноэль.

Он соображает, а я — уже нет, понял Микк. Вслух он сказал:

— Агнессу не трогали, потому что есть Флора. Флора приходит и требует: дайте мне тетушку. Они говорят: вот тетушка. Такого-то ушла и не вернулась. А здесь...

Он замолчал и стал рыться в бумагах. Наконец нашел то, что вспомнилось и перебило рассуждения.

— Это ее муж, — сказал он. — Вот: вставлено, что шестого августа погиб в автокатастрофе... Наверное, пошел ее искать...

— Или она — его, — тихо сказал Ноэль.

— Ребята... — прошептал Кипрос. — Ребята... Что это — все — значит?..

— Тебе сказать? — голос Ноэля едва звучал. — Или уже знаешь сам?

— Но почему? За что?

Ноэль пожал плечами. Посмотрел на Микка — будто ждал, что тот подскажет. И Кипрос стал жадно смотреть на Микка — как иудей на мессию.

— Тебе они как сказали? — как бы не замечая этих взглядов, спросил Микк. — Сами с тобой свяжутся или ты должен к ним?..

— Я — к ним... должен... — Кипс сглотнул. — Причем не в участок, а в какое-то бюро по розыску... Вокзальная, семь...

— Нет там никакого бюро, — сказал Микк. — Это я точно знаю.

— Хотят, значит, чтобы сами приходили... — покачал головой Ноэль. — Барствуют, значит...

— Слушай, но ведь уже не те времена... — начал Кип, наткнулся на взгляд Ноэля и замолчал.

Нет логики, подумал Микк. Нет логики ни в чем, и в том, о чем думает Ноэль, тоже нет логики. Хотя в это — в то, о чем он думает, — страшно легко поверить. Хотя и нет логики. Но для веры логика не нужна. Для веры нужно только желание поверить. Хотя, с другой стороны, логика — это вроде гениальности тех стихов, которые сочиняешь во сне. Они гениальны, пока снятся. Как велосипед, который не падает на ходу. Ты просыпаешься — и гениальность исчезает. Остаются нелепые строчки. И что-то подобное происходит с логикой. Только я не пойму что...

— Вокзальная, семь, — протянул Ноэль, делая пассы над пультом. Засветился маленький плоский монитор, на нем возникла схема города: кварталы, видимые сверху и немного сбоку. Все чуть утрировано и поэтому легко узнается. Тут же обозначился — будто на него лег солнечный луч — двухэтажный домик с маленьким садиком, задами выходящий на полосу отчуждения железной дороги. Потом над домиком будто образовалась увеличительная линза: он стал больше и приблизился; окружающие его дома и кварталы сдвинулись к границам экрана, спрессовались, но из поля зрения не исчезли. Ноэль пробормотал что-то; пальцы его мелькали. Схему опутали разноцветные нити, но ни одна из них не касалась этого дома. Потом он наконец оторвался от пульта.

— Домик не просто так, — Ноэль растянул губы будто бы в улыбке. — Не подступиться. Ладно, парни, мы его прокачаем...

Микк посмотрел на Кипроса. Кип был бледен. На лысом черепе, на лбу стремительно росли прозрачные бородавки пота. Не сходи с ума, мысленно закричал ему Микк, но Кипрос уже разлепил губы и сказал:

— Я... туда...

— Что? — обернулся Ноэль.

— Пойду...

— Ты?..

— Прикроете. — Он встал.

— Не валяй дурака, — сказал Ноэль. — Шесть часов утра.

— Это несерьезно, — сказал Микк.

— Да как тебе сказать... — Ноэль с сомнением смотрел на Кипроса. — Не зная броду — конечно... А вот если зная...

— Мы не доделали по крайней мере еще одно дело, — сказал Микк. — Напомню: мы решили быть методичными.

— А, твоя яма... — Ноэль вздохнул. — Может, вы вдвоем съездите?

— Вдвоем мы уже к Деду ездили, — сказал Микк. — Это будет перебор.

— Ладно, — сказал Ноэль. — Я с вами Джиллину отправлю. Он парень способный, хоть и молодой.

Джиллина неохотно передал свой участок Вито и, проверив оружие, пошел к машине. Микк, подчиняясь какому-то странному импульсу, вынул свой «таурус», картинно прокрутил барабан и сунул револьвер за пояс. Ему тут же стало неловко. И вдруг захотелось увидеть Флору. Но для этого надо подняться на второй этаж... а люди ждут. Все равно она спит.

Было как-то уж слишком светло. Казалось, кроме солнца, сюда посылают свои лучи невидимые прожектора. Мореные плашки, которыми была обшита стена, казались белыми. Шляпки латунных гвоздей сияли. Ломко и призрачно стояла густая полувывсохшая трава.

— Вы сюда близко не подходите, — сказал Микк Джиллине, подавая ему револьвер. — Стойте вон там, на углу. Если с нами что-то...

— Вы уже говорили, — кивнул Джиллина.

— Ну, так и делайте как говорили, — внезапно раздражаясь, сказал Микк. — Делайте как говорили, не заставляйте повторять...

Яму прикрывал фанерный лист, грязный, в каких-то потеках — совершенно чужеродный этому ухоженному садику и пряничному домику; даже вынутую землю покойный Ланком ссыпал в мешки для мусора; три мешка стояли у ворот и один, неполный, — здесь, приваленный к стене. Микк взялся за край листа и вдруг понял, что не может его поднять, — и не потому, что лист тяжел, какая тяжесть в старой фанере... просто не может, и всё. И тогда, обманывая себя, он потянул лист

к себе, будто стаскивал с кровати одеяло... Свет рухнул в открывшуюся яму и закружился пыльными вихрями.

— Я спущусь, — сказал он Кипросу. — А ты смотри сверху.

— Это твое? — спросил Кипрос, показывая рукой на оставленные в яме инструменты: лопату, лом, ножовку... Все было так, как в прошлый раз, когда Микк пришел и почти сразу начал пилить... нет, ножовки тут не было, ножовку он принес с собой. А кто в таком случае закрыл яму? Впрочем, это был бесполезный вопрос: на него некому отвечать...

— Да, мое...

В стенку ямы он позавчера — или когда? — господи, как все перепуталось — сегодня двадцатое... уже двадцать первое — а на часах? — тоже двадцать первое — действительно, позавчера — забил два толстых кола: ступени. По ним легко было спуститься и легко выбраться. Он сел на край ямы, поставив ноги на верхний кол. На миг что-то сместилось, ему показалось, что он сидит над разрытой могилой. Потом он понял: просто боится спускаться. Кто-то внутри него кричал от страха. Холод зрел в животе. Лопата, лом и ножовка внизу образовывали знак ловушки — этакий усложненный сыр для мышеловок. Не пойду... Он уже спускался — неловко. И в этой неловкости злился на Кипроса — за то, что тот видит.

В яме стоял утрированный запах пыли. Так могло бы пахнуть в архиве — когда перетряхивают... Он вспомнил: точно так пахло у Деда, когда они втроем искали нужную папку. Да, и Деда, пожалуй, надо навестить...

Микк поднял ножовку. Полотно было в тончайших продольных царапинах, алмазная пудра местами стерлась до клея. А ведь я ставил новое полотно... или только собирался поставить новое? Так вот и дурят нашего брата... Он хорошо помнил, что ставил, но червячок сомнения остался. А пилил я... вот здесь и здесь. На «корне», растущем из дна ямы, в этих местах были кольцеобразные утолщения. Микк примерился, потом поднял голову, посмотрел на Кипроса. Кип стоял на краю ямы, оперев руки в колени. Какого черта, в отчаянии подумал Микк, мы все равно никогда не поймем... Он был

уверен, что все бесполезно. Кипрос смотрел на него, и Микк ободряюще кивнул ему.

Он помнил, что «корень» был крепче стали, и решительно поднес к нему пилу, и полотно, почти не встретив сопротивления, прошло насквозь, Микк отдернул руки и отшатнулся — «корень» от места разреза то ли осыпался, то ли оплывал, как чрезвычайно быстро сгорающая свеча, тончайшая пыль текла вниз, клубясь, и через несколько секунд ничего, кроме плавающей в воздухе плотной светящейся завесы, не осталось. Микк чихнул несколько раз, потом натянул рубашку на лицо, оставив одни глаза, и присел. На дно ямы свет не падал, и видно здесь было лучше. Там, где «корень» выходил из земли, зияло отверстие сантиметров двадцати в диаметре. Из него несильно, без напора, шел воздух; Микк, не дыша, помня о том, что было в прошлый раз, наклонился над ним и несколько секунд всматривался в темноту. Сначала не было видно ничего, а потом вдруг — глаза поймали фокус — темнота рассыпалась множеством далеких огней, и больше всего это было похоже на вид ночного города с высоты... Вставай, прикипел, похлопал его по плечу Малашонок, и он встал и отошел к стене, пропуская Малашонка и идущих следом Петюка и Фому Андреевича и пытаясь осмыслить, перевести на язык слов то, что он увидел в скважине. Не верь подземным звездам, категорично говорил Куц, а Леонида Яновна говорила иначе: подземные звезды смущают мысли. Пусть так. Прошли Дим Димыч с Танькой. Что он в ней нашел, подумал Пашка, стерва ведь. Обидно, хороший человек пропадет... Замыкал отряд Архипов. Ну, пойдем, сказал он Пашке. Что, опять в скважину глядел? Пашка кивнул. Высмотрел что? Кажется, нет, неуверенно сказал Пашка. Не знаю... Ему не хотелось говорить, что звезды все отчетливее складываются в знак Зверя...

Недолгое прозрение, посетившее его тогда, когда Леонида Яновна накладывала защиту, ушло, оставив лишь память о себе — память о божественном состоянии, в котором весь мир стал книгой, написанной простым языком, а на каждый заданный вопрос тут же возникал выросший из самого вопроса ответ. Пашка шел и старался не замечать охватившего его горя утраты.

Ему разрешили полетать — полтора часа, — а потом отняли крылья. Тогда, в прозрении, он знал, зачем и почему они идут, что это за подземные ходы и что произойдет, если они не придут вовремя в нужное место. Теперь он этого не мог бы объяснить другому, но себе — прежнему — он верил. Они должны дойти и, дойдя, стоять насмерть — и это единственный шанс уцелеть тем, кто остался еще наверху... и это «наверху» касается, кажется, не только жителей города... тут он не был уверен.

Поросший светящимся мохом переход оборвался крошечной тьмой. Отряд сгрудился и чего-то ждал. Видны были только одинаковые — подпоясанные ватники — спины да несколько автоматов, висящих по-охотничьи, стволами вниз.

Архипов обнял его за плечо и легонько потряс, и Пашка понял: они пришли на место. Только теперь он услышал — скорее, не ушами, а всем лицом — далекий рокот: будто медленно-медленно проворачивалась громадная бетономешалка.

21. ПЕТЕР МИЛЛЕ

Он выбрался из-под дневного света, как из-под мягких невидимых глыб: в поту, с одышкой и сердцебиением. Дневной сон был мукой — увы, неизбежной. Без него ни глаза, ни голова не выдерживали обязательных трех часов над тетрадью. А так... сейчас... Постанывая от привычной боли в затекших икрах, он встал и потащился под душ. Тепловатая водичка с железным привкусом все-таки освежала. Плохо, но освежала. Кроме того — ритуал. Обязательный двукратный ежедневный. Флаг «Умираю, но не сдаюсь». Оркестр играет мазурку...

Сравнение ему понравилось. Не вытираясь, он накинул халат и пошлепал на кухню. В холодильнике было пиво. «Черный бархат», три бутылки. Он не помнил, когда и как покупал его, но это было почти неважно. После приступа неуправляемой паники — когда вдруг понял, что не запоминает абсолютно ничего из того, что

происходит с ним за порогом дома, — он старался принимать все как должное. Да, может быть, там, снаружи, он и сам точно такой, как те, кого он видит сейчас из окна: монотонно бредущие по прямой кукольные люди. Никто ни с кем не раскланивается, не озирается по сторонам, не совершает каких-то странных, но человеческих поступков: скажем, не снимает ботинок и не начинает вытряхивать из него камешек... скрупулос... В бинокль видны лица: одинаково озабоченные и в то же время бессмысленные. Бессмысленная целеустремленность — вот так это можно обозначить. Неужели и у него такое же лицо, когда он там?.. Тем более следует оставаться человеком все остальное время.

Вернее — все оставшееся время.

Похоже на то, что его весьма мало.

Потому — нужно ли ломать голову над тем, что, выходя из квартиры, он тут же входит в нее обратно — до полусмерти уставший, потный, грязный, дрожащий. Час, а когда и больше часа уходит только на то, чтобы прийти в себя. Правда, результатом таких вылазок оказываются хлеб, сосиски и сыр — почему-то всегда одного и того же нелюбимого сорта: «Адмирал». Недели две назад вдруг появилась коробка трубочного табака, и теперь вечерами он обязательно выкуривал трубочку-другую. Табак был страшно дорогой, вирджинский «Глэдстон», и удивительно, что он сумел раскатать себя на такую покупку. Начав курить после двадцатилетнего перерыва, он испытал небывалый душевный подъем — будто эти двадцать лет испарились, ничего после себя не оставив, и ему не семьдесят девять, а — еще нет шестидесяти...

Когда кончается время, даже воздух становится сладким, даже слюна, даже скрип половиц оборачивается музыкой, даже простые мысли вдруг обретают платиновый блеск... Лишь когда кончается время, можно наконец понять, что земная жизнь не в счет, хотя она — все, и что рай и ад неразделимы и даже неразличимы, если смотреть в упор.

Бокал пива и ломтик мягкого сыра с розовыми крапинками креветочного мяса... Что еще надо для полного счастья?

И тетрадь. Четыреста листов отличной нежно-палевой бумаги в деликатную розовую линейку. Обложка из натуральной тисненой кожи табачного цвета. Зеленовато-серая бумажная наклейка в углу, и по ней каллиграфически: «МЫСЛИ, ПРИШЕДШИЕ В ГОЛОВУ СЛИШКОМ ПОЗДНО». Не лень же было выводить...

«Пророк Илия и жрецы Ваала. Он один, их — четыреста пятьдесят. Соревнования: чей бог быстрее разведет костер? Ваал сплоховал. Тогда Илия приказал стоящим вокруг: схватить их! Жрецов схватили, Илия отвел их на берег реки и всех заколол, Божий человек. Ученик его, Елисей, благословил в одном городе источники, и вода в них стала хорошей. Уходя из города, он встретил детей, которые крикнули ему: плешивый! Елисей воззвал к Господу, и тогда из леса вышли две медведицы и разорвали сорок два ребенка. Это что — всемильность? Иисус на фоне своего родителя выглядит настолько добрее и человечнее, что верить в его божественное происхождение просто не хочется.

И история с распятием темна до полной непроницаемости. Схвачен, торопливо судим с нарушением всех и всяческих процессуальных норм (чего стоит одно только *ночное заседание синедрiona!*) и осужден на немедленную смерть — не для того ли все провернуто так быстро и вопиюще противозаконно, чтобы успеть к Пасхе — чтобы заменить на кресте другого Иисуса, Иисуса Варавву, Иисуса-„сына-Отца“?

Бедный отец Виталий. Наверное, мои замечания и вопросы стоили ему нескольких лет жизни. Но ведь он сам приходил, и высиживал за полночь — значит, было у него ко мне какое-то долгое дело. И обнял он меня, прощаясь, и даже прослезился — со мной за компанию. Он же как-то — по-моему, накануне мятежа — сказал: иногда ему кажется, что Страшный Суд уже начался. Мы просто не замечаем этого, потому что все, что так естественно происходит вокруг, и есть Страшный Суд. Сказал же Павел: мы не умрем, а изменимся. И вот мы изменились настолько, что Страшный Суд для нас стал средой обитания... Он напомнил мне профессора Смолячека, который в Академии вел курс философии. Вот ведь учили нас: в Технической академии

во время войны читали основы философии. Я потом рассказывал — не верили. Или говорили: на что тратили драгоценное время! А мне кажется — это был один из важнейших курсов. Благодаря ему все стало очень сложным, и я — и не только я — с меньшими душевными травмами воспринимали последующее. Так вот, Смолячек рассказал историю о том, как апостол Петр сидел в камере смертников, ожидая казни за богохульство. Камера была заперта, а кроме того, Петр был прикован цепью к двум стражникам. И вот в ночь накануне казни дверь открылась и вошел ангел. Петр подумал, что это ему снится, и отнесся к появлению ангела спокойно. Ангел сказал: встань. Петр встал, цепи упали. Ангел вывел его из тюрьмы мимо спящих часовых и исчез. И тогда Петр понял, что все это наяву, и побежал в дом матери Марка. Там он и рассказал эту историю. Итак, с абсолютно равными основаниями можно считать, что Петра действительно вывел ангел Господень; или кто-то из высокопоставленных сочувствующих вывел его, а историю об ангеле Петр рассказал с какой-то целью: может быть, для придания авторитета себе или делу, а может быть, и в те времена в подполье не жаловали тех, у кого есть друзья-тюремщики. Или, наконец, можно считать, что Петру приснился и ангел, и все последующие события его жизни, и его смерть, и дальнейшая история человечества, и все, происходящее сейчас, и мы здесь, рассуждающие черт знает о чем, — все это лишь снится Петру, лежащему на грязной соломе на полу тюремной камеры меж двух сторожей, а тем временем какой-то плотник приколачивает перекладину к невысокому кресту...»

Он перевернул несколько страниц.

«Принято считать, что поступки людей, их поведение вообще — должно быть „хорошим“, „правильным“, „умным“. Иначе — рациональным. К поступкам людей подход настолько же утилитарный, как к глиняным горшкам. Вместо искусства поступка воспитывается ремесло, даже индустрия поступка, и никто не видит в этом насилия над природой человека. В искусстве же полезность — вообще не критерий, а красота, оригинальность, неповторимость — более чем критерии. И если мы на-

чем оценивать человеческие поступки, пользуясь критериями искусства, то увидим: в этой сфере царит жесточайший гнет, бесчинствует цензура, духовная и светская, и все, что не соответствует канону, подвергается гонению и уничтожению. Но даже в такой атмосфере — а может быть, по закону парадокса, благодаря этой атмосфере, — случаются поступки, по своей красоте и бесполезности превосходящие величайшие произведения искусства. Если допустить, что человечество в целом имеет какую-то цель, то ведь ясно, что эта цель — не строительство новой тысячи заводов, прорывание длинных и глубоких канав поперек материка и полеты к Луне и прочим небесным телам (хотя именно эти полеты достаточно неутилитарны, чтобы приблизиться к тому, о чем я хочу сказать). Так вот: не цель ли человечества — свершение неимоверно красивых и абсолютно бесполезных поступков? Или такой поступок уже был совершен, существование человечества оправдано, а теперь оно живет по инерции, не имея ни цели, ни смысла существования? Может быть, вся история цивилизации — это лишь прелюдия к оркестру, играющему вальсы Штрауса на палубе тонущего „Титаника“?»

Еще несколько страниц.

«С ужасающей отчетливостью вспомнился Юнгман. Потом это прошло, но несколько часов я буквально находился в его обществе, причем воспринимая все неимоверно интенсивно. Похоже было на то, что в памяти моей случился какой-то пробой, выбило все предохранители — никогда раньше такого не происходило. Вспомнилась его теория о машине, создавшей и продолжающей создавать человека, приспособлявая его для своих нужд. Интересно, что ни тот я, который это слушал, ни я сегодняшний не нашли бы возражений — даже если бы и хотели. Получается...»

Чистый лист. Перо оставляет тонкий черный след.

«Перечитал „Смерть клоуна“ Леона Эндрю. По первочтении, сразу после войны, вещь произвела на меня потрясающее впечатление. Казалось, это ключ ко всем загадкам обыденности. Впрочем, он так и не повернулся в скважине до конца... И вот теперь — еще раз, чтобы проверить себя. Тогда это казалось глубокой философ-

ской метафорой, позволяющей проникнуть на „обратную сторону“ личности: Ормелы, истинные носители разума, живущие в сознании людей, способные сменять своих „носителей“, как всадник сменяет лошадей; симпатии и конфликты между ними приводят к сложнейшим и трагическим коллизиям людей; Ормелам люди почти неинтересны, поскольку для них они просты и примитивны, как проста и примитивна клоунская маска и клоунская роль для Орландо. Но когда Орландо проникает в тайну существования Ормелов, те обращают на него внимание... Да, тогда это казалось метафорой. А сейчас мне это кажется недосказанным пророчеством.

Интересная деталь: Орландо, вырвавшись ненадолго из-под власти Ормелов, начинает видеть мир таким, каков он есть, и это повергает его в отчаяние. И в отчаянии он принимается делать то, от чего раньше его удерживала надежда, и в какой-то момент, задумавшись, понимает, что счастлив. А в видении мира, которое обрел Орландо, есть, помимо всего, такая странность: в течении времени возникают паузы, лакуны, процессы на это время останавливаются, у людей события не запечатлеваются в памяти, и лишь Ормелы не видят существенной разницы между нормальным ходом времени и этими лакунами. Нужны ли комментарии? Кто-то же отключает мою память, едва я переступаю порог.

И, может быть, не только тогда. Позавчера я обнаружил папку с документами по лихорадке Вильсона и ее последствиям на столе — хотя совершенно не представляю, какого черта я ее вообще тревожил. Тема закрыта. Если я прав, заниматься этим дальше бессмысленно, если не прав — тем более бессмысленно. Пожалуй, даже наоборот. Более бессмысленно — если прав».

Петер отложил ручку и откинулся на спинку кресла, отдыхая. И вдруг неожиданно для себя подумал: а когда? Ясно, что скоро, — но «скоро» может быть и десять лет... Сосчитать нельзя — а почувствовать? Он закрыл глаза.

Осень — ударило в сердце. Эта осень.

Осталось... Почти ничего не осталось.

Эта — последняя — осень.

Он открыл глаза и посмотрел, как впервые, на свою руку. Пальцы дрожали.

Значит, правда.

Осень.

Горький дым...

Не без труда он набил трубку, но раскурил — с первой попытки.

«Иногда я испытываю почти панический страх перед зеркалом. Интересно, кого именно я боюсь там увидеть? Наверное, так и не узнаю.

Найдя папку, вспомнил о Кипросе: ему это, может быть, показалось бы интересным. Вспомнил с ноткой раздражения: засранец, совсем забыл старика, — и вдруг испытал острое чувство неловкости, будто на улице повстречал знакомого и не узнал его, и лишь потом, отойдя, сообразил... Так что, может быть, ему я ее и показывал? Попробовал телефон: все по-прежнему. Попадаю куда угодно, кроме того места, которое мне требуется. Точно так же и мне звонит кто угодно, кроме тех, кому я нужен. И это, похоже, в порядке вещей.

Потерял Вильденбратена. Не пойму, куда мог деться огромный, ин квадро, томина девятьсот второго года издания: кожаный переплет, цветные, переложенные калькой иллюстрации, бархатная ленточка, золотой обрез... Печать: „Библиотека коммерции советника Иоганна Милле“. Библиотека бабушки была знаменита, попала даже в энциклопедию. Ничего не осталось. Но, собственно, чему удивляться?

По каким-то ассоциациям вспомнились „Солдаты Вавилона“: «Но стража Нимрода в проклятую ночь не сдвинулась с мест. Лишь юный один безбородый...» — и так далее. Солдаты Вавилона окаменели на своих постах, поскольку их не могли сменить — они не понимали офицеров. У классика — все. А я докопался — молодой был и упрямый — до той легенды, на которую он ссылается. Оказывается, после смешения языков ослабевший Вавилон осадили враги. И солдаты, переставшие понимать офицеров, понимать друг друга, — отбили их, потому что знали каждый свою задачу и свое место на стене...

И позволили разноязыким людям рассеяться по свету.

Вообще с Вавилонской башней масса неясностей. Почему Бог изобретает такой экзотический способ, чтобы сорвать строительство: ведь хватило бы, скажем, прямого обращения или небольшого землетрясения? Кроме того, уж Богу-то известно, что кирпичное строение можно довести метров до трехсот максимум. Что-то во всем этом есть весьма странное. Для того чтобы рассеяться по земле, людям понадобилось построить башню. То есть — собраться огромным числом на маленьком пятачке. Выбиваться там из сил, производя тяжелейшую работу. Монотонным, засасывающим, бесконечным трудом достигать высоких степеней отрешения. Конечно, строители не догадываются, что именно они делают. И вряд ли до конца понимает сам Нимрод. Но ведь название Вавилон происходит от Баб-илу, что значит: Врата Бога. А Чжуан-Цзы писал: „Врата Господни — это несуществование“.

Впрочем, сопоставление всяческих высказываний древних и великих может завести куда угодно.

Однако слишком уж много Вавилонских башен разбросано в нашей истории. Создается впечатление, что вся она — всего лишь история строительства одной огромной башни. Причем сама башня — лишь способ достичь несуществования.

Правда, иногда мне кажется, что все окружающее меня сейчас и окружавшее в прошлом, происходившее и происходящее — это просто очень громкий шум, непонятно от чего исходящий. Даже не так: я знаю, что знаю, от чего он исходит, но знание это заперто во мне, и ключ в скважине не поворачивается до конца.

Может быть, с этим и связана боязнь зеркал?»

22. НИКА, ИЛИ СТЕЛЛА

Они давно так не работали — по четыре представления в день. Но зрители шли, и грех было упускать их. Адам пришел в себя, но был еще очень слаб, горяч и временами заговаривался. Стелла кормила

его с ложечки и придерживала, когда он сидел на горшке. Иппотроп ворчал, что это она во всем виновата: нужна она, такая, солдатам, когда у них по лагерям молодых блядешек — как блох; а если бы и сунули раз-другой — не рассыпалась бы, что, девочка, что ли, в первый, что ли, раз — тогда вон, с серыми монахами, могла, не орала, а тут — как резать будто ее собрались... Она и сама знала, что виновата.

Городок по имени Куртц был переполнен людьми. Слились два потока: селян, приехавших на ярмарку, и беженцев из Кикоя. Лишь на второй день им удалось найти крышу над головой: хозяин гостиницы «Красный лев» пустил их в просторную, но абсолютно пустую угловую комнату с двумя узкими бойницеподобными окнами. За это сверх программы Стелла и Пальмер каждый вечер бесплатно показывали небольшой номер в гостиничном трактире.

От усталости она стала вглядываться в лица — чего никогда не делала раньше. Цирковых детей учили презирать публику, и эту науку она освоила не менее успешно, чем акробатические трюки. Никто из сидевших вокруг не мог того, что могла она... А теперь — зачем-то смотрела исподтишка и не могла понять... У публики были лица детей. Счастливых или обиженных, сытых или полуголодных — но детей. И в трактире сидели бородатые пьяные дети. Они легко смеялись и ссорились по пустякам. Они были очень слабы и болезненно доверчивы, хотя казались себе могучими и хитрыми. Она поняла это, тревожащее ее подспудно уже давно, когда на одно из представлений заглянули два гернота. Кажется, это были юноша и девушка, хотя судить, естественно, было трудно. Узор на лбу показывал, что живут они в истинном облиции первый год. Тем не менее они выглядели мудрыми добрыми королями в толпе восторженных мальшей. Стелла сама испытала умиление и радость, вдохнув исходящий от них тончайший аромат, — и тут на мгновение вспомнила, кто она в действительности и зачем находится здесь. Но даже это не заставило ее отвести жадный взгляд от прекрасных одухотворенных лиц с глазами, похожими на глаза святых угодников... Потом это прошло, и она с брезгли-

вым удивлением спрашивала себя, что такого прекрасного можно рассмотреть в малоподвижных голубоватых масках?..

После этого посещения Иппотроп впал в мрачность, разговаривать не хотел и работал лишь один номер: борьбу с удавом. Похоже, ему самому доставляло какое-то извращенное удовольствие выскальзывать из могучих колец, доводя змея до бешенства. Борьба у них шла всерьез.

Так прошла неделя.

Чужое нервное присутствие внутри не доставляло беспокойства: Стелла будто бы несла в кулаке неразумную птичку, которую следовало защитить от котов. Иногда она задерживалась у клетки с горными львами. Наверное, их следует продать: дрессировщик Бигл пропал где-то в круговерти Кикоя.. Но что-то удерживало ее от быстрых решений.

На восьмой день Адам вышел во двор гостиницы.

Стелла поддерживала его под руку, и он не отстранялся — но просто потому, что ее прикосновение было ему приятно. Шел пятый час дня, кончилось второе дневное представление, и впереди ждало вечернее, самое долгое и тяжелое. По двору сновали какие-то люди, из конюшни слышалось возбужденное ржание. Пахло горячей кухней и лошадьми. Мальчишки лет шести-семи деятельно тузили друг дружку у забора. Собаки в разнообразнейших позах валялись в пыли и чахлой серой траве.

— Мух нет, — сказал вдруг Адам.

— Что? — не поняла Стелла.

— Куда делись мухи? Их же было..

— Не знаю.. — удивленно pokrутила головой Стелла. Мух действительно не было.

Неприятное — смывком по ногтю — ощущение возникло и тут же растаяло в груди. С мухами действительно было что-то связано, из той, бывшей, ненастоящей жизни. Какое-то предупреждение.. или сигнал?

— Надо уезжать, — сказал Адам. — Ехать дальше. Засиделись.

— Да, — сказала Стелла. — Раз ты здоров, то можно ехать. Завтра чтобы..

— Я не помню — про мух, — в голосе Адама прозвучало отчаяние. — У меня будто дырка в мозгах и ветер в дырке... — Он посмотрел на Стеллу, наклонился и заглянул ей в глаза. — Скажи — ты помнишь?

— Что-то помню, — пробормотала Стелла. — Неопасное что-то...

— Повелители мух, — вдруг прошептал страшным шепотом Адам; глаза у него расширились и стали как у гернота: огромные и блестящие. — Приближаются Повелители мух...

Странный вибрирующий гул произвели эти слова. Земля слегка качнулась под ногами и повернулась немного — со всем, что на ней было. И по всему, что было на земле, прошла мгновенная рябь, и на миг все покрылось трещинами, и в этих трещинах проступило что-то другое, чего не успел увидеть глаз и охватить разум, — а потом трещины затянулись и все стало как было: чересчур яркой, четкой, подробной и законченной картинкой, раскрашенным картоном, еще пахнущим сырой гуашью...

Если уходить, то немедленно — бросая все, верхами... и тем самым выдав себя. Или положиться на маскировку — и тогда держаться до конца. Равновесное положение... Нет — Адам не доскачет. Решено.

— Утром, — повторила она. Адам с тоской смотрел на нее.

23. ТОУН АЛЕКСАНДР ДЖАЛЛАВ

— Расслабься, Бо, — сказал Джаллав. — Ты не в строю. Ну-ка, расстегни мундир...

Зоунн сморщился, потом улыбнулся.

— Так уже лучше, — похвалил Джаллав. — Напомню, господа: в этом кабинете и в этом кругу — на «ты» и без званий.

— Как-то это против того, что... — Зоунн запнулся, — ты говорил на Круге.

— Круг Кругу рознь, — сказал Джаллав. — Ладно, ближе к делу. Бо, что это за херня произошла с Ксименом?

— Спонтанное возвращение, — пожал плечами Зоунн. — Теоретически возможно. Правда, раньше не наблюдалось.

— Вот именно. Притом — через слой.

— Нет, Алек, не через Вав — ближайший...

— Я оговорился. Через воплощение.

— Ну, мы мало что знаем о природе спонтанных перебросов.

— Ты не находишь, что с Ксименом вообще происходит что-то странное?

— Нахожу. Но пока не могу сказать, что именно.

— Он сейчас в статусе наблюдателя? Кто с ним на связи?

— Топ-Ворош. Ну, ты помнишь — который работал по Препарии.

— Этот седой? Помню. Но, кажется, Тим собирался его вычистить?

— Я передумал, — сказал Ауэбб.

— Ну и?..

— Он в прежнем облике, — сказал Ауэбб. — Вито Ивонни, эрмер. Весьма пассивен. Они все пока ведут сбор информации и первичный ее анализ. Боюсь, что дальше они так и не продвинутся.

— А больше нам там опереться не на кого... — не то спросил, не то подвел итог Джаллав. — Нужно послать подкрепление Ксимену — и попробовать реверсировать его самого. Хотя бы частично — чтобы он мог принимать информацию.

— Это мы уже делаем, — сказал Ауэбб.

— На то, чтобы подготовить группу, уйдет еще часов сто, — сказал Зоунн.

— А с другими нашими потерявшими контакт не установлен? — спросил Джаллав.

— Нет, — сказал Зоунн. Ауэбб молча покачал головой.

— Понятно, — сказал Джаллав.

— В сущности, Ксимен косвенным путем ведет розыск остальных исчезнувших, — сказал Зоунн. — Мы считаем, что выброс пси-лавверов за пределы уровня Вав происходит путем усвоения ими особого артефакального кодона. Ивонни как раз и занят поиском источ-

ника этих кодонов. Когда мы найдем источник, нам будет легче искать наших людей.

— Так давайте ему поможем. Проведем симулирующую операцию...

— Я уже думал об этом. Но, Алек, — Зоунн поднял руку в знак «возражения не принимаются», — операция состоится при одном условии: пойду я.

Повисло молчание.

— Хорошо, — сказал наконец Джаллав. — Назначь своего преемника. Сколько нужно на подготовку?

— Ничего, — сказал Зоунн. — Все уже готово. На Йод меня встретят. Оттуда пойду на авторежиме.

— Значит, ты уже все подготовил? — покачал головой Джаллав.

— Как вариант. Тим обеспечивает слежение и передачу данных Ксимиену. Если потребуется, за мной отправится Марон.

— Который выгнали Ксимиена?

— Да.

— Ну что же, господа сайры... — Джаллав встал. — Успеха вам.

Зоунн не ответил, просто поднялся и вышел из кабинета. Дверь он открыл левой рукой, а через порог переступил правой ногой. Дверь так и осталась открытой.

— Тим, — сказал Джаллав. — Ты постарайся, Тим. Ауэбб кивнул.

Джаллав закрыл за ними дверь, вернулся на свое место и с минуту сидел, стараясь не думать ни о чем. Потом нажал клавишу интеркома.

— Это тоун. Малигнана ко мне.

Малигнан вошел почти сразу — будто стоял под дверью и ждал. Он был тонкий и угловатый, будто произошел не от обезьяны, а от кузнечика или богомола. И голос имел под стать: высокий и скрипучий.

— Вы призывали меня, владетельный тоун?

— Садитесь, Малигнан, — улыбнулся Джаллав.

— Не смею.

— Садитесь.

— Помилуйте, не смею!

— Повелеваю: садитесь.

Малигнан сел. Он был, пожалуй, единственный, кто относился с пиететом к старинному ритуалу. Все сменилось в Ордене, лишь чины и звания задержались — да громоздкий протокол официальных приветствий.

— Я прочел ваш обзор, Малигнан, — сказал Джаллав, — и хочу задать несколько вопросов. Я знаю, что вы осознанно отказались от роли аналитика, но лучшего, чем вы, специалиста по уровню Хет в Ордене, к сожалению... извините, я сказал бестактность. Малигнан, я прошу вас ответить на те вопросы, которые задал бы аналитику.

— Владетельный тоун, если это приказ...

— Нет, Малигнан, это не приказ. Вы имеете право отказаться. Я знаю, какими мотивами вы руководствуетесь, и уважаю их. Поэтому, если вы откажетесь, я начну сам ломать голову над этими вопросами, но это займет гораздо больше времени, а у нас его нет.

Малигнан молчал. На его лице ничего не отражалось. Потом он сказал:

— Хорошо. Я принимаю на себя ответственность за все, что я скажу, и я надеюсь, что владетельный тоун простит мне мое уклонение от обета.

— Спасибо, Малигнан. По-вашему, откуда взялись герноты?

— У меня два предположения, — сразу сказал Малигнан. — Возможно, это аналог тому феномену, который произошел в уровне Вав: занос из Алефа генного материала. А возможно, они пришли из другого уровня. Насколько я помню, в Шин описывались похожие существа.

— Похожие — и только, — возразил Джаллав.

— Кто гарантирует, что нам известны все уровни? — пожал узкими, почти несуществующими плечами Малигнан. — Я подозреваю, что уровни, где Преображение произошло давно, становятся закрытыми и неосязаемыми для нас.

— И тогда герноты...

— Люди, прошедшие через Преображение.

— Другими словами — вочеловеченный Противник?

— Можно сказать и так. Но это лишь одно из проявлений вочеловечивания, и в этом же Хет мы найдем и другие формы...

- Котлованы?
- Да.
- Опять же, ваше мнение: котлованы служат подготовке к Преображению или чему-то еще?
- Чему-то еще. Другому.
- Вторжению в Алеф?
- Может быть... Не уверен. Нет, думаю, что нет.
- Ну а чему?
- Мне кажется, что это оружие не нападения, а защиты.
- Но — оружие?
- Оружие, инструмент, сооружение... В наших терминах это не обозначишь. Нечто служащее определенной цели. Донг.
- Что?
- Этим словом герноты обозначают предметы, назначение которых может быть лишь затуманено объяснениями. Предметы, отталкивающие слова.
- Хорошо, а почему вы уверены, что эти... донги... предназначены именно для защиты?
- Не могу сказать, что я абсолютно в этом уверен... но я действительно склоняюсь к такой мысли. У гернотов существует своеобразная эстетика вражды. Согласно ей, оружие нападения должно быть как можно меньше, незаметнее. Отравленная игла, а не дубина. В обороне же хороши все средства...
- И против кого они так могут обороняться? У них есть враги в уровне?
- Есть, и немало. Против них выступил очень сильный маг Яппо. Герноты встревожены этим вмешательством. Но, похоже, встревожены именно тем, что Яппо может расстроить их систему обороны против кого-то третьего. Самого Яппо они всерьез не опасаются.
- И кто же этот третий?
- Не знаю.
- Сколько у нас наблюдателей в Хет?
- Семеро. Готовим подкрепление, но... вы знаете, как все это непросто.
- Знаю. Скажите, Малигнан... нет ли возможности реверсировать кого-либо из наших наблюдателей — и вступить в переговоры с гернотами?

— Заставить наблюдателя раскрыть себя?

— Лучше — выступить медиумом.

— Надо подумать. Я не готов к ответу. Кроме того, я очень сомневаюсь, что с гернотами возможны переговоры.

— Я тоже сомневаюсь. Но попытаться необходимо — даже рискуя нашим агентом. В конце концов, нам еще не представлялось шанса побеседовать напрямую с противником.

— Я не думаю, что беседа будет с противником. Беседа будет с гернотами. Хотя... — Малигнан задумался. — Может быть, вы правы, владетельный тоун...

24. ВИТО

Грязь местами доходила до колен, жидкая, вонючая, ноги скользили, Микк, шедший вторым, провалился вдруг в какую-то невидимую под грязью дыру и застрял, стопа хитро подвернулась и не шла обратно, ему было адски больно, и лишь минут через двадцать удалось освободить его от этого капкана. Остаток пути он хромал, опираясь Вито на плечо. Лампочки горели тускло, красновато, на отдельных участках тоннеля их вообще не было. Ноэль вел уверенно, как крыса, давно изучившая этот старый лабиринт. Кабели всяческих видов увешивали стены, и не всегда можно было увидеть даже, бетонные эти стены или кирпичные.

Наконец Ноэль остановился и стал сверяться со схемой.

— Где-то здесь, — сказал он. — Где-то очень близко.

Через несколько шагов обнаружилась темная ниша. В глубине ее луч фонаря осветил квадратную дверь из рифленого железа с приваренной скобой. Замок оказался кнопочно-цифровой, простенький, девяносто секунд работы. Труднее было пролезть в открывшееся отверстие. Сразу за дверцей начиналась крутая лестница вниз. Оттуда, снизу, шло низкое гудение и поднимались непонятные запахи.

Ноэль спустился первым. Вито смотрел, как пятно света пляшет по стенам, ложится на решетчатый пол — глубина метров пять, отметились в сознании, — потом скрывается за каким-то препятствием. Шаги Ноэля были по-кошачьи беззвучны. Секунд через сорок внизу загорелся свет, и голос Ноэля позвал:

— Спускайтесь!

Спустились. Микк постанывал. Ему, наверное, казалось, что он просто дышит. Устал парень, подумал Вито. Держится, но устал. Зачем мы вообще его с собой потащили? Остался бы со Стасом. Здесь от него мало толку... Решетчатый пол — вибрирует — а что под ним? Вито пошарил по карманам, нашел монетку, уронил между прутьями — ничего. Тишина. Ладонь ощущает слабый ток теплого воздуха. Что там может быть? Непонятно...

Хорошо, если просто вентиляция.

Вдруг стало жутко. Необъяснимо, беспричинно. И даже не жутко, не страшно — накатило отчаяние от полного, предельного, неодолимого одиночества. Как на плоту в океане... как один в Антарктиде...

Что?

Нет, со мной полный порядок...

Помещение коммутаторного узла имело форму правильного куба. Все стены были скрыты под панелями разъемов. Ноэль сорвал уже две из них и изучал маркировку. С потолка свисала голая лампочка накаливания. Свет от нее шел желтоватый, пригорелый. Пахло электричеством. Воздух был переполнен электричеством, и от этого сжало, как тисками, виски.

Или от боли, или от тускло-желтого света — но Вито показалось, что перед ним мертвецы: скорчившийся на полу неподвижный мертвец и деловитый мертвец у стены. И сам он — шагающий мертвец, шкурка человека, набитая чем-то движущимся. От нас ничего не осталось, кроме способности двигаться...

Когда же мы успели умереть?

Незаметно, во сне...

Звуки Иерихонских труб не были слышны, и никто не знает, какую мелодию они выводили, — просто стены города вдруг превратились в песок. И люди — к ним

подползали невидимые нежные твари, вонзали без боли тонкие хоботки и выпивали, высасывали кровь, и мысли, и способность чувствовать, и что-то еще, свойственное людям...

— Ноэль, — позвал он и, хотя своего голоса не услышал, был уверен почему-то, что Ноэль обернется. Прошло несколько минут. Ноэль обернулся.

Это был не Ноэль. Кто-то другой, неуловимо его напоминавший, но — другой. У человека было иссиня-бледное лицо и огромные черные глаза, полускрытые коричневыми морщинистыми черепашными веками. Рот был тонкий, губы нервно кривились.

— Чтooo слууууooooaaa... — звуки исходили не в такт движению губ, а потом и вовсе пропали.

Проверь меня, хотел сказать Вито, но не смог, губы освинцовели, язык не ворочался, в груди не было воздуха. Человек шагнул ему навстречу, вынимая что-то из кармана, — и это была смерть. Умирать еще раз было страшно. А потом вдруг все отодвинулось куда-то, сжалось и сморщилось — Гэбрилу показалось, что он вынырнул наконец из глубины и теперь может перевести дыхание. Он не дышал целую вечность.

— Порядок, — сказал он. — Показалось.

Ноэль недоверчиво смотрел на него. В руках у него был гипноген. Гэбрил знал практически все об этом варварском инструменте — гораздо больше, чем знал сам Ноэль. Уже несколько часов База гнала и гнала Гэбрилу всю имеющуюся информацию о Вав вообще и об эрмерах в частности. Не стоило подставлять себя под удар багрового луча...

— Давай все-таки проверимся, — сказал Ноэль. — Хочешь — сначала меня. Как-то все по-дурному я вижу...

— Подставляйся, — сказал Гэбрил. — Во избежание.

Он проверил настройку своего гипногена, поменял код и поднес излучатель к глазам Ноэля. В красном рефлексе лицо на миг стало кровавым. Ноэль вытянулся — и упал, будто внезапно перерезали все нити, удерживавшие его тело. Гэбрил сел рядом, еще раз поменял код и вновь включил излучатель. На этот раз излучатель работал долго.

— Кто вы? — спросил Гэбрил, когда лицо Нозля приобрело обычный в этом освещении пергаментный цвет.

— Нозль Куперман, — сказал Нозль. Но голос был не его, и это не вызывало сомнений.

— Нозль отключен, — сказал Гэбрил. — Пожалуйста, скажите, кто вы. Если хотите, я могу назваться первым. Сайр Гэбрил Ксимен, квинтал пси-лавверов.

— Мне это не говорит ни о чем, — сказал Нозль. Вернее, тот, кто сидел в Нозле.

— Вы не хотите называть себя?

— Допустим.

— Видите ли, мое руководство ищет контакт со всеми разумными существами мира, и вы, как я понимаю, относитесь к тем, с кем оно хотело бы встретиться в первую очередь.

— Зачем?

— Чтобы не допустить столкновения между нами.

— От столкновений мы защищены.

— То есть вы решительно не желаете контакта?

Пауза.

— Хорошо. Вреда это не принесет. Пользы, я думаю, тоже. Вы уполномочены вести такие переговоры?

— Нет.

— И я нет. Что будем делать?

— Назначим место и время встречи и передадим это своему руководству.

— Это разумно. Я предлагаю: в этом мире, в этом городе, в парке «Элизиум», в шахматном павильоне, через три часа.

— Хорошо.

— Меня зовут Тамегг, — сказал тот, кто сидел в Нозле. — Я — Наблюдатель. — Слово «Наблюдатель» он так и произнес — с большой буквы.

— Очень приятно, Тамегг, — сказал Гэбрил.

— Мы расстаемся, — сказал Тамегг.

— Вам не повредит это устройство? — Гэбрил шевельнул гипногеном.

— Я умею закрываться от него.

— А я вот, к сожалению, не умею... Ничего, это не больно и быстро проходит.

Волнообразно затухающая багровая вспышка вернула лицу Ноэля прежнее выражение. Он поднял голову, потом сел. Гэбрил протянул ему гипноген.

— Теперь меня.

— Что было?

— Красный, за тысячу.

— Ух ты... Ладно, смотри сюда.

Глазок гипногена вспыхнул, растекся в круг; в кругу обозначились концентрические кольца, стали расширяться, потекли из центра к периферии, быстрее, быстрее — Гэбрил подался вперед, задержал дыхание и нырнул в это красное — и вынырнул с той стороны, внезапно обессилевший и неподвижный. Запах цветущей травы наполнял воздух — цветущей травы и дождя. Красный камень, на котором он лежал, местами был еще мокрый. Туча уходила, солнце светило ей вслед. На фоне синего занавеса, висящего уже над противоположным краем долины, горел непривычным многоцветьем радужный столб, изгибающийся вправо и бледнеющий с высотой. Там, откуда он поднимался, уже никого не было. Потоки небесной воды залили жертвенный огонь. Лесные ушли. Всё, лесные ушли. Ушли. Дан повторил это несколько раз. Тело не желало отрываться от камня. Тело знало, что бывает с теми, кто входит в траву. Но из-под камня, на котором он лежал, вытекал ничтожный ручеек и струился вниз, и за те многие годы, пока он струился, тонкий слой почвы стерся до скалы, и сама скала выщербилась и побелела, как отмытая водой и выгоревшая на солнце кость, кость земли, и можно, можно, можно было спуститься по руслу вниз, не касаясь травы, и Дан встал, не чувствуя ничего, кроме слабости, и прыгнул в ручей, в его холодную легкую воду, и, оскальзываясь, пошел, побежал вниз, вниз, петляя, и со стороны могло, наверное, показаться, что он специально бежит зигзагами — то ли спасаясь от выстрелов, то ли стараясь обмануть судьбу, — а на самом деле он следовал изгибам текущей воды и шептал, шептал, не в силах кричать, самые страшные проклятия Вирте, он ненавидел ее так, как может ненавидеть умирающий виновника своей смерти, почему, почему она не послушалась его, почему ушла так далеко, почему... Найдю и убью, шептал

он, найду и убью, найду и убью. Под горой ручей прорыл себе глубокое и широкое ложе, дно стало мягким, ноги проваливались и тонули. С берегов, скрывающих идущего человека с головой, наклонялись, жадно извиваясь, руки травы, но достать не могли и разочарованно свистели вслед. Потом их стало меньше, а потом ручей вынырнул на луг, и здесь травы уже не было, то есть была совсем другая трава, бесконечно перепутанная, прочная, как брошенная на землю сеть, в ней водились огневки, а убегать от них по такой траве было бесполезно. Но Дан знал лисий бег, а огневки после дождя были ленивы и тяжелы, и поэтому следовало торопиться, и Дан побежал, высоко поднимая колени. Дважды огневки, похожие в траве на жирных слизняков размером с кошку, уползали с его пути, не пытаясь преследовать. А потом кончился луг и начались серые кусты, а потом лиловые кусты, а потом дорогу преградила вдруг вырытая неизвестно кем канава, по обе стороны от нее виднелись беспалые вдавления, будто огромного роста великан полз на коленях, волоча за собой канавный плут. На дне канавы скопилась синеватая жижа, и почему-то казалось, что под пленкой поверхности происходит какое-то опасное движение. Надо было скорее что-то делать, и Дан дорубил поваленное деревце, сбил с него ветки, осторожно потрогал этим шестом дно канавы — твердое — и, сильно оттолкнувшись, перевалил через канаву. Еще на середине полупрыжка он почувствовал удар по шесту, а потом, когда уже коснулся ногами земли, — рывок. Следующий рывок вырвал шест из рук. На поверхности жижи вздулся тугой бугор — как бицепс. Шест тонул, погружаясь рывками. Это было то, о чем говорил Маленький Лев. Только он видел озеро. А здесь — канава. А впереди — деревья, и где-то там должно быть капище лесных. Дан, понимая всю бессмысленность того, что делает, снял с плеча ружье, разломил его и вложил патрон в ствол. Другой патрон он засунул под резиновое колечко, охватывающее ложе. Смешно. В кого стрелять? Во что? Но почему-то с ружьем он мог войти в лес, а без ружья — нет.

Случай или чутье — он вышел на тропу лесных. Ее нельзя было увидеть во мхах, но, пройдя между дере-

вями, к которым тянулись паутинные нити, и увидев другой такой же проход впереди — капли дождя еще не испарились с паутины, делая видимыми даже невидимые сигнальные, — Дан понял, что идет по тропе лесных, а значит, идет правильно. Спящие пауки висели на ветвях, неожиданно похожие на спящих летучих мышей — только больше. Мимо одного он прошел в пяти шагах, и паук заворочался, почуяв, наверное, запах, но поленился проверить свое не самое острое чувство. Ключья грязного кокона валялись под ним и чьи-то мелкие кости. Кошка или кролик — понять было трудно.

Капище можно было увидеть только в упор — плоский камень заподлицо с землей и черный на нем треножник. Деревья обступали камень близко-близко, образуя подобие частокола, и сплетались кронами. И черные бугристые дубы в отдалении тоже, казалось, имели к этому всему отношение. Только неясно какое. Было потрясающе тихо.

— Вирта, — позвал он, удивляясь неуместности голоса.

— Вирта! — крикнул он, заглушая страх.

— Вирта!!! — заорал он на самом деле от ужаса, обрушившегося на него подобно эху, могучему эху соляных пещер; ужас, как и эхо, нарастал, будто каждая лишняя секунда прожитой жизни, каждая секунда задержки кары эту кару усугубляла, превращая смерть в бесконечную мистерию. Но уже нечего было терять. — Вирта-а-а!!!

Он не мог сквозь собственный крик услышать ответ, но он его услышал. Тихий стон. Сзади и слева. Он обернулся.

Непонятно, как он не увидел это сразу.

Старый широкий дуб держал Вирту в своих буграх. Она наполовину утонула в нем. Ног до колен уже не было видно за складками коры, голова была запрокинута так, что лицо смотрело совсем вверх, и лишь рука билась, как пустой рукав рубашки на ветру. Медленно, глядя больше под ноги, чем вперед, Дан подошел к дубу. Сучья дуба скрипели, клонясь, но Дан знал, что у *таких* дубов они не достают до стоящего на земле человека.

Может быть, потому что отпадает необходимость добывать пищу самим.

Вирте было уже не помочь. Голову ее втянуло в дерево, и там, где кора соприкасалась с кожей, тянулось множество тонких белесых волосков: то ли дерево корешками проросло в человека, то ли человек в дерево. Дан никогда не видел этого сам, но знал по рассказам — если сейчас попытаться оторвать, или вырубить, или еще как-то спасти поглощаемого — он немедленно умрет. Если не трогать — проживет еще несколько месяцев, погружаясь все больше и больше в дерево, все больше и больше становясь им. Через неделю Вирта перестанет испытывать боль. Лесные будут приходить к ней и разговаривать с нею, и она будет понимать то, что они ей говорят, и отвечать им, если сочтет нужным. Она станет устами их Бога. Всесильного Бога, избравшего себе лесных — и загнавшего остальных людей в горы, к ледникам...

— Вирта, — сказал Дан и понял, что уже давно плачет.

Рука ее вдруг замерла и робко, вопросительно потянулась к нему, и он позволил ей коснуться себя. Рука была нечеловечески холодна, но это была рука Вирты, тонкие пальцы Вирты, гладкая и мягкая ее, привыкшая к глине, ладонь, продолговатая родинка у ногтя безымянного пальца, узкое золотое детское неснимаемое колечко... Дрожащие пальцы то гладили его плечо, то судорожно вцеплялись, разрывая кожу, а потом Дан взял эту руку в свои и склонился, коснувшись губами запястья. Тонкий тоскливый вой пронзил его насквозь. Человек не мог кричать так, так не могла кричать его Вирта — но она кричала. Рот ее скривился, за закрытыми, слипшимися, сросшимися веками панически метались глаза. И тогда Дан, не убирая левой руки, не отпуская руку Вирты, поднял ружье, подвел ствол к ее подбородку и быстро, боясь передумать, нажал спуск. За миг до выстрела Вирта, почувствовав и поняв все, то ли с благодарностью, то ли в страхе — сжала его руку в своей...

Густой белый дым самодельного пороха рассеивался, Дан пятился назад, утратив на миг контроль над собой,

и судорожно дергающийся сук скользким ударом сбил его с ног. Сознания он не потерял, но что-то сдвинулось в восприятии: как будто в мире появился еще один цвет, или звук, или какая-то деталь, и сознание, обманутое обманутой памятью, пытается обнаружить это новое — и не может. Горячая струйка потекла по виску. Пригнувшись, Дан вернулся к стволу дуба. На то, во что превращалась Вирта, он не смотрел. В заплочном мешке его было два бурдюка с керосином. Он так и не снял мешок, придя домой. Теперь керосин был нужен здесь. Держа бурдюк на поднятых руках, он стал поливать кору, стараясь, чтобы драгоценная жидкость не стекала на землю, а задерживалась в трещинах. Двух бурдюков как раз хватило для того, чтобы обойти дуб кругом. Там, где кора была покрыта печеночно-черными сгустками, он остановился и достал огниво...

Грохот и треск остались позади, и желтизна дымного пламени, и почти человечески вопли занявшейся кроны. Шестым чувством Дан знал тропу и шел по ней, имея последний патрон в стволе и тесак под рукой. Пройдет не больше часа — и весь лес, пока мирный, ополчится на него, и тогда не будет спасения — но не о спасении он молил, а о мести. Увидеть, успеть найти эти проклятые домики лесных, похожие когда на густые фигурно подстриженные кусты, когда на уродливые тыквы с пучком ветвей на макушке, когда просто на пни исполинских деревьев — полые, но живые. И тогда — у него есть еще один патрон и старый тесак, одним ударом срубающий дерево толщиной в руку.

Он не нашел поселка, но на исходе часа наткнулся на стадо линяющих коз, медлительных, как откормленные утки. Многие козы уже сбросили шкуры и, голые, розовые, жались к тем, которые все еще носили свой густой белый мех. Значит, где-то здесь должны быть лесные, собирающие опавшие шкуры, подумал Дан, ладно, пусть так... Ему было все равно, кого убить.

Сзади кто-то сдавленно охнул, Дан обернулся: толстая старуха волокла в заросли, обхватив поперек туловища, маленького мальчика. Глаза у обоих были круглые. Налетев на взгляд Дана, она остановилась, одной рукой зажала рот себе, другой — завела мальчика за

спину, спрятала. Дан поднял ружье. Надо было что-то сказать. Вдруг снова потекла унявшаяся было кровь. Старуха медленно перекрестилась. Она все знает, вдруг понял Дан, она знает, кто я, почему я... Тем лучше, не надо ничего говорить. Он нажал на спусковой крючок. Проклятие, пальцы не гнулись. Он с испугом посмотрел на руку. Указательный и средний пальцы торчали мертво, как деревянные. Потом вдруг разжались остальные, охватывавшие цевье. Кисть побелела. Он уже не чувствовал ее. Анестезия взлетела до локтя. Рука стала похожа на руку мраморной статуи. Это было нестерпимо жутко. Отшвырнув ружье, Дан повалился лицом в мох, скорчился. Как со стороны, он слышал звериный рев и хохот, исторгавшиеся из его рта. А потом будто лопнуло что-то, стягивающее его, как обруч стягивает клепки бочки. Он развалился на куски и впустил в себя глухую темноту.

Он долго куда-то падал, кружась.

На самом дне его окружили темные и светлые коричневатые полуцветные пятна. Постепенно они собрались в рисунок. Еще позже Дан понял, что именно этот рисунок означает.

Он лежал на кровати и смотрел в потолок. В невысокий деревянный потолок. Отсветы огня бродили по нему. Он сел. Кровать была пружинистая, в меру мягкая. На низком столике горела странная лампа: поставленная на попа крупная, раз в десять больше обычной, сосновая шишка, по чешуйкам которой скользили живые язычки яркого зеленоватого пламени. По ту сторону столика было темное стекло, в нем слабо отражалась лампа, позади лампы туманным пятном проступало лицо, а позади лица и сквозь него двигались какие-то огоньки и бледные сполохи, и Дан не сразу догадался, что это не зеркало, а окно. Просто за окном была ночь.

Он помнил все, что произошло. И, вопреки естеству, ему хотелось только есть и пить.

Пустой для всего, он сидел неподвижно. Потом вздрогнул пол, зашелестела занавеска, и кто-то вошел. С трудом повернув голову, Дан увидел ту самую старуху. Вблизи она оказалась совсем не толстой, просто низенькой и кругленькой. На вид ей было лет шестьдесят.

— Вот и хорошо, — сказала она. — Сейчас будем кушать. Голодный, конечно?

Дан кивнул.

— Ну, пойдем. Я тебе все покажу. Тут уборная, тут умывальня. Весь можешь помыться, белье поменять. Помоешься?

Дан опять кивнул. Он чувствовал себя невыносимо грязным.

— Тогда вот мыло тебе, вот губка. Воду так пускают... — Старуха показала. — Понял?

— Понял, — сказал Дан. — Спасибо.

25. ТОУН АЛЕКСАНДР ДЖАЛЛАВ

— Пойду я, и пойдет Малигнан, — повторил Джаллав. — Без вариантов.

— Это неразумно, — сказал Ауэбб. — Ушел Борис, теперь уходишь ты. Что, Алексозо будет командовать?

— Да, — сказал Джаллав. — В случае чего — Алексозо.

— Подумай еще раз.

— Подумано. Хватит, Айз, ты меня не переубедишь.

— Боюсь, что так.

— А нечего бояться, Айз. Поражение мы уже потерпели. Давным-давно. Теперь бы узнать, от кого, — и все. Хотя и это, по большому счету, — праздное любопытство.

Ауэбб кашлянул в кулак.

— Извини, Алек, твои парадоксы я иногда... хм... не воспринимаю. Что ты имеешь в виду?

— Что мы воюем с миражами. Тебе не приходило в голову, что никаких уровней, никаких слоев просто не существует? И это все — лишь наше истолкование — примитивное — того, что происходит с нами здесь и сейчас? Как тот фокус с двумя зеркалами...

— Алек, ты не обидишься, если я тебе скажу?.. В общем, меня это не интересует. Абсолютно. Мое дело — связь с наблюдателями и зондаж. Пока хоть один наблюдатель будет вне Алефа — я буду занимать-

ся связью, а не космогонией. И я не вполне понимаю, как ты...

— Я не собираюсь бросать весла, — сказал Джаллав. — Если ты об этом подумал. Я вовсе не собираюсь бросать весла. А вдруг и наше ерзанье имеет какой-то второй смысл?

26. ТАТЬЯНА

Душу высасывал этот каменный рокот. И темнота. Далекие огоньки сигарет почему-то лишь добавляли одиночества. Воздух был теплый, даже порывами горячий, но от камня исходил странный холод. Ступни заledenели до бесчувствия. Если сесть — замерзнет жопа. Ватник не спасает. Радиоактивный холод. Холодовая радиация.

Только бы не замерзли руки.

Только бы дожидаться наконец восхода солнца этого подземного мира, только бы не окоченеть...

Леонида сказала, что свет его мертвенно-белый.

С восходом подземного солнца начнется бой.

Неизвестно, когда он закончится.

Неизвестно чем.

— Тань! — еле слышно; тусклое пятно по земле. — Тань, где ты?

Не Дима. Папка. Слабое звено.

— Здесь. Иди сюда.

Сыплется щебень.

— Эй, в глаза только не свети!

— Ой, извини, Тань.

— Извини... Чего на месте не сидится?

— Не знаю... Ждать уже сил нет. Стоило так бежать, чтобы здесь мерзнуть?

— Стоило.

— Ты знаешь, да? Объясни мне. Я все перезабыл.

— Тебе это надо? Главное, что мы здесь.

— Надо. И это тоже надо.

— В Москве был? Метро видел? По эскалатору, ведущему вниз, можно подняться — но надо бежать очень быстро. Так и переходы, которыми мы шли, —

сюда попасть можно, если очень быстро идти. Чуть медленнее — и уже никогда сюда не попадешь. А чуть быстрее — приходишь намного раньше намеченного. Понял?

— А почему?

— Свойство у них такое. Почему одноименные заряды отталкиваются?

— Ну, это совсем другое...

— В принципе — то же самое.

— Не знаю... Знак Зверя что означает?

— Зверя и означает. А в каком обрамлении?

— Стрела и венок.

— И все?

— Вроде все. А может, и еще что-то. Некогда было всматриваться.

— А, это ты в колодцы глядел? Тогда не бери в голову. Те звезды не для нас.

— Откуда ты знаешь?

— От верблюда.

— Я тебя как человека...

— Ладно тебе. Откуда мы вообще это знаем? От Леониды, ясно же. Чего спрашивать?

— А ты ей веришь?

— Верю. — Татьяна постаралась сказать это твердо.

— Трюхан, наверное, тоже верил...

— Трюхан — это другое дело. Он, наверное, и человеком-то уже не был.

— А может, и мы уже нелюди. Не знаем этого только.

— Хватит гундеть. И гундишь, и гундишь. Как пердун какой-нибудь старый. Трюхан, наверное, так же вот погундеть любил.

— А правда, что ты его... сама?..

— Нет, не я. Видела только.

— А кто?

— Пошел ты, Павлик, знаешь куда?

— Пойду я, пойду. Ты вот мне скажи: а ты уверена, что мы правильно все делаем? Что воюем за тех?

— А что нам — за оборотней надо воевать? Вместе с Трюханом, да?

— Слушай, не надо так, а? Ты же понимаешь, что я не об этом?

— А о чем?

— Ну, помнишь, Мишка твой все время цитировал: «Бог вряд ли интересуется религиозными спорами»? А почему тогда люди должны интересоваться разборками богов, да еще участвовать в них? Слушай, мы ведь даже не добровольцы.

— Мишку ты не трожь, — неожиданно для себя сказала Татьяна. — Не трожь, понял?

— Да я и не трогал, — растерялся Пашка. — Чего ты?
— Ничего.

Наступило молчание.

Я злюсь, потому что он прав, подумала Татьяна. Я не хочу злиться. Она попыталась вернуть себе — хоть на миг — то состояние полного понимания и приятия мира, которое охватило ее в прозрении. Ничего не получилось. Как щенка, ее выбросили в темноту на мороз и закрыли дверь.

В темноту.

На мороз...

Ниже колен ног уже будто не было.

Она стала переминаться с ноги на ногу, приподниматься на носках, и тут Пашка сказал:

— Тань, ты слышишь?

— Слышу, — сразу отозвалась она, потому что странный звук продолжался уже некоторое время, как бы отпочковываясь от рокота каменного потока в ущелье. Будто кто-то барабанил пальцами по расстроенной ненатянутой гитаре.

Не только они слышали этот звук. Хлопнула ракетница, и три зеленых звезды повисли в вышине. Мерцающий их свет обрисовал тот край ущелья, мост — и трех всадников, едущих шагом. Кони нервно вздернули головы, но всадники не шелохнулись. Слишком далеко было до них, слишком мало света — но Татьяне показалось, что один из них — женщина. Две ракеты погасли, а последняя все продолжала гореть и падать — прямо на всадников. Татьяна сглотнула. Нет — ракета упала позади них, довольно далеко. В последней зеленой вспышке конные силуэты вдруг выросли и приблизились. Теперь были слышны только звуки — негромкий конский топот легко перекрыл грохот и скрежет камен-

ной реки. Темноту испятнало лиловым. Вдруг — с запозданием — в глазах вновь возникли те же силуэты — теперь светлые. Да, женщина — справа. Почему-то это было важно. Что-то задержалось в памяти из постигнутого.

— Люди и люди, — упрямо сказал Пашка.

27. НОЭЛЬ

Язык не ворочался. Рот нельзя было ни закрыть, ни открыть по-настоящему. Где-то между переносицей и затылком застряло чугунное ядро, не дающее ни дышать, ни думать. И ко всему этому — завязаны глаза и руки пристегнуты к подлокотникам какого-то не очень приятного кресла. Кто-то ходил рядом. Слышался невнятный разговор — как за дверью.

— Дайте воды, — имел в виду Ноэль, выдавливая из себя звуковое месиво. — Воды. Пить.

Его поняли. Шаги торопливо приблизились, чья-то рука легла ему на затылок и наклонила голову вперед — губы коснулись края чашки. Первые глотки дались с болью — казалось, вода раздражает сколотый булавками пищевод. Потом стало легче.

От второй чашки он слегка опьянел.

— Где я? — спросил он, поворачивая голову. — Что со мной?

— Подождите немного, — сказал усталый мужской голос. — Сейчас придет наш главный, он вам все объяснит.

— Зачем мне завязали глаза?

— Вам вреден свет.

— Я в больнице?

— Почти.

— А руки можно освободить?

— Пока нет. Вы еще не вполне здоровы.

— Но что со мной произошло? Черт, я ничего не помню! Скажите же мне!

— Успокойтесь, пожалуйста. Я не могу вам ничего говорить, потому что это повлияет на вашу память. Постарайтесь — молча — сосредоточиться и вспомнить

сегодняшний день, начиная с самого утра. Я включу метроном, он не позволит вам отвлекаться.

Раздались легкие сухие щелчки, разделенные затухающим эхом пауз. Нозль откинулся в кресле. Последующему совету. Он подробно, стараясь не перескакивать, начал рассказывать сам себе, как еще раз попытались проникнуть в «хитрый домик» по проводам и, когда это опять не получилось, стали готовить операцию. Как в рамках этой операции он сам, Вито и Микк добрались до коммутаторного узла, чтобы напрямую подключиться к кабелю «хитрого домика», минуя фильтры и АТС. И там... да, там что-то случилось. Он стал вспоминать последовательно, сбился, постарался найти какие-то опорные эпизоды — и тоже не нашел. Все расплзлось в момент прикосновения.

Поймал кодон, это ясно... но где, черт возьми?! Ни одного открытого канала! Разве что телепатически...

А все-таки хорошо, что телепатии не существует. Что бы мы тогда делали?..

Впрочем, мы и без телепатии ни черта не можем сделать.

— Скажите, — позвал он, — со мной были еще двое. Что с ними?

— Нет, — сказал голос чуть встревоженно. — Никого с вами не было.

— Нас было трое.

— М-м... повремените еще немного. Сейчас придет главный и все скажет.

— А вы не можете?

— Не могу. Не имею права.

Как мне это все не нравится, подумал Нозль. Это не медики, не полиция, не безопасность. Военные? Какого дьявола тут делать военным? Тут же вспомнился рассказ Микка, и следом — спекуляции Кипроса. Абсолютное оружие... военные разработки по генному инжинирингу... контроль сознания... И если все это действительно вылетело из бутылки и гуляет на воле — Боже милосердный! Значит, имеется не то что открытый — зияющий канал ввода кодонов! От человека к человеку, помимо воли и сознания... и что-то еще, не только это, что-то еще...

Запах.

Так. Спокойно. Теоретически — возможно?

Да. Летучие молекулы могут быть огромны.

Господи, даже не обязательно летучие. Взвесь. Пыль. Аэрозоль. Значит — вплоть до фрагментов ДНК. Миллиарды бит информации.

Кодоны тысячных разрядов — биогенного происхождения — по открытому неконтролируемому каналу...

Это конец.

Без паники... только без паники.

Еще не проверено. Не доказано.

Он знал, что это лишь утешение. Проверено и доказано. Лишь надетые кем-то (обязательно кем-то?) шоры не позволяли увидеть...

Биогенного происхождения. Не «антропо». «Био».

Чего нанюхался Микк? Пыльцы? Спор какой-нибудь плесени?

Чего нанюхались мы сегодня там, в подzemелье?

А ведь нанюхались. Теперь это ясно.

А здесь мне, похоже, сделали какую-то полную промывку мозгов. Потому что я вижу, какие мы все были идиоты. Шайка слабоумных. Занятых чем угодно, кроме дела.

И ведь давно. По крайней мере неделю. Да, еще Томаш не приехал, а мы уже тыкались, как слепые, как дурни с заведенными глазами, но при этом очень целеустремленные и очень довольные собой.

Наверное, он застонал, потому что человек, бывший рядом с ним, приблизился — Ноэль щекой почувствовал его тепло — и спросил:

— Что-то беспокоит?

— Да развяжите же меня, черт возьми, — прошептал Ноэль. — Я что — опасный псих?

— Нет, сударь мой, дело не в этом. Вы просто не способны еще контролировать свое тело.

— Не понял?

— Сейчас вам все объяснят. Вот идет главный...

Разговор в соседней комнате прервался, скрипнула дверь, приблизились мягкие уверенные шаги. Запахло лосьоном «Гард» — Ноэль сам иногда пользовался им.

— Здравствуйте, господин Куперман, — сказал вошедший. По голосу было трудно определить, сколько лет его обладателю, но то, что он привык отдавать распоряжения, было несомненно. — Извините за неудобства, но без этого нам пока не обойтись.

— Здравствуйте, — сказал Ноэль. — Где я нахожусь?

— Географически — по тому адресу, которым вы, похоже, интересовались. Организационно — в полевой ноологической лаборатории ведомства научной разведки. «Центр Меестерса», слышали? Причем Меестерс — это я.

— Я догадался, — сказал Ноэль. — А зачем меня так плотно упаковали?

— Чтобы вы не покалечились. Нам пришлось ингибировать многие корко-подкорковые связи, в том числе в двигательной зоне. Сейчас они восстанавливаются, но не обязательно в прежнем порядке. Вот мы с вами побеседуем, а потом в гимнастическом зале вас будут учить ходить — ну, и прочее. То же самое со зрением. Если снять повязку сейчас — вы будете видеть как новорожденный. На взрослого человека это действует... не лучшим образом. Бывали случаи реактивных психозов.

— Нас было трое, — сказал Ноэль.

— Боюсь, что вашим друзьям мы уже не поможем, — сказал Меестерс. — В туннелях живут очень опасные твари. Вас выхватили, можно сказать, из самых их лап.

— Значит, все-таки живут...

— Да. Об этом вы тоже догадывались?

— Допускал как вариант. Ах, черт... черт, черт, черт...

— Господин Куперман, я понимаю ваши чувства. Но ответьте, пожалуйста: какова была цель этой вашей экспедиции?

— Конечная цель — поиск пропавших. В частности, жены моего друга.

— Этапы вы пропускаете, но я примерно представляю ход ваших поисков и рассуждений... Как ее звали?

— Агнесса Свенсон.

Пауза, ушедшая, видимо, на обмен знаками.

— Она у нас, — сказал Меестерс. — В карантине.

— Вот как... — Ноэль ощутил что-то непонятное — скорее дурноту, чем радость или облегчение. — И что это за карантин?

— Карантин для тех, кто имел контакт с подземной фауной.

— И их родственников?

— Да, если они невосприимчивы к подпороговому внушению.

— Почему?

— Это один из симптомов поражения вирусом «Дельта».

— Не понял.

— Мутировавший возбудитель «лихорадки Вильсона». Слышали про такую?

— А какое отношение?..

— Вирус «Дельта» сам превратился в мощнейший мутагенный фактор. Подземная фауна — это его работа. Вирус ее создал, в ней он имеет свой резервуар...

— Как я понимаю, этот вирус осуществляет перестройку генов? Так?

— Именно так.

— Он создан искусственно?

Меестерс помедлил.

— Хотел бы я знать... Все, что я знаю о строении вируса «Дельта», говорит за это. Но «лихорадка Вильсона» впервые появилась в двадцатых годах — и уже тогда...

— Люди-мутанты?

— Вы слышали?

— Еще бы...

— Вот оно что! Давид Куперман?..

— Мой родной дед.

— У меня есть все его пластинки.

— Это замечательно... Значит, все — из-за этого чертова вируса?

— Получается, так. А вы сами не занимаетесь музыкой?

— Я ее не переносу. Сколько же людей в вашем карантине?

— Около трехсот.

— И... что дальше?

— Работаем.

— Так. А зачем все эти сложности: исчезновения, похищения?..

— Потому что нормальные карантинные мероприятия нам проводить запретили. Собственно, запретили вообще всю нашу деятельность. Поэтому приходится так — нелегально.

Ничего не понимаю, подумал Ноэль. Или врет, или недоговаривает, или мир сошел с ума. Или все вместе.

— Насколько я знаю, — сказал он вслух, — вы работали над программой генетического оружия...

— Вы неплохо осведомлены для рядового эрмера, — сухо сказал Меестерс. — Нет, «работал» — это сильно сказано. Я получил это задание, получил эти деньги... Боже мой, я совсем отупел! Мадам Хаппа, в девичестве...

— Это была моя сестра. Родная сестра. Но вы не правы. С ее мужем я отношений не поддерживаю.

— Как тесен этот чертов мир...

Не расслабляйся, сказал себе Ноэль. Он сфальшивил. Он знал, что я брат Фанни. Или догадывался.

— Вы не договорили, — сказал он вслух.

— Да, — Меестерс помолчал. — Вам это действительно интересно?

— Более чем.

— Ну что ж... Я с середины пятидесятых работаю над этой темой. Начинали еще в оккупации, подпольно. Цель была: мобилизовать скрытые резервы человека. Кое-чего добились. Очень многое узнали о мозге. Когда все это рассекретят... золотое дно. Лет десять назад подошли вплотную к главному: из необученного, неподготовленного человека мы могли сделать бойца, стоящего десятка спецназовских офицеров. Причем сам человек ни о чем не подозревал. Пока не получал задание. Да... Потом все это с треском провалилось. Не без участия вашего свояка. Но я был слишком упрям... хотя следовало бы... ладно. Как говорят, почтальон звонит дважды. Второй звонок был четыре года назад, в Платиборе. Вы знаете, конечно, что там произошло. Вот тогда я понял, что мы вторглись в запретную зону. И что вообще эти предупреждения адресованы не только мне. С тех пор

я трачу деньги, которые мне дадут на разработку оружия... м-м-м... в общем, я хочу понять, можно ли из этой запретной зоны выбраться.

И без денег ясно, что нельзя, подумал Ноэль.

— Ваш Корпус занят примерно тем же, — продолжал Меестерс, — хотя, с моей точки зрения, ваш подход... скажем, несколько механистичен. Надеюсь, вы понимаете, что наладить нормальное сотрудничество в наших условиях — дело нереальное. Вы, может быть, понимаете также, что этот антагонизм рационального объяснения не имеет и поддерживается, вероятно, самим предметом нашего общего интереса... — Он помолчал, давая Ноэлю осознать сказанное. Потом продолжил: — Я предлагаю вам — лично вам — свое сотрудничество. В частном порядке. Минуя высшее руководство. Я понимаю, что для вас это большой риск. Не буду объяснять, что это для меня. Но на карту поставлена судьба цивилизации. Вы знаете, что это не громкие слова...

Я знаю, что так оно и есть, подумал Ноэль, но я очень сомневаюсь, что мы сможем что-нибудь сделать, даже если перестанем лупить друг друга по мордам и резко объединимся. Он правильно сказал: мы слишком долго бродим по запретной зоне. И даже не в поисках выхода, а непонятно зачем...

— Чтобы вам была ясна серьезность моих предложений, — продолжал Меестерс, — я готов предоставить вам практически всю информацию, касающуюся похищения и убийства вашей сестры.

Сердце Ноэля пропустило удар.

— Я искал способ передать это досье Хаппе, — сказал Меестерс. — Тоже как знак серьезности моих намерений. Я думаю, лучшего случая мне не представится.

— Кто же... — голос внезапно сел, Ноэль закашлялся.

— Убивал Максим Крэгг. Видеозапись делал Ларс Игнацио. Командовал ими Гейнц Гроссбландер. «Летучие мыши».

— Кто заказывал музыку?

— Прямых улик нет. Можно только догадываться. Струх.

— У него уже не спросишь... и с него уже не спросишь. Что ж. Спасибо.

— Вряд ли стоит благодарить за такое... Господин Куперман, сейчас мы перевезем вас на нашу базу — и там, думаю, за сутки поставим на ноги. Христо поможет вам сесть в машину. Старайтесь не делать вообще никаких движений.

Позволяя располагать себя поудобнее в салоне какой-то просторной машины, Ноэль подумал, что так и не поблагодарил за спасение своей жизни. Ладно, подумал он, еще успею...

Машина покатила по Вокзальной, потом свернула на Амундсена. Интересно, как там мои, подумал Ноэль, следят за нами или растерялись? Должны следить... Улица Амундсена выводила на Окружное шоссе. Ага, вот выехали и прибавили скорость. У Ноэля было природное чувство маршрута — как у кошки. В любом городе, раз взглянув на карту, он мог ориентироваться, как старожил. В родном — его невозможно было запутать. Сейчас: с завязанными глазами, лежа — он мог определить свое местоположение с точностью до квартала. Даже если бы водитель попытался запутать его, кружа по переулкам, он все равно знал бы, где они находятся и куда направляются: курсограф в мозгу работал безотказно. Мутантское наследство... Каинова печать.

Сейчас будет развилка: перекрытая (не для всех) дорога в Старый порт, а если правее — шоссе на Боргос, еще правее — «лепесток», ведущий в туннель под шоссе и дальше — к деловому центру. Поедем, наверное, прямо...

Взлетный рев идущего на обгон грузовичка ударил по ушам. Тут же завизжали тормоза, покрышки, Ноэля бросило вперед, чей-то крик, стекло и железо, вонь, удары не слышны, вспышка под черепом, выстрелы: один, другой, третий... Скрежет. Тихая брань. Тишина.

Ноэль очнулся и понял, что его несут. Несут как ребенка, подхватив под спину и под колени. Скорее, скорее, торопил кто-то знакомый, и мучительная неузнаваемость голоса царапала больше, чем настоящая боль.

Потом его стали укладывать в машину, и он опять уплыл.

Вновь он пришел в себя уже в помещении. Он чувствовал, что это помещение, потому что воздух был спертый и воняло сырой человеческой грязью. И — чего-то не хватало. Чего именно — он долго не мог понять. Наконец понял. Не было повязки на глазах. Значит, их можно открыть...

Почему-то пришел страх. Как на пороге кабинета зубного врача.

Веки просвечивали розовым.

Глаза открылись не сразу. Не с первой попытки.

Над ним был щелястый потолок из серых необработанных досок. На длинном шнуре висела голая лампочка.

Ноэль наклонил голову набок. Теперь он видел еще и стену.

Стена была из расслоившейся перепачканной красками фанеры. Листы были прибиты к каркасу из криво сколоченных горбылей. Два почерневших от времени телеграфных столба — на одном сохранились даже перекладины с изоляторами — удерживали это все на себе. На высоте выше человеческого роста между столбами висела толстая и широкая плаха, непонятно на чем держащаяся. На плаху опиралась грубая приставная лестница. Пovyше плахи темнели два неровных отверстия.

Он посмотрел в другую сторону.

Здесь стена была совсем рядом, так что видны были пятна грязи на фанере и загнутые острия гвоздей, торчащие из досок. Зато здесь было окно. Заляпанные косые куски стекла, прижатые гвоздями к деревянной раме. Ноэль смотрел в это окно снизу вверх и видел только кусочек неба. В небе зияла дыра, формой похожая на головастика. Вокруг дыры голубая эмаль облупилась, выставив ржавого цвета основу.

— Очнулся, — сказал рядом голос Стаса. Ноэль перевел взгляд туда, откуда пришел голос.

Это действительно был Стас. Только мертвый. Высохшая вяленая плоть облежала кости. Лицо — нарисованное на том пергаменте, в который превратилось насто-

ящее лицо, — неподвижно улыбалось. Глаза сухо поблескивали. Кто-то другой был за этими глазами.

— Слава богу, — сказал другой голос, и другой мертвец встал рядом с первым. Джиллина. Лица у него не было, и узнал его Ноэль только по оперкостюму, сметанному из бумажной мешковины серо-синего цвета, и по голосу, высокому и нервному. — А мы уже не знали, что думать. Совершенно целый, а без реакции... Супер, ты слышишь?

— Слышу, — одними губами произнес Ноэль. — Слышу.

— Ты как, в порядке? — тревожно спросил Стас. Лицо его не переставало улыбаться.

— В порядке...

Звуки, выходящие из его губ, казались совершенно инородными окружающему. Будто невидимые пузыри отрывались и уплывали.

— Вито... где?

— Здесь Вито, здесь. Только он в сопоре. Томаш с ним возится. Говорит — многослойка. Этот Микк — молодец. Пуля в бедре, пуля между ребер — а Вито дотацил. Молодец. Ты сам-то помнишь, что с вами было?

— Нет, — сказал Ноэль, подумав. — Меня проверяли?

— Чист, как младенец, — сказал Стас. Ноэлю показалось вдруг, что из-за его плеча на миг выглянуло что-то лоснящееся и тут же спряталось.

— Хорошо, — Ноэль закрыл глаза. Так было легче. — Чем эта затея с Кипросом кончилась?

— Убили его. Эти, которые тебя везли. Прямо в лоб. — Голос Стаса.

— Мы его забрали, — добавил голос Джиллины. — А тех оставили.

— Не уследил я, — голос Стаса виновато дрогнул. — А он неопытный — выскочил, побежал... Ты его хорошо знал?

— Вместе росли, — сказал Ноэль. — В одном дворе.

— Я понимаю, — сказал Стас. — Я знаю, что ты чувствуешь. Но я не успел. Даже подумать не мог, что он побежит...

Ноэль открыл глаза. Стас по-прежнему улыбался.

— Позови Вильгельма, — зачем-то сказал Ноэль.

— Он дежурит на эрме.

— Посиди за него...

Стас повернулся и пошел. Со спины он казался более живым. Джиллина не шевелился. Ноэль перевел взгляд на него, и он тут же стал поправлять свой бумажный мундирчик. Ну, чего ты тут топчешься, хотел спросить Ноэль, но не спросил.

Появился Вильгельм. Шагов его не было слышно. Он всегда ходил бесшумно, и лишь теперь Ноэль понял почему: Вильгельм был матерчатой куклой, набитой чем-то легким. Лишь голова его была пластмассовой головой манекена.

— Что, Ноэль? — спросил он, не открывая тонкого-бого рта. — Ты меня звал?

— Да. Хочу тебя попросить... тебя попросить... — Господи, надоумь, о чем я должен его попросить, о чем? Ноэль закрыл и тут же открыл глаза. — Запиши имена, я боюсь... забыть... Запиши: Гейнц Гроссбландер... Ларс Игнацио... Максим Крэгг... Запиши...

— Я записал, Ноэль. Кто это? Поискать их?

— Это мое. Лично мое. Дело.

— Как хочешь. Это все? Ты за этим меня звал?

— Нет. Как «черный шар»?

— Никак, — заметно помедлив, сказал Вильгельм.

— Слушай меня внимательно. Мы не контролируем еще один канал поступления информации. Через обоняние. Этот синий кодон-сборщик...

— Знаю, Ноэль. Томаш допер до этого.

— И... что?

Вильгельм не ответил. Он мягко потрепал Ноэля по плечу, повернулся и пошел прочь. Он шел походкой мультипликационных кукол: каждое движение состояло из десятка статичных поз, сменяющих одна другую почти — почти — неуловимо.

— Вильгельм! — позвал Ноэль. Но Вильгельм не вернулся.

Мертвец Джиллина возобновил свои бессмысленные прихорашивания. Ноэль отвел от него взгляд: Джиллина замер. Стой так, подумал Ноэль. Теперь надо было сде-

лать то, что делать было особенно страшно: посмотреть на себя. Тело свое он чувствовал, однако инстинктивно — или это было внушение? — опасался делать какие-нибудь движения. Но ведь надо когда-то начинать, подумал он. Для начала — поднимем руку...

Он почувствовал, что его правая рука шевельнулась и легла ладонью кверху.

Поднимаем...

Нет, рука лишь напряглась, сию же минуту развернуться еще больше — ладонью наружу.

Понял.

Он сделал усилие в том же направлении — развернуть ладонь — и рука тут же взлетела вверх и упала за головой.

Уже кое-что...

После нескольких попыток ему удалось поднять руку из-за головы и задержать ее напротив лица.

Он был готов ко всему — кроме того, что увидел. Это была его рука. Просто испачканная чем-то, не вполне еще послушная — но ничуть не изменившаяся. Небольшая кисть, коротковатые пальцы с квадратными ногтями, сине-розовый шрам от недавнего ожога... Ноэль перевел взгляд на Джиллину. Тот вновь ожил, поправил ремень, спросил:

— Я тебе пока не нужен?

— Нет, — выдохнул Ноэль.

— Если что — позови. Я тут рядом.

Ноэль, скосив глаза, смотрел ему вслед. У Джиллины было что-то не в порядке с походкой. Прямое туловище уплывало, а ноги подволакивались за ним, не всегда касаясь пола. Ноэль снова посмотрел на руку. Рука тряслась, и он не знал, что нужно сделать, чтобы остановить ее. Рука тряслась все сильнее и сильнее.

Все силы уходили на то, чтобы не закричать.

Потом вдруг поднялась левая рука, обрушилась сверху на правую и прижала ее к груди. Ноэль чувствовал, как медленно затухают судороги и толчки.

Откуда-то пришел холод.

Я чист, подумал Ноэль. Стас сказал, что я чист. И Меестерс говорил что-то подобное. Он говорил, что

меня надо заново учить видеть. А это значит... это значит...

Это значило только то, что сейчас он видел мир таким, каков он есть.

Холод усиливался.

28. ТОУН АЛЕКСАНДР ДЖАЛЛАВ

— В сущности, этот мир рушится под собственной тяжестью, — сказал сидящий напротив Джаллава старик, передвигая какую-то фигуру на доске. — Все, что делаем мы, — это лишь попытки увернуться от обломков.

Джаллав позволил своему носителю сделать ответный ход.

— У нас не возникло впечатления, что здешние процессы ведут к неотвратимому фатальному исходу, — сказал он.

— Ведут, — сказал старик. — Истощение биосферы уже перешло критическую точку. Через тридцать лет стали бы проявляться эффекты третьего-четвертого порядка. Вам, к счастью, это незнакомо. Взрывное развитие наиболее приспособляемых, наиболее агрессивных форм жизни. И в результате — формирование примитивного злобного божества. Которое создаст еще более примитивный и злобный мир. И так по нисходящей — до воплощения зла.

— Если вас послушать, — сказал Малигнан из-за плеча Джаллава, — вы заботитесь только о добре. А если приглядеться к вашим методам...

Малигнану в носители досталась женщина. Может быть, поэтому он слегка нервничал.

— К нашему глубочайшему сожалению, Создатель не оставил нам других методов. — Старик сделал очередной ход. — И либо мы ничего не делаем и соглашаемся с распространением зла, либо творим малое зло, чтобы избежать большого. Третьего не дано.

— Не знаю... — Рука Джаллава повисла над доской. — Я не берусь спорить об обстановке в целом — но этот мир я бы попытался спасти. И вам, и нам известны

его проблемы, и вы, и мы достаточно сильны, чтобы их разрешить. Наша этика требует бороться за жизнь больного до конца.

— Это достойно уважения, — сказал старик. — Но представьте, какой была бы ваша этика, если бы больной, вместо того чтобы просто умереть, превращался бы в мерзкое опасное чудовище? В древности наша раса была подвержена такой болезни, — сказал он и посмотрел на Малигнана.

— И вы убивали больных? — спросил Малигнан.

— А как бы поступали вы? — спросил старик.

Джаллав в молчании сделал какой-то ход.

— Есть все признаки того, что этот мир поражен подобной болезнью, — продолжал старик. — Когда вы шли сюда, то обратили, наверное, внимание на то, что этот город просто скучен. Голые стены, слишком широкие улицы, одинаковые люди. У радуги здесь четыре цвета. Если так пойдет дальше, в этом мире останутся лишь прямые углы, несколько оттенков серого и две сотни слов в языке. Причем люди изменений не заметят. Подавляющее большинство из них.

— А те, кто заметит?

— Им будет очень плохо. Но они ничего не смогут объяснить. Смешно жалеть о том, чего нет в природе.

— Очень знакомое чувство, — сказал Джаллав.

— Ничего удивительного, — сказал старик. — Все чисто технологические миры подвержены этому процессу. Инфляция образности.

— А ваш?

— Наш мир не чисто технологический.

— Объясните, пожалуйста.

— В свое время, около десяти тысяч лет назад, наш мир прошел через эту стадию. Правда, нам повезло. Видите ли, наша раса способна к эмпатическому общению. И нам удалось сохранить контроль за ситуацией. Правда, это стоило нам двадцати миллиардов жизней на протяжении тысячи лет. Но в конце концов нам удалось найти свое место в преображенной биосфере, а ей, в свою очередь, удалось приспособить нас к себе. Божество нашего обновленного мира оказалось мудрым и светлым и создало такой прекрасный мир, как Сартас...

— Извините, — сказал Джаллав, — вы уже не в первый раз говорите: божество. Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду божество. Создателя. Других названий я не знаю. Того, кто создает миры.

— Кто создает миры... Это — в прямом смысле?

— Конечно.

— То есть мир создает божество, а божество затем создает другой мир? Я правильно понял?

— Абсолютно правильно.

— И так — до бесконечности?

— Не знаю. Возможно, да. Предела пока не положено.

— И все миры — в одном месте?

— Не понимаю вопроса. Вы же перемещаетесь из мира в мир. В одном они месте или в разных?

— Я имел в виду: один мир приходит на смену другому или все они существуют совместно? Но я уже понял. Скажите мне вот что: как именно в мире появляется божество?

— Это очень долгий процесс. Все живое, общаясь меж собой, создает некую идеальную субстанцию, которую мы называем «цаас». Чем теснее и интенсивнее общение, тем плотнее цаас. Когда в него включаются люди, цаас приобретает сходство с разумом. Он начинает активно познавать мир. Естественным образом создается представление об этом мире. В какой-то момент это представление становится достаточно завершенным, чтобы начать самостоятельную жизнь. Возникает новый мир, в нем тут же образуется свой цаас. Поскольку представления о мире всегда отличаются от самого мира, то вновь образуемый мир отличается от предыдущего — на характер божества...

— Минутку... Получается, что божеству достаточно вообразить — и появляется новый мир?

— В определенном смысле — да.

— И мир существует в воображении божества?

— До тех пор, пока не станет способен к самостоятельному существованию.

— А потом?

— Потом он просто существует. Я не могу понять, о чем вы спрашиваете?

— Образовавшийся мир — он тоже идеален?
— Нет, конечно. Он вполне реален. У него свои законы...

— А вещество? Материя? Она откуда берется?

— Когда цаас осознает, что мир веществен, что у материи есть свойства, существенно влияющие на основы мироздания, он вводит эти свойства в свои представления. Таким образом, возникающий мир тоже становится материальным... Цаас не осознает, что творит мир.

— Мы не поймем друг друга. Или поймем, но не скоро. Давайте вернемся к этому конкретному миру. Вы хотите в первую очередь предотвратить появление, как вы сказали, примитивного и злого божества? Но, может быть, как раз для этого и следовало бы поддерживать людей? Помочь им, направить...

— Здесь это делать уже поздно. Единственное, что остается, — это эвакуировать население. Чем мы и заняты, собственно.

— Эвакуировать? Куда? И как? Тела...

— Тела остаются здесь, естественно. И остаются те немногие, кто будет способен удерживать здешний цаас от судорожных движений. Такие люди есть. Наши агенты будут помогать им. Ваши, надеюсь, не будут мешать. Думаю, через сотню лет мы стабилизируем этот мир.

— А куда вы хотите эвакуировать всех? Ведь свободных тел — единицы...

— Для них уже создан новый мир. Он достаточно беден — но это ведь только лагерь для беженцев. И еще сорок миров — в работе. Это как раз то, чем вы интересовались, сударыня, — старик поклонился Малигнану. — Чем занимаются жители королевства Альбаст. Они творят новые миры.

— Вы хотите сказать?..

— Да. Эту функцию божества мы освоили. Не очень давно и не так хорошо — но кое-что мы уже можем.

Джаллав посмотрел на Малигнана, на своего визави, сделал ход.

— Вам шах, — услышал он свои слова.

— Ушел, — старик задержал руку над доской. — Поправляю фигуры.

— Да, пожалуйста... И когда же вы хотите начать эвакуацию?

— Она уже происходит — постепенно. Сейчас темп ее ускоряется. По нашим подсчетам, через два года здесь останется не более пяти процентов личностей.

— Шах и следующим ходом мат, — сказал Джаллав.

29. МИКК, ИЛИ ПАВЛИК САМОХИН

Когда в карманах осталось три патрона, он протрезвел. Или остолбенел. Или что-то еще случилось с ним, что-то, заставившее его выпрямиться и оглядеться.

Пейзаж уже мало напоминал тот, что был до начала боя. Ущелье стало уже, мост — шире и массивнее. Прежняя дыра туннеля теперь больше напоминала ворота в каменной стене. И сама эта стена, противоположная сторона ущелья, теперь, приблизившись, казалась не дикой и скальной, а сложенной из грубых темных, почти черных кирпичей. Пустынное каменистое плато впереди, казавшееся бескрайним, вдруг обрело границы: из белого марева проступили будто светящиеся изнутри голубые горные цепи. И лишь дорога позади осталась неизменной: узкий каменный карниз, уходящий вверх, в клубящийся мрак. Странное мерцание, потерянный блеск, разбросанный по ней, продолжался еще и во мраке, но потом терялся и он.

Серые туши чешуйчатых коней, белые холмики их всадников усеивали пустошь. Молчание висело над всем этим — рядом с белесым мертвым солнцем, — и лишь земля вздрагивала под ногами, будто там, в глубине, проворачивались какие-то застоявшиеся огромные механизмы.

Леонида Яновна стояла в рост, открыто, неподвижно. Единственная из всех, она была не в ватнике, а в свободной белой накидке. Казалось, ни жар, исторгаемый пустошью, ни холод камней под ногами не касались ее. Неподалеку от нее Пашка видел Архипова, настороженного, готового ко всему. Марья Петровна, в испятанном черным ватнике, сидела над убитыми. Куц был убит, и

Фома Андреевич, и Петюк. Куда-то пропала Оксана. Наверное, тоже была убита, но найти ее не смогли. Татьяна, черная и острая, как галка, бродила между камней, разыскивая что-то. Дим Димыч сидел, повернувшись спиной ко всему. Тяжелый архиповский механизм лежал у него на коленях. Может быть, он и не стрелял ни разу, подумал Пашка. И где-то был еще Малашонок, но его Пашка не видел. И был еще сам Пашка, с его тремя патронами к вертикалке шестнадцатого калибра...

Вновь за спиной зацокали копыта. Пашка оглянулся: из зева ворот выезжали новые всадники в белом. Теперь их было четверо. Трое пониже окружали высокого и статного, в сложном и, наверное, тяжелом головном уборе. Их кони шли мерной неторопливой рысью. Тошнотворный восторг накатил на Пашку. Стиснув зубы, он ждал приближения всадников. И тут раздался настоящий грохот.

Он еще успел увидеть, как разлетаются каменные глыбы, — и тут же в туче пыли появилась когтистая лапа! Следующий удар взрыл изнутри землю. Из трещин хлынуло пламя. Потом земля приподнялась еще, опала — и появился дракон.

Он был прекрасен!

Он был прекрасен, и страшен, и смертельно опасен — но прекрасен прежде всего. Кошунством было — повредить ему. Дракон повел головой, освобождаясь от последних комьев, камней и пыли, и поднял лапу. Шум пересыпаемых монет сопровождал его движения. Потом он волнообразно изогнулся — и тонкий жесткий хвост с визгом рассек воздух и впечатался в землю. Глыба размером с быка расселась пополам от этого удара.

Сзади кричали лошади. Пашка не оглянулся.

Встречный выстрел был почти не слышен — но в груди дракона появилась мгновенная вмятина. Зелеными сверкающими брызгами разлетелись чешуйки. Высоко взметнув хвост, дракон встал на задние лапы — и выдохнул пламя.

Оно было почти невидимым, — но чадно, как кучи тряпья, вспыхнули убитые — и Марья Петровна. Комком огня она метнулась вперед, навстречу дракону, и упала

между камней, и осталась лежать, а пламя коржило ее, мертвую или еще живую, и убитые тоже изгибались в огне, будто только в нем умирали сейчас окончательно. В море странных шепчущих звуков происходило это, и дракон, совершив кошачий прыжок, медленно плыл сейчас над головой, и медленно — ду-у-у-ду-у-у-ду-у-у — били автоматы, и в брюхе дракона, непристойно-белом, рыбьем, появлялись дырки, дырки, дырки, и дракон, изгибаясь на лету, пастью пытался схватить невидимую смерть — и, не долетев до моста, на котором сгрудились беспомощные боги, грянулся на землю — совсем рядом с Пашкой. Горячий кожаный запах исходил от дракона. Ошеломленный неловким своим падением, обезумевший от боли, он вскочил, озираясь, до жути похожий на человека, и бросился в сторону Леониды, стоящей неподвижно с воздетыми к небу руками; и Татьяна, хладнокровно сменив магазин, хлестнула его длинной, от бедра, очередью — по голове, по шее, по плечу. Он зашатался и остановился, вертя головой в поиске обидчика, и Пашка, не до конца понимая, что делает, навскидку выстрелил из обоих стволов — почти в упор. Наверное, пули с закатанными в них подшипниковыми шариками пробили драконью броню: он вздрогнул как-то нутряно и издал тонкий свист — как закипающий чайник. Из пасти вновь вырвался огонь, но слабо и бесцельно — над головами. Секунду дракон был неподвижен, а потом подался назад — и ударил хвостом.

Пашку зацепило, наверное, средней частью хвоста, да еще не на ударе, а на замахе — но этого хватило. Земля исчезла из-под ног, небыстро опрокинулась, скользнула под спину — и ухнула по спине.

Раздался отчетливый хруст. Не было ни боли, ни страха. Рядом ступила, дробя камни, драконья лапа. Только теперь Пашка осознал, как огромен дракон: лапа его была больше человека. Грохнуло несколько выстрелов подряд, лапа убралась — но появилась голова! Голове досталось больше всего, она вся была в выщербинах, залита густо-зеленой кровью — и с вытекшим левым глазом! Дракон не видел Пашку, и поэтому Пашка смог, поднявшись на четвереньки, отползти в щель между камнями. Дракон снова пустил пламя — теперь по

земле. Кто-то закричал — Пашка не видел кто. Он вдруг остро ощутил свою безоружность. Над головой, как клинок, свистнул хвост. Пригибаясь, Пашка побежал туда, где должен был быть Дим Димыч, — и споткнулся об его вытянутые ноги. Он так и сидел, без движения, без цели и без пользы. И лишь когда Пашка схватил его магазинку, он сделал слабое движение: удержать.

Остерегаясь, Пашка выглянул из-за камней. Дракон в полусотне шагов стоял на задних лапах, тонкий, изогнувшийся, как кобра; хвост его то сворачивался кольцами, то расправлялся, взметая пыль и обломки камня. Передними лапами он зажимал себе живот. Наклонив голову, осматривался. Все скрылись, и даже Леониды не было видно. Мост был пуст. Рядом с драконом что-то жирно горело, обволакивая его тяжелым грязным дымом. А потом, как чертик из коробочки, перед драконом выскочил кто-то неузнаваемый и поднял автомат. Очередь — и зеленый проблеск метнувшейся лапы — одновременно...

Человек исчез, а дракон упал на брюхо и забился. Передними лапами он скреб голову, стараясь содрать то, что мешает ему видеть. Летели жуткие опшметья, хлестала кровь. Хвост, как хлыст, сек землю. Потом дракон пополз, слепой, задрав голову к небу, круша и вздымая все, что было перед ним и вокруг него. Невидящей головой он обводил полукруги, и светлое пламя, касаясь камней, становилось красным. Забирая влево, он разворачивался, и Пашка с ужасом понял, что через несколько секунд эта сила сметет и испепелит его.

Дим Димыч подниматься не хотел, он ничего не видел вокруг себя, ничего не понимал, его ничто не касалось. Пашка в ужасе ударил его по лицу, потом схватил за руку — и, к своему удивлению, поставил на ноги. Теперь надо было его увести отсюда. Он тащил безвольного и бессильного учителя между камней, поднимал, когда он падал, и, рыдая, тащил дальше, и только взбираясь на насыпь моста, обнаружил в своей руке так и не стрелявшую в этом бою магазинку. А потом с моста ему подали руку. Это была Татьяна.

— Дима, Димочка! — закричала она. — Дима, очнись же!

Дим Димыч, узнавая ее, робко улыбнулся.

— Спасибо, Пончик, — сказала она Пашке. — Я не знаю, как... — и с ненавистью посмотрела на Леонида.

Леонида стояла, отрешенная, там, где кончался мост и начиналась поблескивающая дорога. Ее хитон, грязный и прожженный, свисал с плеч неподвижно — хотя жгучий ветер с пустоши здесь, наверху, был силен. Драконева, уже не полз по кругу, а крутился на месте: его левые лапы судорожно царапали землю, а правые волочились, цепляясь. Что-то еще изменилось в пейзаже, но Пашка не мог понять что. Потом Леонида с трудом приоткрыла рот и сказала, не глядя ни на кого:

— Всё. Уходите.

— А остальные? — спросил Пашка.

— Нет остальных, — вместо Леониды ответила Татьяна.

— Уходите, — повторила Леонида. — Уже начинается...

Тихий, но покрывающий всё звук возник ниоткуда. От него тяжестью налились ноги, а вокруг стало пусто и холодно.

— Бежим, — сказала Татьяна, сделала шаг в сторону Леониды и вдруг остановилась.

— Не туда, — еле ворочая языком, сказала Леонида. — Через мост... в башню...

— А вы? — задохнулся Пашка.

— Бегите... хорошие... бегите... скорее...

С трудом, не понимая, что делается с ногами, с головой, Пашка потащился через мост. Овальное отверстие ворот медленно плыло навстречу. Татьяна догнала его и вцепилась в рукав. Другой рукой она держала Дим Димыча.

— Танька... что это?..

— Потом, Пончик... потом... скорее... сил уже нет...

— Леонида... почему?..

— Держит нам... дорогу... не понимаешь?..

Казалось, они поднимаются по крутой тысячеступенной лестнице — так трудно давался каждый шаг. Воздух стоял стеной. Последние двадцать шагов были смертельно трудны. Ног уже не было — каменные подпорки. Свинцовые подпорки. Нечем стало дышать — твердый

воздух резал гортань. Пашка знал, что они никогда не дойдут. А потом неожиданно — казалось, ворота еще впереди — они повалились навзничь, как будто лопнула не пускавшая их паутина, и поплыли куда-то. Здесь было темно. Вскоре овал ворот превратился в туманное пятнышко позади, а потом исчезло и оно.

Может быть, прошли годы. Здесь ничто не напоминало о времени. Здесь не было верха и низа, правых и виноватых, жизни и смерти. Здесь был покой. Как маленький окаменевший зверь, спрятанный в скале, Пашка висел посреди ничего без ощущений, чувств, мыслей и желаний. Но шевельнулась и поднялась Татьяна, и стал свет, твердь земная под спиной и затылком и мерзкая искрящая боль в груди и боку. И Пашка застонал протяжно и жалобно. Все кончилось, и нужно было, чтобы его пожалели.

— Тише, Пончик, тише, — плача, сказала Татьяна, — не расслабляйся, нам еще идти и идти... у меня тоже все болит, я тоже не могу... и Диму тащить, тащить ведь придется...

И тут Дим Димыч приподнялся и посмотрел вполне осмысленно:

— Куда это вы собрались меня тащить?

— Димочка... — выдохнула Татьяна и опустилась на землю.

— Погоди... где это мы? — Дим Димыч заозирался, и Пашка тоже, насколько позволяла боль, закрутил головой.

В самом деле: помещение, куда они каким-то непонятным способом попали, было странно: круглое, вернее, цилиндрическое, с рядами темных квадратных окошек на высоте, оно напоминало то ли павильон «чертова колеса», то ли арену для гонок по вертикальной стене. В центре, там, где должно было находиться колесо, стояло что-то похожее на песочные часы высотой с трехэтажный дом. Мощные колонны из полированной бронзы ограждали саму колбу — формы, может быть, не классической, но характерной, с перехватом посередине. Колба была абсолютно черной, без малейшего отблеска. Высокий туманный потолок заливал все голубо-

ватым подменным светом. Возле стены местами стояли какие-то зачехленные механизмы. Диаметр помещения был метров тридцать, и никакого выхода из него видно не было.

30. ВИТО, ИЛИ САЙР КСИМЕН, ИЛИ ДАН, ИЛИ ДИМ ДИМЫЧ

На завтрак были другие плоды, с хлебным и ореховым вкусом, и новое питье, похожее на молоко, но не молоко. Старуха, госпожа Моника, ела как птичка; Дан же ничего не мог с собой поделаться. Ему с трудом удавалось держать себя в рамках приличий и не начать жрать, набивая рот и чавкая. Он слышал, что так бывает, но не думал почему-то, что такое может быть с ним. Это казалось непристойным и унижительным. Впрочем, старуха так не считала и явно была довольна аппетитом гостя.

Гостя? Такой статус устроил бы его — если бы не был противоестествен. Впрочем, все, что произошло с утра вчерашнего, бесконечно далекого дня, было противоестественно. Пропажа Вирты, бег по остывающему следу, проход сквозь траву, капище лесных, желание убить... и — медленные сборы, будто что-то отводило мысль и взгляд, рысканье на тропе, хотя все было понятно, необыкновенная — и ожидаемая! — легкость прохода, какая-то неполная, кастрированная месть, невозможность убить... приветливость старухи, постыдный жор, чувства уюта и тоски, чужие сны и томящая боль в груди. Все, что происходило, происходило с ним — и не с ним, потому что он не узнавал сам себя.

— Ты кушай, сынок, — сказала старуха. — Кушай, я еще принесу. Этого добра здесь — невпересчет. Вы там, небось, впроголодь живете?

— Нет, — проглотив кусок, сказал Дан. — Не впроголодь... — и впился зубами в ароматную мяготь.

— А вкусноты такой все равно нет, — уверенно сказала старуха.

Дан кивнул. Не вяленая баранина и не лепешки на воде...

— А вот не поверишь — все это при мне началось, — сказала старуха. — Я маленькая еще была, у брата жила. Брат работника держал, а работник руку имел, травы знал и шептать мог. И сделал работник садик, повязал его, и стал садик желания его исполнять. Ну, а ты знаешь — чем трава лучше, тем подход к ней деликатнее. А брат раз перепил — с мужем моим потомощним — и в садике том уснул. И все — высосала его трава. Долго найти не могли, думали — в город уехал. На пятый, что ли, день его работник-то как раз и нашел. Лежит вот такая куколка, с ладошку... С испугу хотели спалить садик, а война же шла, ну и — не до того оказалось... И вот, видишь — расплзлось. Теперь везде, считай, этот садик, а к добру это, к худу — не знаю.

— И я не знаю, — сказал Дан. — Вчера еще знал, а сегодня уже не знаю... Если б людей деревьям не отдавали — кто бы против был?

Старуха помолчала, глядя куда-то мимо Дана. В окно доносились детские голоса и тонкий — не собачий, а скорее лисий — лай.

— Никто ни в чем не виноват, — вдруг сказала она тихим чужим голосом. — Так вот живешь, живешь, а потом понимаешь — никто ни в чем не виноват. Убил бы ты меня — а виноват бы не был. И не убил — тоже не виноват.

— Не понимаю, — Дан напрягся.

— А никто не понимает, — сказала старуха. — Рожали нас, не спрашивали, хотим мы или не хотим. И мы рожаем, не спрашиваем. Так же и смерть принять... Пойдем, сынок.

— К-куда? — поперхнулся Дан.

— К Лекья-камнерезу. Он через скалы короткий путь знает. Проводит тебя. А ты подумал — к деревьям? Нет, не твой черед... Да и не смерть то, а многие жизни. Так говорят.

— И ты веришь, госпожа?

— Мне все равно. Идем.

— Моя жена... Она не хотела идти. Ее тащили. Несли. Она дралась. Я видел кровь на земле. Она любила меня, она хотела детей от меня..

— Лес дает нам что мы захотим. Но и берет что захочет. Она была лесной и посвящена лесу. Ты знал?

— Она была моя.

— Потом уже твоя.

— Зачем все это? Зачем? Ты ведь знаешь. Скажи!

— Кабы знать... А может, оно и лучше, что не знаем. Нам пора.

Она взяла Дана за руку, как маленького, и повела к двери.

В полость пушистого зеленого кокона шагнул он.

Все было как в дымке, как в зеленом тумане.

Налетели, кружась, легкие звуки.

Паутинки запахов липли к лицу.

Дан зажмурился и чихнул.

И все исчезло.

Все осыпалось, будто ветхой бумаге стало неважно от бешенства красок и бешенства времени. Пыль осела, растекаясь по полу и взвихряясь на сквозняках. Было пронзительно холодно, будто пленочка стен прикрывала собой массив вечного льда. Вито приподнялся на локте, сел. Он был один, и гипноген, присоединенный к эрму, висел на странном кронштейне: ржавой рапире, воткнутой в стену. Сквозь попискивание эрма проступала мертвая тишина.

Ноги подгибались. Мочевой пузырь был переполнен. Надо было выйти, но выходить не хотелось. Воздух пропитался страхом. Вито выдернул рапиру из стены, присел несколько раз, держа за кушетку, потом решительно подошел к двери и толкнул ее. Дверь вела на галерею в каком-то не очень большом зале. Господи, сообразил Вито, ведь это дом, который мы заняли перед... перед... Память дала сбой. Что-то не так. Ага, но если это тот дом, то туалет — вот эта дверь. Прекрасно...

До чего же человек зависим от проклятой гидравлики! Вытесняет все.

Облегченно застегивая штаны, Вито услышал за спиной шорох, обернулся — и подавился собственным криком. На него смотрело чудовище.

Оно спускалось по стене, бесформенное, покрытое бурой шерстью. Мохнатые суставчатые лапы шевелились, не столько передвигая тело, сколько ощупывая

путь. Несколько тусклых глазок, расположенных по кругу, смотрели тяжело и злобно. Волна жуткой вони ударила в лицо. Вито шарахнулся назад, инстинктивно выставляя перед собой бессмысленную рапиру, споткнулся об унитаз и повалился навзничь. Мелькнула мысль, что надо успеть заколоться, — и пропала. И все пропало. Вито долго лежал без движения, потом открыл глаза.

Измощенное лицо Томаша склонялось над ним.

— Вот теперь, кажется, получилось, — сказал Томаш.

— Может быть, — Вито сел. — Где остальные?

— Все здесь, — сказал Томаш. — Микк ранен. А Супер побывал у тех. Что-то они с ним сделали.

— Разберемся, — сказал Вито.

— Да, — кивнул Томаш. — Если честно, то на тебя вся надежда.

— Разберемся, — повторил Вито. — Скажи лучше, где тут сортир?

— Рядом дверь. Ты что, забыл?

Вито прислушался к себе.

— Нет, вроде бы все помню. Так — спросилось почему-то.

Он вышел на галерею, посмотрел вниз. Вильгельм и Стас сидели за стац-эрмом и что-то пытались вытащить. Проектор выдавал вулканическое борение форм. Будто парочка гигантских амёб осваивала все позы «Кама-сутры». На овальном столе неподвижно лежал Ноэль.

В сортире странно пахло: смесью горелого пластика с чем-то приторно-сладким. Пол был скользкий — присыпанный тонкой серой пылью. К журчанию воды в бачке примешивался какой-то посторонний звук. Вито нерешительно вошел, огляделся. Вдруг из-за унитаза деловито вышла крыса, посмотрела на Вито, постояла, развернулась и ушла обратно. От подобной наглости он оторопел. Нет, сначала дела, потом — крысы...

Дыра в стене была огромной: не крысиная, а просто барсучья нора. Зная, что делает глупость, Вито достал из кобуры свой «вальтер», передернул затвор, сунул руку с пистолетом в дыру и нажал спуск. Ахнуло глухо — и в лицо из дыры вылетело густое облако пыли. Закашлявшись, он отскочил и стал протирать глаза. На этот раз повезло: под тентом оказалась ручная лебедка

с выносной стрелой. Вот, возьми — Татьяна протянула ему чистый лоскуток. Дима приложил его к глазам, прижал, выдавливая слезы. Потом провел несколько раз — от висков к переносице. Лоскуток сделался черным. Стало можно видеть.

— Пожалуй, достанет до окон, — сказала Татьяна.

— Надо попробовать, — согласился Дима.

Вдвоем они развернули лебедку на ее предназначенных для рельсов колесах и подкатили к стене. Потом, крутя визжащий барабан, стали поднимать стрелу. До окон она не достала, но с ее конца дотянуться — можно было попробовать.

— Во-первых, я немного подлиннее, — предупреждая Татьянин ход, сказал Дима, — а во-вторых, я не устал — в отличие от тебя.

— У тебя же голова кружится, — сказала Татьяна. — Я же вижу.

— Все прошло, — сказал он.

Это было вранье, но ничего не сделаешь — приходилось врать. Он окончательно перестал бы уважать себя, уступил ей эту честь. Достаточно того, что вырубился во время боя...

— Ладно, — согласилась Татьяна. — Только давай мы тебя подстрахуем.

Страховка получилась надежная: тросом лебедки Диму опоясали, и Татьяна, стоя внизу, понемногу наматывала на барабан слабинку. Стрела покачивалась, и голова кружилась как следует, и два раза Дима чудом удерживался на своей ненадежной опоре — и все-таки докарабкался до верху, ногой оплел ржавый железный уголок — потом качнулся вперед и широко расставленными руками оперся о стену. Поднял глаза. До нижнего края окна было с полметра, не больше.

Но и не меньше.

Что ж... Он перенес ногу на верхнюю, последнюю перекладину, другую поставил на скобу, огораживающую ролик, перебирая руками, распрямил колени...

Стекло. Вот оно, стекло.

Теперь дотянуться до пожарного топорика за поясом...

Он понял, что не сможет этого сделать. Если он отпустит хотя бы одну руку...

Подумаешь, упаду. Я же привязан.

Организм сопротивлялся, как дурной. Он не понимал: привязан, не привязан... Он видел бездну под ногами.

Но нет и обратной дороги... Стрела качнулась под ногами, Дима чуть не сорвался, но удержался все-таки, упершись в стену локтями и лбом. Вот, пожалуй, теперь можно дотянуться до топорика...

Вслепую он рубанул по стеклу. Топорик отскочил. Он ударил сильнее — и вместо ожидаемого дождя осколков раздалось густое «чвак». Топорик застрял. Дима поднял глаза — стекло стало белым от множества трещин. Триплекс. В несколько ударов он вырубил дыру, за которую можно было уцепиться левой рукой. Теперь он почувствовал себя увереннее. Но все равно пришлось повозиться, пока удалось проделать достаточно большое отверстие.

Он постоял, держась за край окна и переводя дыхание. Плечи ломило. Жарко было невыносимо. Отдышавшись, он подтянулся, оперся грудью об острый край рамы и несколько секунд висел, вглядываясь в полумрак. Прямо перед глазами был блестящий хромированный поручень. Дальше — малопонятное: пульта, щиты, железные шкафы... Необитаемый вид. Дима перехватился руками за поручень и втянул тело в окно.

Пыль здесь лежала ковром. И пахло в первую очередь пылью. Он встал, освободился от троса, привязал его к поручню. Высунулся, помахал Татьяне и Павлику, крикнул: «Осмотрюсь и вернусь!» — и пошел осматриваться.

Помещение имело форму сектора. Таких, наверное, вокруг этого круглого зала должно быть штук восемь. Два массивных, будто отлитых из чугуна пульта стояли так, чтобы операторы сидели лицом к окну, а два других, поменьше и покомпактнее, — под прямым углом к ним. Дима осмотрел пульт, рукавом стеганки смахнув густую пыль. Под пылью обнаружили циферблаты в черных эбонитовых окантовках. На шкалах были цифры и какие-то полужнакомые символы. Ладно, потом вспомню. Голова еще не вполне своя.

А в противоположной от окна стене, между железных шкафов с рубильниками по бокам, он нашел обычную

дверь. Она была открыта. За дверью ощущалось не слишком обширное пространство. Дима постоял, дожидаясь, когда глаза привыкнут к темноте.

Это спасло ему жизнь.

Он уловил скольжение светового блика по стене до того, как услышал шаги, — и на всякий случай отодвинулся за створку двери. Рука сама забралась в карман, обхватила плотненькую рукоятку «ТТ». Придерживая левой рукой затворную раму через ткань ватника, Дима дослал патрон. Предохранитель был испорчен, и Архипов, повозившись с ним, выбросил его совсем. Архипов, подумал Дима. Неужели — правда?.. А я лежал, как теплое говно... Шаги приблизились и остановились.

— Чуха, секи масть! — раздался шепот. — Окно!

Окно! Дима, пятясь, оботнул железный шкаф и встал за ним, держа пистолет перед лицом стволом вверх.

После долгого молчания за дверью закричали:

— Эй! Выходи! Выходи, ничего не сделаем! Слышь, чего говорю?

Нашли дурака.

— Выходи!

Леопольд. Подлый трус.

Было странно легко и холодно.

Голоса забубили, а потом раздались тихие осторожные кошащие шажки — кто-то на полусогнутых, готовый к прыжку и падению, шел от двери к окну. Остановился, поворот вокруг себя — не заметил. Дима вжался за шкаф. Или заметил? Почему стоит?

Очередь оглушила его. Будто он сидел в железной бочке, по которой лупили молотками.

Вторая очередь была тише — стрелок перенес огонь на другую цель.

Железная стенка — на уровне груди — вздулась и пошла бугорками. Пули пробили только один слой железа.

Все дальнейшее было уже будто бы и не с ним.

Тот, в центре комнаты, намерен был убить его — не зная кого, не зная, вооружен ли противник... Значит, он получил право на ответный выстрел.

Дима сделал полшага и, не целясь, послал пулю в того, на полусогнутых, с автоматом у живота, — и, зная, что попал, тут же развернулся к двери. Второй — замер.

Он мог разнести Диму в клочья, потому что ствол автомата смотрел Диме прямо в живот, но — замер. Такое случается.

— Бросай, — тихо сказал Дима.

Автомат закачался на ремне над полом. Охранник чуть наклонился вбок, чуть присел, опуская оружие на пол, — и вдруг сделал какое-то движение левым плечом, и пронзительная, слепящая боль взорвала череп — одновременно с выстрелом. Сквозь красную пелену Дима увидел, как падает, хватаясь руками за воздух, охранник. Потом упал сам.

31. НИКА, ИЛИ СТЕЛЛА, ИЛИ АННАБЕЛЬ

Засовы завизжали — верхний, потом нижний, — и, чавкнув, открылась дверь. Снаружи была ночь. Густой зеленовато-желтый свет факелов залепил глаза. Чувствуя себя еще более слепой, чем в темном, наглухо закрытом фургоне, Стелла замерла.

— Выходи! — грубый голос.

— Не видят оне, — другой, гудящий, низкий. — Эй, дамочка, давай сюда руку!

Преодолев оцепенение, Стелла приподнялась, протянула руку вперед. Ладонь ее тут же утонула в огромной лапище, сильной и желающей быть осторожной.

— Придуряются, — сказал первый голос.

— Рук им велено не вязать, а вести так, — сказал второй. — И обращаться вежливо. Ты хоть понимаешь, как это — вежливо?

— Морочут нам голову господа... Ладно, соблюдаем. Давайте, остальные. Ты, черный, — выходи!

Понемногу зрение вернулось. Стелла огляделась. Их окружала стена, слева высилась круглая башня, и зубцы ее четко выделялись на фоне мерцающего неба. Десятка два солдат стояли во дворе, следя за выгрузкой арестантов, и еще на стенах угадывались смутные силуэты. В свете факелов лица казались лицами трупов.

Пальмер поддерживал Адама, вымотанного столь дальней дорогой, и Иппотроп по обыкновению ворчал

неразборчиво и боязливо. Даже выносливую, как сухой бамбук, Стеллу покачивало на твердой земле. Солдаты с факелами окружили их, и бородач, распорядившийся здесь, молча повел к темной дверце, видневшейся в основании башни. Семь ступенек вниз, пароль, протяжный скрип, коридорчик, новая дверь...

— Вам сюда, — сказал бородач, отходя на шаг.

Откинулась зеленая портьера... Круглый зал, убранный богато и тонко. Шандалы со свечами, запах воска и трав. Горящий камин, кресла, расставленные полукругом, стоящий человек. Тот самый, «повелитель мух», Доверенный — так правильно. В мягком домашнем костюме, без колпака. Пепельные волосы — по плечам.

— Прошу вас, — вставая, он слегка повернул одно из кресел, приглашая Стеллу садиться.

Задержав дыхание, Стелла пересекла зал и села в предложенное кресло. За ней сели остальные. Хозяин — последним.

— Я надеюсь, вы простите меня за неудобства в дороге, — сказал Доверенный. — Это было неизбежно. Но теперь всё — почти всё — позади. Я сыграл свою партию. Вступаете вы. Вы не узнали башню?

Стелла покачала головой.

— Дворцовая тюрьма. Вернее, вход в нее. Сама тюрьма там... — он опустил руку к полу. — Предписано было бросить вас в камеру без выхода.

— А почему — не убить на месте? — спросила Стелла. — Как всех прочих?

Она удивилась своим словам, и Доверенный тоже удивился и пристально посмотрел на нее.

— Я думаю, этим вопросом вы уже дали ответ, — сказал он наконец.

— Может быть, — сказала Стелла опять не свои слова. — Если так, то давайте поскорее покончим с неопределенностью.

— Одну минуту, — сказал Доверенный. Из кармана он вынул колоду карт и распечатал ее. Это были длинные и узкие гадальные карты сул-киз, с чисто белыми, без рисунка, рубашками. — Возьмите карту, — он протянул колоду Стелле.

Твердой рукой она вытащила карту откуда-то из середины.

За ней карты взяли Адам, Ишпотроп и Пальмер. Последним вынул карту Доверенный.

— Дайте мне. — Он перетасовал маленькую колоду, потом стал выкладывать карты картинками вверх по закону сул-киз. — Здесь и сейчас, — он посмотрел на Стеллу и едва заметно покачал головой, — вода и железо, ночь и веревка, путь дракона и путь зверя, конец и начало. Вот и все.

— Вы сомневались? — одними губами улыбнулась Стелла. — Где наши принадлежности?

Было противно и стыдно чувствовать в себе чужую волю и угождать ей — и вместе с тем пришло чувство близкого освобождения, и требовалось именно подчиняться этой чужой и, в общем-то, не злой воле и делать все как можно лучше.

Наверное, остальные чувствовали то же самое: Пальмер, стараясь не спешить, раскладывал на полу содержимое старого солдатского ранца, и Адам, не в силах погасить лихорадочный блеск в глазах, с деланным равнодушием рассматривал ножи с витыми рукоятками, ожерелья из темных камней, стертые временем монеты, кольца, кулоны, и Ишпотроп, не знающий тайн, сидел неподвижно, вцепившись в подлокотники, и пальцы его побелели.

— Вот он, — сказала Стелла, когда рука Пальмера извлекла со дна ранца плоский зеленый камень с глубоко прорезанными неизвестными буквами. И когда она сказала это, легкий жар стал исходить от камня.

Доверенный вдруг встал и попятился, и Стелла, отметив это каким-то далеким и не очень важным краешком сознания, тем же краешком слегка усмехнулась.

Пальмер опустил камень на пол и отодвинулся от него, а Адам и Ишпотроп, напротив, потянулись к камню, и Стелла подошла и опустилась на колени, протянув руки и повернув их ладонями вниз. Все уже делалось само, и важно было лишь не нарушить целостности происходящего. Призрачный, проходящий насквозь жар усилился, заставляя ежиться кожу. Скользящая волна приподняла руки Стеллы и опустила, и все остальные

точно так же протянули руки и повторили это движение. Зеленое сияние, похожее на светящийся дым, стало подниматься от камня вверх, коснулось ладоней и закрубилось, образуя туманный шар. Шар стал подниматься, увлекая их за собой, и Стелла, потом Адам, потом остальные встали на ноги, подняли руки... шар висел над головами и светился все сильнее и сильнее, и в свете его стал виден холодный заваленный шлаком камин, голый, без ковров, пол из плохо подогнанных каменных плит, стены без драпировок и гобеленов, исписанные примитивными заклинаниями от нечистой силы, — и тут шар оторвался от рук, и все четверо, обессиленные, рухнули на пол, будто кто-то разом обрезал поддерживающие их и управляющие ими нити, — и Стелла увидела свое падающее и потом уже лежащее тело со стороны, снизу, от самого пола, — и продолжала видеть, удаляясь, двигаясь куда-то спиной вперед, так что она не видела — куда, а видела только — откуда. Промелькнули зал, еще какие-то комнаты и переходы, двор, похожий скорее на колодец, потом пришла темнота — и острый звериный запах.

Аннабель выпрямилась и, подчиняясь инерции движения, сделала несколько шагов вперед, преодолевая слабое сопротивление — будто бы нитей, натянутых поперек хода. В синих мелких всплывающих виден стал Берт, встающий с колен. Генерал и улан тоже были поблизости, их Аннабель не видела, но вполне чувствовала. Руки жгло незримым огнем, огонь вливался в тело, заставляя его расти и твердеть, и тело обретало вес брони и мощностъ взрывного механизма. Все вокруг заливал синий свет, и понимание, что свет этот исходит от нее, не удивило Аннабель. Она отлично знала, где она и ее соратники находятся, каков их маршрут и задача — ближайшая и отдаленная. Берт, огромный и страшный, приблизился к ней. Им не было нужды переговариваться, чтобы понимать друг друга. У генерала и улана была своя задача, и они уже начали выполнение ее. Стальные кружева старой клетки скрежетнули и рассыпались под ногой. Аннабель попыталась улыбнуться, но лицо не подчинилось ей. За решетками молчали испуганные до смерти звери — и лишь обезьяны глупо икали. Аннабель

почти летела вперед, и Берт был рядом с ней: плечо в плечо.

— Моншер, — сказала Аннабель сухо, — я никогда не прощу вам того, что вы делали со мной, будучи зверем.

Но скрыть своих мыслей она не могла, и поэтому Берт ответил:

— А я — никогда не забуду.

— Что ж, — сказала Аннабель, — может быть, эта формула более точная.

Чугунные узорные ворота возникли на пути, и Аннабель легким движением плеч, подходя, выбила их — с воем повисли на петлях створки, и что-то — замки? — врезалось, высекая искры, в стену и ушло в небо рикшетом. Так же она могла выбить и стену, но это потребовало бы слишком больших трат — а в преддверии боя она не могла себе позволить их. Они вновь пересекли двор, куда их привезли и где выгружали из арестантского фургона — не их, а подменьшей, конечно, но слишком большую часть их личностей несли подменьши, а иначе было нельзя, зверей заподозрили бы, — и метнувшиеся наперерез солдаты отлетели, оглушенные, а стрелы сгорели в воздухе, не приблизившись, — Аннабель не желала убивать, еще много убийств предстоит им сегодня, и не нужно ненужных, — и шагнули в ту же самую дверь, и пересекли зал-ловушку, наивную и трогательную в этой наивности, и миновали четверых циркачей, понемногу приходящих в себя, и нашли след того, кто побежал докладывать, что ловушка не сработала и вся операция сорвалась, и вот теперь Аннабель выбила стену — рядом с камином — и скатилась первой по уходящей в глубину лестнице, а Берт, раскинув мысленную сеть, шел следом и прикрывал ее от внезапностей, и из боковой ниши прыгнули два одетых в невидимое черное гернота с пламенными мечами, но Берт успел ее предупредить, и Аннабель встретила их в готовности, и герноты растеклись по стене пузырящимися громадными пятнами. Это была первая засада на их пути и первая проба сил...

Сплоченный отряд ждал их в Золотом зале дворца. Около полусотни гернотов и людей в готовности к страш-

ной схватке стояли, замерев, и умерли почти сразу — Аннабель нанесла удар всею своею силой, не оставляя им ни шанса. Кровавые валы докатились до стен и хлынули назад, но Аннабель и Берт неслись дальше, и двери дворцовых залов разлетались черной щепой при их приближении. Изоощренная магия гернотов была бессильна перед ними — потому что их внутренняя сила сама отыскивала магические предметы и испепеляла, или выворачивала, или выталкивала в изнаночный мир... Рушились стены, каменные и мнимые, обнажая бессильные пламенные жерла и стальные невидимые косы, и распадались в пыль так и не успевшие ожить глаза василисков за мгновенно истлевшими порттьерами, и замирали механизмы хитроумных ловушек над бездонными колодцами, наполненными каменным маслом, — сдвоенной мощью нанесли удар Аннабель и Берт по базальтовому дракону, шевельнувшемуся в своем подземелье, и обломки не набравшего гибкости камня глубоко ушли в землю и успокоились там — а все новые и новые двери распахивались перед ними, летящими по сложной траектории, по ломаной спирали, сходящейся к тронному залу, а за их спиной начинало гудеть простое пламя, отрезавшее путь тем, кто был в тронном зале, и тем, кто хотел бы попасть туда — по долгу или по склонности. Аннабель знала, что еще одна такая же спираль чертится по верхним этажам дворца, а другая — по подземным тайным ходам, а по всей стране вблизи кладбищ или на развилках дорог вздымается земля, и из могил встают мертвецы, убитые и изувеченные креатуры Дракона, теперь имеющие силу и власть перед теми, кто их убивал, и черными призраками мчатся над землей туда, где магия гернотов искажает линии мира... сотни оживших снарядов, знающих свою цель.

В один миг — рухнули вместе с передней стеной парадные двери тронного зала, и проломился лепной старинный потолок, и вздыбился, разлетаясь, паркет работы мастера Мапэртиуса. Король Герман поднялся с трона, нечеловечески огромный и жуткий. Черная блестящая мантия обливала его.

— Ты пришла, — сказал он равнодушно, и эти слова значили что-то совсем другое.

— Да, я пришла, — сказала Аннабель, и в ее ответе, неожиданно для нее самой, прозвучал скрытый ответ на скрытый смысл слов Германа.

Ничто не зависело ни от нее, ни от него — просто один из них должен был сейчас окончательно умереть.

Аннабель окинула быстрым взглядом кровавые кляксы на полу и стенах. Их было много. Но герноты все еще оставались во дворце и вокруг дворца — и, опомнившиеся, они могли стать опасны. А здесь... здесь никто не имел права помогать или мешать ей.

Берт понял ее. И генерал, и улан — поняли тоже. Они прошли рядом с нею, и Аннабель увидела, что они ничем не отличаются от Германа. Наверное, она сама от него ничем не отличалась.

Она ударила первой — изощренный удар под правый локоть в середину тела. Не нужно было иметь клинок в руках, чтобы драться в этом бою. Герман отвел удар и закрылся, не нанося ответного.

Зачем все это, сестра?

Аннабель отступила на два шага, присматриваясь к его защите.

Ты знаешь сам.

Герман провел осторожный выпад и быстро вернулся в защиту.

Нет, я не знаю. Все было не так уж плохо.

А если попробовать так? Атака «салимджан»: два ложных замаха и удар в бедро. Мимо.

Не так уж плохо — если не считать господства чужих.

Герман провел ответную атаку, уже смелее. У него были тяжелые, но весьма медленные удары. Аннабель отбила их и нанесла прямой короткий в грудь. Германа отбросило к стене.

Господства? Значит, ты ничего не поняла!

Стена позади Германа рухнула, в пролом ворвалось пламя.

Чего я могла не понять?

Аннабель задержала последний удар. Герман вдруг опустил руки.

Поздно. Все поздно. Уже не объяснить. Уже не сделать. Бей.

Нет.

Бей!

Говори!

С грохотом рушилась кровля.

Мы проиграли, сестра. Мы, люди, — проиграли. Когда бьются высшие силы — проигрывают люди. Альбаст погибал, когда пришли чужие. Они усмирили магов и стали очищать мир. Они вернули мне разум — и не только мне. Еще немного, еще несколько лет — и Альбаст стал бы жемчужиной. Но магам в нем не нашлось бы места. Тебя послал Яппо?

Да.

Ты кукла, сестра.

А ты не кукла, брат?

На мне — просто доспехи.

Сними. Покажись.

Хорошо...

Миг — и высокий состарившийся мальчик стоял перед нею. А потом — черный вихрь смахнул его с лица земли и растворил в общем крошечке. Нет, нет, нет, кричала Аннабель, пытаясь освободиться от прежней личины, вновь овладевшей ее сутью. Дворец рушился вокруг, пылающие балки сыпались мелким дождем, и зарево поднималось над городом. Аннабель звала, но голос ее не был слышен. Стены были уже ей по пояс, и короткими ударами она расплывала их во все стороны. Пламя, замирая при ее приближении, вспыхивало за спиной с новой радостной силой. Сотни их было — разрушающих чудовищ. Аннабель металась в своем теле, ища выход наружу. Дверь, дверь, замок, защелка, кнопка...

Она ползла, пытаясь спрятаться от испепеляющего зноя, и клочья огня падали ей на спину. А потом чьи-то сильные руки подхватили ее и понесли — и на секунду она позволила всему пропасть. Ржание многих коней было тем, что вернуло ее на поверхность сознания. Ржание многих коней — лоснящиеся спины и вскинутые головы, и пламя близкого пожара отблесками на всем, что есть. Чья-то рука обнимала ее поперек груди, прижимая и удерживая в бешеной скачке. Лошадиная река утекала в темноту. Потом еще один всадник поравнялся

с нею и что-то крикнул... крикнула. Это была женщина. Не было сил различить ее голос за ревом огня. За ржанием. За водопадным шумом копыт. Но она продолжала кричать, будто это могло на что-то повлиять и что-то изменить.

— Да! — ответила Аннабель. — Да, да, да!

Женщина махнула рукой.

У нее были светлые волосы и узкое лицо. Аннабель знала ее имя.

32. ЛОТ

Сначала все было как в вязком повторяющемся сне, и даже встречные фары в переулке — но здесь было где укрыться, и машина скользнула мимо, не остановившись. Выждав даже больше, чем нужно, Лот шагнул из подворотни, осмотрелся. Вернулся за Никой. Взял ее за руку, повел. Она шла покорно, уже не задавая вопросов. Это была не та Ника, которую он помнил. И он сам был не таким, каким помнил себя. Но оба они пережили насилие над собой, над своим естеством, и оставалась надежда, что все вернется.

Не бойся, подумал он, обращаясь то ли к ней, то ли к себе. Выберемся отсюда и сразу пойдем к эрмерам. Они знают, что нужно делать с такими, как мы. Они знают, что нужно...

У поворота, откуда появилась машина, он остановился. Направо, довольно далеко, видны были ворота — ярко освещенные и хорошо охраняемые. А прямо — и близко — серела стена: высокая, с колючкой и сторожевой сигнализацией по гребню. Но он и не собирался лезть через стену.

Почти идеальная зрительная память не подвела его: как и значилось на схеме, на углу дома напротив стояла телефонная распределительная коробка, и рядом с ней — штук шесть телефонных будок. Мальчишеская мысль возникла внезапно, как дурацкий смех: взять и позвонить отсюда Меестерсу... Дорогу они пересекли не спеша и деловито. Если наблюдают, то меньше вероятность, что заподозрят неладное. Впрочем, солдаты смот-

рят скорее наружу. Им мало охоты знать, что делается внутри закрытых кварталов. Так надежнее.

Хотя, конечно, могут быть — да и есть наверняка — и другие наблюдатели... Положимся на милость судьбы, потому что больше не на что положиться.

Перед коробкой, как и следовало ожидать, был люк. Автомобильной монтировкой — ничего более подходящего в лаборатории не нашлось — Лот приподнял крышку, подсунул под край ее ботинок, потом ухватился поудобнее и отвалил ее в сторону. По роду занятий ему приходилось спускаться в канализационную сеть — тамощние крышки были, кажется, легче. Наверное, кажется. Сразу запахло горелой изоляцией. Пожар внизу? Лот принюхался. Вряд ли, запах стоялый. Он достал фонарь, включил. Скобы шахты были на месте. Спускайся, сказал он Нике, я за тобой. Она послушно полезла вниз.

Самое сложное оказалось — задвинуть за собой крышку. Лот сбил пальцы и запыхался, будто влез на двадцатый этаж. Давненько я не лазил на двадцатые этажи... Сердце вело себя на редкость достойно. Как солдат. Медаль, подумал он. Медаль и двухнедельный отпуск...

Все. А вот теперь — не потерять направления. Туда. Ника ждала. Одна и в темноте. Идти приходилось согнувшись, чтобы не задевать длинный липкий пух, свисающий с кабелей. Шагов через сорок путь преградила решетка.

Значит, идем правильно.

Лот вынул из кармана пилку, но, взяв в руку висячий замок, убедился: он не первый, кто тут шел. Дужка была перепилена у самого основания.

Спасибо, ребята, подумал Лот, за каким бы делом ни шаствовали вы сюда...

Потом он аккуратно закрыл за собой решетку и повесил замок на место. Вот мы и за стеной, с непонятной тревогой подумалось ему.

Вскоре туннель приобрел заметный уклон. Лот попытался вспомнить рельеф местности. Да, верно, здесь должна быть выемка, широкая такая лощина, ничем не занятая... и справа она упирается в набережное шоссе. Если выйти на поверхность где-то здесь, то за час можно

добраться до жилых кварталов. Но — слишком уж близко от стены.

Наверное, под землей надежнее. Хотя, как говорят ремонтники, километр под землей — это три по улицам. Эффект близкого горизонта. Ничего. Дорога всегда кончается.

Спуск прекратился, туннель стал чуть шире. Воздух был сырой и почти горячий. В полу попадались решетки — над дренажными каналами. Сквозь решетки выходил смрадный пар. Завтра проверить, отметил про себя Лот. Впрочем, это не его район...

Туннель резко свернул вправо и шагов через сто влился в гораздо более широкий и высокий — и даже с проложенными по полу вагонеточными рельсами.

Странно. На плане коммуникаций этого не было.. хотя, конечно, на планах коммуникаций много чего недоставало. Видимо, какая-то заброшенная хреновина на случай войны.

На случай войны, подумал Лот. Сегодня это почти ностальгически. Войны не понадобилось...

А что понадобилось? Что?

Не знаю. Вдруг все поползло и растеклось киселем... Будто вынули какой-то маленький, но главный гвоздик. И вот — все как было, но — по отдельности. Каждая деталь на месте, но — сама по себе.

Не было гвоздя — подкова пропала... враг вступает в город, пленных не щадя...

Теперь идти было легче — не требовалось сгибаться. Ника равнодушно шагала рядом. Ничего, маленькая, посмотрел на нее Лот — и вдруг ощутил где-то в глубине остаток прежней нежности. Ничего, уже с робкой радостью подумал он, все образуется, все еще будет хорошо...

Низкое гудение коснулось ног, потом ушей. Было что-то впереди, и сначала Лот подумал: трансформатор, — но нет, у трансформаторов тон выше. Впрочем, все, что оставалось, — это идти вперед и быть осторожным. Выходов на поверхность пока не было.

Он считал шаги и насчитал четыреста, прежде чем в луче фонаря возникло черное, не отражающее света пятно на левой стене — и блестящие, как рельсы, перила вдоль этого пятна. Гудение стало громким, утне-

тающе-пульсирующим. Оно напоминало что-то — совсем недавнее, — но оно же и забивало саму возможность вспомнить. Наконец они поравнялись с перилами и остановились.

Гул шел отсюда и вонь горелой изоляции — тоже. Почти невозможно стало дышать, но почему-то вдруг не получалось, зажав носы, пробежать поскорее мимо этой непонятной ниши. Лот направил в нее луч фонаря. Луч стал ясно виден, как бывает он виден в тумане или в пыльном воздухе мучных складов. И все же, привыкнув, глаза стали различать контуры нового пространства.

В перилах, где они стояли, была дверца, и от дверцы вела вниз узкая металлическая лестница с дырчатыми ступенями. Там, тремя метрами ниже, шла кольцообразная галерея. Противоположный край ее почти терялся в тумане. До него было метров тридцать-сорок. Но там, кажется, была такая же лестница — уходящая к люку в потолке. Потолок решетчатый, и к нему и сквозь него идет этот туман — значит, там есть ход наружу.

Ниже галереи луч не проникал — туман был слишком плотен. Наверное, не туман, а дым. Потому и запах. Не опасно ли будет спускаться? Потравимся к чертовой бабушке... или задохнемся...

Есть же спичка и свеча! В пещерах всегда ходят со свечами — чтобы не влететь туда, где нечем дышать. И можно сделать даже проще...

Лот зажег спичку и уронил ее вниз. Искорка, не потухая, упала на настил галереи и еще секунду-другую догорала. Кислород есть...

Или все-таки пойти прямо? Он с сомнением посмотрел вдоль туннеля. Черт знает, куда могут привести эти рельсы...

Дверца не открывалась, заклинилась или заржавела, но перила были по пояс, и Лот перелез через них и помог перебраться Нике.

— Держи свечу, — сказал он, поджигая фитилек. — Старайся не погасить... — И улыбнулся. Ника неуверенно улыбнулась в ответ.

Ступеньки лестницы слегка прогибались, и вся лестница подрагивала под двойной тяжестью. И так же стал вздрагивать настил галереи, когда они на него ступили.

Свеча горела спокойно.

И даже запах гари стал не столь ужасающ. В нем появился странный арбузный оттенок.

До лестницы осталось несколько шагов, когда Лот краем глаза уловил какое-то мягкое движение в тумане. Он рефлекторно повел туда лучом.

Всего лишь плотные клубы тумана вздымались со дна этой шахты. Лот догадался, что это шахта, — почувствовал бездну под подошвами. Но предвестие чего-то ужасного накатило еще быстрее, чем чувство бездны.

— Скорее вверх! — шепнул он Нике, и она послушно обогнала его и взялась за перекладину лестницы — и в этот миг настил кольхнулся, как понтонный мост под волной, и множественный электрический треск перекрыл теряющее громкость гудение. Из туманных клубов, взлетевших до решеток потолка, вдруг выплыли тонкие сверкающие нити. В луче фонаря они сияли всеми цветами спектра: красным, желтым, зеленым и синим. И эти же нити поднимались из отверстий в настиле — вокруг Ники, и уже оплели ее ноги и поднимались выше... и Лота, шагнувшего к ней, вдруг приподняло новой волной и отнесло назад, и он, еще не поняв беспомощности своей, продолжал бежать к ней, а его относил и относил назад — будто между ним и Никой с тихим шепотом взрывались пылинки спрессованного пространства, обращаясь в метры, еще метры, и еще метры, и десятки метров... он только видел, как застывает ее тело, и на обращенном к нему растерянном лице живут одни глаза, а в глазах вместе с поздней нежностью возникает чужое нечеловеческое наслаждение — нити оплетали ее всю, она сверкала миллионами точечных бриллиантов, остриями алмазных игл, — Лот уже стоял в туннеле, вцепившись в перила и только так сопротивляясь мягкому, но могучему нажиму, — а потом померк свет в глазах, а когда свет вернулся — неровным желтым пятном с поперечными серыми полосами — уже ничего не было. И сквозь внезапную пустую тишину Лот различил далекое позвякивание. Он сделал шаг назад и приложил руку к рельсу. Едут...

Он нашел себе место, чтобы пропустить вагонетки и не быть замеченным.

Верхом на шахтном мотовозе ехал человек в черном защитном комбинезоне, в противогазе и с автоматом на груди. Точно так же был одет машинист. К мотовозу была прицеплена платформа с чем-то бочкообразным под брезентом. Еще двое в противогазах сидели на платформе — лицами назад. Лот стоял замерев — сзади горели не только красные огни, но и рассеивающая фара. Его могли увидеть. Не увидели...

Состав превратился в туманное пятнышко, а потом исчез совсем, — видимо, за поворотом. Четыреста шагов, помнил Лот. Не ошибиться поворотом, не пропустить... здесь. Да, здесь. Незнакомо — но так всегда, когда возвращаешься. И ближе. Дорога короче. Так тоже — всегда.

Дорога короче...

Лот боялся только, что не сможет откинуть крышку.

Падая, рукой удерживая прыгающее сердце, он забил в щель телефона магнитную карточку и, не попадая по кнопкам, и сбиваясь в счете, и начиная снова и снова, набрал номер Меестерса.

33. НОЭЛЬ

— Полный бак? — механик удивленно посмотрел на Ноэля. — Это же пять часов!

— Угу. — Ноэль жевал спичку и старался лишний раз не смотреть на маску, прикрывавшую распадающийся череп механика. — Пять часов.

— Я не возражаю, конечно, но ваш друг... неважно выглядит, — механик заговорщицки кивнул в сторону Микка.

— Ничего, — сказал Ноэль. — Если он наблюдает в кабине, я уберу. Сам.

— Пять часов болтаться над городом, — пожал плечами механик. — Ну, как желаете. Мое дело — предупредить.

— Предупредить, — повторил Ноэль.

Механик странно посмотрел на Ноэля и открыл кран. Стрелка медленно ползла по шкале бензомера.

— Спасибо, — сказал Ноэль и отдал членскую книжку Микка. — Могу заплатить сейчас, могу потом.

— Вам выпишут счет, не беспокойтесь.

— Я никогда не беспокоюсь. Ни о чем. А вы?

— У меня большая семья, — сказал механик и посмотрел в книжку, — сэр рыцарь меча.

Нозль вернулся к машине. Микк стоял, как и десять минут назад, синевато-белый и мокрый от пота. Но — живой. За весь сегодняшний день Нозль видел живых человек шесть-семь.

— Кабриолет подан, — сказал он Микку. — Мадемуазель Флора, — он наклонился и подал руку. — Прощу вас...

Флора гибко выскользнула из машины. Нозлю она нравилась все больше и больше. У Микка хорошо поставлен взгляд, подумал он, я на нее и внимания бы не обратил... Флора тоже была живая.

— Ну что, Виль? — спросил он Вильгельма — в последний раз. — А то, может?.. Одно место еще есть.

Вильгельм покачал своей целлулоидной головой.

— Летите, — сказал он. — Удачи.

— И тебе удачи, Виль, — сказал Нозль.

Он подхватил сумку с эрмом и зашагал к самолету. Микк и Флора последовали за ним.

В кабине было чисто и прохладно — кондиционер уже работал. Микк, как понимающий толк в управлении самолетами, сел на пилотское место. Пилотским оно было, конечно, чисто условно: просто перед ним был выведен дисплей автопилота. Нозль сел рядом, Флора — на заднем диване.

— Поехали, — сказал Микк и ткнул пусковую клавишу.

Пока автопилот хорошим голосом объяснял насчет поведения в полете, потом запускал двигатели и выкруливал на полосу, Нозль откручивал приборную панель. Собственно, добраться нужно было лишь до разъемов бортпроцессора. Самолет замер в начале полосы и пошел на взлет, а Нозль продолжал копаться в выводах.

— Дай ему взлететь, — выжал из себя Микк.

— Болит? — посочувствовал Нозль.

Микк откинулся на спинку. Ему было очень плохо.

— Если вы хотите послушать рассказ о нашем прекрасном городе, нажмите клавишу «Да», — сказал авто-

пилот. Сенситивным устройством он оборудован не был. И это хорошо — иначе, имея на борту Микка, он просто не стал бы взлетать.

Клавишу, естественно, никто не нажал, и автопилот в молчании заложил вираж в сторону моря. Под крылом проплыл стадион. На поле гоняла мяч какая-то команда. Одна, сама с собой. Потом появилась серая, в узорах, похожих на спил дерева, полоса пляжа. Потом — море.

— Можно? — спросил Ноэль. Микк кивнул.

Ноэль совсем отодрал панель и сунул ее вниз, под ноги. Разноцветные ленты кабелей позволяли это сделать. Ага, вот у нас сам процессор — еще «ПИК 4xE», старина, надо же... а вот программный блок. А поступим мы... а поступим мы вот так...

— Принимай управление, — сказал он Микку.

— Уже все?

— Да. Но учти — здесь программа для истребителя, — похлопал он по эрму. — Так что делай поправку на моторчики...

— Джойстрика нет?

— Могу сделать голо.

— Давай. А педали?

— Вправо-влево? Поворотом головы. Закрываешь левый глаз и поворачиваешь голову. Ну, попробуй.

Микк попробовал. Призрачная ручка управления двинулась за рукой, и самолет послушно покачивался в такт этим движениям. Так же послушно, даже чуть торопливо, он разворачивался, следуя поворотам головы.

— Отлично, — сказал Микк.

— Рутиня вся на аппарате, — сказал Ноэль. — Устойчивость, курс. Твое дело — творческое.

— Так бы всегда, — сказал Микк. — Ну что — спрямим курс?

— Нет, давай вдоль берега, — сказал Ноэль. — И еще долго — вдоль берега.

— А правда, красивый город, — сказал Микк. — Издалека особенно.

— Красивый, — сказал Ноэль. — Не плачьте, девушка.

— Я уже не плачу, — сказала Флора.

34. ТАТЬЯНА

Это были, наверное, самые страшные минуты — когда наверху гремели очереди, а она здесь, внизу, ничего не знала и ничего не могла сделать. Это было страшнее, чем бой с оборотнями на чешуйчатых конях и даже бой с драконом. Хотя тогда ей казалось, что самое страшное — именно это... И даже не очереди, нет, — самым страшным была наступившая после тишина. Что же теперь? Она не видела никого, а ее мог видеть кто угодно — отовсюду. И Пончик — почти в обмороке и ничего не может... Это и есть паника, подумала она потом. А тогда, набросив на Пончика пропыленный чехол и ухватив наган зубами за скобу, чтобы не рыдать, полезла по стреле, по тросу, заглянула в окно — лучшей мишенью она никогда не была... Почему-то сначала она увидела только Диму — те двое, в темно-сером, не сразу попали в поле зрения. Только пробегая мимо, она поняла, что это люди, что это они стреляли... Дима лежал на спине, и из правого, залитого кровью глаза у него торчал нож.

Она сразу поняла, что он жив, что он без сознания, что от нее сейчас все зависит... И что торопиться не следует, а следует немного подумать, повспоминать и подготовиться — хотя бы морально. За без малого два месяца ошеровских боев она научилась многому. Так... снять ватник, снять рубаху, рукав долой — пригодится... долой оба рукава. Окса, миляга, ты знала, наверное, на что пойдут твои рубахи... Сразу — бинты. А вот этим — уберем кровь... Господи — глаз не вытек! Веко разрезано — зарастет! Лезвие вошло в глазницу, отодвинув глаз. Теперь бы не повредить, вытаскивая... Левой рукой Татьяна обхватила Димино лицо, удерживая голову, а правой — одним мягким и точным движением извлекла нож. Кровь — это ничего... это вытекает, которая скопилась. Потом она положила на глаз свернутую тряпицу, обвязала голову бинтом. Дима застонал и заворочался. Лежи, Димочка, не шевелись. Он услышал голос и расслабился.

Только потом она встала и подошла к тем, в серых комбинезонах. Один, лежавший близко и лицом вниз,

был здоровым амбалистым парнем — таких она не любила. И не жалела, если с ними что-то случалось. А второй вдруг оказался похож на мертвого Мишку, каким он недавно приснился. Не лицом, а — непринадлежностью к сильным. Нет, неправильно, Мишка был сильный, но это была какая-то не такая сила. Да, Мишка был сильный, а этот просто пацан. Пацана жалко, но он безусловно мертв: пуля попала в лоб. Дима стал классным стрелком...

Теперь стоило позаботиться о Пашке. Татьяна помнила, что у какого-то агрегата там, внизу, была сбоку приварена легкая лесенка ступенек на пять. Как раз — от стрелы до окна... Это заняло час. И еще час ушел на то, чтобы затянуть Пончика ремнями поверх ватника по ребрам. Он никак не мог поверить в то, что это уменьшит боль. Наконец согласился: выдохнул и замер... Животом дыши! Вот так. Пончик выглядел глупо. Впрочем, после этого и по стреле, и по лестнице он вскарабкался, как обезьяна.

Дима уже пришел в себя и мучался жуткой болью. Ему надо было дать промедол или, на худой конец, анальгин. Надо было положить лед на рану. Ничего этого не было.

— Ты побудь с ним, — сказала Татьяна, — а я поброжу...

Пашка кивнул.

В магазине калаша осталось девять патронов. Татьяна взяла автомат амбала. Автоматик был маленький и ни на что не похожий. Но как обращаться с ним, было вполне понятно. Еще она забрала у амбала фонарь.

За дверью воняло пылью и плесенью, как и должно вонять в пустом доме. Эти двое, теперь уже мертвые, протоптали в пыли весьма заметную тропинку, и Татьяна, не особо раздумывая, пошла по ней — держа на всякий случай взведенный калаш у плеча стволом вверх. Вид был скучен — учреждение, из которого при отъезде забрали все нужное, но побросали старье и хлам. Окон не было видно нигде, лампы, естественно, не горели. Один раз ей попалось освещенное помещение: длинный, высокий и широкий коридор со светящимся, как в том круглом зале, потолком. Он напомнил Татьяне москов-

ский ГУМ. Вдоль всего коридора проходила выложенная мрамором канава с перекинутыми через нее мостиками разной формы. Захотелось зайти туда и посмотреть все подробнее, но дорожка шла мимо. А шагов через двадцать в проеме двери возникли тусклые множественные огоньки — как вид Ошерова с Катериной сопки.

35. МИКК, ИЛИ ПАВЛИК

— Наверное, надо как-то попрощаться, — сказал Микк.

— Давай, — сказал Ноэль.

Они обнялись.

— Думаю, этого достаточно, — сказал Ноэль.

— Мы, наверное, уже не увидимся никогда, — сказал Микк.

— Ну и что? — сказал Ноэль. — Только ли мы?

— Ты прав. Ладно, счастливо добраться. И... а, ты все сам знаешь.

— Тебе тоже — счастливо добраться.

Микк, стараясь не оглядываться, запрыгнул в кабину, пристегнулся и дал газ. Самолет быстро разбежался и легко оторвался от асфальта. Набрав немного высоты, Микк заложил вираж и прошел над местом своего взлета. Ноэль, не поднимая головы, топал по шоссе. Идти ему еще оставалось часа два. Столько же, сколько Микку лететь.

Море появилось впереди — сверкающей полосой. А справа, страшно далеко, там, откуда они прилетели, висела темно-синяя, почти черная туча, висела низко и тяжело. Он оглянулся: Флора спала. Спала, почти повиснув на привязном ремне. Хорошо, подумал он, не надо ей этого видеть...

Море уже было внизу, синее, в белых черточках коротких волн. Самолет ощутимо подбрасывало. Ветер начинал тянуть в адскую топку. А может быть, и без всякого людского вмешательства ему было положено дуть именно так. И вдруг в море, в глубине, под этой острой рябью, — он увидел лицо. Свое лицо. Огромное свое лицо. Оно медленно всплывало к поверхности... кос-

нулось ее... и исчезло. Это было так отчетливо и так невозможно, что Пашка отшатнулся от окна. Самолетик — со стрекозу размером — удалялся неторопливо и солидно. И внезапно исчез — на фоне темных, отражающих свет круговых окон. Пашка долго ждал, когда он появится снова, — но самолетик не появился. Тогда он вернулся к Дим Димычу.

Дим Димыч был почти плох. Эта новая рана добавилась к недавней контузии, от которой он даже не начал оправляться. Зачем его взяли такого? С десятков парней можно было найти, которые... Ха! А зачем взяли меня, Таньку, Марью Петровну? Все было не просто так...

— Пав... щи... воды... — невнятно, челюсти не разжались, сказал Дим Димыч, но Пашка его понял.

Конечно, такое здание не может быть без водопровода, это ясно, — но есть ли вода в трубах? Все это пахнет то ли разрухой, то ли эвакуацией. А если вода есть — в чем ее нести? Намочу рубаху, подумал он. Выйдя, он постоял, пытаясь логически решить, где может здесь быть туалет, — и вдруг раздался крик — и автоматная очередь!

Кричала Танька.

На бегу передергивая затвор своего самопала, Пашка понесся на звук. Каким-то восьмым чувством — сломанными ребрами — он угадывал двери. Позади нервно частил Дим Димыч.

Еще очередь. И еще.

36. ТАТЬЯНА

Она вошла и стала на дороге. Да, это было логово тех — и это был центральный пульт, или командный пункт, или пост управления, — в общем, что-то важное и существенное. По всему периметру зала тянулась непрерывная приборная панель: миллион самых разнообразных циферблатов, полукруглых и линейных шкал; иногда попадались темные, расчерченные сеткой, экранчики. У Мишки в комнате над столом висел учебный плакат: контрольные приборы «Ил-18». Что-то подобное было и здесь, но — возведенное в степень. И

органы управления напоминали самолетные: тумблеры, переключатели, рычаги, штурвалы... И среди всего этого — висели трусы и портянки на натянутой веревке, валялись в углу пустые бутылки, на затейливом стеклянном столике сохло что-то в неубранных плоских кастрюльках: с такими официанты в поездах ходят по вагонам, разносят борщ и картошку. Два толстых дивана, аккуратно застеленных, стояли рядом.

Морщась, Татьяна пересекла зал и подошла к дышащему кусочку пульта. Горящие ровно и мерцающие лампочки. «Питание». «Настройка грубая». «Настройка точная». «Горизонт». «Склонение...» — какой-то непонятный символ. «Ввод...» — другой и тоже непонятный. Татьяна положила руку на штурвальчик, подержала и убрала.

Непрерывность пульта здесь прерывалась, и открывался невидимый от двери проход к окну. Татьяна постояла, прислушиваясь. Если ее там подкарауливали, то подкарауливали нечеловечески тихо. И все-таки она со всей возможной осторожностью проскользнула через узкое место — и вылетела, присев, готовая к стрельбе, — на свободное.

Никого. Никого живого...

Между пультом и окнами было свободное пространство — метра два. И все оно было заставлено: бумажными домиками, игрушечными елочками, пластилиновыми фигурками... Такой же, как и под едой, стеклянный столик возвышался над этим — почему-то омерзительным — кукольным городом. На столе вокруг вырезанного из дерева члена, торчащего вверх, стояли фигурки зверей: крысы, кошки, собаки... нет, скорее волка... обезьяны, оленя с рогами, оленя без рогов, коня, кабана, барана, быка и льва. Фигурки эти чем-то напоминали шахматные. Еще на столе были оплывшие свечи и прозрачная ваза, полная воды. На поверхности плавали чешуйки воска.

Татьяна шагнула к окну и посмотрела вниз. Мы там были как на ладони...

От окна она город узнала. Это был Ошеров. Уродливый, неправильный, но — Ошеров. Школа, горком... Мишкин дом... Димин дом, архиповский... Она протянула

руку и схватила со столика фигуру льва. У льва было знакомое лицо...

Леонида.

Она, наверное, сказала это вслух, потому что странное эхо вернулось к ней. И тут же что-то произошло с кукольным городом. Текуче-неуловимо он изменялся, будто бы отдаляясь и при этом набирая плоть и вес. Будто бы — готовясь стать настоящим. И — Татьяна напряглась — тихое, на грани слышимости гудение пришло из-под ног. Оно нарастало, вступая в права и вытесняя все прочее: звуки, запахи, свет... И городок ожил под его натиском.

Это было похоже на старинные механические театры. Крошечные фигурки людей сновали по улочкам, гротескно раскланиваясь, неуклюже входили в дома и выходили из домов... и какие-то уродцы, на которых она до сей поры не обращала внимания, сновали меж них, покачиваясь и изгибаясь. Гудение входило в подошвы и текло вверх, засасывая, как ледяная трясина. Что-то творилось с глазами. Лев дрожал в кулаке. Значит, так... значит, мы... Она ударила ногой по столику, и столик, руша все под собой и вокруг себя, беззвучно опрокинулся. Сволочи... Продравшись по ставшему вдруг слишком узким проходу обратно в зал, она замерла перед пультом, лихорадочно разбираясь в его кнопках и рубильниках. Сволочи, сволочи, шептала она, ведь надо же было такое придумать... а мы-то, мы-то...

Рычаг сбоку.

«Сеть».

Тугой. Всем весом...

Звук: бооуууу. Гудение.

Отовсюду.

Замерцали и зажглись лампы под потолком. И один за другим начали оживать пульта.

Будто невидимые руки касались кнопок, щелкали пакетниками, покачивали штурвалы. Вспыхивали целые панели лампочек — разом. Засветились зеленые экранчики.

Людской гул — как на демонстрации — донесся из-за окон. Заглушенный стеклом, он был далек и невнятен, но внушителен.

Татьяна попятилась. Моторный рев вплеся в голоса.

Это было почему-то так невыносимо страшно, что Татьяна закричала. И, чтобы заглушить страх, выстрелила — лопнул круглый экранчик, — потом широким веером послала пули по всей панели приборов, бросила опустевший калаш — и из кургузого автомата стала бить короткими очередями, нащупывая механическое сердце...

Стояли сумерки — то ли позднего вечера, то ли не начавшегося еще утра. Воздух был невыносимо свеж. В просвете облаков, как в колодце, неподвижно стояли огромные звезды. Дима ковырнул носком сапога шуршащие на ступенях листья, сказал:

— Вот и до осени дожили..

После укола морфина речь у него немного плыла.

Луч фонаря доставал лишь до ближайших деревьев. Что делалось за ними — видно не было.

— Пойдемте пока назад, — сказала Татьяна. — Будет утро, тогда...

— Будет день, будет пища, — сказал Пашка. — Еще немного подышим.

— Немного, — согласилась Татьяна.

— Птицы, — сказал Дима.

Все прислушались. Где-то очень далеко разбуженно булькнула ворона — и замолкла.

— Во сне разговаривает, — сказал Пашка.

— Если вороны — значит, жилье, — сказала Татьяна.

— Сейчас они везде, — сказал Пашка. — Это зимой...

— Правда, мальчики, пойдемте, — сказала Татьяна. — А то, если я упаду, вы меня не дотащите, калеки.

КОНЕЦ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стоящие на стенах Вавилона. <i>С. Бережной</i>	5
ЖЕСТЯНОЙ БОР	15
СОЛДАТЫ ВАВИЛОНА	163

Лазарчук А.
Л 17 Опоздавшие к лету: Фантастический роман.
Книга 2 / Ил. Я. Ашмариной. — СПб.: Азбука—
Терра, 1996. — 464 с.: ил.
ISBN 5-7684-0146-6

«Жестяной бор» и «Солдаты Вавилона» — завершающие части блистательной эпопеи «Опоздавшие к лету». В них сводятся воедино все заявленные в предыдущих частях сюжетные линии, обретают завершенность прихотливые узоры сплетений судеб и намерений героев. И все яснее и яснее проступает на фоне ночного неба портрет того, кто наблюдает за игрой меняющихся узоров...

Роман «Солдаты Вавилона» удостоен премии «Бронзовая улитка» как лучший отечественный фантастический роман года.

Литературно-художественное издание

Андрей Лазарчук
ОПОЗДАВШИЕ К ЛЕТУ
Книга 2

Ответственный редактор *Николай Ютанов*
Редактор *Леонид Филиппов*
Художественный редактор *Вячеслав Неклюдов*
Технический редактор *Татьяна Раткевич*
Корректор *Елена Шнитникова*
Верстка *Антон Вальского*

ЛР № 071177 от 05.06.95.

Подписано в печать с оригинал-макета 10.10.96.
Формат 84×108¹/₃₂. Печать высокая. Гарнитура «Балтика».
Тираж 20 000 экз. Усл. печ. л. 24,4. Изд. № 146. Заказ № 128.

Издательство «Азбука». 196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

Отпечатано с оригинал-макета
в ГПП «Печатный Двор» Комитета РФ по печати.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Война и мир —
и война миров.
Люди как душа
войны — и война
в человеческих душах.
Альтернативные
реальности
сталкиваются
в апокалиптическом
катаклизме, и творцы
миров с ужасом
смотрят на то,
во что превращаются
их творения...

